АРТУРО

ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

«Остров Спящей Женщины» — приключенческий роман, многим обязанный Стивенсону и Сальгари. Здесь будут море, война и шпионы, здесь будет дружба, но главное — здесь будут любовь и месть.

ESQUIRE

ОСТРОВ СПЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

В переводе Александра Богдановского

18+

Остров Спящей Женщины
Артуро Перес-Реверте

Аннотация
Артуро Перес-Реверте. Остров Спящей Женщины
Пресса и коллеги об Артуро Пересе-Реверте
Остров Спящей Женщины
1. Черный флаг
2. Шахматы на берегу Эгейского моря
3. Баронесса Кательос
4. Пролив Кафирефс
5. Ленты греческой шляпы
6. Гамбит танкера
7. Братья по морю
8. Дом на Сиросе
9. Сезон охоты
10. Покуда светят звезды
11. Мужские разговоры
12. Троянский конь
13. На именинах у сатаны
14. Говорите мне о любви
Об авторе

Аннотация

Апрель 1937 года. Торговый моряк Мигель Хордан Кириазис, стоически выбрав сторону в испанской гражданской войне, неожиданно для себя получает поразительное задание: во главе разношерстной команды наемников – точнее, пиратов – подрывать советские транспорты, которые через Эгейское море доставляют военные грузы в Испанию республиканцам. Прибыв на базу, расположенную на крошечном острове Спящей Женщины, Хордан сталкивается с его владельцами – бароном Кательосом и его женой Леной, восхитительной зрелой женщиной, которая в холодном отчаянии ищет спасения от своей безвыходной судьбы. А пока на море разворачиваются эпические битвы, а в сердцах бушуют страсти, вдали от острова, в Стамбуле, двое друзей, на гражданской войне оказавшиеся в разных лагерях, разыгрывают свою шахматную партию, которая приближается к кровавому эндшпилю…Артуро Перес-Реверте – бывший военный журналист, прославленный создатель цикла о капитане

Диего Алатристе, обладатель престижнейших литературных наград, автор блестящих исторических, военных, приключенческих и детективных романов, переведенных на сорок языков и разошедшихся общим тиражом больше 27 миллионов экземпляров. Его «Остров Спящей Женщины» – роман о войне, долге, мести и любви. Роман о море, где остается лишь несомненное. Дружба. Верность. Тяжелый труд. Опасность. Любовь в море – зыбкий, неверный мираж. Она существует, но верить ей не стоит.

Впервые на русском!

Артуро Перес-Реверте
Остров Спящей Женщины

Arturo Pérez-Reverte
LA ISLA DE LA MUJER DORMIDA
Copyright © Arturo Pérez-Reverte, 2024
All rights reserved

© Arturo Pérez-Reverte, 2024
© А. С. Богдановский, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги Артуро Переса-Реверте,

опубликованные
Издательством АЗБУКА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА АЛАТРИСТЕ

Капитан Алатристе
Чистая кровь
Испанская ярость
Золото короля
Кавалер в желтом колете
Корсары Леванта
Мост Убийц

ТРИЛОГИЯ «ФАЛЬКО»

Фалько
Ева
Саботаж

Гусар
Учитель фехтования
Фламандская доска
Клуб Дюма, или Тень Ришелье
Тень орла
Территория команчей
Кожа для барабана
Карта небесной сферы, или Тайный меридиан
Королева Юга
Мыс Трафальгар
Баталист
День гнева
Осада, или Шахматы со смертью
Танго старой гвардии
Тень гильотины, или Добрые люди
История Испании
Эль-Сид, или Рыцарь без короля
На линии огня
Итальянец
Революция
Последнее дело Холмса
Остров Спящей Женщины

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

ОСТРОВ СПЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Издательство АЗБУКА
Санкт-Петербург

Пресса и коллеги об Артуро Пересе-Реверте

Артуро Перес-Реверте возвращается с «Островом Спящей Женщины» — приключенческим романом, который многим обязан Стивенсону и Сальгари. Здесь будут море, война и шпионы, здесь будет дружба, но главное — здесь будут любовь и месть.

Esquire

В каждой своей работе Перес-Реверте (есть мнение, что его стиль породил новый жанр, в котором выступать может лишь он один) вводит новые вариации, повышая ставки. Однако ему еще никогда не удавалось так ярко и пронзительно изобразить финал любви, а равно достичь такого блеска… Излюбленные темы Переса-Реверте — моря, порты и битвы, достойные Гомера и Конрада, и он бесстрашно возвращается к ним год за годом. Пока не создает шедевра, который сейчас перед вами.

ABC Cultural

Не очень-то героический герой, потрепанная жизнью женщина, самоубийственная миссия, прекрасные персонажи второго плана — вот из чего построен «Остров Спящей Женщины», приключенческий роман о глубоко человеческих конфликтах. Поразительное обстоятельство роднит между собой и одновременно выделяет все романы Переса-Реверте, а также то, как он подает себя на публике. Чем больше сам он изображает Эррола Флинна, тем удивительнее и трогательнее момент, когда понимаешь, что ценишь его романы за их подспудную тонкость. Чем больше его шуточки напоминают юмор Франсиско де Кеведо, тем отчетливее его персонажи отсылают к Сервантесу. Чем гуще в его романах техническая фактология (как работали радисты в тридцатых, чем итальянская торпеда отличается от немецкой), тем очевиднее, что важнее всего в них нечто невыразимое и глубоко человечное, а меланхолия явно перевешивает торжество. Однако в «Острове Спящей Женщины» этот секрет практически на поверхности. Как в шекспировских трагедиях, здесь в глубинах, казалось бы, жалкой и несуразной человеческой души таится подлинное достоинство.

El Mundo

С первых слов узнаваемый стиль… мастерски выписанные персонажи… прихотливая ткань сюжета, который держит и не отпускает. Персонажи вечно в движении — они преходящи, как корабли, бороздящие воды Эгейского моря. Все мы в этом мире ненадолго, но человек у Переса-Реверте доводит эту мимолетность до предела… «Остров Спящей Женщины» — блаженное, стремительное чтение. Автор ведет нас сквозь сюжет, постепенно накаляя события и отношения, пока они не достигают точки кипения. Если вы любите приключенческие романы, вам нельзя пропустить эту книгу, а если нет, для вас она станет образчиком классического письма. Композиция, язык, темпоритм, нарастающее напряжение и оглушительный финал… Этот роман стоит каждой потраченной минуты.

Literatura y otros demonios

Есть романы, написанные так прекрасно, что мы готовы открыться им целиком, не страшась собственной уязвимости, и «Остров Спящей Женщины» — один из них.

El Universal

Поклонникам Переса-Реверте привалило счастье — вышел новый хит. Приключенческий роман. В чистом виде. Грандиозный эпик. Никаких экспериментов. Высококачественная литература, в которой перемешаны война, страсти, тоска, и все это приправлено фундаментальным вопросом: какова повседневная жизнь, внутренняя история тех, кто наблюдает конец света или, по крайней мере, гибель определенного порядка вещей? Персонажи пытаются жить, затаив дыхание перед моментом, когда обрушится мир.

Córdoba

В «Острове Спящей Женщины» вновь фигурируют ключевые темы Переса-Реверте: приключения, война, верность, любовь. Любовь здесь — декорации, в которых разворачиваются битвы сердца и разума. Перес-Реверте — мастер экшена в духе приключенческих романов XIX века и вплетает вымысел в канву реальных событий или событий, основанных на реальности. Этот писатель неизменно славит радость чтения и помогает нам заново открывать вечные пространства юности, выстроенные на фундаменте подлинной человечности.

WMagazín

«Остров Спящей Женщины» написан человеком, который знает абсолютно все о том, как надо рассказывать истории. Все слова на месте, ни единого диссонанса, ничто не нарушает течения повествования. У Переса-Реверте богатый язык, яркие описания мест, людей, событий, и все это щедро пересыпано информативными диалогами, которые прекрасно дополняют портрет персонажей. Своим мастерством Перес-Реверте умудряется перенести нас в иное пространство и время, и мы видим всю историю своими глазами — и буколические пейзажи, и очарование средиземноморских ночей, и чувственность любовных свиданий. Все, кто мечтает писать книги сам, знают, что для этого очень важно много читать. Так вот, романы Переса-Реверте — обязательное чтение.

En el rincón de una cantina

Несомненно, Артуро Перес-Реверте — один из самых завораживающих авторов современной Испании. Этот рассказчик умудряется снова и снова зачаровывать читателя своими историями, которые он помещает — точнее, укореняет — в многообразных временах и пространствах (знаменитый хронотоп по Бахтину). В результате у него сложилась преданная аудитория, которая почитает его, как кинозвезду. Его проза пленительна, и не поддаться ее обаянию очень сложно. В «Острове Спящей Женщины» он ткет свой гобелен из войны, приключений, невзгод и любви.

El Mostrador

Как во многих романах Артуро Переса-Реверте, лучшее в «Острове Спящей Женщины» — это персонажи, и не только центральный любовный треугольник (Мигель Хордан и супруги Кательос), но и члены экипажа Хордана, а также два друга-шпиона в Стамбуле.

El Búho entre libros

В «Острове Спящей Женщины» замечательно уравновешены приключения, интрига и романтическая линия. Артуро Перес-Реверте погружает нас в самую гущу событий, обнажая ужасы и дилеммы войны и сложность человеческих отношений.

Mundos de Tinta

Мастерство Переса-Реверте восхищает: реалистичная обстановка, живые персонажи и диалоги, ритм повествования, который не сбивается ни на миг, и сюжет, основанный на реальных событиях.

TROA Librerías

Артуро Перес-Реверте вновь преподносит нам увлекательную, глубокую, вдумчиво рассказанную историю… Диалоги зачастую напоминают Хэммета и Чандлера, великих мастеров американского нуара.

El Eco de las Voces

«Остров Спящей Женщины» — настоящая литература, из тех историй, что способны переносить нас в другие миры. Одно из самых сильных достоинств этого романа — то, как здесь раскрываются темы власти, верности и долга. У каждого персонажа свое непростое прошлое, и все они оказываются перед выбором, который определит

их настоящее и будущее. Как далеко способен зайти человек ради своей миссии? Что значат верность и предательство в эпоху, когда человеческая жизнь практически лишилась ценности?

«Остров Спящей Женщины» — оммаж классическим романам, история об этических и личных дилеммах во времена конфликтов. Точный и увлекательный текст Артуро Переса-Реверте погружает нас в обстановку войны и страстей, где каждый персонаж — пешка в сложной игре, и эта игра оказывается гораздо важнее личных устремлений.

Для тех, кто ценит романы, в которых важен не только сюжет, эта работа — блестящий пример того, как литература творит пространства, где гармонично сосуществуют история, любовь и трагедия. Эта книга подталкивает нас глубже исследовать моральные дилеммы в темные времена. Это литературное странствие, которое напоминает нам, как важно осознавать и взвешивать собственные решения и их последствия.

La Verdad Noticias

В этом глубоком и живописном романе будут малоизвестные подробности испанской гражданской войны, горькая история невозможной любви и страшные бездны человеческой души.

La Lectura

«Остров Спящей Женщины» полон бурлящих экшеном пассажей и глубоких моментов. Изобретательная образность оживляет повествование. Напряжение не отпускает ни на миг. Артуро Перес-Реверте умело, технично и прозорливо применяет классические повествовательные методы, проницательно и непредвзято созерцая самые глубины человеческой души.

El Cultural

Мы снова возвращаемся к приключениям, экшену, войне, героям и злодеям. И снова все складывается: безупречный темпоритм, замечательное мастерство в изображении самых ярких деталей и обаятельные персонажи.

The Objective

Жесткая морская история… Роман, в котором на свет извлечено самое важное.

La Región

Многие годы читатель странствует по Территории Реверте, и в этом новом порту его вновь ждут знакомые краски и поразительные сюрпризы.

Zenda libros

И снова персонажи Артуро Переса-Реверте, люди не хорошие и не плохие, бороздят коварные, мутные воды. Перес-Реверте — внимательный к деталям романист, который пишет о двусмысленной зоне между черным и белым. То есть о жизни людей.

20minutos

* * *

Артуро Перес-Реверте вновь меняет регистр. После «Революции» — погружения в Мексику Панчо Вильи — и «Итальянца», действие которого происходит в 1940-е во время Второй мировой войны, он дарит нам новый роман, своевременный, неотразимый, умный и крайне увлекательный. «Последнее дело Холмса» — дань традиционным детективам, а также манифест детективного жанра. На этих страницах читатель с писателем ведут битву умов… Читатель хочет все большего — писатель не разочаровывает. Читатель применяет дедуктивный метод — писатель ведет его за руку или сбивает с пути. В «Последнем деле Холмса» нет ничего предсказуемого.

El Periódico de España о «Последнем деле Холмса»

Идеальная книга, словно вырезанная скальпелем.

ABC о «Последнем деле Холмса»

Для автора, как и для Томаса де Квинси, преступление — одно из изящных искусств. Перес-Реверте развлекается вовсю, и этот роман приносит нам массу радости и наводит на размышления — здесь найдется место и теориям, и игре.

El Mundo о «Последнем деле Холмса»

Перес-Реверте — отчасти Индиана Джонс: его репортажи и анекдоты касаются величайших сюжетов нашей цивилизации, и на них же он строит свои истории, порой вымышленные, но всегда правдивые. «Революция» — повесть о насилии и о том, как насилие проходит сквозь нас, как оно преображает нас, как мы относимся к нему и как оно подталкивает нас к поступкам и решениям. Здесь есть катарсис, но также есть взросление, странствие… в этот захватывающий роман мы погружаемся с головой.

El Quinto Libro о «Революции»

Этот стремительный поток событий, хрупкость жизни отдельного человека в бурные исторические времена — наследие великих западных приключенческих романов, а также военных репортажей самого Переса-Реверте.

El País о «Революции»

Этот роман погружает нас глубоко в сферу приключений, но также и в сферу ценностей, где привычные нам представления о добре и зле бледнеют, а разделяющие их границы размываются. Головокружительная книга.

El Debate о «Революции»

Шпионский сюжет, в котором рокочет гром великих триллеров… средиземноморский герой и меланхолический привкус неизбежной мимолетности времени.

La Razón об «Итальянце»

Любовь и шпионаж. Изумительный роман. Типичный Перес-Реверте, масса наслаждения.

Libros y ya об «Итальянце»

Есть книги, которые служат читателю якорем, брошенным в реальности, и одновременно подталкивают к необычайному, потому что ярче всего подлинная жизнь проявляется в малом.

El Mundo об «Итальянце»

Его проза пронизана трепетом иллюзии. Читая «Итальянца», я вспоминал Грэма Грина, Жоржа Сименона, Джона Конрада, Витторио Де Сику и Роберто Росселлини.

Хосе Луис Гарси, испанский кинематографист, об «Итальянце»

Мы все знаем Артуро Переса-Реверте. Этот человек в выражениях не стесняется — он говорит ясно, за словом в карман не лезет и называет вещи своими именами. Этого человека сложно оскорбить — он сам кого хочешь оскорбит.

«На линии огня» — роман не о борьбе добра со злом, здесь нет героев и злодеев. Более того, едва

начав читать, забываешь, на чьей ты стороне. Здесь все персонажи живые и все очень молоды, просто до неприличия молоды — мужчины, женщины и подростки, ополченцы и легионеры, республиканцы и франкисты.

Это гуманистический роман — и очень жестокий, как и гражданская война, как любая война, в которой проигрывают все, а выигрывают очень немногие. Это ослепительная, зверская книга, выкованная из множества маленьких личных историй, которые переплетаются и складываются в великую катастрофу.

Esquire о «На линии огня»

Сочетая скрупулезность с изобретательностью, самый популярный испанский писатель создал не просто роман о гражданской войне в Испании, но мощный эпик о мужчинах и женщинах на любой войне — историю беспристрастную и завораживающую.

Lecturalia о «На линии огня»

Исчерпывающий роман о гражданской войне в Испании, грандиозный и увлекательный литературный проект — преодолевая время, он погружает нас в реальность истории и, вопреки жестокости сюжета, неодолимо завораживает.

La Vanguardia о «На линии огня»

Этот роман, амбициозный и достоверный, избегает бинарного упрощенчества — это великая книга, призывающая к примирению.

El Cultural о «На линии огня»

Волшебная палочка Переса-Реверте не только умело создает вымышленных персонажей, которые населяют повествование с той же достоверностью, что и настоящие, но и позволяет автору разъяснять самые сложные вопросы простым и понятным языком.

La Gaceta Regional de Salamanca о «На линии огня»

«Фалько», головокружительный, пронзительный, людоедский роман, лишний раз напоминает нам о том, что Перес-Реверте — величайший рассказчик Испании.

La Nueva España о «Фалько»

Идеально выстроенный и подкрепленный историческими исследованиями, «Фалько» воплощает бесчисленные таланты автора… Читатель заворожен до самого конца и постоянно ждет сюрпризов.

The Times Literary Supplement о «Фалько»

Артуро Перес-Реверте умеет создавать завораживающих персонажей: это искушенные, сильные, умные, циничные личности, они играют по своим правилам, обладают чувством чести, умеют читать между строк и к тому же откровенно соблазнительны. В серой зоне, где границы между добром и злом стираются, жить нелегко, и в этом смысле Перес-Реверте просто гений.

Canarias 7 о «Фалько»

Пульс повествования бьется ровно и четко, а удивительные события и ситуации сменяют друг друга так, что голова идет кругом.

El Cultural о «Еве»

История, как обычно у Переса-Реверте, рассказана блестяще… Мало кто из европейских писателей так умеет выстроить в своих романах целостный мир.

ABC Cultural о «Еве»

Артуро Перес-Реверте превращает газетный рассказ или дешевый роман из киоска в шедевр… Взгляд кинообъектива, ритм секундной стрелки и острота клинка.

El Mundo о «Еве»

Перес-Реверте — мастер проникновенных сцен на полпути между страданием, блеском и чистым выживанием, напрочь лишенным эпического оттенка.

La Razón о «Саботаже»

«Танго старой гвардии» — это Джон Ле Карре пополам с Габриэлем Гарсиа Маркесом, увлекательнейший с первой до последней страницы роман, который прямо-таки просится на киноэкраны. Главный герой, Макс Коста, — роль, просто созданная для Кэри Гранта. Меча — скорее Кэтрин Хепбёрн, чем Грейс Келли… Восхитительно построенная история — отчасти детектив, отчасти триллер, отчасти приключения классического толка… Перес-Реверте — прекрасный рассказчик, и «Танго старой гвардии» принесет немало радости всем, кто тоскует по ушедшим изысканным временам, когда люди переодевались к обеду, а в казино пускали только в смокинге.

The Wall Street Journal о «Танго старой гвардии»

Артуро Перес-Реверте, не покидая своего мира, меняет регистр и пишет великолепную историю любви. Но мало того, «Танго старой гвардии» — громадное и тщательно подкрепленное документами историческое полотно, изображающее Европу двадцатых, тридцатых и шестидесятых. Здесь есть любовь, есть глубокие чувства и поразительный, мощно заряженный эротизм. И разумеется, без приключений дело тоже не обойдется.

El País о «Танго старой гвардии»

Сильная сторона «Танго старой гвардии» — исторические детали и роскошные описания экзотических декораций и шикарных суаре в обстановке политического насилия. Движущая сила романа — глубоко несовершенная человечность обоих главных героев, их желания, их неспособность доверять никому, даже друг другу, невзирая на прочнейшую между ними связь… Артуро Перес-Реверте вызывает к жизни романтический дух старого черно-белого кино, невозможно шикарный и неоспоримо печальный.

Kirkus Reviews о «Танго старой гвардии»

Этот элегантный триллер, блистающий остроумными диалогами, горячо рекомендуется всякому читателю, знающему толк в утонченной литературе.

Library Journal о «Танго старой гвардии»

Зрелый, цельный роман, воплотивший наилучшие качества Переса-Реверте: безупречное повествование, в котором напряжение не ослабевает ни на миг; прекрасная, эффектная история, рассказанная роскошной, элегантной прозой. И нет на свете другого писателя, умеющего так задевать читательскую душу.

El Español о «Танго старой гвардии»

«Танго старой гвардии» — восхитительно живая история смутной и страстной любви, предательств и интриг, которая длится четыре десятилетия в мучительном и завораживающем столетии, в сумерках ныне угасшей эпохи.

Todo Literatura о «Танго старой гвардии»

* * *

Волшебство в том, как Артуро Перес-Реверте заставляет читателей вглядываться в глубины повествования, — он распахивает перед нами гобелен, сотканный из исторических фактов и ментальных координат прошлого. Это и вообще сложный трюк, но он граничит с виртуозностью, когда автор вдобавок преподносит нам жизненный и исторический урок под видом приключения, от которого невозможно оторваться.

Zenda

В нынешней испанской литературе едва ли найдется много таких заслуженных рок-звезд, как Артуро Перес-Реверте… Его нынешний творческий взлет потрясает воображение.

La Vanguardia

Артуро Перес-Реверте составляет свои романы, как утонченный и элегантный старый испанский бармен — коктейли.

Minute

Самый совершенный испанский романист нашего времени.

El País

Перес-Реверте изобрел романы и жанры, которых до него в Испании не существовало.

Алексис Громанн, литературовед

Приключения, лихой экшен, интриги… Артуро Перес-Реверте ставит планку очень высоко и всякий раз умудряется не разочаровать.

El Imparcial

Перес-Реверте — писатель, который поистине любит свою работу и бросает читателю вызов на каждой странице.

RTVE

Элегантный стиль повествования сочетается у него с прекрасным владением словом. Перес-Реверте — писатель, у которого поистине следует учиться.

La Stampa

Перес-Реверте обладает дьявольским талантом и виртуозно отточенным мастерством.

Avant-Critique

Все романы Артуро Переса-Реверте взаимосвязаны и складываются в систему, которую классические авторы называли стилем, а современные — миром.

ABC Cultural

Перес-Реверте дарит нам радость от ловкой игры между вымыслом и историей.

The Times

Артуро Перес-Реверте знает, как удержать внимание читателя и заставить его сгорать от нетерпения, пока перелистывается страница.

The New York Times

Читая Переса-Реверте, умудряешься забывать дышать.

Corriere della Sera

Он не просто великолепный рассказчик. Он мастерски владеет разными жанрами.

El Mundo

Есть такой испанский писатель, сочинения которого словно лучшие работы Спилберга, сдобренные толикой Умберто Эко. Его зовут Артуро Перес-Реверте.

La Repubblica

Мало кто из современных авторов умеет так блестяще живописать безрассудную отвагу.

The Christian Science Monitor

Перес-Реверте безупречно внимателен к историческим деталям и тонко понимает людей, человеческую душу, а его персонажи глубоки и многомерны.

The Dallas News

Перес-Реверте — живой классик, которого сравнивают с Александром Дюма и Жюлем Верном. Его мастерство рассказчика неизменно подкрепляется стоическим взглядом на бытие, трагическим смирением перед диктатом природы, торжеством игры и риска, которые и составляют человеческую жизнь.

El Cultural

Женщина, о которой мы говорим, очень типичная женщина и все же одна из таких, кого очень мало на свете. Нельзя сказать, чтобы они были очень редки, но для них мало места.

Джозеф Конрад «На отмелях»[1]

[1] Notes: 1

Перевод С. Вольского. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Остров Спящей Женщины

Из граммофона звучит французская песенка. «Говорите мне о любви, — просит медовый голос Люсьен Буайе. — Говорите мне снова и снова». Горизонтальные лучи закатного солнца, проникая через окно, играют алыми бликами на узорах вытертого ковра, на тусклом мраморе каминной облицовки, на потемневшем от времени лаке висящих по стенам картин, на бесстрастном лице женщины: она курит, раскинувшись на турецком диване. На ней потертые и грязные брюки из белой саржи и тельняшка. Как ни странно, затрапезная одежда не только не лишает ее облик изящества, но, напротив, подчеркивает его. Ей, вероятно, около пятидесяти: она довольно высока ростом; стройна; у нее длинный нос и орехового оттенка глаза; темные волосы, остриженные очень коротко, почти по-мужски, сохранили свой природный цвет, но густо припорошены сединой.

Граммофон смолк. Раздавив окурок сигареты в большой бронзовой пепельнице, отлитой в виде корабля гомеровских времен с резвящимися во-

круг сиренами, женщина снова замирает, покуда прямоугольник света, уменьшаясь, не переползет с ковра на занавески и переплет окна, откуда открывается вид на лиловатую линию горизонта и плавный береговой урез. Тогда ленивым, томным движением женщина протягивает руку и из сумки, лежащей на диване рядом с зажигалкой и пачкой сигарет, достает кожаный бумажник, а из него — фотографию с зубчатыми краями: на каменистом берегу, на фоне судна, полускрытого маскировочной сетью и пришвартованного к причалу из камня, дерева и бетона, стоят несколько мужчин, одетых как греческие моряки или рыбаки, и на первом плане — рослый светловолосый бородач: закатанные рукава рубашки открывают могучие руки, на голове морская фуражка без кокарды и надписей на околыше.

Задержавшись на нем, безразличный взгляд, скользящий по этим фигурам, становится задумчивым. Потом женщина берет зажигалку и, большим пальцем крутанув колесико, подносит огонек к уголку фотографии. Дождавшись, когда снимок полностью догорит в пепельнице, снова растягивается на диване в тот самый миг, когда в комнату входит лысоватый темноусый человек в мятом коричневом костюме.

— Опаздываете, — мрачно произносит она. — Вечно опаздываете, черт бы вас взял.

— У меня были другие пациенты.

— Никто из них не платит вам столько, сколько плачу я.

Пожав плечами, вошедший привычными движениями открывает саквояж и достает оттуда металлическую коробку со шприцами и пузырек со спиртом, две иглы для подкожных инъекций, стерилизует шприц. Все это он проделывает, стоя спиной к женщине, а та обнажает левую руку, покрытую следами предыдущих уколов.

– *Ένι πόντο ολέτο,* — бормочет женщина. — Пропал в море.

— Кто пропал? — рассеянно, явно не ожидая ответа, спрашивает гость.

— Не все ли равно кто… Не тяните.

Вслед за тем она склоняет голову на подушку, закрывает глаза и ждет, когда очередная доза дарует забвенье.

1. Черный флаг

В море есть такое, что сто́ит увидеть лишь однажды, а ему между тем случалось видеть не раз. И оттого он обрел спокойную покорность судьбе, взрастил в себе профессиональный фатализм, который удивительно соответствовал его внешнему облику — скорее балтийскому, нежели средиземноморскому. Ему только что исполнилось тридцать четыре года: он был высок ростом, крепок телом, с золотистой шевелюрой и бородой, с голубыми, обманчиво простодушными глазами, с улыбчивым лицом, которое внезапно становилось серьезным, когда он подолгу вглядывался в собеседника, словно удивляясь то ли сию минуту услышанному, то ли нежданно пришедшей мысли. Звали его Мигель Хордан, а фамилию Кириазис он получил от матери-гречанки; нанявшись на судно простым матросом, а потом окончив мореходное училище, два десятка лет плавал под разными флагами между Европой, Америкой, Африкой и Ближним Востоком. В его аттестате значились служба на семи судах, одно кораблекрушение в Бискайском заливе —

смещение груза в трюме, девять выживших и одиннадцать пропавших без вести — и должность штурмана торгового флота.

В последнее время жизнь его изменилась. События 18 июля[2] застали его на борту танкера компании «Кампса», стоявшего у стенки в Эль-Ферроле; после мобилизации и ускоренного курса переподготовки в Военно-морской академии Мигель превратился в лейтенанта флота, именовавшегося «национальным». Спустя четыре недели, пройдя специальное обучение на торпедных катерах в германском городе Киле, получил очередное звание, однако нашить на рукава новые галуны не успел. В вещевом мешке, с которым в середине марта 1937 года он сошел по сходням парохода «Альба Адриатика», бросившего якорь в порту Бейрута, не было ничего, что указывало бы на принадлежность Мигеля Хордана к военно-морскому флоту Испании. В кармане пиджака лежал британский паспорт, выданный в Гибралтаре на имя Мигеля Тозера. А в мешке — запрятанный под белье револьвер «Уэбли» 38-го калибра с пятидюймовым стволом.

Ожидавший его человек стоял там, где и дол-

---

[2] Notes: 2

17–18 июля 1936 года в Испании была совершена попытка государственного переворота, приведшая позже к гражданской войне.

жен был стоять. И оказался из разряда тех, кто умеет оставаться незаметным, пока не понадобится, — серый костюм, серая шляпа, серое лицо. Идеально, чтобы затеряться в толпе. Однако Хордан должен был, напротив, найти его. Восемь дней назад, когда он сел на корабль в Кадисе, ему сказали, что у того, кто встретит его у входа в таможню, в одном кармане будет сложенный вдоль экземпляр газеты «Л'Орьян», в другом — «Ле Жур». Как его зовут, совершенно не важно.

— Добро пожаловать в Ливан.

— Благодарю вас.

— Устали с дороги?

— Нет.

— Ну и прекрасно.

Ни улыбок, ни рукопожатия. Серый человек подхватил вещевой мешок Хордана и сам поставил его перед таможенником, который ограничился тем, что мелом пометил брезент. Не произнося ни слова, они плечом к плечу вышли на площадь, где стояли экипажи, и уселись в первый. Договорившись о цене, кучер взмахнул кнутом, распугав мух, и мелкой рысью пустил лошадь к выезду из порта, а потом в западную часть города.

— Я заказал вам номер в «Норманди». Вы знаете

Бейрут?

— Только порт и его окрестности. Два раза по несколько суток отстаивались здесь: давно было дело.

— Вы и сейчас здесь ненадолго. — Серый человек достал из жилетного кармана часы. — Когда устроитесь, можем, если хотите, выпить аперитив на террасе курзала — это поблизости. Это тот самый, из «Владелицы ливанского замка»[3]… Вы читали этот роман?

Хордан не знал, о чем идет речь: он вообще читал мало, если не считать технические руководства и морские лоции. Рассеянно огляделся: справа — море, слева — лиловатые горы, нависающие над охристыми домами и красными крышами. Показал на свой старый пиджак и фланелевые брюки, измявшиеся в пути.

— Не уверен, что в таком виде можно…

— Пустяки. Публика там самая пестрая: и французские офицеры, и моряки, и местные… В это время не протолкнуться, и обстановка самая непринужденная. Внимания не привлечем. Да-

[3] Notes: 3

«Владелица ливанского замка» («La Châtelaine du Liban», 1924) — роман популярного в первой половине XX века французского писателя Пьера Бенуа. Сюжет разворачивается главным образом в Бейруте и полон экзотики и страстей.

же несмотря на ваш рост. — С нескрываемым интересом серый человек проскользил взглядом сверху донизу. — Сколько в вас?

В светло-русых зарослях усов и бороды неожиданно и тепло блеснула ярко-белая полоска: Хордан улыбнулся. Улыбка, искренняя и простодушная, очень шла ему, совершая стремительный переход от сдержанно-опасливой повадки моряка к доверчивой грубоватой непосредственности. Почти как у подростка.

— Метр восемьдесят девять.

— Гм, недурно.

— Полагаете, можно будет говорить свободно, когда вокруг толчется столько народу?

— Друг мой, это же Восток, — отмахнулся серый человек. — Я больше доверяю террасе кафе, где все без стеснения сговариваются, торгуются и судачат, чем номеру в отеле, где никогда не знаешь, кто стоит за дверью.

Отель «Норманди», новый и комфортабельный, выходил на проспект Французов и на море. Умывшись и поменяв воротничок сорочки, Хордан разложил свой скудный багаж, спрятал кое-какие документы под шкаф, а револьвер под матрас. Минут пять наблюдал из окна за улицей, а потом направился на террасу гудевшего, как улей,

кафе под полотняным навесом, который умерял слепящий полуденный свет. Официанты и чистильщики ботинок сновали по центральному проходу среди мужчин в фесках и при галстуках, женщин, одетых по-европейски, бейрутских чиновников и офицеров в форме. Серый человек ждал его, сидя в глубине зала, рядом с решеткой, отделявшей террасу от Военного клуба, — не слишком далеко и не очень близко от прочих столиков. Было очевидно, что выбирать подходящее место для беседы он умеет.

— Я заказал арак… Годится?

— Да.

— Чудесно.

В ожидании официанта он сразу же заговорил о деле. Хордану предстоит завтра же на маленьком кипрском «купце» под названием «Акамас» отправиться в Пирей, до которого он не доберется, потому что на полпути, неподалеку от Милоса, северней Крита, предусмотрена пересадка на другое судно.

— Вас заберет оттуда греческая рыболовная шхуна. — При этих словах серый человек понизил голос. — До места назначения ночь пути, более или менее… — И многозначительно помолчал. — Остров этот вы знаете.

Хордан пожал плечами, такими же широкими и крепкими, как руки:

— Никогда не бывал.

— Но, полагаю, изучали его.

Испанец молча кивнул. Разумеется, он изучал его по картам британского Адмиралтейства: остров под названием Гинайка Коимисмени в западной части Кикладского архипелага, к западу от Андроса и Тиноса. Обычный маршрут торговых судов, которые, выйдя из советских портов и пройдя Дарданеллы, идут на юго-запад с грузом оружия для Республики.

— А команда? — спросил он.

Собеседник ответил не сразу. Подоспевший официант поставил на стол полбутылки арака, графин с водой и другой со льдом, два стакана. Когда же он удалился, серый человек протянул руку и аккуратно смешал в стакане арак и воду из расчета один к трем, отчего жидкость сделалась молочно-белой. Потом бросил туда лед, от которого запотели стенки стакана.

— Часть экипажа уже на острове, куда их несколько дней назад должно было доставить главное судно. Четверо остальных присоединятся к вам здесь, и вы отправитесь вместе.

— Откуда они родом? — осведомился Хордан.

— Как и предполагалось, двое ливанцы, радист — англичанин, а торпедист — голландец. — Серый человек с явным удовольствием сделал глоток. — Остальные — четверо греков и албанец… Люди жесткие, видавшие виды, привыкшие быть с законом не в ладах, так что вам придется держать их в руках. Установить дисциплину и всякое такое…

— Я другого и не ждал.

— И они пока не знают цели этого предприятия.

— В свое время узнают.

Серый человек как будто задумался.

— Кроме того, — сказал он вдруг, — не все они одинаково надежны.

— То есть?

— Вы сами понимаете… Движимы не патриотизмом. И потом, этот радист…

— Что с ним не так?

— Нет-нет, не беспокойтесь, ничего серьезного. Отлично знает свое дело, ну или, по крайней мере, это единственный специалист, которого нам удалось найти здесь. Во время Великой войны служил на *Royal Navy*[4], но…

---

[4] Notes: 4
Военно-морские силы Великобритании *(англ.)*.

— Но — что?

— По достоверным сведениям, сильно пьет. Или, во всяком случае, пил.

Хордан нахмурился:

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. По этой причине ему пришлось распрощаться с военным флотом, а вернее, флоту — с ним. Ходил на торговых судах, потом работал на сирийской железной дороге, пока не оказался здесь.

— Заменить его некем?

— К сожалению, я узнал об этом его грехе слишком поздно. — Серый человек понизил голос почти до шепота. — А связь в этом деле играет огромную роль, потому что…

Он осекся, откинулся на спинку стула и сделал еще глоток. Хордан задумчиво кивнул:

— Хотелось бы взглянуть на него.

— Прощупать? Дело сто́ящее. Он милейший человек. Что называется, славный малый. Если бы не тяга к спиртному, был бы просто безупречен.

— Как его имя?

— Бомонт. Но все зовут его просто Бобби, хотя ему уже за пятьдесят.

— Можно будет повидаться с ним до отплытия?

— С ним одним или с тремя остальными тоже?

— Воспользуюсь случаем взглянуть на всех четверых.

— Я это устрою, но советую вам для этого свидания выбрать местечко поскромнее. — Серый человек взглянул на запад и показал куда-то в ту сторону. — Между кафе «Ориент» и Американским университетом есть кафешка под названием «Эль-Чакиф»: ее хозяину можно доверять.

— В какой мере?

— С учетом того, что мы с вами находимся на Ближнем Востоке, — в известной.

Издали долетел грохот, приглушенный высокими зданиями. Голуби закружились в воздухе между пальмами, тянувшимися вдоль проспекта; серый человек достал из кармана часы и взглянул на циферблат:

— Как сказал поэт, «веселый рев полдневной пушки».

Хордан осторожно пригубил и отставил стакан: напиток показался ему слишком сладким и жгучим. Он был довольно равнодушен к спиртному, а если изредка и пил, то лишь с намерением взбодриться, в подобных случаях предпочитая залпом опрокинуть рюмку такого, что оказывает

немедленное действие.

— Что еще мне следует знать?

— В отеле вас ждет справка об экипаже, а завтра на судне найдете у себя в каюте запечатанный пакет с дополнительными сведениями — там секретные коды, технические руководства, лоция с проложенным курсом, карты Эгейского моря. Еще информация о владельце острова, бароне Кательосе. — Он снова глянул на часы и неопределенно скривил губы. — Полагаю, вы про него слышали.

— Кое-что.

— Рано или поздно узнаете побольше, потому что он там живет. Экстравагантный господин. Из старой греческой аристократии.

— Не бывает греческих аристократов.

— В самом деле? — удивленно заморгал серый человек. — Ему интересно будет это узнать… Он тем не менее барон. Впрочем, важно лишь, что симпатизирует националистам и предоставил им свой остров.

Хордан кивнул, мимоходом задавшись вопросом: кому бы симпатизировал его собеседник, получай он деньги от других? Потом вновь задумался об острове. Благодаря мореходным картам он отчетливо помнил его конфигурацию — в

форме рыбы с вогнутым с восточной стороны хвостом, с укромной якорной стоянкой: от двух до пяти метров глубины, дно частью песчаное, частью каменистое, защищен от всех ветров за исключением тех, что дуют из второго квадранта, то есть под углом от 90 до 180 градусов.

Теперь серый человек смотрел на него с новым интересом.

— Расспрашивать мне не положено, да это было бы не к месту и не ко времени, но все же очень любопытно… — отважился он. — Вы в самом деле говорите по-гречески так свободно, как мне сказали?

— Не знаю, что вам сказали. По-гречески я говорю с детства.

Его собеседник поднял брови:

— В самом деле? Неожиданно для испанца и тем более для человека с вашей внешностью. Я даже предполагаю, из-за нее вас и отобрали. Никому ведь и в голову не…

— Часть моей семьи из Каламаты, — прервал его Хордан.

— А-а, теперь понимаю.

Спустя пять часов он, окутанный золотистым светом сумерек, шел по улице. За городом темнели синевой далекие склоны горы Саннин,

поверхность моря покрывали глубокие лиловатые борозды, а на западе, за одиноким минаретом, разрывал тьму маяк Рас-Бейрута. Время от времени Хордан останавливался, как бы любуясь пейзажем, а на самом деле незаметно оглядывался по сторонам. Вроде бы никто не шел следом, но это было плохим утешением, потому что ему в таких делах недоставало опыта. По возвращении из Киля его всего лишь неделю обучали азам безопасности и умению выживать «на берегу». Потому что опасности, подстерегавшие в море, были предсказуемы: все, что могло случиться, включая даже самое страшное, уже случалось с ним самим или с другими и содержалось в объемистой энциклопедии, собранной за столетия штормов и кораблекрушений. И потому Хордан, как и всякий моряк, привыкший к своей моряцкой доле, предпочитал рискованную определенность морской стихии непредсказуемым и неведомым опасностям твердой земли.

— Ступайте прямо в «Эль-Чакиф», — напутствовал его серый человек. — И входите, никого не спрашивая: вас ждут.

Заведение стояло на деревянных сваях у самого берега. Оттуда открывался вид на проспект над стеной: среди скал, выступавших из тихой воды,

покачивались на якорях рыбачьи баркасы, а вдалеке, на мысу, погруженном в море, которое с каждой минутой темнело все сильнее, зажигались первые огни прибрежных отелей и кафе. Пахло водорослями и влажной тиной.

В глубине, в отдельной комнате с дощатым полом и окнами, покрытыми налетом соли, сидели четверо. При виде Хордана они поднялись, и это ему понравилось. С самого начала устанавливались некие правила. Правила, полезные для того дела, которое они готовились затеять.

— Садитесь.

Они повиновались, а он остался стоять, заложив руки за спину и всем видом своим выражая самую что ни на есть непреклонную властность. Меркнущего света с улицы хватало, чтобы внимательно их разглядеть. Двое — явные европейцы: наверняка торпедист и радист. Двое других, с изжелта-смуглыми лицами, обтрепанные, с ножами, явственно оттопыривавшими брючные карманы, относились к тем, кого житейский отлив в изобилии оставляет в портах Средиземноморья. Хордан мигом определил их, благо служба на торговом флоте близко познакомила его с этим разрядом людей. Эти четверо были такими, каких он ожидал увидеть, полагая, что и все про-

чее будет скроено по тому же фасону. Никто и не рассчитывает, что рядом с ними в безопасности пребудут женская честь, чужие деньги или какой угодно вид частной собственности, — ну так ведь к востоку от Мальты это общее явление. А вот когда поднимутся на борт да выйдут в море, будет видно, кто чего стоит — или не стоит ничего. Тем паче, что не он их отбирал: все было спланировано и подготовлено за него — и время, и задача, и корабль, и команда.

— В конце концов, — сказал ему на прощанье капитан первого ранга Навиа-Осорио при расставании в Кадисе, — на афганского медведя ходят с афганскими борзыми. Слышал такое? Это сказал Киплинг или кто-то в этом роде.

Сам Хордан тоже не любил длинные речи, как не любил и ломать голову над смыслом их. И не строил иллюзий по поводу того, что побудило и этих людей, и тех, кто ожидал на Кикладах, согласиться на предложенную им работу, о которой они понятия не имели за исключением одной — но решающей! — подробности: им выплатят подъемные, и каждые две недели на их счета в афинском отделении «Банка коммерциале итальяна» будет переводиться жалованье в американских долларах. Все это было уже реше-

но, подготовлено и приведено в движение, так что на долю Хордана выпало заниматься лишь оперативной стороной предприятия.

— Какое-то время вы будете подчиняться моим приказам. — Говорил он медленно и спокойно, как, впрочем, и всегда. — Более полные и точные представления о предстоящей работе будете получать всякий раз, как я сочту это нужным… Сейчас вам достаточно знать, что мы обоснуемся на некоем острове, откуда будем совершать рейды. Довольно рискованные рейды.

Он сделал рассчитанную паузу, давая оценить последние два слова, однако никто не возразил. Было очевидно, что иного они и не ждали. И ввязались в это предприятие не вслепую и не наобум.

— Под каким флагом будем плавать?

Тот, кто поднял руку, задавая этот вопрос, был почти альбиносом: грубоватое лицо покрыто по скулам и на лбу красными пятнами. Поношенный морской бушлат, рабочие штаны, парусиновые башмаки.

— Фамилия? — спросил Хордан.

— Зингер.

— Вы голландец? Торпедист?

— Да.

Хордан знал данные этого человека — ознакомился с ними еще в отеле: Ян Зингер, тридцать один год, профессиональный водолаз, бывший старшина, имеет опыт подводной стрельбы. Одиннадцать месяцев назад дезертировал с нидерландского крейсера «Де Рёйтер».

— Мы не входим в состав каких бы то ни было военно-морских сил, однако вы должны соблюдать строжайшую флотскую дисциплину. Наверху решили, что я буду вашим начальником, и потому все мои приказы должны выполняться беспрекословно. Еще есть вопросы?

Моряки переглянулись. Потом поднял руку курчавый парень лет двадцати с небольшим — один из ливанцев, похожих друг на друга, как родные братья.

— Имя? — спросил Хордан.

— Фарид Мароун, — ответил тот и не глядя показал на другого: — А это мой двоюродный брат Сами.

— Что хотел спросить?

Ливанец улыбнулся, но одними губами. У него были живые глаза и опасная улыбка.

— А можно узнать, на кого мы будем работать?

Лицо Хордана стало жестче:

— На меня.

— Ну да, это ясно. Вопрос в том, кем вас считать. Как к вам обращаться?

— Можете называть меня «капитан», или «командир», или просто «сеньор», кому как нравится. И давайте с самого начала проясним: любое неповиновение, любая бесцеремонность или нарушение субординации повлечет за собой санкции.

— Какого рода? Штрафовать будете? — скривил губы ливанец.

— Разумеется.

— А еще и физическое воздействие, если придется?

Хордан не ответил на это или ответил не впрямую:

— У тех, кто вас нанял, есть возможности и средства устранить любое нарушение или невыполнение контракта.

Братья быстро переглянулись.

— Речь о ком-то могущественном, а?

— Вполне, — подтвердил Хордан.

Наступившее молчание нарушил торпедист Зингер:

— Это предупреждение, что ли?

— Ну разумеется. Оно самое. — Хордан оглядел их всех поочередно. — А вы что думали, когда

вербовались?

— Мы считали, что речь идет о контрабанде.

— Ну, значит, просчитались.

Четверо переглянулись, осмысляя услышанное. Один из них молчал во все время разговора — английский радист по имени Бобби Бомонт ростом был почти с Хордана, однако тщедушен и неладно сложен: у него были несоразмерно длинные ноги. Впалые щеки, зеленовато-синие глаза, влажно поблескивавшие за стеклами роговых очков. Ему следовало бы подстричься и побриться: четырехдневная щетина терлась о воротник форменной рубашки цвета хаки, которую он носил навыпуск, не заправляя в заштопанные на коленях брюки. На ногах сандалии, на левой кисти поблекшая от времени незатейливая татуировка. Непрезентабельность всего облика странно сочеталась с некой элегантностью повадки. Он сидел на стуле, вплотную придвинутом к окну, и в продолжение разговора выкурил подряд уже две сигареты, прикуривая одну от другой. Но вот он заговорил — глуховатым голосом и ни к кому не обращаясь, а словно бы размышляя вслух:

— Стало быть, под черным флагом.

Все уставились на него с любопытством. А он пожал плечами и поднял на Хордана глаза, гото-

вые, казалось, вот-вот пролиться слезами. В их до крайности необычном, приглушенном блеске таилась какая-то усталая насмешка.

— Насколько я понимаю, идем на промысел, — добавил он так спокойно, словно это умозаключение ничего решительно не изменило. — Становимся корсарами Эгейского моря?

— Пиратами, — без заминки уточнил Хордан. — Никакая держава нас не прикроет.

В отель он возвращался вдоль берега. Солнце, подобно раскаленному диску на широком красном треугольнике, уже час садилось рядом с маяком, однако оставляло светящийся след, позволявший разглядеть темные силуэты зданий, где внизу — там, где на первых этажах были еще открыты лавки, — мерцали слабые огоньки керосиновых ламп.

Хордан ощущал известную растерянность, и это было вполне естественно. Ему приходилось командовать людьми в ситуациях, которые море делало критическими, заставлять их бороться за жизнь в беспощадной черно-белой схватке со стихиями, но на войне — никогда. Его боевой опыт был скуден и сводился к единственной стычке на причалах Эль-Ферроля в 1936 году и к последующему обучению в Киле. Теперь его

посылали в Восточное Средиземноморье, причем никто не соизволил узнать, как он сам к этому относится: приказы не обсуждают, а выполняют. И ему оставалось лишь спрашивать себя, окажется ли он на высоте, когда дойдет до дела.

По пути он почти никого не встретил: мимо прошли порознь лишь двое прохожих, а у балюстрады покуривали, переговариваясь по-арабски, четверо парней. Внезапно, ревя и рыча, появился и промчался мимо автомобиль, на миг осветив Хордана, и тот воспользовался этим, чтобы настороженно оглянуться. И замер на месте, заметив шагах в пятнадцати-двадцати этого самого Бомонта, который шел следом, нагоняя его. Или ему так показалось.

Хордан стоял неподвижно, дожидаясь, когда тот приблизится. Англичанин, шагая неторопливо и непринужденно, наконец поравнялся с ним. Сумеречный свет почти совсем померк, но еще можно было рассмотреть сухопарую угловатую фигуру.

— Что вы тут делаете? — резко спросил Хордан.

— Я, мой мальчик, в отель свой иду. Он в порту.

Хордана сбил с толку его тон — фамильярный,

покровительственно-приветливый, почти ласковый. Так учитель обращается к ученику.

— А ваши товарищи?

— Ну-у, рановато их называть так, вы не находите? Я ведь только что с ними познакомился… — Паузу заполнил усталый вздох. — Они остались в кофейне крепить узы товарищества — ну, знаете, горсточка счастливцев, братьев… День святого Криспина и всякое такое…[5] — Он снова помолчал в раздумье. — Богатство отчизны, какой она ни будь, воздаст нам за наши труды… Улавливаете?

Хордан понятия не имел, что за чушь несет этот англичанин. Но, заинтересовавшись, продолжал вглядываться в него, насколько это можно было в полутьме. И не успел еще ответить, как тот заговорил снова:

— Как я уже сказал, мой мальчик, иду в отель. Ничего, что я присоединился? В это время суток Бейрут не самое безопасное место на свете.

Хордан вздохнул, преодолевая неловкость:

— Послушайте, Бомонт…

— Все зовут меня Бобби.

---

[5] Notes: 5

Парафраз цитаты из речи короля Генриха на День святого Криспина (Криспиана) из хроники Уильяма Шекспира «Генрих V»; здесь и далее хроника цитируется в перев. Е. Бируковой.

— Я предпочитаю обращаться к вам так.

— Как угодно, — смиряясь, буркнул радист. — Вы тут главный.

— Именно это я и хотел вам напомнить. Так что оставьте «мальчика» до лучших времен, когда сойдемся поближе, узнаем друг друга получше. А это произойдет не сразу и не скоро.

— Ну да, понял… — с запинкой ответил Бомонт. — Вы…

— Я уже сказал минуту назад: я тут главный.

— Само собой. Сперва припугнуть, потом добиться послушания. Ясное дело: дисциплина — первое дело. И все прочее.

Его тон, теперь ставший почтительно-понимающим, продолжал раздражать Хордана.

— Именно так, — буркнул он. — И все прочее.

— Виноват, сэр… Кхм… Э-э… командир.

— На берегу так ко мне не обращайтесь.

— Прошу извинить.

Они шли вдоль балюстрады, отделявшей проспект от моря. Шли молча, а за спиной у них угасал последний свет. Во рту Бомонта время от времени оживал, отражаясь в стеклах очков, красный уголек очередной сигареты.

— Вы недавно это все изложили, — произнес он наконец. — Точно следовать инструкциям и

ничего больше, ни в коем случае не оставлять компрометирующих следов… и так далее. Но мы так и не знаем, по какому случаю собралось столь изысканное общество.

— Вы знаете то, что вам положено знать. Пока. Все остальное — в свое время.

— Ну, очевидно, что речь идет о разрыве каких-то морских коммуникаций. Радист, ливанские артиллеристы, голландский торпедист… Да пусть меня вздернут на рею, если это не секретная военная операция.

По его манере говорить — спокойно, с намеками, отсылками и оборотами, недоступными узнаванию Хордана, — было понятно, что он человек образованный. Хордан, однако, перестал злиться. Бобби Бомонт в самом деле производил приятное впечатление. По крайней мере, когда не мог дотянуться до бутылки.

— Крупное судно? — спросил радист.

Хордан сделал несколько шагов, молча прикидывая, насколько уместен был заданный вопрос. И наконец решился:

— Не очень. Но достаточно.

— Парусная шхуна, или моторная яхта, или что-то в этом роде?

— Примерно.

— И экипаж, стало быть, набрали, чтобы плавать в водах Леванта… Вести скрытные боевые действия. А это точно не контрабанда?

Хордан не ответил. Англичанин остановился, не выбросил, а выпустил окурок из пальцев и стоял над ним молча и неподвижно, покуда тот не погас.

— Насколько мне известно, — продолжал он, — война сейчас только одна: в Испании. И маршрут, имеющий к ней наибольшее отношение, пролегает в наше Средиземноморье из Черного моря… Я верно рассуждаю?

Хордан взглянул налево, где море уже слилось с темным небом. Неподалеку от берега медленно двигались к западу огни крупного корабля. Несомненно, это была «Альба Адриатика», которая в это время всегда брала курс на Александрию.

— Почитав газеты, — сказал Бомонт, — я понял, что занимаются этим, с одной стороны, германские корабли и итальянские субмарины, то есть союзники Франко. А с другой — русские.

— Знаете, Бомонт, что я вам скажу? — Хордан резко повернулся к нему. — Вы чересчур много говорите.

— Да, я знаю… Это мой главный недостаток. Но вы не беспокойтесь: в случае надобности я умею

держать язык за зубами.

— Сейчас тот самый случай.

— Есть, ясно! Повинуюсь, покоряюсь, умолкаю. Простите еще раз. Все выяснится, не правда ли? Под божьим солнцем и в свой срок.

Двинулись дальше. Красноречие собеседника почти обезоружило Хордана. Он едва ли не пожалел, что был резок с ним.

— Мне вас хвалили как отличного радиста.

— Да неплохой, скажу без ложной скромности. Опыт немалый.

— Насколько я понял, служили на британском флоте?

— Ох, служил, служил. Что было, то было… — оживился англичанин. — Та война велась на старинный лад, обдуманно и благопристойно, поймите меня правильно… Я был вторым радистом на «Саутгемптоне», в Ютландии. Двадцать один год назад. И все еще…

— Говорят, вы много пьете, — прервал его Хордан.

— Ух ты… Неужели так и сказали?

Он произнес эту фразу задумчиво и почти страдальчески, а потом надолго замолчал. Потом заговорил снова:

— Видите ли, мой маль… — И осекся. — Прости-

те, сэр. Вот уже четыре месяца у меня капли во рту не было.

Хордан остановился, тем самым задержав и радиста. Два темных силуэта застыли друг напротив друга. Зря, подумал Хордан, зря я затеял этот разговор.

— Не потерплю распущенности, уясните это себе! — сухо проговорил он. — Ни от кого. Слишком многое поставлено на карту, и дело нам поручено очень важное.

— Разумеется… Я понимаю. И заверяю вас, что…

— Первый ваш промах станет последним. И единственным. Я позабочусь об этом.

Последовало продолжительное и неловкое молчание. Когда же Бомонт вновь заговорил, в его голосе зазвучали виноватые нотки:

— Вы ведь военный моряк? Верно? Узнаю манеру. А еще и испанец вдобавок. Я только не знаю, кому служите — франкистам или республиканцам.

— У вас есть предпочтения? — резко ответил Хордан. — Один из вариантов вас может не устроить?

— У меня? Ни малейших. — Англичанин снова закурил. — Рехнувшийся мир, безумные вла-

стители, сумасшедшие союзы… — Прежде чем погаснуть, огонек спички высветил костлявое небритое лицо, глаза, уставившиеся в никуда. — Впрочем, издали Республика мне как-то милее. Однако, как известно, *pecunia non olet*. Деньги, мой дорогой, не пахнут. О, простите, я хотел сказать — «сэр».

Переборки и деревянный настил пола чуть подрагивали от работающей машины. Солнечный луч, скользнув в каюту через иллюминатор, касался плеча Хордана и двигался вверх-вниз от качки, то освещая, то оставляя в темноте документы, которые он читал, и морские карты, которые он изучал. Ему тщательно приготовили все, что нужно было знать. Капитан первого ранга Навиа-Осорио, организатор этой экспедиции, был дотошным начальником и человеком слова. Прощаясь, он пообещал, что все материалы будут ждать Хордана на борту «Акамаса», когда кипрское судно бросит якорь в порту Бейрута.

— Не надо вам таскать с собой такой компромат. У вас будет время ознакомиться со всем.

Луис Навиа-Осорио, уцелевший после расправы над старшинами и офицерами, прокатившейся по республиканскому флоту в июле и августе прошлого года, ныне успешно и прозорливо ру-

ководил оперативным управлением Главного морского штаба, который возглавлял вице-адмирал Сервера. В его присутствии в кают-компании крейсера «Канариас», стоявшего у стенки в Кадисе, и произошел решающий разговор вскоре после того, как Хордан вернулся из Германии. Там ему сообщили, что пора приступать к безотлагательному выполнению плана, благо его разработали на самом высоком уровне. И даже не позволили повидаться с женой и сыном, жившими в Ферроле.

— Транспорты, — объяснял тогда Навиа-Осорио, — продолжают выходить из Черного моря и, пройдя Мраморное море, Дарданеллы и греческий архипелаг, пересекают Средиземное море и берут курс на испанские порты, находящиеся под контролем красных. И республиканские, и русские «купцы» — законные цели, и мы уже потопили или захватили несколько единиц: спасибо итальянским и германским субмаринам и надводным кораблям и нашим вспомогательным крейсерам, которые каперствуют в Сицилийском проливе…

— Однако все это в прошлом, — добавил вице-адмирал, сидевший на диване между портретом генерала Франко, вделанными в переборку

часами и образом Пречистой Девы дель Кармен. — Миновали *happy times*[6].

Сервере, седоголовому старику лет семидесяти с неспешно-размеренными движениями, темно-синяя форменная тужурка с золотыми пуговицами и широкими галунами на рукавах придавала еще более импозантный вид. Поднятый против Республики мятеж, заставший этого уважаемого на флоте моряка в вынужденной отставке, побудил его немедленно предоставить себя в распоряжение франкистов.

— Этого мы и опасаемся, — подтвердил Навиа-Осорио. — Англия и Франция планируют запретить боевые действия за пределами наших территориальных вод, ограничить нас пределами Балеарского и Альборанского морей, не давая нашим союзникам вмешиваться, а нам — патрулировать вне этих зон. Лига Наций созывает конференцию, чтобы достичь соглашения, которое приведет к тому, что и русские транспорты, и республиканский флот будут действовать безнаказанно. Кроме того, суда других стран, снабжающих красных, маскируются и ходят под британским флагом… В итоге нам все трудней

---

[6] Notes: 6
Счастливые времена *(англ.)*.

ущучивать их…

— Законными методами, — уточнил вице-адмирал.

— Именно! Законными методами. Но мы должны выдерживать этот напор. Атаковать их суда, когда они лишены прикрытия красного флота, который ждет на траверзе мыса Бон и сопровождает вдоль побережья Северной Африки. Задача в том, чтобы нанести удар, прежде чем они дойдут туда, и тут сам бог велел действовать в Эгейском море. Отличное место для охоты, хотя теперь они маскируются под нейтральные суда — ставят муляжи труб, меняют профиль с помощью расписного брезента, поднимают другие флаги.

После этих слов оба помолчали, давая Хордану самому додуматься до невысказанного. А он не без растерянности уставился на вделанный в переборку круглый корпус часов, чье тиканье словно бы подчеркивало напряженную тишину.

— Виноват, — наконец выговорил он. — Я не понимаю, какая роль отводится мне… Что я должен буду делать?

— Как ваши курсы в Киле? — осведомился Сервера.

Хордан заморгал:

— Очень познавательны.

– *Kameraden*[7] были с вами любезны?

— Не то слово.

— И как, по-вашему, вы вполне освоили торпедные аппараты?

— Надеюсь, господин вице-адмирал. Я старался как мог.

Начальник Главного морского штаба обернулся к Навиа-Осорио, давая ему высказаться. Германия, объяснил тот, в официальном порядке и в качестве военной помощи передала нашему флоту две боевые единицы, которые под названиями «Рекете» и «Фаланга» действуют у Балеарских островов и в Проливе[8]. Ожидается передача еще двух. Корабли эти не последней, а, с позволения сказать, предпоследней модели. И после этих слов он с новым интересом устремил взгляд на Хордана и сказал:

— Вы с ними хорошо знакомы.

— Да, разумеется, — подтвердил тот. — Класс S, сокращенно от *Schnellboot*[9]. Малость устаревшие, оснащены бензиновыми двигателями, а

---

[7] Notes: 7
Товарищи *(нем.)*.

[8] Notes: 8
Имеется в виду Гибралтарский пролив.

[9] Notes: 9
Быстроходный катер *(нем.)*.

не дизелями, какими оборудуют эти кораблики ныне.

— В Киле вы, насколько я знаю, ходили на «S-семь».

— Точно так. Это уже новые модели.

— Ну и как впечатления?

— Самые отрадные. Чудесная посудина. Скоростная, маневренная… дает тридцать пять узлов.

— Рад, что они вам нравятся, потому что на один такой кораблик вы назначаетесь командиром.

— Что?

— Что слышали.

— Но я ведь…

— Знаем-знаем. Вы всего лишь лейтенант запаса, однако обладаете необходимыми и весьма полезными сейчас качествами. — Навиа-Осорио холодно улыбнулся сбитому с толку Хордану. — Кроме немецкого и английского, говорите еще и по-гречески. А значит, можете сойти за эллина.

— Я?!

— Что вас так удивляет? — насмешливо осведомился вице-адмирал. — Разве там повывелись блондины?

— Да нет, конечно, имеются, но…

— Кроме того, — снова подал голос Навиа-

Осорио, — для выполнения этого задания вам присвоено очередное звание. С этой минуты вы капитан-лейтенант.

— О господи… — затряс головой Хордан. — Не понимаю…

— Вижу, вы удивлены, — перебил Сервера. — Тем не менее вы произведены не с бухты-барахты… Неужели вы полагаете, что в Германию мы вас отправили в качестве туриста? — Он показал на Навиа-Осорио. — Он давно готовил эту операцию. Подыскивал подходящего человека, и в Военно-морской академии указали на вас.

— Как на офицера с не слишком живым воображением, но хладнокровного и надежного, — вставил Навиа-Осорио.

Вице-адмирал улыбнулся:

— С опытом службы на суше, а это ограничивает его меньше, чем нас, кадровых флотских дуболомов, привыкших действовать от сих до сих.

— А операция предполагает… — рискнул спросить Хордан, ничего хорошего не ожидая.

— Действия торпедного катера «S-семь», который, базируясь на каком-нибудь острове в Эгейском море, будет рвать коммуникации красных, — ответил Навиа-Осорио.

Хордан в изумлении раскрыл рот:

— Да у нас же нет этих катеров!

— Поскольку Лондонский комитет запрещает поставки боевых кораблей воюющим странам, Германия при условии соблюдения строжайшей тайны выделит нам один катер. Помимо прочего, немцы хотят проверить его качества в боевой обстановке, так что вам придется составлять донесения, которые мы им будем отсылать… Есть еще кое-какие обстоятельства, добавляющие этой затее… э-э… своеобразия. Ни в коем случае нельзя будет выходить в море под испанским флагом и говорить с командой по-испански. А ее целиком укомплектуют из иностранных добровольцев.

— Наемники?!

— Попрошу не кривиться, — строго одернул его вице-адмирал. — Республика вот использует их напропалую. Проблема лишь в том, чтобы не предавать это огласке. Так что это будет тайная операция, наше правительство во избежание скандала никогда ее не признает. Действовать вам придется в одиночку, исключительно на свой страх и риск, без расчета на чье-либо содействие. Материальное обеспечение и финансовая поддержка будут поступать вам от третьих лиц.

— Но ведь это чистейшее пиратство, — в растерянности возразил Хордан.

— Оно самое. Действовать будете под чужим именем, причем ничто не удостоверит, что вы — именно тот, за кого себя выдаете. Если попадетесь, отвечать придется в соответствии с международным уголовным правом.

— И мы ничем вам не поможем, — сухо уточнил Навиа-Осорио.

Хордан медленно кивнул. Все наконец стало на свои места — месяц обучения в Германии, срочный вызов в Кадис. Выбор, который пал не на кого-то другого, а именно на него — на Мигеля Хордана, сына гречанки по фамилии Кириазис, «с не слишком живым воображением, но хладнокровного и надежного». Его даже не обидела эта характеристика, тем паче что он никогда не считал воображение достоинством военного человека. Слишком сильно поразил его этот разговор, чтобы обращать на это внимание.

— Атаковать надо будет в территориальных водах Греции или в международных?

— Мы опасаемся, что в греческих. Маршрут пролегает между островами архипелага. Опять же, базироваться будете на острове, принадлежащем Греции. С этой стороны сложностей не предвижу, поскольку правительство диктатора

Метаксаса[10] симпатизирует нам.

— Тамошние власти в курсе дела?

— Ну разумеется. Мы заключили с ними тайное соглашение о том, что в нужный момент они будут смотреть в другую сторону. Не будете зарываться — и проблем с Афинами не будет. Одно дело — подозрения и толки-пересуды, а другое — демонстративные действия. Вам надлежит вести себя так, чтобы нам абсолютно ничего не могли вменить в вину.

— Хорошо бы вам бороду отпустить, — после недолгого раздумья изрек вице-адмирал и взглянул на Навиа-Осорио. — И волосы бы подлинней, а? Чем меньше официоза, тем лучше.

— Да, это удачная мысль, — поддержал его тот.

В наступившей тишине слышалось лишь тиканье стенных часов.

— О чем задумались, Хордан? — осведомился Сервера.

Тот шумно выдохнул:

— Моя семья…

— Мы в курсе дела, — сказал Навиа-Осорио, — К сожалению, проведать ее вы не успеете.

— Сколько вашему сыну? — любезно спросил

---

[10] Notes: 10

Иоаннис Метаксас (1871–1941) — премьер-министр и фактический диктатор Греции в 1936–1941 годах.

вице-адмирал.

— Двенадцать.

— Он по-прежнему с матерью в Ферроле?

— Надеюсь.

— Вы не беспокойтесь, мы за ними присмотрим.

Хордан задумчиво кивнул. Покоряясь судьбе.

— Семь месяцев назад я был моряком торгового флота…

И, запнувшись, не договорил. Сервера пожал плечами:

— Но теперь вы офицер флота военно-морского. А его дело — топить неприятельские корабли. Пускать их ко дну — и чем больше, тем лучше.

Долгую паузу снова заполнило тиканье часов.

— Разрешите задать вопрос, господин вице-адмирал… Вернее, поделиться мыслями.

— Пожалуйста.

— Вы, господа, ни разу даже не намекнули, что выбор — быть мне добровольцем или нет — остается за мной.

Лицо старого моряка посуровело.

— Надобности не было. В нашей Испании мы все стали добровольцами. И горе тем, кто не стал.

В дверь каюты забарабанили. Матрос, такой же

обтрепанный и грязный, как и все судно, — «Акамас» был ржавой двухмачтовой посудиной из тех, у которых на корме все еще стоит незащищенный штурвал, — сообщил Хордану, что капитан требует его на мостик. Хордан спрятал документы, запер дверь, вышел следом за матросом на палубу и на миг ослеп: в глаза ударил ярчайший блеск волн, которые «купец» рассекал на скорости десять узлов. Вокруг повсюду, докуда хватало глаз, виднелись в прозрачном полуденном воздухе острова — бурые, серые, зеленоватые, большие и малые, гористые и плоские, врезанные в синеву или будто всплывающие из нее. Киклады. Сердце Эгейского моря.

Поднимаясь по трапу на мостик, Хордан отметил, что «Акамас» идет малым ходом, а его люди — англичанин, голландец и ливанцы, — сгрудившись у штирборта, созерцают море и греческий рыболовный каик, двигающийся параллельным курсом на расстоянии одного кабельтова. Высунувшись из рубки, вглядывался в него и капитан «Акамаса». Тощий, в засаленной фуражке, надвинутой до бровей, с призматическим биноклем на шее и до того неразговорчивый, что за три дня плаванья из Бейрута обменялся со своими пассажирами едва

ли десятком фраз. Сейчас, когда Хордан подошел ближе, он показал на каик пальцем с грязным ногтем:

— Вон ваше суденышко.

— Где мы?

Капитан полуобернулся к короткой гористой береговой линии, видневшейся по левому борту:

— В пяти милях севернее Милоса.

После чего отдал команду. Машины заработали тише и медленней, подрагиванье ослабело, и через несколько секунд, пока «Акамас» по инерции скользил по воде, каик, сменив направление, подошел к нему почти вплотную. Тот самый матрос, который вызвал Хордана в рубку, спустил с правого борта шторм-трап.

— Готовьте своих людей. — Капитан-киприот в бинокль осмотрел горизонт. — Через десять минут перейдете.

На маленьком, старом, много раз перекрашенном каике, оказавшемся еще грязней, чем «Акамас», пахло мокрыми сетями, бензином и рыбой. Длинный румпель на корме, единственная мачта с убранными парусами, мотор, тарахтевший с перебоями и испускавший густое облако не полностью отработанного горючего. Экипаж состоял из шести матросов-греков и шкипера —

тучного человечка с голым загорелым черепом и живыми глазами. Пуговица на животе его рубахи отсутствовала, и, время от времени просовывая в прореху пальцы, он невозмутимо скребся. Лоснящееся небритое лицо уже не меньше недели требовало вмешательства воды и мыла. Поднявшемуся на борт Хордану он протянул руку, церемонно его приветствуя:

– *Καλός ιλζατέ, κύριε*[11].

И явно удивился, услышав в ответ:

– *Εφιαρίστο, καπετάνιε*[12].

И сейчас, когда они шли против ветра на предельных четырех узлах, он с любопытством оглядывал Хордана и четверку его спутников, которые, рассевшись на корме на брезентовых матах, дремали, курили или просто смотрели в море.

— Сколько нам идти? — спросил Хордан.

Шкипер, самолично стоявший у штурвала, пожал плечами, лениво качнул головой:

— Не знаю… — И дотронулся пальцем до левого запястья, где полагалось быть часам, которых, впрочем, не было. — Часов десять или поменьше,

---

[11] Notes: 11

— Доброе утро, мой господин *(греч.)*.

[12] Notes: 12

— Здравствуйте, капитан *(греч.)*.

бог даст.

— Сорок миль, значит.

— Может быть. — Он показал на солнце, спускавшееся все ниже. — До рассвета можете спать спокойно.

Хордан, подложив под голову свой флотский вещмешок, прилег на палубе так, чтобы видеть море. И стал думать о том, что не давало ему покоя в последние несколько дней, — об острове и о корабле, ожидающих его в конце этого странного путешествия. О шансах на удачу и на поражение. Пока нога его не ступила на палубу каика, он со свойственными ему дисциплинированностью и спокойствием всего лишь исполнял придуманное другими — следовал плану, не зависевшему от его воли или желания. Однако с сегодняшнего дня нести ответственность за все, что может случиться, будет он один, и взывать ему будет не к кому. Происшествия, жизни друзей и врагов будут зависеть от принятых им решений: от того, насколько верными они будут. И потому уже столько ночей он плохо спал и проворачивал в голове детали этой непредсказуемой и опасной задачи, в решение которой нежданно-негаданно оказался втянут.

— Вы не тот, кого принято называть «человек

действия», — сказал ему Навиа-Осорио на прощанье. — И это нас успокаивает.

Он и в самом деле не был таким. Или, по крайней мере, таковым себя не считал. И, быть может, именно поэтому — ну, не считая знания языков — выбор пал на него. Он был благоразумен, бесхитростен — слова о том, что он не наделен воображением, не выходили у него из головы — и сформирован людьми, созданными, чтобы увеличивать расстояние от своего корабля до суши, оставляемой за кормой или по борту. Не жажда приключений погнала его в четырнадцать лет на траулер, ловивший треску у берегов Ньюфаундленда, а глубокая душевная потребность в тишине, царящей в привычном сочетании воды и неба. Ни разу в жизни, даже ради жены и сына — брак его и прежде, и теперь был почти случайным и не очень счастливым, — не пожалел он о том, что, фигурально выражаясь, отдал швартовы, а, пожалуй, даже наоборот. Для Хордана, человека бесстрастного, чтобы не сказать апатичного, море становилось средством существования, а жизнь на борту — решением. Однако теперь случай или судьба возложили на него ответственность, бесконечно далекую от той, которая диктовалась необходимостью с мини-

мальным риском провести судно из одной точки в другую и была единственной обязанностью моряка торгового флота, каковым пребывал он по полгода или даже больше — человеком, кому точно рассчитанные градусы и минуты, координаты долготы и широты, в которых находилось любое доверенное ему судно, было достаточным основанием спать спокойно.

Он думал об этом всю ночь, всякий раз — а было их немало — когда просыпался от качки, от росы, оседавшей на снастях и кропившей палубу, лицо и одежду. Просыпался, дрожа от холода, под бессчетными звездами, которые мерцали в поднебесье, как булавками протыкая простор небесного купола.

Рассвет в горизонтальных лучах солнца, еще скрытого за горизонтом, разгорался медленно, полосуя небо оранжевыми сполохами. Хордан очнулся от очередной, последней по времени дремоты, протер глаза и увидел шкипера, который по-прежнему сидел на корме, держа в руках румпель, а во рту сигарету, и словно бы не уходил оттуда всю ночь. Сейчас он был в куртке и шерстяной шапке, а заметив, что пассажир проснулся, широко улыбнулся ему:

— Доброе утро.

Хордан поднялся на ноги:

— Доброе утро, капитан.

На носу он увидел неподвижные очертания четырех тел — его спутники еще спали, укрывшись заплатанным во многих местах парусом. Шкипер показал на кофейник и кувшин, стоявшие на бухте каната, и Хордан, благодарно кивнув, налил себе то, что там еще оставалось. Кофе был скверный, чуть теплый, однако все же благодатно пролился в замерзшее нутро. Потом Хордан отошел к подветренному борту, расстегнулся, справил малую нужду в море и вернулся к шкиперу.

— Ветер по-прежнему встречный? — спросил он, присев рядом.

Грек, как бы говоря «ничего не попишешь», кивнул на бизань, по-прежнему вяло свисавший с мачты. Потом легким движением подбородка показал Хордану туда, где впереди, милях в трех, будто всплывая из моря, которое медленно меняло цвет с темно-синего на винно-красный, виднелась короткая, зеленовато-бурая полоса неправильной формы, похожая на фигуру человека, лежащего лицом вверх.

– *Νύσος Γυναίκα Κοιμίσμη*[13], — сказал шкипер удовлетворенно и снова прикоснулся к запястью, на котором не было часов.

Да, подумал Хордан, взглянув на свои. Прибыли к назначенному сроку. По правому борту уже всходило солнце. Удлиненные красные штрихи первых лучей начертили остров, и, если смотреть с моря, он в этом свете стал похож на фигуру спящей женщины.

[13] Notes: 13
Остров Спящей Женщины *(греч.)*.

2. Шахматы на берегу Эгейского моря

Когда черная пешка стала угрожать ферзю, Сальвадор Лонкар откинулся на спинку дивана, поднял брови и взглянул на партнера:

— Какая же ты все-таки сволочь, Пепе.

Ордовас поверх доски послал ему лукавую улыбку:

— Сам подставился. Зевнул, что ли?

— Отвлекся.

— Ну ты же знаешь поговорку: «Кто у воды уснет, того река унесет». Поглядим, как будешь выпутываться…

Лонкар оценивал ситуацию на доске. Он был игрок трезвый и осторожный. Его промах привел к тому, что теперь ничего не оставалось, как вывести из-под удара ферзя, но из-за этого черный слон стремительным, как выпад рапиры, проходом во фланг белому королю создавал ему гибельную угрозу. Проигрыш был неминуем, как гибель «Титаника».

— Партия — твоя, — сказал он, смиряясь с поражением. — Сдаюсь.

— Больно легко ты сегодня сдаешься. Не в форме? Реванш взять не желаешь?

— Да ну его. Не хочу. Устал. В понедельник расквитаюсь с тобой.

Лонкар — пышноусый толстяк с черными, блестящими от бриллиантина волосами — стал убирать шахматы в ящик. Его партнер трижды хлопнул в ладоши, и Шиколата, дюжий чернокожий лакей в костюме аргентинского гаучо — каждый вечер здесь танцевали танго, — внес два уже разожженных кальяна. Лонкар поднес к губам мундштук и с наслаждением втянул дым турецкого табака пополам с гашишем. Который, кстати, уже несколько лет был официально запрещен в Турции, однако хозяйка заведения мадам Азийаде водила дружбу с местной полицией. В конце концов, кабаре-бордель «Ворота счастья» было из самых респектабельных и изысканных в Стамбуле.

— Поужинаем вместе? — предложил Ордовас. — Тут, на Флорье, возле стены, открылся новый кабачок — местечко тихое и уютное, и к тому же там подают божественные фрикадельки.

— Сегодня не могу, — ответил Лонкар.

И заметил, что Ордовас между двумя затяжками устремил на него удивленный взгляд:

— Виданное ли дело — ты отказываешься от фрикаделек, сготовленных по всем правилам? — Глаза Ордоваса заискрились в ожидании. — Есть новости?

— На устах моих печать.

Ордовас сощурил хитрые глазки терпеливого лазутчика:

— Что вы, красные, за люди?.. Ну, выкладывай, не темни.

Лонкар снова поднес ко рту мундштук и затянулся. Пуговицы его жилета едва сдерживали напор неимоверного брюха. Оно придавало своему обладателю обманчиво мирный и покладистый вид, а Пепе Ордовас, сидевший напротив, казался полной его противоположностью — маленький, нервный, тощий, бритый, с уже редеющими на макушке курчавыми волосами. Крупные оттопыренные уши усиливали сходство с лисенком. Если Лонкар питал слабость к вкусной еде и шахматам, то Ордовас, сходясь с ним в этом увлечении, — еще и к шампанскому «Боллинже», дорогой одежде и женщинам. По этой причине их шахматные партии по понедельникам и пятницам проходили не где-нибудь, а в заведении мадам Азийаде, среди зеркал в рамах, отделанных красным бархатом, ковров, зо-

лоченых деревянных переплетов окон, диванов, обитых шелком-дама́. Там, где никто не мог бы обратить внимание на то, как регулярно и часто встречается агент республиканской Испании с агентом Испании франкистской.

— Давно мы с тобой не менялись вкладышами, — с намеком произнес Ордовас.

— Да нечего особенно рассказать, — пожал плечами Лонкар.

— Пригодился тебе слушок про того поляка?

— О да.

— Наконец-то они заключили сделку в софийском отеле «Славянска», как я тебя и предупреждал… С немцем.

— Точно так.

— Я узнал, что два дня спустя его убили в Триесте. Вот ведь какое совпадение.

Лонкар с непроницаемым лицом выдержал его взгляд.

— Понятия об этом не имею, — сказал он.

— Ну и ладно. — С этими словами Ордовас сунул руку во внутренний карман и извлек оттуда сложенный вчетверо листок бумаги с машинописным текстом. — А вот тебе от меня гостинчик: некий греческий сухогруз должен принять на борт в Пирее полевые орудия «Шнейдер», мино-

меты «Брандт» и винтовки «Маузер». Платеж был осуществлен через афинское отделение «Оттоманского банка».

Лонкар взял листок и, даже не взглянув, спрятал в карман — как опытный шахматист, он умел скрывать свои чувства. Все это было слишком хорошо — до того хорошо, что, пожалуй, даже плохо. Он пристально поглядел на Ордоваса:

— Дата выхода?

— Понятия не имею.

— Название судна?

Ордовас скорчил гримасу, показывая, что и так уж зашел слишком далеко:

— Не жирно ли будет?

Лонкар кивнул и, прекратив расспросы, глубоко затянулся. Ордовас в ожидании компенсации подмигнул ему:

— Кое-что попрошу у тебя взамен, дружище. Ты — мне, я — тебе, не так ли? — Он победно окутался облаком дыма. — Сам знаешь — размен пешек.

— Все в свое время, — осторожно ответил Лонкар. — А кое-что — в скором.

Ордовас наклонился к нему, понизил голос. Из трубы граммофона лилась мелодия «Возвра-

щения»[14], в углу отдельного кабинета сидели две девицы, телесным избытком возмещавшие скудость одежды. Мадам Азийаде прислала их на тот случай, если потребуются их услуги по части танцев или иного рода. Они не говорили по-испански, однако Ордовас всегда предпочитал, обжегшись на молоке, дуть на воду.

— Если это насчет транспортов, идущих из Черного моря, я буду очень рад.

Лонкар снова уставился на него. Вот оно! В голове у него еще несколько секунд назад взвыл ревун боевой тревоги. Они с Ордовасом близко сошлись еще до войны: один был сотрудником консульства, другой — торговым агентом. Военный переворот в Испании развел их по разным лагерям или, иначе говоря, поставил им противоположные цели, однако дружбе оказался не помеха. А потому, когда разведывательные ведомства франкистов и республиканцев поручили им сбор информации в Стамбуле, оба, затеяв мудреную игру лояльности и плутовства, заключили пакт о ненападении и — по мере возможности — о взаимопомощи. И вот уже восемь месяцев со всеми предосторожностями и с неизменным

[14] Notes: 14

«Возвращение» («Volver», 1935) — легендарное аргентинское танго Карлоса Гарделя на слова Альфредо Ле Пера.

успехом действовали по принципу «рука руку моет, а обе — лицо; прикрой меня, а я прикрою тебя». Однако вопрос с Черным морем был очень деликатный.

— Вопрос с Черным морем очень деликатный, — осторожно произнес Лонкар.

Так оно и было. В сложной игре по доставке оружия обеим враждующим сторонам советские порты были для Республики просто бесценны. И оба агента знали это. С самого начала это была запретная тема, которой по негласному договору они не касались, строя свои обычные комбинации. Нечто неназываемое, табуированное. И Лонкар почуял, что теперь Ордовас, расплывчато упомянув орудия и минометы, но не сообщив ни названия судна, ни порт отправки, намерен это табу нарушить. Вероятно, на него надавили те, кто имел это право и возможность, и заставили рискнуть, пусть не слишком, но все же нарушив правила игры.

— Очень деликатный, — повторил Лонкар с нажимом.

Его собеседник непринужденно кивнул:

— И потому мне очень бы пригодились любые сведения по этой части. Все бы в дело пошло, поверь. Зная название судна и дату выхода —

пусть примерную, — я бы все устроил, снесся бы с кем надо, послал бы информацию и стал бы кум королю.

Лонкар ответил не сразу, выигрывая время. Дважды потянул из мундштука, задержал дым, и тот заполнил легкие, вызвав слабое, приятное головокружение.

— Говоришь, нужны название и дата?

— Да.

Лонкар продолжал раздумывать. И спрашивать себя, почему именно сейчас надо рискнуть и пересечь запретную линию. Почему сейчас и о чем именно его просят? После мятежа и начала гражданской войны представители Республики наводнили Европу в поисках поставщиков, способных уравновесить помощь, которую Италия и Германия предоставляли Франко; однако слишком много денег крутилось в этой сфере, и потому так называемый Комитет по вооружению и боеприпасам являл собой хаотическое скопище приспособленцев и жулья, где каждый действовал на свой страх и риск, где зачастую закупали грузы, которые либо вообще не существовали, либо перед самой отправкой заменялись никуда не годной или неисправной рухлядью. Самыми надежными поставщиками были русские,

а потому для контактов с ними в Стамбуле открыли пункт наблюдения, названный «Отдел снабжения и фрахта» и призванный координировать движение транспортов из Черного моря через Босфор и Дарданеллы. А во главе его за опытность и преданность делу поставили Сальвадора Лонкара, благо он до 18 июля занимал должность атташе по торговле в консульстве Испании. Ни начальников, ни подчиненных у него не было — единственный сотрудник Отдела, он поддерживал прямые контакты с Министерством авиации и флота. На сегодняшний день из тридцати пяти судов — двадцати советских и пятнадцати из других стран, — проход которых он контролировал, двадцать семь благополучно добрались до Валенсии и Барселоны. С учетом обстановки результат был совсем неплох.

— Ладно, попробую что-нибудь сделать, — сказал он как бы мимоходом. — Это тебя сейчас особенно интересует?

Ордовас пососал мундштук. В наступившей тишине слышно было лишь, как булькает вода.

— Эх, милый, — произнес он уклончиво. — Это интересует меня всегда.

Они изучающе смотрели друг на друга, словно их шахматная партия еще продолжалась. Есть

некая пикантность, подумал Локран, в том, как они оба время от времени рискуют своей шкурой, преступая закон и проверяя друг друга на прочность. Однако Черное море и все, что вокруг, — это дело другое: на этой шахматной доске плетутся интриги, происходят случайности, добываются сведения, а на кону стоят человеческие жизни.

— Это слишком крупный кусок, Пепе, — ответил он наконец. — Тут я тебе вряд ли смогу поспешествовать.

Оба знали, что этот внезапный порыв искренности недорого стоит. В улыбке лукавого хищника, который не оставит шакалам добычу, пока она окончательно не станет падалью, Ордовас показал длинные резцы, сделавшие бы честь любому грызуну.

— Да мне много не надо… Ты же знаешь… Намекни — мне и хватит…

— Знаю я твои фашистские штуки! — возразил Лонкар. — Два месяца назад я всего лишь упомянул «Мандракис» — и ваши моментально отправили навстречу ему вспомогательный крейсер в Сицилийский пролив…

Девицы, наскучив ожиданием, прильнули друг к другу в углу кабинета и с непомерной страстью пошли танцевать танго: на этот раз «Кумпар-

ситу». Ордовас с интересом окинул их быстрым взглядом.

— Но судно-то было не русское, а греческое, — ответил он, с неохотой возвращаясь к разговору. — И шло из Смирны под французским флагом.

— Какая разница? Если мое начальство сумеет сложить два и два, мне оторвут яйца.

— Велика важность! Представь, что сделают со мной! — Ордовас мундштуком кальяна показал, какая именно часть тела под угрозой, а потом, как лезвием ножа, чиркнул им поперек горла. — И прощай тогда наша старая дружба.

Лонкар расхохотался:

— В самом деле, ей в таком случае не выжить… Кроме того, если твое начальство унюхает, кому ты тогда будешь посылать разбухшие отчеты о расходах, о выдуманных взятках и подкупе несуществующих агентов?

— Вы всегда можете занести меня в картотеку агентуры. — Ордовас сделал вид, что обдумывает этот вариант. — Впрочем, мне, боюсь, не подойдет: войну-то вы наверняка проиграете.

— Это мы еще поглядим.

— Да уж поверь мне! То, что вас расколотят, — так же верно, как то, что я — внук моей покойной

бабушки.

— Однако же при Хараме мы вас отлупили.

— А мы сквитались в Вильярреале и Малаге. Читал стишки Пемана — или еще кого-то — в «АВС»?

— Вашей или нашей?[15]

— В нашей, разумеется, в правильной. В севильском издании… Пеман же фалангист.

— Не читал.

> *– «Штыки примкнуть! И смертный бой*
>
> *Пусть с красной гидрой будет начат!*
>
> *Пусть Сид в рубашке голубой*
>
> *По небу голубому скачет!» —*

продекламировал Ордовас и уставился на него, ожидая отклика: — Ну? Как тебе?

— Больно уж вычурно…

— Много ты понимаешь. Это замечательно. И все правда: твоя Республика скоро издохнет. Слишком уж хреново идут у вас дела.

— Ничего, скоро наладятся, вот увидишь.

— И не мечтай даже, потому что у вас там все

---

[15] Notes: 15

Основанная в 1903 году газета «АВС» во время гражданской войны разделилась: основная редакция поддерживала республиканцев, а севильцы выступали за мятежников Франко.

вперемешку — куча-мала какая-то: большевики, социалисты, анархисты… И все грызутся друг с другом. Многовато петухов на один птичий двор.

Лонкар стоически вздохнул:

— Раз уж ты упомянул птичник, я тебе так скажу: цыплят по осени считают.

— А я тебе отвечу: пусть твои товарищи-коммунисты присматривают за своими цыплятами, потому что те больно уж дохлые.

— Я не коммунист. И ты это прекрасно знаешь.

— Ну, сочувствующий.

— И что?

— И то.

Лонкар поднялся. И сказал почти ласково:

— Пепе…

— А?

— Иди в задницу.

Ордовас рассмеялся. И искоса, но на этот раз оценивающе снова оглядел девиц. Теперь они, утомившись от впустую протанцованного танго, опять сидели в углу.

— Не знаю, не знаю… Сейчас мне хотелось бы чего-нибудь более существенного.

— Я ухожу.

Ордовас, развалившись на диване, глядел на него снизу вверх. Потом показал мундштуком

на девиц:

— Как? А девочки? Куда мне столько?

— Справишься с обеими, не сомневаюсь, — пожал плечами Лонкар. — У меня сегодня голова другим занята.

— Голова тут не нужна.

— Я пас.

— Много теряешь.

— Что ж поделать… Ничего, не последний день живем.

— И ты что же, в самом деле не отужинаешь со мной? Фрикадельки божественны.

— В самом, в самом. В понедельник увидимся. — Лонкар вскинул к виску сжатый кулак. — Да здравствует Республика.

Ордовас шутовски щелкнул под столом каблуками:

— Пусть здравствует, только недолго. Испания, воспрянь!

На улице было холодно. Ветер гнал по мостовой бумажный мусор и пыль. Сальвадор Лонкар, заложив руки в карманы плаща — шляпу он никогда не носил, считая это буржуазным извращением, — шел к площади Таксим, где в центральной беседке духовой оркестр гремел военными маршами. Купил «Кумбурьет» и пролистывал ее,

покуда красный вагончик трамвая вез его в окрестности квартала Ортакёй. Потом прошел по склону вверх между деревянными, увитыми диким виноградом фасадами и выкрашенными в синий и серый цвета домами, где на первых этажах помещались лавчонки антикваров и старьевщиков; он осторожно ступал по неровной мостовой, на которой можно было с одинаковым успехом порвать башмак и вывихнуть лодыжку. И когда улица постепенно пошла под уклон, увидел Босфор и на том берегу — азиатский берег: две мили пространства, которое на протяжении столетий не останавливало ни цивилизацию, ни варварство.

Он повстречал соседа, с которым был, что называется, шапочно знаком: тот бросал куски черствого хлеба уличным псам, а они окружали его, виляя хвостами, и Лонкар задумался, в чем этот человек себя винит. Когда стамбулец совершает дурной поступок, он набивает карманы хлебом и раздает его собакам, попавшимся на пути: этот обычай — нечто вроде публичного возмещения ущерба, похожего на католическое покаяние. Особенность была еще и в том, что собака, по-турецки именуемая *köpek*, в Коране считается существом презренным и отверженным, а само

слово это — оскорбительным и бранным.

Мне нравится этот город, снова подумал Лонкар, в очередной раз обрадовавшись, что война в Испании не разлучила его со Стамбулом. Тут румыны гладили ему сорочки, армяне чистили башмаки, русские возили его на таксомоторах, евреи ссужали деньгами, а турки — грабили. Он получал удовольствие от жизни в этом полуразвалившемся котле, в пестрейшей мешанине уже несуществующей империи — он любил грязные улочки Стамбула, его обитателей, повисших между мертвым прошлым и неверным будущим, его харчевенки у старых стен, где жарили рыбу, ночные огни, дрожащие на глади Золотого Рога, берега, заполненные брошенными дворцами старой оттоманской знати и немыслимыми постройками, возведенные после падения древнего халифата. Вопреки всем усилиям младотурков — сейчас уже не очень-то младых — и Кемаля Ататюрка, Стамбул не перестал быть тем, чем был всегда, а Лонкар провел здесь достаточно времени, чтобы не желать ничего другого. Любить ему было особенно некого, семья его ограничивалась им самим, ничто не призывало его на противоположный берег Средиземного моря. И он инстинктивно чувствовал, что слово «возвра-

щение» давно потеряло смысл. И особенно — в отношении Европы, которую сейчас раздирают на части фанатики и убийцы и в которой все, о чем он вспоминал, станет в случае возвращения неузнаваемым.

Он остановился перед запертой дверью и собственным ключом ее открыл. За ней помещалась не его официальная резиденция — как и прочим сотрудникам, работавшим в Стамбуле, ему было предоставлено жилье на Пере, но он уже четыре месяца жил у Босфора. Это облегчало его задачу. Трехэтажный дом принадлежал двум немолодым испанкам, сестрам Калафель — вдóвой и незамужней дочерям виднейшего анархиста, казненного в Барселоне во время «Трагической недели»[16]. Они жили в Стамбуле уже лет двадцать; старшая была некогда замужем за бельгийским консигнатором. И обе были пламенными левачками и со дня военного мятежа в Испании беззаветно служили Республике — собирали деньги, одежду и продовольствие, устраивали антифашистские митинги, слали письма в местные газеты. И отказывались брать

[16] Notes: 16

Череда антиправительственных выступлений и забастовок, прокатившихся в июле 1907 года по городам Каталонии и жестоко подавленных.

с Лонкара арендную плату за квартиру, которую он занимал на верхнем этаже. А кроме всего прочего — что было жизненно важно для него, — изумительно готовили.

— Здравствуйте, сеньоры.

— День добрый, товарищ.

Это слово буквально не сходило у сестер Калафель с уст. Им было от шестидесяти до семидесяти, они были чрезмерно накрашены и напрочь лишены чувства юмора — в последний раз Лонкар видел улыбку у них на лице, когда провалилось наступление фашистов на Мадрид: старшая, Либертад, была высока, белокура и худощава, младшая, Акрасия, — низенькая, черноволосая и дородная. Сходство у них заметно было лишь в том, что глаза одинакового ярко-зеленого цвета в полемическом запале у обеих начинали гореть и искриться с девическим задором.

— Будешь ужинать?.. Акрасия приготовила «имам баялды».

Он в предвкушении погладил себя по животу:

— Фаршированные баклажаны?

— Да, чудесно получились.

Сестры сидели в маленькой гостиной перед застекленным балконом: Либертад шила, Акрасия

читала Элизе Реклю[17]. И, как всегда, их окружали кошки: две дремали на ковре, одна на диване, еще одна на буфете. Свято веруя в возрождение кошачьей породы, как и рода человеческого, сестры подбирали их, исхудавших и шелудивых, на улице и одаривали нежным попечением и возможностью начать новую жизнь. Кое-кто из спасенных, неспособные покоить главу на чистых гардинах, вязанных крючком ковриках и кретоновых подушечках, начинали тосковать по уличной воле и в конце концов возвращались к мусорным кучам и камням мальчишек. Другие, обуржуазившиеся приспособленцы, толстели и сладко дремали после обеда. Меньше пяти котов в доме не бывало никогда. И Лонкар, хоть и далось ему это нелегко, в конце концов привык к их запаху.

Вешая плащ, он улыбался в предвкушении.

— Фаршированные баклажаны… — умиленно прозвучал его голос. — Матерь Божья, кто в силах отказаться от вас?

— Через час будут на столе, — сказала Либертад.

— Роскошно.

---

[17] Notes: 17

Элизе Жак Реклю (1830–1905) — французский ученый-географ и теоретик анархизма.

И, поскрипывая деревянными ступенями, поднялся к себе. Квартирка была маленькая, но светлая: спальня с железной кроватью и платяным шкафом, кабинет в форме усеченного восьмиугольника, а в кабинете — письменный стол, стеллаж с картотекой, хороший бухарский ковер на полу, на шахматном столике — неоконченная партия. Имелся также телефон — благодаря взятке, вовремя сунутой соответствующему чиновнику, — бинокль и две большие латунные подзорные трубы, старинная и современная, на треногах установленные перед окнами, откуда открывался великолепный вид на Босфор, неизбежный проход из Черного моря в Мраморное. Закатное солнце освещало Ускюдар на другом берегу, а справа — мыс Сарайбурну и огромные мечети. По узкой полоске воды, отделяющей Европу от Азии, двигались суда всех видов и классов, от торговых до рыбачьих.

Сев за стол, Лонкар поработал с шифровальным блокнотом, готовя сообщение. Потом снял клеенчатый чехол, закрывавший радиотелеграф «Сименс — Хальске», и проверил, достаточно ли на бобине ленты. Все оказалось в порядке, и он взглянул на часы, подключил питание, нажал клавишу на прием и в ожидании уставился

в окно. Мимо стройных минаретов медленно скользил танкер. Лонкар почти машинально глянул в окуляр подзорной трубы и прочел на носу слово «Анжелика». Он шел под румынским флагом и, по всей видимости, из Констанцы. Интереса не представлял, но Лонкар для порядка и по привычке отвинтил колпачок вечного пера и записал в регистр: «Нефтеналивное судно „Анжелика“. 18:47».

С лестничной площадки в комнату шагнула Калафель-старшая:

— Постелю тебе.

— Нет, не надо. Я сам.

Как мать, которая гордится прилежанием сына, корпящего над уроками, она окинула довольным взглядом изделие Сименса и Хальске. И одобрительно кивнула:

— Как хочешь, товарищ… Ужин почти готов.

— Спасибо. Сейчас спущусь.

— Не спеши, доделывай, что должен. Не остынет.

Аппарат вдруг ожил: сперва раздалось краткое жужжание динамо-машины, а потом звоночки диска, по мере того как из бобины выползала длинная полоса бумаги, испещренной значками шифровки. Лонкар стоя ждал, когда кончится

прием, потом присел перед аппаратом, нажал белую клавишу, переключая его на передачу, и выстучал свою депешу — совершенно обычную, извещавшую о последних таможенных распоряжениях, отданных турецкими властями для судов, выходящих из Дарданелл. Затем выключил аппарат, накрыл его чехлом, закурил и, протягивая ленту меж пальцев, принялся расшифровывать сообщение Главного морского штаба республиканского флота, переданное из Сьюдад-Линеаля, Мадрид:

> Окончательно согласовать дату новой отправки одессы приоритет альфа определить контакты толстым упростить процесс продолжить информацию наш отдел.

Вторая депеша была необычна и выглядела так: «C3AR». Она была не зашифрована. Лонкар обрадовался, когда увидел ее. Подошел к шахматному столику и, поглядев на него секунду, переставил черного коня на третью клетку перед слоном. И замер еще на мгновенье, не сводя с него глаз. Это верное решение, подумал он. Неведомый оператор мадридского радиотелеграфа играл прекрасно. Лонкар хотел сначала ответить проходом

к белому ферзю, но такой ход требовал неспешного обдумывания. Было кое-что более срочное.

Перечитав первую шифровку, он пошел в туалет и сжег телеграфную ленту и свои записи. Когда же вернулся в кабинет, над Босфором в типично стамбульском духе сомкнулась тьма — резко, внезапно, словно обрушившись с горных вершин. Вдоль берега потянулось ожерелье тусклых огней.

Одесса, приоритет альфа. Он взглянул на часы и улыбнулся в предвкушении. Снизу, с лестницы, доносился дразнящий аромат: фаршированные баклажаны сестер Калафель, наверно, уже на столе. Он предчувствовал скорое наслаждение, но сначала надо было сделать один телефонный звонок, и Лонкар снял трубку, назвал номер, представился Петроняном — вымышленным представителем фиктивной компании, занимающейся экспортом оливкового масла, — и договорился о встрече со связником под кличкой Толстой, который на самом деле звался Антоном Солёновым и был в Стамбуле официальным представителем советского торгового флота — «Совфрахт».

С точки зрения моряка, подумал Мигель Хордан, торпедный катер — это просто чудо красоты:

удлиненный, изящный, тридцать шесть метров от носа до кормы и пять от борта до борта, восемьдесят тонн дерева и металла, движимые тремя дизелями общей мощностью 3 900 лошадиных сил. Хордан ходил на таком в пору своей стажировки в Германии и мог оценить и его маневренность, и способность при определенном состоянии моря давать тридцать шесть узлов и почти одновременно выпускать обе торпеды, по двести пятьдесят килограммов мощной взрывчатки каждая. Спущенный три года назад со стапелей Люрсена в Фегезаке, этот *Schnellboot S–7,* стремительный и эффективный боевой корабль, под камуфляжной сетью был пришвартован сейчас к узкому причалу у восточной оконечности острова в небольшой скалистой бухте, которая предоставляла естественную защиту от всех ветров, кроме юго-восточного.

— Люди собраны, капитан.

Хордан, отведя наконец глаза от катера, обернулся к тому, кто произнес эти слова: к штурману Иоаннису Элеонасу — Хуану Оливару в переводе на испанский, — курчавому седеющему греку. Седая щетина уже проступала и на подбородке, хоть и выбритом несколько часов назад. Весь облик его дышал уверенностью и внушал доверие: этот че-

ловек, выдубленный этезианскими ветрами[18] и прокаленный солнцем, был среднего роста, с грубыми руками, широколицый, широкий в плечах и в поясе; темные, как отшлифованный базальт, глаза смотрели твердо и спокойно. Типичный рыбак или мореход, обитатель островов и морей, нисколько не изменившихся с тех времен, как тридцать веков назад его предки ставили паруса, беря курс на Трою.

— Ну, пойдем, штурман, — ответил Хордан.

Он опоясался ремнем с револьвером «Уэбли» в брезентовой британской кобуре и в сопровождении грека медленно двинулся к деревянному пакгаузу, расположенному в нескольких шагах от причала на сваях. Под ногами хрустели маленькие ракушки, которыми был усеян песок. Солнце стояло в зените и жгло немилосердно, несмотря на время года, и потому Хордан надвинул на глаза козырек морской фуражки, на которой не было кокарды и знаков различия, как и на синей вылинявшей рубахе с засученными рукавами, не заправленной в рабочие штаны.

Восемь человек ждали его, рассевшись на ящиках и мешках возле деревянного строения,

---

[18] Notes: 18

Сильные сухие северные ветры Эгейского моря, которые дуют с середины мая до середины сентября.

служившего складом. Хордан постарался запомнить имена этих людей и обращаться к каждому правильно. Кроме тех, кто прибыл на остров вместе с ним, здесь были еще четверо, считая штурмана, — четыре грека и албанец, и у всех, долговязых или приземистых, тощих или тучных, черноволосых или белокурых, имелось нечто общее, словно они состояли друг с другом в родстве или были членами какой-то сомнительной корпорации Восточного Средиземноморья. И по лицам можно было судить о бурном прошлом, а порой, не боясь ошибиться, — предсказать и будущее каждого. Все они с любопытством рассматривали две морские карты Британского адмиралтейства, прикнопленные к большому деревянному щиту.

Капитан постарался говорить коротко и ясно, не вдаваясь в объяснения без особой необходимости. Остров на некоторое время будет нашей оперативной базой и родным домом. Он длиной четыре километра, а на противоположном берегу живет его владелец, к дому которого всем, кроме Хордана, приближаться запрещается. До начала века остров служил тюрьмой — сперва турецкой, а потом греческой; в полукилометре от берега, на небольшом холме, еще сохранилось ее старинное

здание.

— Теперь о том, зачем мы здесь. — Он показал на карты. — Остров расположен как раз между двумя обычными маршрутами торговых судов, которые проходят в Западное Средиземноморье либо через пролив Кафирефс, к северо-западу от островов Андрос и Тинос, либо через Миконос на юго-востоке. Как видите, мы в двадцати милях от одного и другого. — Раздвинув пальцы на манер ножек циркуля, Хордан показал расстояния. — Такой быстроходный кораблик, как наш, может оказаться в любой из этих точек меньше чем через час.

Поднял руку один из греков — бородатый, с зеленовато-желтым лицом, с ногтями чернее бакенбард, с широким шрамом, рассекавшим левую бровь пополам. В судовой роли он значился как Георгиос Амбелас, первый машинист.

— А что мы предполагаем там делать, господин капитан?

— Топить корабли.

Ответ вызвал у всех крайнее изумление:

— Захватывать не будем?

— Я же ясно сказал — топить.

Вслед за этим ответом, прозвучавшим едва ли не грубо, воцарилась напряженная тишина.

Хордан всматривался в лица моряков, сочтя, что сейчас для этого самое время: те переглядывались так, словно впервые видели или не узнавали друг друга, а один, молодой, тощий и прыщеватый албанец, по судовой роли — второй машинист Фатмир Сельмани, издал нервный смешок. Однако замечаний ни от кого не последовало. Выждав десять секунд — Хордан мысленно их отсчитывал, — он продолжал:

— Наша цель — кое-какие торговые суда, идущие с севера. И, повторяю, захватывать их мы не будем.

— Испанские суда? — осведомился один из Мароунов.

Хордан кивнул:

— Возможно… И русские тоже.

Моряки снова переглянулись. Одни проявили интерес или обрадовались, другие остались безразличны. Бобби Бомонт, покуривавший на ящике с консервами, покивал и понимающе улыбнулся, как бы говоря, что слово «русские» его нимало не удивило.

— Мы станем частью сложной системы, — продолжал Хордан. — Плавбаза доставит боеприпасы, а пара рыбачьих баркасов должны будет патрулировать проливы и оповещать нас по

радио. — Он показал на Бомонта. — Потому нам так важен наш радист: оборудование привезут через день-два.

— Когда мы получим торпеды? — спросил голландец Ян Зингер.

— Плавбаза доставит вместе со всем необходимым для погрузки и хранения.

— Тип?

— К сожалению, не последняя модель. Нас снабдят шестью единицами W-двести «Уайтхед» с ударными взрывателями.

Голландец скривил губы:

— Итальянские, значит. — Он поковырял в зубах. — Десятилетние, самое малое.

— Не все ли равно, чьи они. Надеюсь, в исправности, а это главное.

Он показал на пирамиду ящиков с банками консервированного мяса и сардин в масле, с сухарями, с бутылками вина и воды:

— Насчет кормежки не беспокойтесь. С завтрашнего дня будем получать свежие продукты, а владелец острова пришлет нам кока. Без курева тоже не останемся.

— Старание умножает состояние, — торжественно провозгласил Бомонт. — Благослови вас Бог.

Новость всех порадовала. Хордан вслед за тем сообщил, что на следующий день начнется обучение. Час теории — благо имеются диаграммы и технические руководства — и затем выход в море. С тем, чтобы катер и экипаж через неделю были готовы к бою и походу.

— Вы все говорите по-гречески и по-английски, так что команды будут отдаваться на этих языках. — Он полуобернулся к штурману. — Штурман, он же старший помощник, человек очень опытный. Поскольку кое-кого из вас он и набрал, вы знаете, что он всю жизнь посвятил контрабанде и острова эти знает как свои пять пальцев.

При этих словах моряки заулыбались, а один из греков вполголоса произнес какую-то фразу, встреченную общим хохотом. Хордан не разобрал сказанного, но увидел, как штурман благодушно кивнул.

— Еще два слова… Этот остров должен выглядеть как рыбачий поселок, а катер надо замаскировать так тщательно, чтобы стал не видимым ни с неба, ни с моря. Корпус выкрашен в темно-синий цвет, это хорошо для плаванья ночью, но здесь может привлечь внимание. — Показав за скалы, он приказал штурману: — Вон

там густой кустарник. Озаботьтесь тем, чтобы накрыть ветками камуфляжную сеть.

Грек дисциплинированно кивнул:

— Как прикажете, капитан… Будет исполнено.

— Что касается предосторожностей… Хотя катер построен на германской верфи, кое-что из оборудования на борту — ну, там, машинный телеграф и прочее — снято с английских, французских и итальянских кораблей.

— Путаем следы, — заметил Бомонт, посасывая сигарету.

— Именно так, по мере возможности. Маловероятно, что греческие власти станут нам докучать, но береженого, как говорится… Осторожность не помешает. — Он показал на голландца. — Ян Зингер обучит второго торпедиста, а я помогу нашим машинистам освоиться с дизелями «MAN L-семь». Братья Мароуны, кроме исполнения обязанностей матросов, от которого освобождаются в непосредственной боевой обстановке, будут обслуживать двадцатимиллиметровый «Эрликон» — орудие доставит нам плавбаза, и мы установим его в задней части рулевой рубки. — При этих словах он перевел взгляд на молчаливого, иссохшего, как виноградная лоза, человека с усами столь пышными, что они ка-

зались накладными. — Теофилос Катракис по совету нашего штурмана, который с ним уже плавал и полностью ему доверяет, назначается рулевым. У кого есть вопросы?

Таковых, судя по молчанию, не возникло. Но вот наконец поднял руку Зингер:

— Оружие у нас будет?

— Только то, которое я упомянул, — торпеды и «Эрликон». Все прочее сильно осложнило бы нам жизнь.

Голландец склонил голову набок. Чуть заметно раздвинул губы, с дерзким намеком взглянув на кобуру Хордана. А тому эта ужимка понравилась меньше, чем откровенная улыбка.

— Однако сами-то вы, капитан, при оружии… — негромко произнес голландец.

— Не я при нем, а оно при мне, — жестко ответил тот. — До тех пор, пока считаю нужным.

Солнце уже опускалось за вершины гор, удлиняло тени, падавшие от скал, которые окружали изумрудную воду бухты, такую прозрачную, что на дне можно было разглядеть крапчатые камни. Стояло безветрие, и на берегу было пустынно, если не считать нескольких чаек, ходивших туда-сюда между пляжем и развалинами сторожевой вышки, стоявшей над кручей.

Хордан и его помощник Иоаннас Элеонас, предварительно ознакомившись с катером, теперь вели беседу на мостике. Прежде чем отправить катер в Средиземное море, на верфи ввели кое-какие усовершенствования для этих вод: штурвал и прочие инструменты остались в рулевой рубке, защищенной крышей и снабженной дверями с каждой стороны, однако ходовой мостик, прежде расположенный перед рубкой и бронированный, теперь помещался над ней и соединялся со штурвалом и машинным отделением переговорными устройствами: в нем был оборудован прибор управления торпедной стрельбой, снабженный цейссовской оптикой. Вопреки первоначальным опасениям Хордана, это была не старая рухлядь, от которой *Kriegsmarine*[19] с удовольствием избавилась, а полноценная боевая единица, В переговорах между Бургосом и Берлином вице-адмирал Сервера оказался на высоте.

— Этот аппарат фиксирует углы атаки… Вводятся данные — курс, дальность, скорость, дистанция до цели, а гироскоп торпеды направляет ее к ней.

Штурман внимательно слушал и вдумчиво

---

[19] Notes: 19
Kriegsmarine (1935–1945) — военно-морские силы Третьего рейха.

кивал. Время от времени доставал из заднего кармана блокнотик, мусолил карандаш и делал заметки.

— Можем выпускать торпеды одну за другой с интервалом в несколько секунд, — объяснил Хордан, — либо атаковать дважды: выстреливать первую и, в случае промаха, вторую.

— А если и та пройдет мимо?

— Тогда домой и надеяться, что повезет в следующий раз.

Штурман внимал с почтительным интересом.

— Люди меня спрашивают… — произнес он. — Как обращаться к вам, помимо «капитана» или «командира»?

— Хватит с них и этого.

— Но все же надо бы чего-нибудь добавить, а? Крестильное имя как-то сближает…

— Не надо им со мной сближаться.

— Ну пожалуйста. Вы же понимаете, о чем я.

Хордан немного подумал и признал его правоту.

— Мигель, — сказал он. — Наверно, лучше будет «капитан Мигель». Хотя и странновато здесь будет звучать.

— Михалис! — просиял Элеонас. — *Капетаньос* Михалис.

Хордан улыбнулся. Грек огляделся по сторонам, а потом повел рукой вокруг:

— Вы еще не обошли остров?

Хордан качнул головой. Ни по суше, ни по морю. Элеонас поскреб небритый подбородок:

— Я хорошо знаю Киклады, а этот островок — из лучших мест в архипелаге. Кто его выбрал, поступил умно.

— Выбирал его не я, — признался Хордан. — Поставили перед фактом.

— Вы уже видели владельца, барона Кательоса? Он здесь человек известный.

Хордан снова покачал головой. В переданных ему бумагах имелась и краткая справка о человеке по имени Пантелис Кательос: шестьдесят два года, владелец острова Гинайка, находится в добрых отношениях с греческой диктатурой, симпатизирует националистам Испании, заслуживает всяческого доверия. К напечатанной на машинке справке прилагалась старая фотография, вырезанная из колонки светской хроники какого-то журнала, — статный красавец во фраке, держа в одной руке бокал шампанского, а в другой сигарету, сидит за столом между двух элегантных дам. На полях пометка, сделанная, как показалось Хордану, почерком Навиа-Осорио:

«Канун Нового года, 1924».

— Нет еще, — ответил он. — Но, разумеется, как положено, нанесу ему визит вежливости.

Элеонас снова обвел рукой бухту, пакгаузы и катер:

— Должно быть, вы очень влиятельны, если он пустил вас сюда.

— И это тоже произошло без моего участия… Вы знакомы с бароном?

Грек пожал плечами:

— Видел его два раза. Один раз он со мной говорил.

— И каков же он?

— Своеобразная личность… Нелюдим. До последней войны с турками его семья контролировала торговлю губками в Додеканесе[20], он владел фабрикой и несколькими судами. Потом обеднел.

— Он живет здесь круглый год?

— Раньше путешествовал. Теперь не покидает остров — даже не бывает в своем доме на Сиросе, в десяти милях отсюда. Вот жена — та ездит.

Хордан заинтересовался. Жена в справке не упоминалась.

---

[20] Notes: 20

Додеканес, или Южные Спорады, — архипелаг в юго-восточной части Эгейского моря.

— Так барон женат?

— Да. Но она не гречанка… Кто говорит — русская, кто — француженка.

Из кормового люка высунулась голова первого машиниста Георгиоса Амбеласа: он был перемазан тавотом, но в превосходном настроении. В восторг его привело увиденное, и он длинной скороговоркой поделился со штурманом мнением о том, в каком прекрасном состоянии находятся все три дизеля.

— Надо бы имя дать кораблю, — сказал Элеонас, когда машинист снова исчез.

— Думаете, надо? — удивился Хордан.

— Конечно надо. Корабль не может безымянным оставаться — дурная примета, равно как и менять ему имя. Корабли — они же как люди. У каждого своя повадка, своя манера двигаться, вести себя на волне и под ветром… Вы же сами моряк, значит должны знать, о чем я.

— Ну и какой, по-вашему, нрав у этого катера?

— Не знаю пока. От нас зависит. Если хочешь, чтоб судно слушалось тебя, надо о нем заботиться и понимать его. Выучить его язык, уважать его…

— Как же мы его назовем?

Элеонас показал на торпедные аппараты, установленные по обоим бортам и пока еще пустые:

— Это корабль, предназначенный для охоты, он скорее женского пола и наделен отличными клыками… — После недолгого раздумья он характерным греческим жестом вскинул руку со сжатыми пальцами. — Может, «Лукайна»?

— Мне нравится.

— Как это будет по-испански?

— «Лоба»[21].

— Это лучше звучит. И, как велит традиция, надо нарисовать на носу синий глаз…

— Годится.

— Ну, в таком случае…

Хордан, знаком попросив подождать, спустился в каюту и вернулся через минуту с коньяком — непочатой бутылкой «Метаксы», которую незадолго до этого поставил в аптечку на всякий непредвиденный случай. И показал на люк, откуда недавно высовывался машинист:

— Позовите его. Нам нужны свидетели.

На оклик Элеонаса из люка вновь появилась голова Амбеласа. Хордан пригласил его присоединиться, и бородатый машинист, в синем промасленном комбинезоне, с белозубой улыбкой на закопченном лице, поднялся, вытирая

---

[21] Notes: 21
«Волчица» *(исп.)*.

руки ветошью, на палубу, а следом за ним появился и албанец Фатмир.

— За нашу «Волчицу»! — провозгласил Хордан.

Покропив палубу коньяком, он передал бутылку штурману:

— Прошу… Ваше здоровье!

Потом выпили он сам и оба машиниста. Греки и албанец широко заулыбались и вскоре пригласили присоединиться к церемонии членов команды, остававшихся на берегу. Те поднялись на борт и — за исключением Бомонта — выпили в честь крестин.

— И за *капетаньоса* Михалиса, — предложил Элеонас.

И Хордан, видя, как оживился его экипаж, подумал, что крепить надежность кораблей и команд — дело не только не лишнее, но просто необходимое.

На все еще светлом, но быстро меркнущем небосводе блестела пока только Венера. Совершенно неподвижная вода сделалась темно-синей, почти черной. Ни малейшего дуновения не чувствовалось в воздухе, а от маленькой бухты доносился солоноватый запах водорослей, которые сохли на скалах, с боков обступавших берег. Пришвартованный у причала катер, накрытый

камуфляжной сеткой, заваленный ветками и кустами, был едва различим в брезжущем свете сумерек.

В квадрате SE имеется якорная стоянка с песчаным и каменистым дном, но в южной части следует остерегаться отмели…

Дальше читать было нельзя, как ни напрягай глаза. И Хордан, сидевший в дверях своей рыбачьей хижины, отделенной от других построек, захлопнул посвященный Эгейскому морю IV том «Mediterranean Pilot»[22], который помечал кое-где на полях красным карандашом. Он должен был до такой степени освоиться со всеми якорными стоянками, бакенами, маяками, опасными местами, чтобы они сделались неотъемлемой частью его новой жизни, заняли свое место в умственном пейзаже его работы. На протяжении десяти тысяч лет моряки разного рода бороздили эти воды, фиксируя каждую их особенность и занося их на карту. И частью этой древней науки или искусства мореплавания явился, будто подытоженный веками, том — пятьсот страниц бумаги и типографской краски.

Когда он поднял голову, перед ним стоял Бобби

---

[22] Notes: 22
«Средиземноморский штурман» *(англ.)*.

Бомонт: тот прогуливался по берегу и на обратном пути задержался перед Хорданом. Из угла рта свисала неизменная сигарета, и в меркнущем свете, отражавшемся в стеклах очков, их обладатель казался особенно худосочным и нескладным.

— Читать при свете гаснущего дня… — сказал он. — Почтенное занятие.

Хордан окинул его долгим взглядом и наконец жестом пригласил присесть рядом. Англичанин послушался, обхватил руками тощие, обутые в сандалии ноги, торчавшие из мятых шортов в британском колониальном стиле. Сверху он носил истертый, некогда бывший черным джемпер, чересчур просторный для его субтильной фигуры. Посидев минутку молча, радист показал на море.

— Быть может, мы затем и рождены, — изрек он велеречиво, — дабы увидеть этот час печальный.

Хордан выслушал это с любопытством.

— Шекспир? — спросил он наугад, откладывая лоцию в сторону.

Бомонт поглядел на него с интересом:

— Однако… Да вы, оказывается, образованный человек.

— Я в жизни не прочел ни единой шекспировской строчки, но благодаря вашему исполнению

угадал.

— Проницательность — тоже признак культуры, мой милый.

Хордан решил пропустить эту фамильярность мимо ушей. Они немного помолчали — как раз столько, чтобы англичанин сделал несколько последних затяжек и зарыл окурок в песок.

— Тихое место, — вздохнул он.

— Что скажете о радиооборудовании нашего катера?

Бомонт задумался:

— Знаете, я сам хотел поговорить с вами об этом. Там есть одна загвоздка…

— А именно?

— Когда убрали мачту над ходовым мостиком, провод антенны оказался слишком низко. Когда доставят весь комплект оборудования, я проведу испытания, но ничего не гарантирую.

— Мачта нас демаскировала. Пришлось ее снести.

— Ну понятно, но от этого и возникли неприятности, о которых я толкую. На приеме или при передаче с суши все прекрасно, однако в море могут возникнуть проблемы… Связь будет важна?

— Очень. В проливах будут патрулировать два каика: один на северо-западе, другой на юго-во-

стоке. И сообщать нам по радио о появлении целей.

— Ну что же… тогда попробуем одну штуку… Поставим-ка временную радиомачту.

Хордан вскинул руки:

— Всецело полагаюсь на вас.

— Спасибо.

Снова помолчали. Свет стремительно убывал, но еще можно было различить очертания бухты и силуэт катера у причала.

— Странная затея, — неожиданно высказался Бомонт.

Хордан ничего не ответил. Сейчас, когда солнце скрылось, стало свежо. В тридцати метрах от них, перед пакгаузом, где разместился экипаж, разожгли костерок. Это было единственное пятно света на берегу.

— Вы, должно быть, знающий и умелый моряк, если вам доверили такое дело… Тонкое дело, при всей его дикости.

— Дикости? — удивился Хордан.

— Ну разумеется. В двадцатом веке пускать на дно корабли — занятие не для цивилизованных людей, хотя со времен большой европейской бойни прошло всего-то двадцать лет. Не считая мясорубок масштабом поменьше — турки, греки,

Смирна и все прочее.

И снова наступило молчание. Вокруг костра двигались красноватые силуэты моряков. Слышно было, как они переговариваются по-гречески и по-английски.

— Какие впечатления об экипаже? — спросил Хордан.

— В целом отрадные, — благодушно ответил Бомонт. — Ваш помощник дело свое знает. Всю жизнь играет в этих водах в кошки-мышки.

— Да. Табак, спиртное… Здесь это в порядке вещей.

— Человек он молчаливый, серьезный и, кажется, надежный… И те, кого он привел с собой, — весь наш пестрый иностранный легион контрабандистов и корсаров — ему под стать.

Хордан улыбнулся:

— Вроде бы так.

— Не знаю, как они поведут себя в деле, но, полагаю, это будет зависеть от вас, мой мальчик.

Хордан выждал секунд пять и проговорил:

— Я просил обращаться ко мне «капитан» или «командир».

Сказано было сурово, и радист ответил с виноватой запинкой:

— Да-да… Простите, забыл. Маху дал, виноват…

Он порылся в кармане и выудил пачку сигарет и спички.

— Так, значит, дело будем иметь с русскими? С советскими «купцами»?

Огонек, отразившись в стеклах очков, высветил его впалые щеки.

— Я говорил уже, что Республика мне симпатичней, чем Франко?

— Да, еще в Бейруте.

— И что же? Вас это не…

— Нисколько, покуда вы справляетесь с тем, за что вам платят.

Бомонт выпустил облачко дыма, долетевшего до Хордана.

— А вам кто симпатичней? Впрочем, что это я… Глупый вопрос, верно? Ответ очевиден.

Хордан кивнул. Ему припомнились бурные месяцы, предшествовавшие военному мятежу, пугающий развал дисциплины и на торговом флоте, и на военном, матросский комитет, парализующий работу государственного танкера, на котором он служил старшим помощником капитана. Смутно приверженный республиканским идеям, но чуждый тогдашним политическим страстям, он решил отдать свою судьбу на волю случая. Во время мятежа в Ферроле он и капитан

с оружием в руках дали отпор группе НКТ — ФАИ[23], которая хотела поджечь танкер, чтобы не дать мятежникам завладеть четырьмя тысячами тонн топлива. И те, кто в том порту тогда вышел победителем, сумели его оценить. Через две недели штурман торгового флота Мигель Хордан Кириазис был переведен в резерв ВМФ, а еще через несколько дней, узнав, что двести пятьдесят пять офицеров и старшин растерзаны в республиканской зоне своими же матросами, он подумал, что по крайней мере как моряк оказался не на худшей стороне.

Он снова кивнул, пожав плечами:

— Один весьма почтенный испанский философ заметил как-то раз: «Я — это я и мои обстоятельства»[24].

— Вот как! — заинтересовался Бомонт. — Так и сказал?

— Так и сказал.

— А вы читаете философские труды?

— Я читаю газеты, когда они мне попадаются.

---

[23] Notes: 23

Национальная конфедерация труда и Федерация анархистов Иберии.

[24] Notes: 24

Полностью эта фраза, принадлежащая Хосе Ортега-и-Гассету (1883–1955), звучит так: «Я — это я и мои обстоятельства, и если не справлюсь с ними, то не спасу и себя»; она фигурирует в прологе к эссе «Размышления о „Дон Кихоте“» («Meditations on Quixote», 1914).

И лоции, когда они мне нужны. И больше почти ничего.

— Что ж, ваш соотечественник кое в чем прав. Все мы, я думаю, есть сумма наших обстоятельств… Вот взять меня, к примеру. Я нарушаю свои принципы.

Сумеречный свет угас почти полностью. Под звездами, мерцавшими в поднебесье, на земле остались теперь только два огонька — костерок у пакгауза и пульсирующий уголек сигареты во рту у Бомонта.

— Какой-то вы особенный человек, капитан Михалис… По виду настоящий викинг — белокурый, бородатый, — а по-гречески говорите, как природный эллин. И всем пока пришлись по душе… Кажетесь суховатым и справедливым.

— Каким? — удивился Хордан.

— Суховатым и справедливым.

— Такого мне еще не говорили.

— Вам ведомо, как качества сии себе на пользу обратить, мой принц. Не обойдет отчизна вас наградой.

Ну хватит, решил Хордан. Многовато откровений для одного вечера. Он подобрал с земли лоцию, поднялся и при этом движении задел кобурой, все еще висевшей у него на поясе, плечо

Бомонта.

— Разрешите дать вам один совет, командир? — спокойно осведомился тот.

— Советы не принимаются. Суждения готов выслушать.

— Поверьте, оружие — это лишнее… Лучше будет не носить эту кобуру. По моему мнению, револьвер на поясе свидетельствует…

— По вашему мнению?..

— Да.

— О недоверии?

— Именно так. Ко всем нам. К вашей команде, понимаете? Вот точное слово — доверие. В конце концов, предполагается, что мы все ставим жизнь на карту.

3. Баронесса Кательос

Перекинув пиджак через плечо, он одолел последний подъем, и с вершины глазам его открылась западная оконечность острова Гинайка, окруженная морем, столь неистово-ярким, что синева его казалась ненатуральной, и уходившим к полукруглой линии далекого горизонта под безоблачным небом, где виднелись серовато-бурые очертания полдесятка крупных островов — виднелись отчетливо, хотя до ближайших было миль десять-двенадцать.

Дом со всеми своими службами и пристройками казался маленьким оазисом в окружающей его наготе природы. Чтобы дойти до него, Хордану пришлось миновать старую, заброшенную тюрьму и выйти на дорогу, ведущую к западу, причем иной тени, кроме той, что давал козырек его фуражки, там не имелось. А день был теплый, чтобы не сказать жаркий. Ни листочка, ни травинки — разве что кусты, недостойные называться так, и скрюченные стволы иссохших деревьев, столь же мертвых, как и каменистая почва, их окружавшая. Однако вокруг дома, на

холме перед небольшим пляжем и примыкавшей к нему старой башней из охристого камня, несколько олив, фиговых деревьев и кипарисов напрашивались на сравнение с последним редутом, что пока еще сдерживает натиск острова, который рано или поздно завладеет всем.

Поднимаясь по выщербленным ступеням лестницы, сложенной из кирпича и украшенной изразцами, он глядел на узкий, укрытый от штормов пляж, где на изъеденных ржавчиной опорах высился причал с пришвартованной к нему моторной лодкой. Красивый двухэтажный дом в декадентском стиле, с двумя мраморными колоннами, окаймлявшими крыльцо, представлял собой смесь итальянской виллы прошлого века с турецким загородным дворцом. Черепица на крыше кое-где была сломана, облупившиеся стены взывали к искусству штукатура, а ставни на окнах — к наждаку и свежей покраске.

Хордан надел бушлат. Он был без галстука и пожалел, что его нет и в его скудном багаже: до сих пор светская жизнь не входила в его планы.

— Добрый день, — сказал он по-гречески. — Я хотел бы видеть барона Кательоса.

Внутри пахло вековой сыростью. Грек-привратник, старый, высохший и угрюмый, шагнул в

сторону, и потом Хордан вслед за ним пересек вестибюль и галерею, обставленные с чрезмерной роскошью — картины, бронза, фарфор и кораллы в застекленных витринках, полированная мебель красного дерева; просеиваясь сквозь окна, дневной свет ложился унылыми прямоугольниками на каменные плиты пола, вспыхивал на клинках тридцати старинных сабель, укрепленных на деревянных подставках вдоль стен. И в дверь, открытую на перголу[25] над цветочными горшками и розовыми кустами, Хордан увидел широкополую соломенную дамскую шляпу, лежавшую на корзине с садовыми инструментами. Где-то в глубине дома звучал граммофон.

Барон, читавший в своей библиотеке, при виде гостя поднялся, причем с необыкновенной медлительностью. На нем были серый вязаный кардиган, вельветовые брюки и домашние туфли. Кожа мраморного оттенка — примета старости, быть может преждевременной. Шестьдесят два года, как указывала присланная Хордану справка. Он был высокого роста, хотя и пониже гостя, с коротко, на военный манер подстриженными се-

[25] Notes: 25

Пергола — отдельно стоящий или примыкающий к стене здания навес, предназначенный для защиты от солнца проходов, террас и площадок.

дыми волосами и такими же усами; темные глаза смотрели внимательно. Из-за мелких морщинок, тянувшихся от углов глаз к вискам, казалось, что он улыбается постоянно, даже когда и не думает это делать.

— Добро пожаловать. Благодарю, что нашли время посетить…

— Это я должен поблагодарить вас за гостеприимство.

— Ради бога, прошу вас. Рад, что был вам полезен и смог принять вас и ваших спутников. Как к вам обращаться?

— Чем плох Тозер?

— Ну что ж… Стало быть, капитан Тозер.

Хордан отметил, что в отличие от остального дома библиотека обставлена аскетически просто — камин современных очертаний, письменный стол скандинавского дизайна, мебель из кожи, стали и стекла. Казалось, он перенесся в другой мир, без пересадки попал из прошлого в настоящее. Они уселись в единственном углу, свободном от книг, но с десятком фотографий в рамках на стене. Барон предложил ему закурить или что-нибудь выпить, но Хордан отказался, и они заговорили о пустяках, с полнейшей естественностью перейдя с английского на гре-

ческий. У барона была своеобразная манера, ведя беседу — холодную и формальную, но чрезвычайно корректную, — вглядываться в собеседника так пристально, словно рассматривал что-то за его спиной. Он сказал, что надеется, гость и его спутники хорошо устроились и ни в чем не нуждаются. Если же возникнет надобность в чем-либо, он с величайшим удовольствием сделает все, что будет в его силах.

— Тут по большей части книги о путешествиях, переписка или мемуары, — сказал он, заметив, что Хордан водит глазами по книжным полкам. — Давно уже почти не читаю беллетристику. — Тонкая бледная рука показала на ряды корешков. — Я много пространствовал на своем веку, но в последнее время стал тяжел на подъем. Теперь путешествую в воображении, а беседую с авторами, которых нет на свете.

Хордан кивнул, продолжая разгадывать того, кто сидел напротив. Когда Кательос говорил, он не сводил глаз с собеседника, но эти глаза были словно подернуты светлой дымкой, и взгляд оставался отсутствующим. Это было равнодушие, прикрытое хорошим воспитанием. Казалось, что и речи его, и поведение останутся прежними, если посреди беседы собеседник сменится.

— А живых писателей не читаете? — вежливо спросил гость, хотя ему было совершенно все равно, что читает барон.

Тот одарил его доверительной улыбкой:

— Покойники мне интересней. Они живут в книгах и говорят, только когда их спрашивают.

С этими словами он показал на фотографии на стенах: одни выцвели и пожелтели, прочие пока еще нет. На нескольких был запечатлен сам барон в молодости — в фехтовальном нагруднике, с маской в одной руке и рапирой в другой.

— Здесь почти все уже покойники, — насмешливо заметил он. — Да и этот фехтовальщик, в сущности, тоже, хоть, впрочем, еще созерцает окружающую действительность не без любопытства.

— Сколько же вам лет на этих снимках?

— Двадцать один год. На Олимпиаде в Афинах в тысяча восемьсот девяносто шестом году я входил в сборную Греции по фехтованию, — ответил барон со слабой улыбкой. — Мы недурно тогда выступили.

Оба помолчали, разглядывая друг друга. Потом барон нарушил молчание, похвалив то, как прекрасно визитер говорит по-гречески.

— Вот бы никогда не подумал… У вас такая…

скандинавская наружность. Полагаю, не в последнюю очередь из-за этого вас направили сюда.

Хордан кивнул, не входя в объяснения. Барон вялым движением руки очертил то ли библиотеку, то ли дом, то ли весь остров:

— Вас, вероятно, удивляет мой титул, ведь в Греции нет знати, однако он настоящий. Мой дед, барон Зондербург, наполовину немец, наполовину датчанин, приехал сюда в свите короля Георга в тысяча восемьсот семьдесят третьем. Один из его сыновей, мой будущий отец, женился на гречанке и унаследовал титул, но носить его не мог… Я же родился Зондербургом-Кательосом, а для выступления на Олимпиаде взял отцовскую фамилию. Ну, взял или дали, какая разница. Так или иначе, перед вами греческий гражданин с датским титулом, живущий в летнем доме своих родителей.

— Одинокая жизнь, если, как вы сказали, не путешествовать.

Взгляд барона неожиданно стал пристальным.

— Я живу не совсем один.

Хордан подумал, что в этом доме чувствуется присутствие женщины, но не подал виду, что заметил это. Меж тем Кательос из нескольких трубок, разложенных на столике, выбрал одну,

набил ее табаком из фарфоровой банки и большим пальцем его примял.

— Я много странствовал и в юности, и в зрелые годы, — добавил он через минуту. — Так что во впечатлениях у меня недостатка нет. Скорее наоборот. Но уже давно живу здесь спокойно и тихо, потому что обладаю всем необходимым… Семейное состояние с годами уменьшилось, но мне пока хватает.

— Я слышал, что вы на стороне националистов, — заметил Хордан.

— Вот как? Вы слышали? — с легкой благожелательной улыбкой ответил барон. — Пожалуй, это преувеличение. Я, разумеется, антикоммунист — особенно сейчас, когда более или менее здравые мысли о благе всего народа сменились словесами о пролетариате и разнообразном отребье… Я ненавижу этот преступный элемент почти так же, как турок, но не истолкуйте мои слова превратно, ибо уже очень давно я постоянно следую принципу невмешательства.

Он помолчал, сосредоточенно раскуривая трубку и сохраняя на лице улыбку, хотя теперь она ничего не означала.

— Вижу, вас удивляют мои слова, — снова заговорил он, — но у них есть объяснение. Я из

породы созерцателей, а вернее, читателей, и этого мне достаточно… Но, хоть мы больше и не видимся с генералом Метаксасом, все же остаемся друзьями с тех давних пор, когда оба занимались фехтованием в Афинах у маэстро Остаревича. — Он показал на фотографию, где были сняты два офицера: он и молодой человек в очках. — Потом служили вместе при штабе принца Константина, когда воевали с турками за Фессалию.

— Вы были в армии? — удивился Хордан.

— Недолго. Все обязаны служить отчизне, хотя у каждого свои представления о том, что это такое. Вы согласны?

— Разумеется.

— Это вопрос порядочности.

Кательос попыхтел трубкой и окутался облачком голубоватого ароматного дыма.

— Дело еще и в том, что с Иоаннисом Метаксасом нас связывают очень давние отношения. В двадцать втором году, во время мятежа венизелистов[26], он скрывался в этом доме. Да, так вот. Когда его попросили создать условия для того, ради чего вы прибыли сюда, он сам подумал об этом

---

[26] Notes: 26

Венизелисты — сторонники греческого политика, лидера Либеральной партии Греции Элефтериоса Венизелоса (1864–1936), восьмикратного премьер-министра в 1910–1933 годах.

острове. Попросил меня оказать ему любезность, и я, разумеется, согласился.

Вслед за тем барон заговорил об острове Спящей Женщины, о его долгой и не всегда счастливой истории. Во времена Античности он служил местом ссылки, а потом на протяжении нескольких столетий его восточная бухта была приютом византийских, венецианских, турецких пиратов и корсаров. При владычестве оттоманов здесь построили тюрьму, которую греки продолжали использовать и после того, как отвоевали остров.

— Полагаю, вы ее видели по приезде… Место угрюмое, необитаемое. Я хотел было снести ее, чтобы стереть самую память о ней, но это слишком дорого, и мне такая затея не по средствам.

Он вздохнул, смиряясь с неизбежностью, и поднялся, разминая затекшие ноги, длинные и костлявые. Встал и Хордан.

— Замысел показался мне интересным. — Кательос снова улыбнулся. — Современные флибустьеры в водах Эгейского моря. Греческий вариант Тортуги[27]. Это внесет разнообразие в мою монотонную жизнь, где есть лишь книги и море. — Он протянул Хордану длинную ру-

[27] Notes: 27

Тортуга — остров в Карибском море, с 1640 года и до конца XVII века бывший «столицей пиратов».

ку. — Буду с любопытством следить за вашими приключениями, капитан… Ах да, Тозер. Капитан Тозер. До известного предела, разумеется.

— Постараемся не нарушать ваш покой. Я намереваюсь быть как можно незаметней.

— Надеюсь. Хотя в моем возрасте и при моих обстоятельствах кое-что уже не очень важно. — Любезно взяв Хордана под руку, барон проводил его до дверей библиотеки. — Но дело тут не только во мне — Метаксас уповает, что эта затея не выйдет ему боком. Вы меня понимаете?

— Разумеется.

Барон оглядел чубук трубки и слегка поморщился, словно был недоволен тем, как тлеет в ней табак.

— Дословно он сказал следующее: германские и итальянские друзья вместе с дипломатами Франко оказали на него неимоверное давление. Хотя он, само собой, надеется на, так сказать, компенсацию… Уж не знаю, к добру или к худу, но он не из тех, кто списывает долги.

Хордан вышел на воздух. Море было спокойно и с этой стороны острова. Сложенная из кирпича лестница вела на маленький пляж, очертаниями похожий на раковину и усыпанный золотистым песком, который был мельче, чем на восточном

берегу. Сквозь тихую неподвижную воду просвечивали камни и водоросли на дне. Моторная лодка у причала, казалось, парила в изумрудной прозрачности.

Скорее из профессионального любопытства, нежели почему-либо еще, он подошел взглянуть вблизи. Моторка — восьмиметровая красотка «Крис-Крафт» — сверкала хромированными частями, манила сиденьями из безупречно отлакированного красного дерева и зеленой кожи. Вместо штурвала был автомобильный руль, помещенный у левого борта над приборной доской, переключателем скоростей и компасом. Греческий флаг на корме и выложенное латунными буквами название — «Лена».

Поднявшись по ступеням, он снова прошел мимо дома, заметив при этом, как шторы в окне на верхнем этаже шевельнулись, как будто за ними кто-то стоял. Он не успел заметить, кто это был, но, удаляясь по дороге к восточной части острова, спиной чувствовал чей-то взгляд.

Пантелис Кательос отложил книгу, на которой тщетно пытался сосредоточиться снова. Путешествие в Италию, предпринятое Мишелем Монтенем в 1580 году, не смогло занять его внимание. Барон размышлял об испанском мо-

ряке, который, хоть и показался ему человеком воспитанным и благоразумным, только что ввязался в предприятие тайное и столь же странное, сколь и рискованное, и о собственной роли в нем. Как некстати оказалась дружба с Иоаннисом Метаксасом, раздраженно подумал барон. Как некстати сейчас верность прежним понятиям, предъявляющим человеку требования куда больше нынешних, перепутанных и сумбурных, воцарившихся сейчас в этой Греции, в подражание всей Европе дрейфующей к тоталитаризму и следующей моде, которую барон, взлелеянный космополитическим скепсисом своей библиотеки, принять не мог. Как расплывчаты сделались теперь понятия «верность», «обязательство», «честь», как нечетки их границы, как опасны стали они для тех, кто, подобно барону, скован древними и нерушимыми принципами. Старинными правилами поведения. Никуда от них не денешься, и у Кательоса язык не повернулся отказать другу в просьбе предоставить остров для некой затеи. Но, по крайней мере, это сулит нечто забавное и, как он сказал испанцу, вносит разнообразие в монотонность его здешней жизни. Однако его беспокоили вполне возможные неприятные последствия. Больше десяти лет

назад он удалился в этот дом, чтобы спастись от мира, а мир теперь стучится у дверей, и последствия непредсказуемы.

Он в последний раз пососал мундштук, убедился, что трубка погасла, и вытряс пепел ее в бронзовую пепельницу, отлитую в виде обнаженной женщины. Потом выскреб остатки и положил трубку рядом. Посидел немного в неподвижности, уставившись на фотографии на стене, затем поднялся и вышел из библиотеки. Горничная вытирала пыль с клинков в галерее. Она вместе со своим мужем, старым Стамосом, служила в этом доме тридцать лет.

— Ирини, где госпожа?

— В спальне, *кирье*.

Скользя пальцами вдоль потертых ореховых перил, под недурной копией «Резни на Хиосе», он поднялся на второй этаж, откуда доносилась музыка, а по мере приближения стал слышен голос Фреэль:

Où sont tous mes amants,
Tous ceux qui m'aimaient tant

Jadis, quand j'etais belle...[28]

Барон костяшками стукнул в полуоткрытую дверь и, не дожидаясь ответа, вошел. В комнате витал легкий, суховатый и ненавязчивый аромат духов «Банди», который он терпеть не мог.

— Кто это был? — спросила она.

Кательос ответил не сразу. Он подошел к окну, отдернул шторы, долго смотрел на море и на дорогу к востоку, которая шла через пустырь и терялась на холме посреди острова, где высилось старинное здание тюрьмы.

— Старший команды, которая прибыла сюда. Испанец.

— Я видела, как он уходил. И каков он вблизи?

— Вполне. Благопристоен, приятной наружности и хороших манер. Свободно говорит по-гречески.

— И на том спасибо. Я боялась, что пришлют какого-нибудь чурбана.

---

[28] Notes: 28

Где мои возлюбленные,
Все те, кто меня любил,
Когда я была прекрасна.

(фр.)
Цитируется песня французской актрисы и певицы Фрезль (Маргерит Бульк, 1891–1951) «Où sont tous mes amants?» (1935).

Барон перевел на нее взгляд. Она лежала на кровати, с дымящейся сигаретой между пальцами. Японское шелковое кимоно почти до самого паха обнажало длинную загорелую ногу: тонкая золотая цепочка обвивала щиколотку, ярко-красный лак покрывал ногти.

Ноги турецкой шлюхи, подумал Кательос. И в ответ на вдруг осенившую его идею подумал: это может быть забавно. Уже давно при виде этого тела вожделение не охватывало его или, по крайней мере, это происходило не сразу, но замысел сейчас оказал свое действие. Он представил рядом с ней другого мужчину и почувствовал прилив желания. Быть может, этого рослого белокурого моряка, который только что был у него. В конце концов, это произойдет не впервые. У нас с тобой, подумал он хладнокровно, есть дар угадывать свои будущие воспоминания.

Граммофон смолк. Он подошел, поднял звукосниматель, убрал пластинку и спрятал ее в конверт.

— Поставить еще что-нибудь?

— Нет, не надо.

Миндалевидные глаза из-под бровей — вопреки моде, не выщипанных — смотрели томно. У сорокадевятилетней Лены Кательос были тон-

кие черты лица — высокие скулы, длинный нос, большой, красиво очерченный рот. Черные, уже сильно седеющие волосы она стригла коротко, почти по-мужски. Она сохранила былую красоту, хотя теперь от нее веяло чем-то темным, двусмысленным, таким, чего не заметил барон, когда в доме № 7 по улице Сен-Флорантен в Париже впервые увидел гибкую, удлиненную элегантной геометрией туалетов от Пату фигуру, на которой блузы с низкой талией и короткие юбки смотрелись с особым шиком, вызывая нескрываемую зависть у клиенток из Европы и Америки, сжимавших в руках чековые книжки, когда эта женщина появлялась на подиуме, шла по нему, надменно глядя перед собой, и останавливалась, подбоченившись.

— Они тебя втянут в беду. Будет скандал.

— Возможно, однако ты же знаешь, отказать я не мог. Сам Метаксас…

— Да перестань! Ты ничего не должен ни ему, ни даже Греции. А испанским фашистам и подавно.

Последние слова она произнесла по-французски. Иногда в разговоре они с полнейшей естественностью переходили на него. Причем употребляли тогда церемонное «vous». Со време-

нем она избавилась от легкого русского акцента, который звучал в ее речи пятнадцать лет назад, когда они познакомились.

— Они сражаются с большевиками, дорогая моя, — сказал барон по-гречески. — К этому ты должна быть особенно чувствительна.

И увидел, как она отвела глаза, последний раз затянулась и медленно погасила сигарету в пепельнице, стоявшей рядом на смятых простынях.

— Слишком много времени минуло с тех пор, как я была такой, — ответила она. — Как мы были такими.

Это верно, невесело подумал барон. И вспомнил, как, сопровождая свою подружку и едва успев пригубить «бренди-флип»[29], сидел, облокотившись на стойку в маленьком баре «для своих» — модных актрис, влиятельных политиков, международных бизнесменов, которые, рассевшись на высоких табуретах, ждали, пока их жен, невест, любовниц обслужат этажом выше, — и впервые увидел эту женщину: она спускалась по винтовой лестнице. И навсегда запомнил, что ее туалет — вечернее платье из

[29] Notes: 29

«Бренди-флип» — коктейль из коньяка с сахарным сиропом, яйцом или яичным желтком и иногда со сливками.

лилового муслина, удивительно сидевшее на ней, — назывался «Il viendra»[30]. Через два дня она, эта женщина, которую тогда звали Лена Меншикова, и он, барон Пантелис Кетельос, ужинали у Прюнье, а еще через пять недель обвенчались в Монте-Карло.

— Значит, это правда, что отсюда они будут нападать на русские суда? Что остров Гинайка станет их базой?

— Да, так задумано.

Она скептически поджала губы:

— В двадцатом веке? Что за чушь.

Женщина порывисто поднялась с кровати: босые ноги ступили сначала на ковер, а потом на холодные плиты пола.

— Хочу взглянуть на это… С моря, издали, а?

Барон покачал головой:

— Нет, нельзя.

— Почему это? — Она уже сбросила с плеч кимоно. — Это же наш остров.

Кетельос созерцал ее тело — ровно и сплошь загорелая кожа, плавные изгибы бедер, маленькая и все еще почти девически упругая грудь. Крутые завитки в развилке длинных ног.

---

[30] Notes: 30
«Он придет» *(фр.)*.

— Это будет неблагоразумно, — спокойно возразил барон. — Это люди, которые… Ну, короче говоря, они представляют собой опасность.

— Ты ведь только что сказал, что их начальник производит приятное впечатление!

— Так то начальник. И потом, есть договоренность. Официально нам ничего об этом не известно.

Она открыла шкаф. И после краткого раздумья достала и надела белые брюки грубого полотна и матросского фасона. Потом вытащила черную трикотажную майку и, не натягивая ее, обернулась к Кательосу:

— Это смешно. Они здесь. И хуже всего, что даже не платят тебе за это.

— Они предлагали… Метаксас…

— Оставь ты Метаксаса, ради бога! — перебила она. — Слышать больше не могу о нем и о твоих дурацких правилах! Будто я не знаю, что ты отказался брать с них деньги. Ты ведь должен был выяснить, кто они такие, разве не так?

— Я должен был сперва уяснить, кто такой я.

Она сверкнула глазами:

— Думаешь, это кому-нибудь важно?

— Не думаю, — угрюмо кивнул он. — Это даже для тебя не имеет значения.

Меж тем она завершила туалет. Сунула ноги в парусиновые туфли на резиновой подошве.

— В самом деле, Лена, куда ты собралась?

— На Сирос. Я уже почти две недели там не была.

Барон взглянул на два крохотных следа от свежих инъекций на сгибе левого локтя и отвел глаза:

— К другу-доктору?

Он произнес эти слова с холодной горечью, а жена ответила ему таким затравленным взглядом, словно они оскорбили ее. Потом подняла другую руку — ладонь была изрезана глубокими длинными линиями. «Раздолье хиромантам», как говорила она прежде, когда у них еще в ходу были шутки.

— Он не единственный мой друг.

Эти слова хлестнули его, как оплеуха. Секунду супруги смотрели друг на друга, словно ожидая, когда прозвучит нечто теперь уже невозможное. И наконец барон сдался и смирился:

— Скажу Стамосу, чтобы отвез тебя.

— Я могу и одна.

— До гавани двенадцать миль. На море штиль, но если вдруг авария…

Пожав плечами, она сделала движение к двери.

Кательос удержал ее за руку:

— Не вздумай приближаться к восточной бухте, Лена.

— Не беспокойся. — Она резко высвободилась. — Самую абсурдную часть нашей жизни оставляю тебе.

Задувал сырой холодный бриз, и Сальвадор Лонкар застегнул воротник плаща. С тех пор, как в отрочестве у него заподозрили туберкулез и сушили газом часть доли легкого, он был предрасположен к пневмониям. Потом взглянул на часы и убедился, что все идет как надо. Маленький катерок, везший его по спокойным водам Золотого Рога, миновал деревянные дома квартала Фенер, полупустого после недавних греческих и армянских погромов, и, оставив позади фабричные трубы, минареты, пристроенные к византийским соборам, и верфи со ржавыми скелетами полуразвалившихся судов, развернулся носом к Эюпу, где на окутанных дымкой берегах белели оттоманские кладбища и высились серые кипарисы.

Ступив на причал, он увидел Антона Солёнова, который стоял у ограждения среди дожидавшихся погрузки крестьянок с корзинами зелени, курами и петухами. Со стороны русского это бы-

ло проявлением любезности, отметил про себя польщенный Лонкар, жестом дипломатической вежливости. Представитель «Совфрахта» в Стамбуле — его контора располагалась поблизости, рядом со складами, которые арендовали русские, — был приземист и плечист, в широкополой шляпе, надвинутой на пшеничные брови, в обтягивавшем атлетический торс длинном, чуть не до пят пальто с каракулевым воротником. Славянские глаза заискрились при виде испанца.

— Спасибо, что встретили, — сказал Лонкар.

С вельможной вальяжностью широко разведя руками, Солёнов дал понять, что получать благодарность за такие пустяки излишне и даже обидно. Перевалив за пятьдесят, он сохранил какую-то почти детскую свежесть лица, и это в сочетании с ясными глазами и постоянной улыбкой придавало ему вид человека симпатичного и безобидного — вид, кстати сказать, вполне обманчивый для тех (Лонкар к числу этих людей не принадлежал), кому было неизвестно, сколь беспощадную роль Солёнов, в досье республиканской разведки занесенный как Толстой, сыграл несколько лет назад, когда на советском торговом флоте шло свирепое истребление «контрреволюционных элементов».

— Присядем где-нибудь, товарищ Лонкар, или предпочитаете пройтись?

Испанец взглянул на низкое хмурое небо:

— Дождя не будет?

— Вряд ли. — Солёнов показал на зонтик, зажатый в поросшем светлыми волосами кулаке. — Но как бы то ни было, предусмотрительность — мать победы. Так Ленин сказал.

— В самом деле?

— Ну, не сказал, так мог бы.

Они понимающе переглянулись и выбрали путь к площади Карйагды. Они бывали здесь раньше и доходили до Кладбища палачей. Солёнову, похоже, нравилось там, среди безымянных надгробных плит, — дело было в том, что стамбульцы не желали хоронить дорогих им покойников рядом с теми, кто при жизни извлекал из казни ближнего своего немалый доход. Впрочем, место было приятное, и Лонкар предпочитал думать, что пристрастие к нему объясняется чисто эстетическими соображениями.

— Кое-что есть, — сказал он, проведя ногтем по усам. — Не поручусь, что это важно, однако кое-что есть.

— Я весь внимание, — кивнул русский.

И Лонкар попытался облечь в некую веще-

ственность то, что до сей поры было лишь его смутными ощущениями. Есть, сказал он, кое-какие признаки, что франкисты заинтересовались судами, проходящими через Дарданеллы. Это уже совсем не ново, но в последние дни стало очень очевидно. И кажется, будто что-то иное — а что, пока непонятно — смутно вырисовывается в пейзаже.

Солёнов, поигрывая зонтиком, слушал внимательно.

— Интересно, мне кажется, хотя и несколько расплывчато… Нельзя ли, товарищ, поконкретней?

— Нельзя, и это меня беспокоит. Это скорее ощущения, нежели факты. И все же возьму на себя смелость сказать: что-то замышляется.

Солёнов в задумчивости прошел еще несколько шагов молча.

— Постоянно кого-то в чем-то подозревать — это естественно для хорошего коммуниста.

— Вы имеете в виду паранойю? — не удержался Лонкар.

Русский сурово покосился на него:

— Вы, испанцы, для красного словца… Подозрение, я сказал! Здоровая предусмотрительность, умение всегда быть начеку и твердо помнить,

что буржуазная империя всегда действует тайно и скрытно. И внедряется в самые благородные сферы, чтобы наносить ущерб международному пролетариату.

— Вы просто сняли у меня с языка.

Солёнов резко остановился и уставился на Лонкара:

— Вы что, товарищ Лонкар, глумитесь над Советским Союзом?

— Боже упаси.

— Боже?

Они постояли напротив друг друга с серьезным видом, но внезапно покатились со смеху. Солёнов немного сдвинул назад шляпу, распахнул пальто, достал кожаный футляр и предложил Лонкару сигару — это была хорошая турецкая *витола*[31] «Осман». Потом, еще утирая заслезившиеся от смеха глаза, щелкнул зажигалкой — в золотом «Паркере» не было ничего пролетарского — и поднес огня.

— Сможете как-нибудь уточнить свои ощущения?

— Постараюсь.

Они молча курили, стоя между белыми и се-

---

[31] Notes: 31

В сигарной промышленности термин «витола» обозначает размер и форму сигары.

рыми надгробьями, и созерцали пейзаж — суда, сновавшие во всех направлениях по Золотому Рогу, далекий Галатский мост, Топкапы[32], мечеть Сулеймание под темным небом, туманной дымкой окутывавшим холмы.

— Тут возник деликатный момент, — уже серьезно сказал Солёнов. — Как вы знаете, разрабатывается договор, призванный умерить активность фашистов в Средиземном море… Немцы и итальянцы больше не смогут безнаказанно перехватывать транспорты, везущие в Республику военные грузы. И даже флот франкистов лишится права задерживать, досматривать или топить торговые суда за пределами трехмильной зоны территориальных вод. — Он помолчал, пососал сигару и медленно выпустил дым. — Москве неудобно будет высказываться по этому вопросу, пока договор не подписан.

— Однако вы же, пусть даже временно, не прекратите сообщение с нашими портами? По крайней мере, мы на это уповаем.

— Разумеется, не прекратим. Вы знаете, что отдел Икс занимается этим денно и нощно. И наши порты в Севастополе, Одессе, Феодосии и Херсоне

[32] Notes: 32

Топкапы — главный дворцовый комплекс Османской империи до середины XIX века.

действуют с полной нагрузкой.

Лонкар кивнул. Отдел Икс был подразделением одиозного НКВД и из Москвы координировал советскую помощь Испании, которую доставляли туда корабли: буквой Y обозначались суда под советским флагом, а YZ — все остальные, включая и республиканскую Испанию. Антон Солёнов был представителем Совфрахта в Стамбуле и под этим прикрытием руководил тамошним отделом Икс.

— Товарищ Сталин выполняет свои обещания, — продолжал он, — а солидарность наших рабочих и крестьян с Испанией нерушима. И потому то, что вы рассказали, мне представляется значимым. Жизненно важно установить, готовят ли франкисты новые акции. Выработан ли ими новый курс.

Лонкар немного подумал:

— Отправляются ли какие-нибудь суда из портов Черного моря в ближайшее время?

— Да, разумеется… В ближайшие восемь недель не менее четырех пароходов — советских, испанских или под иными, но подходящими флагами — возьмут курс на Мексику или другие страны, которые, соблюдая все формальности, выдадут официальный сертификат о заходе в их порты. Однако разгрузятся эти суда, как уже быва-

ло не раз, в Картахене, Валенсии или Барселоне.

— Стало быть, следует…

— Знаю, не беспокойтесь. Знаю. Ваше сотрудничество и контроль останутся бесценны для нас. Дня через два вы получите детальную справку, но кое-что могу сообщить уже сейчас… Помните «Старый большевик»?

— Конечно. Он совершил два рейса в Испанию.

— И готовится к третьему. Сейчас одесские докеры работают днем и ночью, черпая свой трудовой энтузиазм в восхищении борьбой испанского народа с фашизмом, и заполняют трюмы грузом, о котором мы с вами говорили десять дней назад: его код — Y–21.

— Там будет все?

— Все, кроме пулеметов «Бергманн» — их вместе с боеприпасами отправят следующим рейсом.

Лонкар был доволен. Кодом Y–21 обозначалась партия важного груза для Республики — десять полевых орудий «Шнейдер», восемь гаубиц «Крупп», полторы сотни станковых пулеметов «Максим», четыре тысячи винтовок «Маузер», шестьдесят тонн пороха, сорок тысяч релейных элементов, пятнадцать тысяч запалов для мин и восемь миллионов винтовочных патронов. Груз,

необходимый для тех тяжелых боев, которые верные правительству войска республиканцев ведут в Испании.

— Когда планируется выход «Старого большевика»?

— Через неделю или даже раньше. Меня оповестят, само собой, а я сообщу вам, чтобы вы могли отслеживать его проход через Дарданеллы и приготовить конвой. Рандеву[33], полагаю, произойдет на прежнем месте.

— Да, по умолчанию. Если не поступит иных приказов — у побережья Туниса, на траверзе мыса Бон.

— Прекрасно. А что касается тех подозрений, о которых вы упомянули…

— Это даже еще не подозрения, товарищ Солёнов. До подозрений я еще не дошел.

— Ничего конкретного? Ничего такого, на что можно было бы опереться?

— Ровным счетом ничего. Чистая интуиция.

— И что же она вам говорит?

— Что франкисты проявляют больше внимания к караванам, идущим из Черного моря, нежели раньше.

---

[33] Notes: 33

Здесь: место заранее назначенной встречи кораблей (или соединений) в море.

Солёнов заморгал: простодушное выражение его незамутненно ясных глаз очень к нему располагало.

— Сколько мне помнится, безразличия в этом вопросе у них никогда и не наблюдалось.

— Верно. Но теперь это внимание еще повысилось.

— Может ли это быть связано с договором, который готовят к подписанию?

— Может.

Русский долго молчал, задумчиво рассматривая рукоять своего зонтика. И наконец испустил вздох, в котором прозвучала усталость.

— Я никогда не позволяю себе недооценивать интуицию таких опытных людей, как вы, — медленно проговорил он. — В нашем с вами ремесле случайностей не бывает, а потому ничем пренебрегать нельзя… Поручу моим людям… может быть, сумеют что-нибудь разведать, но и вы оставайтесь начеку. Как говорится, хочешь кость погрызть — держи ее в зубах.

— Не выпущу.

— Все мы ввязались в эту игру. Влезли с головой. Советский Союз, Испанская Республика, я… Вы.

— Я — особенно.

Глаза Солёнова сделались градусов на двадцать

холодней. Милого простодушия в них теперь не было и в помине.

— Да, товарищ, это так. Здесь, на чужбине… вдали от родины… — И после паузы, длинной, как коридор Лубянки, добавил: — Вы — особенно.

Двадцать пять узлов — хорошая крейсерская скорость. Разогнались было до тридцати шести, но Хордан не хотел форсировать моторы. Еще представится случай или возникнет надобность. Когда шли на предельных оборотах, он спустился в машинное отделение взглянуть, как обстоят дела. Машинист и его помощник-албанец сидели среди трубопроводов и рычагов, посматривали на показания приборов и вид имели довольный. Все исправно, капитан, повышая голос, чтобы перекричать ритмичный грохот дизелей, сказал Георгиос Амбелас. Эти немцы строят на совесть. Хордан приказал снизить обороты до тысячи и по металлическому трапу поднялся в ходовую рубку, где Иоаннис Элеонас вполголоса отдавал команды рулевому.

— Пойдем наверх, штурман, — сказал Хордан.

Оба поднялись на мостик, расположенный над рубкой. Солнце стояло в двадцати пяти градусах над горизонтом, и катер как ножом рассекал синюю сияющую гладь, которую прямой белый

след винта делил на равные половины. Вокруг него, по кругу, темнела густая синева дальних островов, где низины еще скрывались в рассветной полутьме.

Хордан прислонился к закрытому брезентовым чехлом прибору управления огнем и взглянул на корму. На правом борту у торпедного аппарата, тоже, как и парный ему по левому борту, закрытого брезентом, сливающимся по цвету с остальным катером, Ян Зингер учил Никоса Киприану обращаться с механизмом заряжания и пуска торпед.

— Ну вот и встретились, — сказал Элеонас.

Хордан поглядел на далекую темную точку, а потом поднял голову к небольшой площадке, огражденной металлическими перилами на уровне пояса, с которой смотрел в бинокль Сами Мароун.

— Каик?

— Он самый, капитан, — ответил ливанец.

Элеонас вытащил затычку из переговорной трубы и приказал лечь на другой галс. Катер ходко двинулся к темной точке, с каждой минутой увеличивавшейся в размерах. В эту минуту голову в люк просунул Бобби Бомонт: очки подняты на лоб, во рту сигарета.

— Сигнал с «Каризии»! — крикнул он. — Очень отчетливый.

— Мы ее видим, — ответил Хордан.

Голова англичанина скрылась. Каик, шедший курсом на юг, можно было уже разглядеть невооруженным глазом. Это было то самое суденышко, которое доставило Хордана и четверых его людей на остров Гинайку, а теперь патрулировало к северо-западу от островов Андрос и Тинос, покуда другой каик, «Зейос Деметриос», — на юго-востоке. Под видом безобидных греческих рыбаков они по беспроволочному телеграфу поддерживали постоянную связь с Бомонтом и были передовыми дозорами торпедного катера. Им полагалось оповещать о появлении целей.

— Ну, штурман, воспользуемся случаем… — предложил Хордан. — Боевая тревога!

Грек дунул в свисток и подкрепил свист голосом. Все, кто был на палубе, с удивлением уставились на мостик. Зингер и его помощник были уже на месте, впередсмотрящий Сами Мароун спустился с «бочки» и присоединился к своему кузену Фариду у «Эрликона», который еще не был установлен. Хордан в переговорную трубу приказал машинисту поднять ход до тридцати узлов. Потом, снимая крышку с торпедного ап-

парата, начал отдавать приказания помощнику, который дублировал их рулевому:

— Пятнадцать вправо. Так держать… Десять влево. Хорошо, штурман. Так держать.

Катер, точно внезапно брошенный вперед могучей рукой, слегка задрал нос, вздымая буруны с обоих боков. От рева трех двигателей, работавших почти на максимальных оборотах, дрожала палуба, а выхлопные трубы рокотали с приглушенной мощью, как подобает отлично отлаженному сильному механизму. Хордан не видел такого с тех пор, как стажировался в Германии, и сейчас с наслаждением узнавал знакомое будоражащее ощущение власти над этой неимоверной силой. Капитан на борту — первый после Бога, вспомнилось ему.

— Вправо пять. Так держать.

Ветер, поднявшийся от высокой скорости, трепал на Хордане одежду. Он снял фуражку, чтобы не сорвало, приставил к глазам бинокль. В перекрестье визира с поразительной отчетливостью — о эта цейссовская оптика! — возник и по мере приближения стал вырастать каик. Полторы тысячи метров. Он был меньше торгового судна, и учебные пуски будут продолжаться всю ночь, но это хорошо для сноровки. Они по-

вторят атаки десятки раз, прежде чем атакуют взаправду.

Покручивая маховики настройки, Хордан вычислял курс и скорость цели, чтобы наметить траекторию воображаемой торпеды. До каика оставалась тысяча метров, когда он метнул быстрый взгляд на Зингера и увидел, что голландец и его помощник удвоили внимание. На мостике, прильнув к раструбу переговорной трубы, сообщавшей команды рулевому, Элеонас всматривался в цель так напряженно и сосредоточенно, словно катер действовал в бою. Хордан вскинул левый кулак. Восемьсот метров. Катер, казалось, летел над синей водой, взъерошенной легкой зыбью. Пятьсот метров. Каик заполнил весь визир. Хордан опустил руку, отвел бинокль и взглянул туда, где на правом борту Зингер изобразил, что двинул рычаг пуска торпеды.

— Право руля, штурман. Уходим.

Элеонас отдал команду, рулевой круто переложил штурвал вправо, и катер, накренясь в противоположную сторону, развернулся и стал удаляться от каика. Хордан перевел дух.

— Отлично справились. Так держать. Обороты сбавить до восьмисот.

— Мы его потопили, *капетанье*? — с улыбкой

спросил грек, и Хордан улыбнулся в ответ:

— Я бы ответил утвердительно.

Зингер у торпедного аппарата удовлетворенно показал большой палец. Катер, снизив скорость, описал почти правильную окружность и вновь оказался рядом с «Каризией». От внимания Хордана не укрылась антенна беспроволочного телеграфа, шедшая от рубки к верхушке мачты. Шесть моряков стояли у сетей и донных снастей, разглядывая катер. Среди них Хордан узнал и шкипера, некогда доставившего его с «Акамаса» на остров.

Он приказал идти параллельным курсом по правому борту на расстоянии голосовой связи. Сам же, закрывая крышкой торпедный аппарат, не расслышал, что там кричал ему шкипер, а потому спросил Элеонаса:

— Что он сказал, штурман?

Грек добродушно мотнул головой, поскреб седую щетину на небритом подбородке:

— Осведомляется, честные ли женщины были наши матери.

— Да? С какой это стати?

— Он подумал, что мы решили взаправду всадить в него торпеду.

Хордану не понравилось то, что он увидел по

возвращении на остров. Когда катер, под крики чаек благополучно миновав рифы у южного берега, медленно входил в бухту с восточной стороны, Хордан заметил у причала, напротив пакгаузов, моторку барона Кательоса. А когда начали швартоваться, увидел шагах в тридцати женщину, сидевшую на прибрежных скалах.

— Штурман, знаете ее?

Элеонас, не сказав ни да ни нет, пожал плечами. Это должно было означать: все, что происходит на суше, его не касается.

— А я бы вот узнал, да поближе, — сказал Зингер.

— Помолчите.

Голландец осекся. Катер еще заводил швартовы, когда Хордан соскочил на пирс и под любопытными взглядами моряков направился к скалам. Он был по-настоящему раздражен, потому что посторонним тут было не место. Женщина оказалась тонка и длинноногa. Издали виделась моложе, чем вблизи. И выглядела элегантно, даже в своем затрапезном обличье — матросские штаны, мешковатая трикотажная майка и теннисные туфли — а может быть, элегантной ее делало то, как она носила эти вещи: непринужденно, раскованно, с тщательно рассчитанной небреж-

ностью. Сильно тронутые сединой волосы были острижены очень коротко, почти по-мужски. Она невозмутимо курила, глядя на приближавшегося Хордана.

— Здесь находиться нельзя! — сказал он.

Она заморгала так удивленно, словно ожидала от него других слов. И несколько взмахов ресниц почти сейчас же сменились спокойным и почти насмешливым взглядом.

— Очень даже можно, — произнесла она безмятежно. — Это мой остров.

И сбросила столбик наросшего пепла в одно из отверстий, проделанных морем в сверкающей от соли скале. Меж соседних камней к тихой воде ползло несколько маленьких крабов.

— Я привезла с Сироса пару, которая будет стряпать для вашей команды. — Она показала на пакгауз, откуда вышли поглядеть на гостя мужчина и женщина. — Нанял их мой муж, но платить будете вы.

Она затянулась, выпустила дым изо рта и из ноздрей. И продолжала с любопытством разглядывать Хордана. В ее ореховых глазах золотистыми искрами отблескивало солнце, клонившееся к закату.

— Как вас зовут, господин моряк?

— Я представился вашему мужу, — ответил Хордан после краткой заминки.

— А он мне вас не представил.

— Мое имя значения не имеет.

— Но как-то же я должна к вам обращаться, а?

— Таких случаев будет немного.

— Тем не менее.

— Тозер, — ответил он после небольшого колебания.

— Странно звучит для испанца. — Она улыбнулась теперь отчужденно и словно рассеянно. — Тем более что по внешности никто не определит, к какой нации вы принадлежите.

Снова затянулась и бросила окурок между камней. И добавила со спокойным удивлением:

— Вы и говорите по-гречески лучше, чем я.

— Что вы здесь делаете? — спросил Хордан почти грубо и увидел, как она сделала неопределенное движение.

У нее были длинные пальцы с кроваво-красным лаком на ногтях; ни часов, ни украшений — только на щиколотке, между краем брюк и парусиновым башмаком, виднелась тонкая золотая цепочка.

— Я же вам сказала, — не сразу ответила женщина. — Привезла повара.

После этого обвела взглядом моторку, пакгаузы и берег. Моряки продолжали наблюдать за ней издали.

— У вас странный корабль, сеньор Тозер. Или я должна называть вас «капитан»?

— Вы должны уйти отсюда, — сухо сказал Хордан.

Взгляд женщины скользил по нему так медленно, что этот осмотр казался нескончаемым.

— Вы прогоняете меня с моего собственного острова?

— Вы должны уйти, — повторил он. — Женщине здесь не место.

Она огляделась по сторонам, словно желая удостовериться, что других женщин здесь нет.

— Кого вы имеете в виду?

— Ваш муж знает, что вы здесь?

— Он знает, что я отправилась за поваром… А что буду с вами разговаривать — это уж мое дело.

Она замолчала, продолжая осматривать его с головы до ног. С легкой, ничего не значащей улыбкой показала на моряков в отдалении:

— И вы не покажете мне катер и не представите меня своему живописному экипажу?

— Я прошу вас больше здесь не появляться.

— Вы не можете мне запретить.

Хордан вздохнул. Мне не нравится то, что происходит, и то, как это происходит, подумал он. Меня не предупреждали о таком.

— Я буду вынужден поговорить с бароном.

— О-о, вот это удачная мысль! — Она внезапно чересчур оживилась. — Поговорите… Приходите как-нибудь поужинать, разумеется, если не будете в море. Уверена, что мой муж был бы очень рад пригласить вас.

Хордан, изогнувшись, показал ей дорогу от пляжа и пакгауза:

— Прощайте, баронесса.

Лицо ее вдруг стало сумрачным. Губы скривились в недовольной гримасе. Она поднялась:

— Перестаньте… Что за нелепость? Никогда больше не обращайтесь ко мне так. — Показала на корму моторки: — Меня зовут Лена.

И под любопытствующими взглядами моряков зашагала к пакгаузу. Оглянулась и посмотрела мельком и так безразлично, словно их не было вовсе или она их не видела. Потом, резко повернувшись к ним спиной, сняла оба швартова, скользнула на обитое зеленой кожей сиденье и оказалась за штурвалом.

— Лена, — повторила она.

Вытащила из ящичка темные очки и надела. Потом повернула ключ зажигания, мотор зарычал, и моторка покинула восточную бухту.

4. Пролив Кафирефс

Когда Сальвадор Лонкар и Пепе Ордовас вышли из маленькой *локанты* — ресторанчика с дощатым полом и фанерными стенами, украшенными скверными гобеленами и разноцветными лампочками, — уже сгущались сумерки, играя охристыми бликами на поверхности Мраморного моря. С одного из шести минаретов Голубой мечети доносился голос муэдзина, нараспев читавшего предпоследнюю за день молитву.

— Ну, признай, что фрикадельки были просто божественны, — заметил Ордовас.

Лоркан удовлетворенно провел ногтем по мушкетерским усам:

— Признаю.

— То-то же!

В квартале Флорья полдесятка плохо освещенных керосиновыми лампами ларьков, которые стояли в густеющей тени у подножья старинной крепости, пропитывали солоноватый воздух запахами отбросов и жареной рыбы. Лонкар посмотрел по сторонам, удостоверяясь, что нет нескромных глаз, потом взглянул на азиатский

берег, где стали зажигаться первые огни и гаснуть солнечные блики в стеклах домов в Ускюдаре и Кадыкёе.

— Мы с тобой еще не потолковали о нашем деле, — сказал Ордовас.

— А что такое «наше дело»?

— Сам знаешь, — уклонился от прямого ответа агент националистов, почесывая лысеющую макушку. — Твое и мое.

Да, так оно и было. В салоне мадам Азийаде они были слишком сосредоточены на двух шахматных партиях — одну выиграл Лонкар, вторую свели вничью, — а за ужином полностью предались чревоугодию, смакуя каждый кусочек кушаний, которые, беспрерывно приговаривая «эфенди»[34], им подавал турок с висячими усами и в фартуке, не стиранном, казалось, со времен Селима Сурового[35]. Угощение и в самом деле было великолепно: тонко нарезанная подкопченная рыба-меч с лимоном и пресловутые фрикадельки, ради которых они и пришли. На десерт Лонкар насладился славным рисовым пудингом, запив

---

[34] Notes: 34

Господин *(тур.)*.

[35] Notes: 35

Селим Первый (1470–1520), также известный как Суровый, Жестокий или Храбрый, — султан Османской империи в 1512–1520 годах.

его двумя чашками густого черного кофе и закурив отличную турецкую сигару — она и сейчас еще дымилась у него в пальцах, пока другой рукой он разнеженно поглаживал себя по животу.

Здесь-то получше будет, подумал он, не мучаясь угрызениями совести, чем в окопах Университетского городка.

— Вот это жизнь, — удовлетворенно сказал он вслух. — И помирать не надо.

Ордовас выразил согласие с этим мнением. Чтобы протрястись после трапезы, они шли по берегу вдоль крепостной стены — пузатый и осанистый республиканец с зачесанными назад прилизанными волосами и маленький тощий франкист с бритой лисьей мордочкой. За старинными византийскими камнями, где среди развалин росла смоковница или ветвился виноградный куст, через открытые двери в полутьме видно было, как люди играют в карты или в нарды, перебирая янтарные четки, а у порога мирно дремлют уличные псы. В своей каморке цирюльник при свете масляной плошки брил клиента.

— Ты, наверно, слыхал про морской бой у мыса Мачичако, — сказал наконец Ордовас.

За весь вечер он впервые упомянул о гражданской войне. Не в их обычае было путать работу и

удовольствие.

— Вспомогательный флот басков отличился, — кивнул Лонкар.

— Ты вправе гордиться. Две ваши рыболовные шхуны, вооруженные жалкими пушчонками, на равных сцепились с крейсером «Канариас». И одна пошла ко дну, не спустив флаг. Даже турецкие газеты написали об этом. Неплохо, а? Особенно если вспомнить, что вы, большевики, настоящего моря не нюхали и плещетесь в пресной луже… Впрочем, эти баски — красные только снаружи. К мессе ходят и вообще — другую музыку играют.

Лонкар взглянул на него насмешливо:

— А ты, Пепе, к мессе, что ли, не ходишь? Фашистам рай и так обеспечен, да? А здесь, на Пере, есть католическая церковь, которая бы тебе подошла.

— Она бы подошла, да мне-то на кой дьявол идти?

— Ну, вашего-то славного вождя, чтоб он сдох, епископы выносят под балдахином, а он не возражает.

— Каждый на свой лад с ума сходит, — равнодушно ответил Ордовас. — У нашего — такие вот фу-ты ну-ты атрибуты.

— Да уж вижу.

— Только ты разговор-то не переводи, не надо. Я говорю, что ваши баскские моряки — исключение, которое только подтверждает *ваше* правило. И вдобавок хозяин одного такого корыта — откуда-то из Мурсии или вроде того.

— Есть правила, состоящие из исключений. Дай нам время.

— Какого тебе еще времени, если ваша эскадра из гавани носу не кажет, а миноносец «Хосе Луис Дьес», который не выходит даже на рыбалку, окрестили «Пепе Портовый»[36].

— Преувеличиваешь.

— Я преувеличиваю?.. Теперь, после того как вы перебили почти три сотни офицеров и старшин, эскадрой командуют комитеты, выбранные из темной матросни, вот как на броненосце «Хайме Первый», — уголовного сброда, криминального отребья, которое гораздо грабить и шляться по картахенским борделям, но не умеет ни морскую карту читать, ни секстаном высоты брать… Чему удивляться теперь? Вам наплели басни о броненосце «Потемкин»? А вы и уши развесили.

Лонкар в последний раз пососал сигару, бро-

---

[36] Notes: 36

Пепе — уменьшительное от Хосе.

сил окурок и остановился, чтобы растереть его подошвой.

— Если память мне не изменяет, — сказал он спокойно, — а она мне верна до гроба, мы ликвидировали кадровую сволочь, высокомерных барчуков, которые пытались снюхаться с Франко, чтобы свергнуть Республику, и сделали бы это, если бы остались в живых.

— Если бы да кабы… Экипажи взбунтовались.

— Что ж, не повезло этим аристократишкам, — едко засмеялся Лонкар. — Раньше начнешь — раньше кончишь. Кто рано встает, тому святой Карл Маркс подает. Вы, что ли, лучше?! Расстреляли тысячу матросов, машинистов и комендоров. Форменную резню устроили.

— И правильно сделали, — без тени смущения ответил Ордовас.

— Ну так и не плачь теперь по офицерью.

Они двинулись дальше.

— Жизнь жестока, — философически вздохнул франкист.

— И к одним больше, чем к другим.

— Но признай, что фрикадельки были обалденные.

— Признаю́.

— Вот когда мы вас расколотим и ты застря-

нешь здесь, буду тебя раз в месяц приглашать.

— Вношу поправку: это мы вас вздуем, и это я тебя буду звать.

Лонкар смотрел, как на море, по обыкновению внезапно, с окрестных гор на другом берегу Босфора обрушивается тьма. Совсем близко буксир тащил по каналу баржу с красным огоньком на левом борту, и густой черный дым из трубы доходил до высот Топкапы.

— Есть ли новости из русских портов? — осведомился Ордовас.

Лонкар насторожился. Наконец-то начался деловой разговор.

— Ничего, что заслуживает упоминания.

— Брось, старина… Я же тебе говорил — давай любые мелочи и пустяковины, а уж я их оформлю как полагается.

— Ну правда же — ничего. Так старались перехватить фашистов в Средиземном море, что советская помощь идет теперь с севера, из Мурманска. Ловите ее там, если духу хватит. Только оденьтесь потеплее.

Ордовас глумливо хихикнул:

— Вкручивай еще кому-нибудь. За дурака меня держишь?

Проходя мимо еще одного отверстия в стене,

они увидели человека, который следил за тем, чтобы ни единой искры не отлетело к деревянным домикам, в изобилии теснившимся поблизости. Он курил, сидя под фонарем, и, увидев чужестранцев, поднес два пальца к козырьку.

— Красивый эндшпиль с ферзевой ладьей, — сказал Ордовас, меняя тему.

— Не моя заслуга, — ответил Лонкар. — То же самое Капабланка сделал с Алехиным десять лет назад в Буэнос-Айресе.

— Он его изничтожил, как Фу Манчу[37].

— Да уж.

Лонкар нетерпеливо дернул головой. Его утомляли эти кошки-мышки и пустая трата времени. Мешало умиротворенно переваривать отличный ужин.

— Ну, давай к делу, — сказал он. — Что вы там затеваете?

Из-под низко надвинутой шляпы, затенявшей лицо, поблескивали лукавые глаза Ордоваса.

— То же, что и всегда, — ответил он. — Как бы половчей сыпануть перца под хвост вашей дол-

---

[37] Notes: 37

Фу Манчу — персонаж повестей (1912–1959) английского писателя Сакса Ромера (1883–1959) и многочисленных продолжений других авторов, гениальный преступник, безумный ученый, прообраз абсолютного суперзлодея.

баной Республике.

— А поконкретней? Отчего такой интерес в последние дни?

— Не знаю даже, что сказать тебе… — с запинкой произнес Ордовас и облизнул нижнюю губу. — На меня давят, с меня требуют, меня…

Лонкар предостерегающе вскинул руку:

— Послушай-ка, Пепе.

— Ну?

— Сколько мы с тобой знакомы?

— Полных восемь лет.

— Давай и впредь будем ладить, а? Так что не спрашивай меня больше об этом.

— Да кого же мне еще спрашивать?

— У тебя свои контакты, у меня свои. Иногда это одни и те же люди.

— Ну твою же мать, мы же с тобой секретные агенты! — не сдавался Ордовас. — Нам жалованье платят за то, чтобы мы спрашивали.

— Тебе, может, и платят, а я три месяца уже ничего не получаю.

— Вот они, ужасы войны.

— О если бы…

— Но ведь это логично! Отдали испанское золото русским — ну и сосите теперь лапу.

Лонкар не стерпел и ответил резко:

— Чем-то ведь надо с ними расплачиваться, как по-твоему?! Это вам в кредит отпускают и Гитлер, и этот шут Муссолини! Они вам даже субмарины поставляют!

— Да ладно… — удивился Ордовас. — Ты-то откуда знаешь?

— Птичка напела.

— У-у, м-мать их…

Лонкар немного помолчал, размышляя. Или делая вид, что размышляет.

— Давай так… Сделаем вот что, хотя, в сущности, это то же, что всегда, — сказал он наконец. — Если получу что-то такое, что смогу передать тебе, не навредив своим, — передам. Идет?

— Идет.

— Но сразу предупреждаю — сейчас губу не раскатывай. И не изводи меня вопросами насчет выхода из Черного моря, а наблюдай за тем, что там происходит, фиксируй движение кораблей и прочее, как я это делаю.

В полутьме блеснули зубы Ордоваса.

— Ну да, ты ведь только тем в Стамбуле и занят, — улыбнулся он.

— Только тем и занят.

Ордовас снова вздохнул:

— Ох, ну ты и сволочь же.

— И я тебя люблю, Пепе.

Для этого времени года было очень жарко. Мигель Хордан сидел в тени у порога своего домика за раскладным столом и дописывал донесение, которое надлежало отправить в ближайшее время. Он начал было и письмо жене, но, написав несколько строчек, бросил. Слишком далеко от этого острова находились его жена и сын, и дело тут было не только в количестве миль. Ему нечего было сказать им: то есть для сына, может быть, и нашлись бы слова, но только не через посредство жены, и, перечитав избитые истины и общие места, которыми начиналось письмо, он почувствовал едва ли не дурноту. А потому, порвав листок в мелкие клочки, Хордан сосредоточился на донесении.

Все было или вот-вот должно было быть готово. Плавбаза — итальянский пароход «Массафра» водоизмещением всего тысячу тонн, уже полвека подставляющий бока ударам волн, — накануне выгрузила шесть торпед, пять тысяч 20-миллиметровых снарядов для «Эрликона» и двадцать тысяч литров горючего. Достаточно на первое время. Две торпеды и семь тысяч пятьсот литров уже на борту катера, а остальное в пакгаузе, от которого к причалу проложили по песку доща-

тые мостки.

Оттуда, где сидел Хордан, ему был виден катер, до половины закрытый камуфляжной сетью, реющие над ним чайки, Ян Зингер и братья Мароуны, что-то доделывавшие на борту. Ходовые испытания прошли успешно, и «Волчице», как теперь назывался катер, предстоял первый боевой выход в море. Теперь все зависело от Национальной службы информации, находившейся в Афинах и руководившей всеми операциями, и от каиков, размещенных в близких проливах и обязанных немедленно сообщать о появлении советских или республиканских судов.

Видел он, как из пакгауза, где разместили кухню и столовую, вышел штурман, огляделся по сторонам и направился к нему. Он был гол до пояса, а снятую рубашку натянул на могучий торс, когда подошел почти вплотную. На ремне у него висел нож. Хордану нравилось, как держит себя контрабандист — дисциплинированно, в меру почтительно, соблюдая должную дистанцию, но без подобострастия. Если припрет, думал он, глядя на приближающегося штурмана, хорошо, когда рядом окажется такой. Много лет кряду он смотрел, как люди, подобные Иоаннису Элеонасу, все до одного мрачноватые и молчаливые, пока

не начали отдавать команды или материться, сражаются с ветром и непогодой, оказавшись там, где нельзя сказать: «Остановите, я сойду», и привык считать их своими духовными отцами. А потому при встрече сразу узнавал эту породу.

— Все погружено, *капетанье,* — сказал грек.

Хордан налил ему стакан воды из бутылки, стоявшей рядом, и штурман благодарно выпил.

— Можем выйти, как только получим приказ, — добавил он, утирая рот ладонью.

Хордан показал на тех, кто стоял на палубе:

— Что думаете о них, штурман?

Элеонас немного подумал:

— Я их видел на ходовых испытаниях. Ну, за своих отвечаю… Братья — люди умелые и знающие, торпедист — дока в своем деле. Хороший экипаж.

— А радист?

— Он другого поля ягода… — Штурман сделал неопределенный жест. — Но работает хорошо. Антенну на катере поставил — встала как родная. Знает, что делает.

— Слабые места?

— У него?

— У всех.

— У Зингера своя манера на все — и довольно

нахальная. Но он сдерживается. С ливанцами хлопот не будет, пока они едят досыта и получают оговоренное.

Хордан взглянул на дощатые домики. Из трубы столовой вился дымок. Повар, средних лет, лысый и пузатый грек Апостолос, и его жена Сенобия, еще нестарая женщина, вынесли и опорожнили баки с очистками и объедками. Жили они на Сиросе. Надо бы запретить им покидать остров, покуда идет операция. На миг он вдруг подумал о баронессе Кательос.

— Люди довольны кормежкой?

Элеонас кивнул:

— Конечно, хорошо, когда нормальная еда пошла, а то все консервы да консервы… При нашей работе надо, чтоб брюхо радовалось… — Тут он задумался и повел плечами. — Есть тут одна штука…

И снова замолчал, глядя на Хордана. Потом заговорил:

— Подозреваю, что наш кок имеет намерение предложить свою жену команде. Не задаром, само собой.

— Она и вправду его жена?

Элеонас почесал нос:

— Говорит, жена.

— Мало ли что говорит… Вы-то их знаете?

— На этих островах мы все друг друга знаем, *капетанье*… Может, турнуть их отсюда?

— Уже нельзя. Он теперь может рассказать что не надо и не тому, кому надо.

— Согласен.

Они в нерешительности глядели друг на друга.

— Вообще-то, — наконец вымолвил штурман, — это даже неплохо, если люди смогут получить разрядку. Предстоят напряженные дни, а напряжение снимать если не этим делом, то, значит, спиртным. А это опасней.

— Понимаю.

— Если все прояснить с самого начала, неприятностей не будет.

— А были уже?

— Нет, но могут быть. Знаю, с кем дело имею…

— Поговорю с людьми и с поваром, — решил Хордан. — Введу строгие правила.

— Вот это нужное дело. Лучше предусмотреть…

— Рассчитывайте на это.

В дверях своего домика, потягиваясь, появился Бомонт. Вид у него был усталый: радист, без сомнения, долго налаживал оборудование. Глянув на берег, снова скрылся внутри.

— Хочу попросить вас… Приглядывайте за радистом, — сказал Хордан. — Незаметно так.

Элеонас взглянул удивленно, но возражать не стал:

— Ладно.

— Он хороший человек, пока не добрался до бутылки.

— А-а, ну да… Но я вижу: он не прикасается к спиртному. Разве что пиво.

— Постараемся, чтобы и дальше так было.

Они замолчали, созерцая пляж и чаек, то паривших над катером, то садившихся на воду в поисках рыбы. Хордан завинтил колпачок вечного пера и сложил бумаги в кожаную папку.

— Давно ли вы кормитесь морем?

Грек округлил глаза, медленно высчитывая срок. Хордан убедился, что он все делает так — взвесив сначала каждое слово и обдумав каждое движение. Оно и понятно: не стоит ждать, чтобы матерый контрабандист действовал наобум или очертя голову.

— Да лет в двенадцать нанялся я на рыболовную шхуну. Стало быть, тридцать два года плаваю.

В двенадцать, подумал Хордан. Штурман был ровесником его сына, когда впервые вышел в море зарабатывать на жизнь. И на два года раньше,

чем пошел плавать сам Хордан.

— Откуда вы родом? — поинтересовался он. — С одного из этих островов?

— Нет, из Фокеи… Это недалеко от Смирны, в турецких владениях. Родителей и братьев убили в четырнадцатом году, — сказал он самым естественным тоном, лишенным всякого драматизма. — Мне повезло: я был в море. И так вот спасся.

Хордан отозвался со вздохом:

— Тяжко жить в этой части Средиземноморья.

Казалось, штурман обдумывает эти слова, как будто никогда не размышлял на эту тему.

— Тяжко везде — было или еще будет, рано или поздно, сейчас или потом. Вы, испанцы, наглядно показываете это на примере своей страны. Вслед за ней полыхнет вся Европа.

Он произнес это с намеком на улыбку, не противоречившую его обычной серьезности: это была улыбка смирения перед неизбежностью. Только самые древние и мудрые народы, сказал себе Хордан, способны улыбаться так.

— Урок Великой войны не усвоили и вот — затевают другую, — добавил штурман.

— Интересуетесь политикой?

Элеонас сделал жест, которым греки выражают

несогласие и протест, — вскинутая рука, запястье повернуто, пальцы растопырены, а указательный наставлен на собеседника.

— Вовсе нет, *капетанье*... Только в той мере, в какой она мешает мне работать.

Хордан смотрел на него с огромным интересом. Да-а, каждый из нас — это целый мир, подумал он. Всего не познаешь.

— А что будете делать, если все заполыхает?

Элеонас ответил другим жестом, на этот раз тем, который выражает безразличие: ладони подняты к небу, как бы возлагая всю ответственность на волю богов.

— Нам, грекам, не привыкать: Хиос, Фокея, Смирна. — Он взглянул на Хордана, словно прося подтвердить. — Если не ошибаюсь, горели также Афины и Троя?

— Рассказывают.

— Ну, будет гореть или нет, я, что бы там ни творилось, буду торговать спиртным и сигаретами. И в мирное время, и в военное люди хотят пить и курить.

Хордану понравилось стоическое отношение помощника к жизни и судьбе.

— У вас семья есть?

— Жена и пятеро детей. На Паросе. А у вас?

— Жена и сын. В Испании.

— Сильно страдают от войны?

— Нет. Они в безопасности.

— Счастье, что есть еще в мире места, где безопасно. Повезло вам… Можно воевать, не заботясь и не тревожась о тех, кто вам дорог.

— Пожалуй, что так.

— Я себя тоже считаю счастливчиком. Семейство мое на острове, турок поблизости нет. Могу спокойно заниматься этим… — Элеонас показал на катер. — И потом, знаете, мне это любопытно… — На губах его вновь возник намек на улыбку. — Я никогда не топил суда.

— Я тоже, — напомнил Хордан.

— Ну, значит, вместе будем учиться. Может быть, эта наука еще пригодится. Так же, как жечь города и убивать людей… Думаю, это полезные навыки для того, что надвигается на нас. Или возвращается к нам.

Хордан слушал увлеченно.

— Вы мне нравитесь, штурман, — сказал он внезапно.

Элеонас долго смотрел на него с интересом, а потом наконец улыбнулся по-настоящему — широкая белая полоска вспыхнула на закопченном небритом лице. Потом своей крепкой коротко-

палой рукой в мозолях от жизни в море пожал протянутую ему руку Хордана:

— Да и я знавал начальников похуже, *капетанье* Михалис.

Хордан вошел в лачугу радиста с фотоаппаратом «Агфа» и портфелем, где лежали последние сводки, которые плавбаза доставила ему вместе с боеприпасами. Бобби Бомонт, сидевший перед приемником «Телефункен», перестал крутить ручку настройки, снял наушники и поднялся навстречу.

— Все в порядке, сэр. Я только что связывался с «Каризией»… Она в тридцати пяти милях, перед мысом Кафирефс. — Он поднял руку к потолку, под которым была укреплена антенна. — И сигнал устойчивый.

Хордан взглянул на прикнопленную к стене морскую карту. Карандашом по ней были прочерчены два маршрута: разойдясь по выходе из Дарданелл, они огибали с обеих сторон острова Андрос и Тинос. «Каризия» патрулировала на северо-западе, где обычно проходили торговые суда с Черного моря. Второй каик, «Зейос Деметриос», — в проливе Миконос, на юго-востоке, где пролегал еще один путь.

— Необходимо будет, чтобы они связались с

нами, находясь как можно дальше.

— Само собой, — успокоил его Бомонт. — Проще простого будет развязать гордиев узел волн.

— Переведите.

— Речь вот о чем, сэр. Могу гарантировать стомильное покрытие отсюда, с острова, и около шестидесяти — с катера. — Устремив на Хордана внимательный взгляд сине-зеленых близоруких глаз, он протирал очки подолом рубашки и кивал успокоительно. — Достаточно будет?

— Надеюсь. Нам нужно время, чтобы изготовиться к бою и выйти навстречу цели. Если дело будет ночью, задача осложнится. Требуется по крайней мере час форы.

— Будет, если рыбаки оповестят вовремя. — Англичанин придвинул пепельницу, полную окурков, и закурил. — Все, государь, зависит от того, что́ ветерок шотландский нам надует. Или откуда он еще подует.

Хордана уже перестал раздражать стиль радиста. Все-таки они уже давно были рядом.

— Прекрасно, — только и сказал он. — А что насчет Афин?

— И здесь проблем не будет. Я только что связывался с нашим узлом в Пирее: сигнал чистый и отчетливый, как веселый птичий щебет… Что ка-

сается меня, как только я прилажу индукционную катушку, все будет в полном порядке. — Бомонт затянулся и, выпуская дым, добавил: — Не дальше и не ближе, государь, чем эта слабая моя рука[38]. И так далее.

Хордан кивнул. Шифрованные инструкции Главного морского штаба приходили через секретный узел связи, который франкистская разведка держала в порту Афин. Это был его прямой контакт с Испанией, а если каики находились слишком далеко от острова, то и с ними тоже.

— Ну поздравляю, хорошая работа. — Он показал на тетрадь с записями, лежавшую рядом с шифроблокнотом и телеграфным ключом. — Есть сообщения?

— Ничего особенного. — Бомонт вырвал исписанный листок и протянул ему. — Просят подтвердить получение всех боеприпасов и готовность катера к выходу.

— О судах в русских портах ничего?

— Ничего.

— И о возможных датах выхода?

— В незамутненно первозданном смысле на этот счет нет данных никаких.

---

[38] Notes: 38

Уильям Шекспир. Ричард II. Акт III, сц. 2. Перев. Мих. Донского.

Хордан прочел текст, разборчиво написанный заглавными буквами. Несмотря на то, что он столько лет провел в море и, как всякий моряк, знал азбуку Морзе, его по-прежнему изумляло, с какой быстротой и легкостью специалисты постигали суть и смысл стремительной череды точек и тире, звуков и импульсов, получаемых по радиотелеграфу. А порой еще и зашифрованной, что еще больше затрудняло дело.

Он вернул Бомонту листок, а тот пометил его на полях красным и синим, уронив при этом пепел на бумагу, прежде чем спрятать в ящик с запором. Хордан показал на передатчик:

— Сможете сейчас связаться с Афинами?

Радист взглянул на карманные часы, старые и дешевые.

— Передайте: ответ утвердительный. Все готово к операции.

— Сию минуту.

Радист надел наушники, выстучал ключом несколько одинарных и двойных сигналов предварительного вызова и, получив ответ, передал сообщение: три тире, точка, тире, точка…

— Шифром, я надеюсь? — сказал Хордан.

Бомонт искоса взглянул на него скорее с упреком, чем с обидой:

— Разумеется. Группа ORR.

Ради краткости, в каждой типовой ситуации, для каждых часто встречающихся вопросов и ответов были предусмотрены и оговорены группы букв. «Собираюсь атаковать» заменялось OBB. «Цель поражена» — OAA. «Промах» — OFF.

Окончив передачу, Бомонт снял наушники, откинулся на спинку стула. Во рту дымилась сигарета.

— Готово, сэр.

— Кое-что еще… — Хордан показал на камеру и портфель, который положил на стол. — Нас просили сопровождать донесения фотографиями. Вас не затруднит заняться этим?

— Да я с удовольствием… Но в том, что касается проявки и печати, я не очень разбираюсь.

— Это очень просто, я научу. А вот и руководство.

Хордан вышел наружу, и радист следом. Оба застыли, ослепленные светом. Когда Бомонт поднес сигарету ко рту, чтобы сделать последнюю затяжку, Хордан заметил, что пальцы у него дрожат.

— Вы устали, — сказал он мягко. — Двенадцать часов в день слушать эфир да плюс к тому ставить и налаживать оборудование… Тяжко.

Радист пожал плечами и ответил искренно:

— Мне за это платят.

— Тем не менее. — Хордан принял тон официальный. — Будьте наготове, но все же отдохните. Поспите, придите в себя. — Он показал на домик за спиной. — Пусть кто-нибудь вас подменит здесь и разбудит, если будут радиограммы. Фарид Мароун мог бы этим заняться. Как он вам?

— Годится. Из двоих кузенов он потолковей.

— Вот и втолкуйте ему самое основное — он должен слушать эфир, определять вызовы и прочее. Но, разумеется, ни отвечать, ни передавать нельзя.

— Само собой.

— К началу операции мой радист должен быть свеж и бодр.

— Будет.

— Надеюсь.

Англичанин долго смотрел на берег и море. Потом взглянул на небо, чтобы увидеть, высоко ли солнце.

— Прочность цепи определяется прочностью самого слабого ее звена.

Хордан почувствовал себя неловко:

— Я вовсе не…

— Да я знаю, мальчик мой. Знаю.

Бомонт по-прежнему разглядывал небо. Через

минуту медленно опустил голову:

— Не беспокойтесь, сэр. Пусть ивовый венок мной не заслужен, но все же низкого рожденья не был я…[39] Понимаете? Я не слабое звено. Просто я слегка побит-поломан жизнью…

Он помедлил, разглядывая моряков, работавших на палубе катера. И, улыбнувшись, договорил:

— Что ж, славная команда. Мы, горсточка счастливцев, братьев, и так далее. — Он обернулся к Хордану. — Это вы нас подбирали-набирали?

— Нет. Сказать по правде, получил в комплекте. Всех, включая вас.

Бомонт сложил два пальца колечком и проткнул его пальцем другой руки. Потом подмигнул Хордану:

— Вам известно, что повариха…

— Слышал кое-что.

— Ее тоже готовенькую получили?

— Тоже.

Бомонт скрипуче рассмеялся и закашлялся.

— На небесах найдем мы утешенье, а на зем-

---

[39] Notes: 39

Парафраз цитаты из хроники «Генрих VI» Уильяма Шекспира, часть III, акт IV, сц. 1. Перев. Е. Бируковой.

ле — лишь скорби да заботы…[40] — заметил он задумчиво. — Или наоборот?

И впился в Хордана пытливым взглядом, словно тот и в самом деле знал ответ. Потом кивнул, смиряясь с неизбежностью.

— Люди — крашеная глина и дух в груди…[41] Вам не кажется? Со всеми нашими слабостями, нашими страстями и нашими пороками. — Он взмахнул рукой, как бы обращаясь к воображаемой аудитории. — Как часто не свершаем злое дело лишь потому, что недоступны средства[42].

Нерешительно ощупав нагрудный карман, словно сомневаясь, что там окажутся сигареты, он вытащил мятую пачку «Папастратос», но пальцы у него дрожали так, что прикурить не удалось, и спичка погасла впустую. Хордан, забрав коробок, дал радисту огня. Глаза за стеклами очков моргали пристыженно.

— Забавно: когда я здесь или на катере выстукиваю тире и точки, руки не дрожат. А только

---

[40] Notes: 40

Уильям Шекспир. Ричард II. Акт 2, сц. 2. Перев. Мих. Донского.

[41] Notes: 41

Аллюзия на фрагмент из «Ричарда II» Уильяма Шекспира, акт I, сц. 1. Перев. А. Курошевой.

[42] Notes: 42

Парафраз цитаты из хроники Уильяма Шекспира «Король Иоанн», акт IV, сц. 2. Перев. Н. Рыковой.

вот когда…

— Как там было в Ютландии? — прервал его Хордан.

— Да с тех пор столько лет прошло… — удивился радист. — Я почти и не помню ничего.

— Как там было?

Радист долго молчал, выпуская дым из рта и ноздрей и глядя в море.

— Хреново там было, мой мальчик. Очень хреново.

— А что именно?

И Бомонт наконец рассказал. Рассказал просто и сдержанно, не нагнетая драматизма: в Ютландии (или в проливе Скагеррак, как сказали бы немцы), где 31 мая 1916 года произошло крупнейшее в истории морское сражение, в ходе которого погибло три тысячи германских и почти семь тысяч британских моряков, сам Бомонт сидел взаперти в радиорубке легкого крейсера «Саутгемптон» и, не зная, кто побеждает, отправлял и получал сообщения — точка-тире, точка-тире, — покуда вокруг бушевал хаос боя, гремели орудийные залпы, грохотали снаряды, рвущиеся на палубе, и, скрежеща, летали по воздуху куски броневой обшивки.

— Больше такого не желаю, — сказал он с от-

вращением.

— Поэтому демобилизовались?

— В том числе и поэтому. Попытал счастья на торговом флоте, а потом на железной дороге на Среднем Востоке. И, как всем известно, попытка не удалась.

Он снял очки, посмотрел их на свет, проверяя чистоту стекол, и снова надел.

— Сражаетесь с врагом земли своей — земля родная вам воздаст сторицей[43], — сказал он, насмешливо глянув на Хордана. — Как по-вашему?

— Ну ясно.

— Наши усилия будут вознаграждены?

— Полагаю, что будут.

— Вот и я так полагаю. — Бомонт кивнул в сторону катера. — Однако ни им, ни мне не помешают кое-какие денежки на счету или в кармане.

— Поступят немного погодя, — объяснил Хордан. — После выхода в море.

— То есть после боя?

— Ну можно и так сказать… Однако я думаю, риск для нас будет невелик.

Бомонт задумчиво скосил глаза на кончик своей сигареты и затянулся.

---

[43] Notes: 43

Уильям Шекспир. Ричард III. Акт V, сц. 3. Здесь и далее перев. А. Радловой.

— Это, мальчик мой, неизвестно. — Он медленно выпустил дым. — Когда речь о море, никогда ничего не известно.

Мы засыпаем под грохот рушащихся монархий и просыпаемся, когда остатки их выметают из-под нашей двери...[44]

Пантелис Кательос закрыл книгу, снял очки, откинул голову на спинку стального, обитого кожей кресла и рассеянно уставился в потолок, где белая краска скрывала старинные фрески — классические пейзажи и античных мудрецов, — некогда украшавшие дом. Шатобриан обычно действовал на него умиротворяюще, так же как Сервантес, Монтень, Сенека и доктор Джонсон, — но только не сегодня. Он устал, причем это была не физическая усталость. Он еще посидел немного после того, как отложил книгу в сторону, на простой столик, где лежали мраморный разрезной нож, погасшая трубка, коробок спичек и бронзовая пепельница в форме обнаженной женщины. Многое, многое, подумал он, сметается каждое утро к порогу твоего дома. *Das Dort ist niemals Hier,*

[44] Notes: 44

Франсуа Рене Шатобриан. Замогильные записки («Mémoires d'outre-tombe», 1848). Кн. 28, ч. III. Перев. В. Мильчиной.

сказал какой-то немец — кажется, Шиллер[45]. Чужие вещи или собственные, но, вероятно, их слишком много.

Он медленно, словно ленясь, поднялся, застегнул две верхние пуговицы кардигана. Под ним он носил фланелевую клетчатую рубаху и выцветшие вельветовые брюки. Когда выходил из кабинета-библиотеки — а для него это было равносильно тому, чтобы вновь попасть во вчера, — столетнее венецианское зеркало в галерее туманно отобразило человека из других времен, человека, непохожего на памятный ему образ, и он иногда останавливался перед ним, всматриваясь с пытливым любопытством, силясь разгадать те странные узы между прошлым и настоящим, которые ткет жизнь, если окажется достаточно долгой, и видел высокого, худощавого, седого, усатого мужчину с бледными, костлявыми и длинными руками. Видел усталые глаза, окру-

---

[45] Notes: 45

Цитируется заключительная строка стихотворения Фридриха Шиллера «Паломник» («Der Pilgrim», 1803), финал которого звучит так:

Ах, едва ль стези найдутся
В те края, где свод Небес
Мог с Землей соприкоснуться:
Неслиянны Там и Здесь.

(перев. Левдо)

женные складками и морщинами.

Он молча прошел мимо старого Стамоса: тот в галерее, под растрескавшимися полотнами, которые, в отличие от фресок в библиотеке, были видны, протирал витрину, где стояли три керамических творения Луки делла Роббиа. Через несколько шагов, ближе к службам, ноздри уловили запах жарко́го, которое готовила кухарка. Он остановился в дверях:

— Пахнет замечательно, Ирини.

— Спасибо, господин барон.

— Это что?

— Тушеный кролик с чесноком, травами и помидорами.

— Мм… Волшебно. Где хозяйка?

Кухарка безразлично мотнула головой в сторону пляжа:

— Вышла.

Кательос на ходу снял с вешалки в вестибюле поношенную панаму. Снаружи солнце и деревья вычертили на земле причудливые узоры из света и тени. Ни звука, ни малейшего дуновения. Он неторопливо прошел между оливами, фигами и кипарисами до террасы и каменных ступеней, спускавшихся к морю, и там остановился. Лена была на причале и возилась с мотором своего

«Крис-Крафта». Еще во время завтрака она что-то говорила о том, что надо бы сменить масло и почистить свечи.

Несколько минут он стоял неподвижно, глядя на нее с террасы. Не замечая его присутствия, она сняла крышку капота и на коленях копалась в моторе. На ней были короткие штаны, мужская рубашка с засученными до локтей рукавами, а вокруг головы она обвязала косынку, чтобы пот не ел глаза.

Рассматривая ее в бессчетный раз с тех пор, как она познакомилась с его холостяцкой квартирой на улице Риволи с окнами, выходившими на Тюильри, он неустанно восхищался ее холодной аристократической элегантностью, ее почти трагической красотой, ее ореховыми глазами, столь бездонными, что в иные головокружительные миги он боялся в них утонуть, ее первыми поцелуями — медлительными и скорбными, как слезы, — целуя Елену Николаевну Меншикову, ставшую ныне Леной Кательос, он познавал глубины ее таинственной биографии. Поцелуи порой, пусть ненадолго, сменялись взрывами счастливого смеха. В первые месяцы их знакомства этот смех звучал на террасе мадридского «Ритца», где отблески китайских фонариков иг-

рали на ее обнаженных плечах и на пластроне его фрака. Звенел он и на арендованной вилле недалеко от виа Лудовизи, на холме, откуда открывался взгляду весь Рим, а до Ватикана фиакр довозил всего за полчаса; барон слышал этот смех, покуда, сидя перед белыми тюльпанами на столе в «Отель де Пари» в Монте-Карло рассказывал ей о злом гении, сократившем число номеров в рулетке до тридцати шести, а она слушала, как умела слушать только в ту пору — облокотившись о стол и подперев щеку рукой с зажатой меж пальцев сигаретой. Все это, как и многое другое, происходило прежде, чем она превратилась в постороннюю, и прежде, чем барон обрел смутное облегчение, признав, что не способен сделать ее счастливой.

Барон наконец направился к берегу. Лена не замечала его, пока под его подошвами не заскрипели доски причала, а когда подняла глаза, он был уже рядом. Она поднесла руку к лицу, оставив на правой щеке след от машинного масла.

— Давно ты здесь?

Кательос показал на доски мостков. По обе стороны от них неподвижно стояла прозрачно-изумрудная вода.

— Ты же слышала, как я иду.

Она широким движением руки обвела берег, каменную лестницу и террасу и повторила:

— Здесь.

— Я смотрел на тебя сверху.

— Не люблю, когда ты так делаешь… Когда ты незаметно наблюдаешь за мной.

— В следующий раз предуведомлю.

— Да уж, будь добр.

Мгновение они молча глядели друг на друга. Потом барон показал на моторку:

— Все в порядке?

Лена кивнула. Развязала косынку и вытерла ею лицо. Рубашка на спине и под мышками повлажнела от пота. Кетельос теперь стоял так близко, что почувствовал, как пахнет от нее — женской плотью, пóтом, грязным металлом и машинным маслом. Знакомое, давнее, будоражащее ощущение шевельнулось где-то внутри. Он снова представил — или вспомнил — ее в объятиях другого мужчины. Многих мужчин. И ее запах перемешивается с запахом их тел. Ему случалось видеть это.

— Когда собираешься на Сирос?

— Завтра или послезавтра. — Она смотрела на него пристально и вызывающе. — Ты тоже хочешь?

— Нет. И на этот раз тоже.

Лена умела улыбаться по-особенному — так, чтобы улыбка выглядела оскорбительно. Кривила рот мимолетной, спокойной, ледяной и жестокой ужимкой. Вот и сейчас. И я не знаю, где она ей научилась, снова подумал он. Однако умеет.

— И разов этих набралось уже порядочно, — негромко, задержав на нем взгляд, ответила она.

А может быть, у меня научилась, заключил удрученный барон. А может быть, она и раньше умела улыбаться так и лишь на время, на первое время нашей любви забыла этот навык, пока я ей не вернул его. Я отточил его и довел до совершенства, когда отчаялся исцелить раны, ее и свои. И каждый из нас остался наедине с собственным ущербом. Со своими призраками.

— Да, — только и ответил он, не скрывая обиды. — Порядочно.

Он помог ей закрыть крышку двигателя, закрепить болты. Под ярчайшим светом на фоне безупречно полированного красного дерева еще ярче сверкали хромированные части. Потом, вытирая руки ветошью, она повернулась туда, где скрывалась восточная часть острова:

— Ну что? Как эти люди себя ведут?

— Полагаю, заняты своими делами.

— Уже начали действовать, как предполагали?

— Не знаю… И не думаю, что нам следует это знать.

Лена не сводила глаз с восточной оконечности острова. Щека ее по-прежнему была выпачкана машинным маслом, и барон поборол желание протянуть руку и стереть пятно.

— А их начальник… этот, как его?

— Тозер, — сказал он. — Командир, или капитан, Тозер.

— Странное имя для испанца.

— Он, кажется, наполовину грек.

— Не важно. Наверняка на самом деле его зовут иначе.

— Ну конечно, но нам с тобой совершенно все равно, как там его зовут. В любом случае, он так говорит по-гречески, что вполне может греком и оказаться.

— С его-то внешностью?

Кательос моргнул. Движение век было мимолетно, но Лена успела его заметить.

— Тебе нравится?

— Почему же нет? — Она спрыгнула с лодки на понтон. — Привлекательный, мужественный, сильный, а с этой белокурой бородой — на-

стоящий викинг… Кажется, что готов к любой неожиданности и к опасности, и в этом его отличие.

— С отличием бывает диплом, а не командир катера…

Она не ответила, а он на этот раз сумел сохранить бесстрастие. И подумал: «Из всех мужчин на свете никто не знает ее лучше меня».

— Как жаль, что он занят морским разбоем, — обмахиваясь панамой, сказал он тоном объективного ценителя. — А то пригласила бы его с собой на Сирос.

Она помедлила с ответом. Шесть ударов сердца, пять секунд внимательного взгляда, выражающего почти научный интерес.

— И тебе это было бы не важно?

— Абсолютно.

Снова появилась улыбка, разящая, как клинок. И глаза Лены стали подобны острым осколкам.

— Может быть, я так и поступлю.

— Не забудь меня в этом случае уведомить.

Он увидел, как она провела ладонью по коротко остриженным волосам. Густая седина блестела на солнце, как брызги жидкого серебра.

— О-о, разумеется, ты узнаешь первым… Может, хоть это побудит тебя как-нибудь сопроводить

меня туда.

— Вряд ли. — Он остановил на ней взгляд, спокойный и недобрый. — Хватит с меня рыбаков и лакеев. Квота исчерпана.

— На этот раз не рыбак и не лакей.

Невозможно было усомниться в истинности этих слов. В них звучало холодное предупреждение или угроза. А скорее всего — уверенность.

Чуть подрагивающий апельсин начал озарять темную линию горизонта, обозначая грань меж морем и небом. Мигель Хордан, стоя в ходовой рубке торпедного катера, выстуженной росой медленно наступающего рассвета, почувствовал, что влажной стала не только одежда на нем, но и полотенце, поддетое под воротник бушлата. Он сдвинул на затылок фуражку и надолго приник к окулярам «цейсса», озабоченно вглядываясь в северо-восточном направлении.

— Ничего, штурман, — пробормотал он сквозь зубы. — Пока ничего.

Стоявший рядом Иоаннис Элеонас был так неподвижен и безмолвен, что казался почти невидимым, — тень, сливающаяся с черными стенами рубки. Тишину нарушал только мягкий рокот моторов, от которого чуть подрагивала палуба. Катер с потушенными огнями слегка по-

качивался на спокойной воде. Не было ни луны, ни звезд. В кольце умирающей ночи, окружавшей их, острова сливались с морем в бесформенное пятно тьмы, время от времени разрываемой лишь дальними проблесками маяка на мысе Кафирефс.

Хордан поднял голову к еще одной тени:

— Что-нибудь видно?

— Ничего, капитан, — донесся сверху голос Сами Мароуна.

Хордан опустил бинокль, оперся о мокрый стальной планшир и снова принялся подсчитывать в уме. «Старый большевик» (советский сухогруз, порт приписки — Одесса, водоизмещение 4950 тонн брутто), отслеживаемый разведслужбами националистов с тех пор, как три дня назад вышел из Черного моря через Босфор, сейчас должен находиться очень близко к той точке, через которую обычно проходят суда, следующие с северо-востока, — между крупным островом Эвбея и островом Андрос, и в этой семимильной воронке не заметить его трудно. «Каризия», замаскированная под рыбачий каик и патрулировавшая сектор, засекла русского вчера днем к юго-востоку от Скироса и именно в тот миг, когда он после захода солнца зажег навига-

ционные огни, двигаясь со скоростью семи узлов. Он, стало быть, должен уже появиться здесь, если только — и это чрезвычайно тревожило Хордана — ночью не сменил курс, чтобы пройти между восточными островами.

Еще одна тень возникла на мостике. Это радист Бомонт принес ответ на запрос, отправленный Хорданом дозорному каику.

— Сообщение от «Каризии», сэр.

— И что там?

— Они следовали за судном на дистанции и в течение всей ночи не теряли его из виду. Дистанция увеличивалась постоянно, но пока еще огни русского находятся в пределах видимости, приблизительно в восьми милях. Рассчитывают, что он входит в пролив, так что в скором времени мы должны будем его заметить.

Хордан, наконец-то успокоившись, кивнул. И снова поднял голову:

— Слышал, впередсмотрящий?

— Слышал, капитан.

— Глядеть в оба.

Он опасался разминуться с пароходом. И был уже готов подумать, что это и случилось за полтора часа до рассвета, когда доложили, что показались огни русского судна. Осторожно, на

среднем ходу, зашли к нему с левого борта, стараясь слиться с бесформенным темным пятном островов на востоке, и пятнадцать напряженных минут всматривались в огни и пытались с их помощью определить судно. Потом, имитируя скорость, маневры и хаотическое *рысканье* каика — рыбаки обычно выходили в море без огней, — «Волчица» подобралась так близко, что Хордан убедился: это не «Старый большевик», а неизвестное судно, следовавшее, как и многие другие, тем же курсом.

— Бортовые огни, капитан! Красный и зеленый!

Хордан вскинул бинокль. Красный огонь на правом борту, зеленый на левом значили, что судно развернуто носом к ним и идет навстречу. Так и есть. Стараясь не обращать внимания на то, как вдруг засосало под ложечкой, он всматривался в эти огни и мысленно вычислял курс и дистанцию. Потом сдернул чехол с торпедного аппарата и взглянул в бинокль. Пеленг — тридцать семь градусов. Дальность — примерно пять миль.

Он почувствовал, как пересохло во рту. Голос его прозвучал хрипло:

— Мароун, вниз! — И обернулся к Элеонасу: — Боевая тревога! И чтоб ни единого огонька на

борту, даже от сигареты!

Грек дал свисток, и Хордан увидел, как его люди заняли места по боевому расписанию: на корме под руками братьев Мароун лязгнула сталь заряжаемого «Эрликона», слева и справа от рубки зашипели механизмы обоих торпедных аппаратов, которые Зингер привел в боевое положение. Тренировки и учения явно не прошли даром. Хордан приказал Бомонту:

— Передайте сигнал «Оскар-Браво-Браво» и ловите все, что «купец» будет посылать в эфир… Когда начнем атаку, забейте эфир как можно плотней и на полную мощность, чтобы блокировать его сообщения о том, что подвергся нападению и просит помощи. Ясно?

— Так точно.

— Тогда займите свое место. — И он, обернувшись к Элеонасу, сказал как можно спокойней: — Теперь дело за вами, штурман. Продолжаем притворяться рыбачьей шхуной… Заходим к нему с правого борта.

С этими словами он показал на горизонт, где оранжевая кайма становилась все шире: против света добыча видней, а охотник приближается из темноты. Классическая торпедная атака, словно из учебника.

— Зингер! — крикнул он, не оборачиваясь.

— Есть Зингер!

— Открыть второй аппарат… Все в порядке?

Ему показалось, что торпедист смеется, — из темноты долетел его хохот. Голландец всем этим явно наслаждался. Никос Киприану подоспел к нему на помощь.

— Все!

Хордан приказал Мароунам не открывать огонь без его приказа и снова вскинул бинокль. Цель была видна отчетливо, и ее силуэт подходил под описание, полученное накануне, — радиограмма с этим описанием и характером груза поступила два дня назад: высокая труба, два разновысоких мостика, подпорки у мачт на юте и баке. Штурман открыл крышечки переговорных труб, через которые держал связь с машинистом и рулевым.

— Малый вперед, — скомандовал он. — Курс три-ноль-семь.

Три мощных дизеля завибрировали сильней, катер прибавил ходу курсом на северо-запад под прямым углом к огням, и красный через мгновение исчез из виду. Это значило, что теперь к приближающемуся транспорту они зашли с правого борта. Тогда Элеонас приказал идти почти параллельным курсом и с той же скоростью,

чтобы ни маневр, ни шум моторов не вызвал подозрений.

— Так держать.

Поток воздуха, поднятый движением катера, студил влажную одежду Хордана, не отрывавшегося от бинокля. Его била дрожь, но не от холода, а от напряжения, и, боясь прикусить язык, он стиснул зубы. Отчетливо различимый теперь на фоне оранжевой полосы рассвета, «Старый большевик», везя в своих трюмах орудия, винтовки, пулеметы и боеприпасы для нужд Испанской Республики, шел прежним курсом и не предчувствовал того, что должно было вот-вот произойти.

— Так держать, штурман.

Ориентируясь на высоту трубы, он снова на глаз прикинул дистанцию — торпедные аппараты не были оборудованы дальномерами. До транспорта оставалось девятьсот метров. Пальцы Хордана сжали маховички наведения.

— Штурман, беру управление на себя. Курс ноль-девять-три. Моторам — шестьсот оборотов.

Элеонас повторил команду в переговорную трубу, а Хордан следил за маневром в бинокль. Наконец, высчитав новую дистанцию, скорость и курс, он определил угол атаки.

— Четверть борта влево, — стараясь, чтобы голос его звучал холодно и уверенно, скомандовал он. — Вот, хорошо. Так держать.

Потом трижды вздохнул глубоко и медленно. Цель была идеально видна в прицел, катер шел верным курсом. Указатели совпали. Он сделал еще два вдоха, чувствуя, как сильно пульсирует кровь в висках. Пути назад уже не было.

— Двинулись… Средний вперед, девятьсот оборотов.

Элеонас передал команду в машину, и катер прибавил скорости. Теперь он резал ночную тьму стремительными и мягкими ударами киля, держа курс на пароход, отчетливо видный на фоне оранжевой полоски зари. По обе стороны от форштевня взлетали брызги, попадавшие на палубу.

— Штурман, вот так… Отлично… Держать пятнадцать узлов.

Хордан, прильнув к резиновым наглазникам на приборе управления огнем, одной рукой вцепившись в поручень, подрагивавший от вибрации моторов, другую, сжатую в кулак, вскинул над головой — это был сигнал торпедисту, предваряющий пуск. Он не знал, различает ли его Зингер в полутьме, и подал его, машинально, повинуясь правилам. Транспорт вырастал с каждой

секундой. Шестьсот метров, высчитал Хордан. Дистанция залпа.

— Первый, второй торпедные аппараты… Товсь! — крикнул он, перекрывая рев моторов, и резко опустил руку.

С левого борта донесся сосущий звук, а следом — глуховатый грохот: черное длинное тело торпеды прыгнуло в воду. Молодец, Зингер.

— Лево на борт, штурман, — спокойно приказал Хордан.

Палуба накренилась в противоположную сторону, когда катер, уйдя влево, описал полный широкий круг, стремясь оказаться в позиции, похожей на предыдущую.

— Открыть первый аппарат!

На этот раз, покуда катер выполнял маневр, Хордан снова взглянул направо. Горизонт уже заметно посветлел, и теперь в рассветном сумраке, рассеивавшемся на глазах, были ясно видны фигуры торпедиста и его помощника у рычагов аппарата.

Потом он взглянул перед собой. Во все еще темной воде проследить путь первой торпеды было невозможно — не помогал и отблеск зари. Надеясь, что стальная рыбина движется по верной траектории, он снова посмотрел в бинокль.

— Меньше лево, штурман. Легче лево. Годится. Так держать и сбавить ход до десяти узлов.

До «Старого большевика», который снова оказался в центре визира, было теперь около тысячи метров. Подсвеченный светлой полосой на горизонте, делавшейся все шире, он обозначился очень отчетливо. И с борта катера стали видны и надстройки, и люди.

— Уже должно быть попадание, — сказал Элеонас.

— Да.

Однако его нет, обескураженно подумал Хордан. Итальянские торпеды «Уайтхед» часто дают осечку, а может быть, он сам неверно рассчитал траекторию. Одно дело в тихих водах Кильского канала под опекой знающих инструкторов пускать торпеды по условным целям, и совсем другое — действовать на свой страх и риск в настоящем бою и к тому же в темноте. Хорошо еще, заключил он, что били по беззащитному судну.

Словно в ответ на его мысли, на мостике советского транспорта вспыхнул прожектор, и толстый сноп света зашарил по воде. Русские, без сомнения, услышали приближающийся шум моторов. А может быть, даже почувствовали, как мимо пронеслась торпеда.

— Штурман, атакуем еще раз. Полный вперед.

Элеонас дословно повторил приказ в переговорную трубу; взревели три дизеля, «Волчица» рванулась вперед, задирая нос в туче брызг. Скользя и мягко ударяя по тихой воде.

— Право руля на три градуса. Так держать. Средний ход.

Не сводя глаз с нового угла атаки, Хордан поднял руку. В этот миг не далее чем в полумиле луч прожектора нашарил их, но сейчас же потерял. Хордан резко опустил руку:

— Пли!

Снова — теперь уже с правого борта — донеслись свист и грохот. Луч прожектора, опять прошедший совсем близко, осветил шесть с половиной метров черного, блестящего от масла тела торпеды, вылетевшей из аппарата в облачке дыма и вошедшей в воду.

— Лево руля, штурман!

Катер описал широкую дугу. Хордан отвел глаза от ПУО и с тревогой взглянул на транспорт, прикидывая скорость торпеды и дистанцию до цели: от пуска до удара должно было пройти тридцать-сорок секунд. Однако прошла уже целая минута, а «Старый большевик», целый и невредимый, продолжал идти тем же курсом — ничего не взо-

рвалось о его корпус. Прожектор вдруг погас, и теперь на мостике заморгал лишь слабый свет.

– *Капетанье!* — позвал Элеонас.

— Да?

— Пароход подает сигналы.

Хордан повернулся к нему, увидел в рассветном полумраке твердый профиль штурмана: тот беззвучно шевелил губами, расшифровывая тире и точки морзянки, которую фонарем Скотта передавали с советского парохода.

– *What ship? What ship?*[46] — проговорил он наконец. — Спрашивают, кто мы и какого дьявола тут затеяли.

Хордан посмотрел на моргающий свет, издали повторяющий запрос. Сердце билось неровно, во рту стало горько. Вот, подумал, вот он каков, вкус провала.

— Курс на юг, — мрачно сказал он. — Идем на базу.

---

[46] Notes: 46
«Кто вы? Кто вы?» *(искаж. англ.)*

5. Ленты греческой шляпы

Муэдзины оповещали о начале полуденной молитвы. Сальвадор Лонкар вышел из трамвая и пересек улицу, где размещались консульства. В этот час движение было особенно напряженным: в обе стороны ехали автомобили и экипажи, и республиканский агент с трудом от них уворачивался. День был погожий: на залитых солнцем верандах многочисленных кафе перед отелем «Пера-Палас», за вереницей такси, почти все водители которых были старыми русскими эмигрантами, посетители курили или читали газеты. Кое-кто был с дамой — нечто неслыханное еще несколько лет назад, до того как Кемаль Ататюрк начал модернизацию страны. Почти все были одеты по-европейски, и противились переменам только люди в возрасте или крестьяне, доставившие свой товар на рынки: мужчины носили красные фески, а женщины, блюдя мусульманский обычай, закрывали лица чадрой.

Антон Солёнов, поджидая его у дверей кафе «Фанараки», ел фисташки и, судя по всему, терял терпение. Он был в длинном пальто с караку-

левым воротником и в шляпе, надвинутой на густые пшеничные брови. Судя по всему, он сидел здесь уже давно, потому что возле стакана и порожней бутылки пива выросла целая груда скорлупок. Не в его привычках было приходить на этот край Золотого Рога, покинув контору «Совфрахта» в Эюпе: без сомнения, его побудило к этому нечто важное и срочное, и нетрудно было угадать, что именно, — утром, за полчаса до его звонка, Лонкар получил шифровку от командования республиканского флота. И едва лишь он уселся, как русский, не здороваясь, но поглядев в обе стороны, чтобы проверить, нет ли посторонних ушей, подтвердил его догадку.

— Что вам известно о пароходе «Старый большевик»? — спросил он совсем не так, как при их последней встрече, а тоном озабоченным, холодным и едва ли не враждебным. Ни следа прежнего добродушного расположения.

— Что в Кикладах с ним случилось некое странное происшествие, — взвешивая каждое слово, ответил испанец.

Солёнов нетерпеливо отмахнулся:

— Это не просто происшествие! Это была торпедная атака.

— У меня более скудные сведения. — Лонкар

жестом показал усатому официанту, устремившемуся было к нему с подносом, что в услугах его не нуждается. — Неопознанное судно приблизилось к нему с намерениями, которые выглядели враждебными… Причем дважды. Но ничего не добилось.

Солёнов прищелкнул языком и с сомнением покачал головой:

— Быть может, оно попыталось, но успеха не достигло.

— Не исключено. Какие-нибудь подробности известны?

— Больше никаких: это произошло на рассвете, было еще очень темно, и разглядеть удалось немного.

Повисло неловкое молчание. Лонкар, откинувшись на спинку стула, созерцал прохожих.

— Ответственность… — начал он.

— Сейчас не до ответственности! — сухо оборвал его русский. — В свое время установим, кто должен ее нести. Сейчас необходимо немедленно разобраться в том, что случилось. И главное — что еще может случиться. Вы рискуете значительными военными грузами, тогда как мы — советскими судами и экипажами.

— Не все же они ваши, товарищ Солёнов. Меж-

ду вашими и нашими портами курсируют суда под флагами Испании и других государств.

Взгляд русского словно подморозило.

— Надеюсь, вы понимаете, что меня больше всего беспокоит советский флот. В отделе Икс встревожены.

Лонкар замолчал и задумался.

— Корсары в греческих водах? — заговорил он через минуту. — Странно это, потому что чересчур дерзко. Нападения обычно происходят дальше по маршруту, к западу от Мальты и в Сицилийском проливе, раньше, чем транспорты достигнут побережья Туниса, откуда пойдут под конвоем нашей эскадры.

— Да, создается такое впечатление, — сказал Солёнов. — Скоро будет подписан договор, который ограничит активность фашистских флотов. Может быть, это порождает у них нервозность и побуждает рисковать сильней.

Лонкар задумался. Впрочем, вариантов было немного.

— Это могла быть итальянская подводная лодка. Они ходят и дальше, и чаще других. Нам известно, что по крайней мере две состоят на службе у Франко.

Солёнов взял один из последних орешков, по-

пытался расколоть скорлупу, однако не сумел. И, положив фисташку обратно в вазочку, принялся посасывать ноготь большого пальца.

— Для субмарины он шел слишком быстро, ну или так рассказывают люди со «Старого большевика». По их словам, это был легкий надводный корабль.

— Скоростной катер? — заинтересовался испанец, потому что в сообщении, полученном утром, об этом ничего не говорилось. — Германский? Не может этого быть. Не в этих водах.

Солёнов вздохнул и испытал на прочность другой орешек.

— Также не отмечено присутствия итальянских торпедных катеров в этой зоне, так далеко к востоку. — И с удовольствием положил ядрышко в рот. — Им не хватит запаса хода для операций в Эгейском море.

— И потом, в этом случае они бы сильно рисковали. Архипелаг находится в территориальных водах Греции. Скорее всего, это был катер таможенной службы, который удовольствовался тем, что опознал судно.

— У таможенников нет таких быстроходных катеров. А греческий флот располагает двумя торпедными катерами, но они стоят в Пирее у

стенки… С «Большевика» попытались снестись с неизвестным судном, но ответа не получили.

— Странно все это.

— Скверно все это. Похоже, что была предпринята неудачная попытка атаковать взаправду или попугать…

— А зачем?

Они растерянно смотрели друг на друга. Солёнов постепенно смягчил свой жесткий требовательный тон и наконец скорчил добродушную гримасу:

— Понятия не имею, товарищ… И никто не знает.

Ему сейчас не позавидуешь, подумал Лонкар. В Испании проблемы и промахи тонут в хаосе сплетен, распрей, взаимных обвинений: коммунисты, социалисты, анархисты воспевают свои победы и отрицают провалы, обвиняют в них других и оправдывают своих, что бы те ни натворили, перекладывают ответственность друг на друга, разбавляют ее до тех пор, пока она не исчезает вовсе. А вот когда у тебя над головой висит дамоклов меч разнообразного советского начальства, начиная с отдела Икс и кончая Кремлем, это совсем иное дело. Тут, если поскользнешься на банановой кожуре, пеняй исключительно на се-

бя. И путь тебе прямиком в Сибирь или к стенке.

— Я все же склоняюсь к версии с итальянцами, — заключил Лонкар. — Они уже несколько раз устраивали такое — правда, не в трехмильной зоне греческой юрисдикции и не в турецких территориальных водах.

— Таково и наше мнение, — кивнул русский.

— Огонь не открывали?

— Нет.

— И торпеду не пускали? Может быть, просто промазали?

Солёнов всплеснул руками:

— По крайней мере, на пароходе не заметили. Но говорю же: дело было на рассвете. В полутьме. Один матрос вроде бы видел пенный след перед килем, но никто из команды это подтвердить не может.

— Стало быть, это все же была неудавшаяся атака?

— Эта-то версия нас и тревожит. Если была одна, пусть неудавшаяся, то могут быть и другие.

Оба замолчали, потому что через два столика от них сел средних лет турок в пиджаке, при галстуке и с длинными янтарными четками в руке. Переглянувшись и дружно приняв решение, оба поднялись и направились к парку невдалеке.

— В ближайшие недели ожидается выход в море нескольких судов, — сказал Солёнов, когда они отошли подальше. — И все с важными грузами.

— Что мы можем предпринять?

Солёнов пожал плечами:

— Максимально усилить меры предосторожности. Предстоит покрыть тысячу девятьсот миль от Черного моря до Испании, а иных маршрутов практически нет; впрочем, постараемся предупредить капитанов и команды… А вам и вашим людям надлежит вести розыск в сферах, которые вас касаются. — Он устремил на Лонкара пронизывающий взгляд, смягчив его улыбкой более сердечной, нежели предыдущая. — Фашистские агенты в Стамбуле не могут не иметь отношения ни к чему из происходящего… — Он многозначительно помолчал. — А я знаю, что у вас надежные связи повсюду.

Знаю, что знаешь, подумал Лонкар. Однако что именно и в каком объеме, и мне неизвестно, и ты никогда прямо не скажешь. В нашем странном ремесле все двусмысленно.

— Освежу, — только и ответил он.

Солёнов заулыбался еще шире. И наконец-то приветливо. Убедительно. По-свойски.

— В последнюю нашу встречу, товарищ Лонкар,

вы сказали, что фашисты стали больше интересоваться нашими черноморскими делами.

— Такое вот у меня создалось впечатление.

— И у меня. Думаю, пришло время его подтвердить… Через четыре дня из Севастополя выйдет «Кампонегро» и станет под погрузку в Констанце. — Он пытливо взглянул на собеседника. — Знаете, о каком судне я веду речь?

— Ну разумеется. Принадлежит государственной компании «Кампса». Пойдет в Картахену с тремя тысячами тонн бензина. Код отправки YZ–16. Судно маленькое и очень древнее.

— Точно! И может оказаться полезным, чтобы прощупать ситуацию.

— Понимаю… — сказал Лонкар.

Он даже слишком хорошо понял, о чем пойдет речь, и Солёнов не замедлил подтвердить:

— Поскольку оно идет под испанским флагом и везет не слишком важный груз, использовать его как подопытного кролика было бы, конечно, чересчур. — Он почесал бровь с делано рассеянным и невинным видом. — Но все же для пользы дела пусть пройдет тем же курсом, что и «Большевик».

Слово «чересчур» не понравилось Лонкару. «Для пользы дела» — еще меньше. А то, как про-

изнес их Солёнов, — и подавно.

— Советского конвоя не будет?

— Только в Черном море. — Солёнов показал на Босфор, невидимый за домами и минаретами мечетей. — А оттуда пойдет, как все, на свой страх и риск.

— Но, насколько я знаю, YZ–16 выйдет после YZ–22…

— Конечно. Вы имеете в виду транспорт «Чапаев»?

— Идущий под советским флагом.

— Разумеется. — Солёнов вытащил из правого рукава платок и трубно высморкался. — Его выход в море по техническим причинам будет отложен на несколько дней.

Лонкар на миг забыл выдохнуть.

— И много их, технических?

— Как вы знаете, это важный рейс. «Чапаев» повезет танки и полевые орудия.

— Да, я знаю. Так что — возникли проблемы?

— Нет, конечно. Хотя Москва сообщила, что груз придет в Севастополь с задержкой… С небольшим опозданьицем.

Лонкар шумно выдохнул воздух:

— То есть вы посылаете «Кампонегро» вперед?

Солёнов остановился и, пряча платок в рукав,

взглянул вперед, словно что-то меж деревьев на площади привлекло его внимание. Лицо его было бесстрастно. Постояв так, неподвижно и с отсутствующим видом, он очень медленно повернулся:

— Мы ведь давно с вами знакомы, не так ли, товарищ?

— Так.

— Вот и возьмите на себя этот труд. — Глаза у него снова оледенели. — В конце концов, это ваша война. Мы, само собой, помогаем. Советский народ свято верен долгу пролетарского интернационализма в борьбе с силами международного фашизма, но… наш торговый флот пока невелик. Еще раз — и настойчиво — скажу: это ваша война. Это относится и к конкретной ситуации.

Лонкар кивнул, смиряясь с неизбежным. Он достаточно знал русских и представителя «Совфрахта» в Стамбуле. В конце концов, пока что речь идет всего лишь о предчувствии. Ну пусть даже о какой-то зыбкой вероятности. Но ему очень не хотелось бы оказаться на борту «Кампонегро», когда танкер оставит позади Дарданеллы.

— Я проверил оставшиеся четыре торпеды, как и те две, которые мы погрузили на катер и выпустили, — сказал Ян Зингер. — Двигатели у

всех в порядке, дистанция была введена верно. Контактные ребра взрывателей исправны. И если бы торпеды ударили в борт судна…

— То экипаж отозвался бы иначе, — невесело пошутил Хордан.

Он непринужденно сидел на рабочем столе в самом просторном бараке, служившем и складом, и чем-то вроде кают-компании. За спиной у него на деревянной панели были прикреплены две большие карты Эгейского моря. Перед ним на мешках с продуктами и ящиках сидели Зингер, Бомонт и Элеонас. Разбирали причины неудачных стрельб.

— Еще бы! — ответил Зингер. — Пусть даже торпеда не взорвется, долбанув в борт, это не останется незамеченным. — Он кивнул на англичанина, сидевшего рядом. — Но Бобби говорит, ничего не было.

— Ничего, — подтвердил тот, вынув сигарету изо рта. — О том, что подверглись нападению, не сообщали, помощи не просили… Лишь много позже судовой радист передал греческим властям: встретили судно, которое повело себя странно и поспешно скрылось. Те запросили подробности, но ответа не получили.

— Еще бы им не промолчать, — кивнул Хор-

дан. — Пришлось бы сообщать место, характер груза и все остальное.

— Тем не менее, — добавил Бомонт, — через полчаса я перехватил еще несколько радиограмм. Передача длилась самое малое десять минут. Я записал все эти тире и точки, но прочесть не смог: передавали шифром. Так что не знаю, о чем шла речь и кому было адресовано.

— Без сомнения, сообщали своим о происшествии.

— Вероятно.

Хордан взглянул на Элеонаса:

— Совершенно ясно, что, если бы заметили торпеды, передали бы сообщение открытым текстом и немедленно. Сыграли бы тревогу. А? Как считаете, штурман?

Грек, молчавший до этой минуты, медленно почесал небритый подбородок. Он все делал так, словно каждое слово или движение требовали предварительного спокойного осмысления.

— Несомненно, — наконец вымолвил он. — Их световая морзянка, а потом радиограммы сводились к вопросу о том, что мы делаем. Речь шла о подозрительном маневре, но никак не о торпедной атаке.

Хордан снова обратился к торпедисту:

— Каково же ваше техническое заключение?

— Обе рыбы прошли мимо… — Зингер чуть помедлил в нерешительности. — Если позволите, я бы сказал, что они были неправильно нацелены.

— Я ведь сам попросил вас высказать свое мнение.

— Думаю, одна прошла мимо носа, вторая — мимо кормы, и на пароходе их даже не заметили, благо было еще довольно темно. Потому и не упомянули о них.

Хордан вздохнул с досадой:

— И это приводит нас к прибору управления огнем.

— Похоже на то… Напортачили в расчетах: неправильно оценили скорость цели или ввели неверный угол атаки.

Слово «напортачили» прозвучало с долей дерзкого вызова, и это было замечено всеми. Хордан оставался бесстрастен.

— Я мог напутать, — произнес он после неловкого молчания. — Или прибор мог быть плохо настроен.

Голландец слегка улыбнулся — первая версия доставила ему явное удовольствие.

— Бывает… Никто ведь мудрецом не рождается, а? Даже командиры.

Хордан погрузился в размышления. Во-первых, насколько неуместно будет сграбастать голландца за шкирку и выбросить его вон под зад коленом. Во-вторых, решив не поддаваться порыву — будет еще время все расставить по своим местам, — взглянул на часы, а потом на морские карты. Один из каиков, обследовавших проливы, должен сейчас находиться между мысом Николаос и обычным местом стоянки в маленькой бухте Гаврион, милях в пятнадцати от острова, где он заправляется горючим.

— Надо будет заново откалибровать прибор управления, — сказал он спокойно. — Так что займитесь этим, Зингер. Потому что ближе к вечеру мы проведем в море испытания.

— Ладно.

Хордана снова кольнуло раздражение.

— Что «ладно»?

И таким тяжелым взглядом впился в голландца, что тот растерянно заморгал:

— Есть откалибровать, сэр!

— «Каризия» находится неподалеку, и мы сможем использовать ее как условную цель.

Снаружи послышался металлический звон. Повар, стуча ложкой о сковороду, сообщал, что обед готов. Хордан слез со стола; все встали.

— Пора поесть. Ближе к вечеру, пока не стемнело, выйдем в море.

Все потянулись к выходу. Несколько человек шли от катера, а остальные были уже в дверях пакгауза, служившего иногда столовой. Хордан надел фуражку и взглянул на скалистый берег бухты, на котором виднелись развалины древней сторожевой башни.

— Кто в карауле?

— Албанец.

На берегу Сенобия, так называемая жена повара, терла мочалкой две большие медные кастрюли. Эта еще молодая гречанка всегда ходила в черном, а волосы заплетала в толстую косу. Сейчас она стояла перед деревянной бадьей, доверху наполненной морской водой. И когда наклонялась, между подолом юбки и чулками мелькали белые бедра.

Хордан выждал, когда Бомонт и штурман отойдут подальше, и тронул торпедиста за локоть:

— Зингер.

— Чего?

— Не «чего», а «я, сэр!».

Голландец насмешливо улыбнулся:

— Я, сэр.

Хордан понизил голос почти до шепота:

— Если еще раз позволите себе хамский тон, я оторву вам голову.

Он произнес это раздельно, монотонно, негромко. Но Зингер побледнел. Улыбку будто стерли с его лица.

— Не думаю, что… — начал он.

— Напрасно. Всегда лучше думать.

Зингер замер. Не моргая и, как рыба, выброшенная на берег, ловя ртом воздух.

— Угрожаете?

— Сэр, — спокойно подсказал Хордан.

— Вы мне угрожаете, сэр?

— Ну разумеется. Власть, которой я наделен, распространяется на вас.

— Мне кажется, что…

Он осекся. Хордан шагнул к нему, глядя в упор и сверху вниз. Он был почти на две головы выше торпедиста.

— Здесь не так, как на том корабле, с которого вы удрали. Отсюда можно уйти лишь двумя путями. Первый и более подходящий — нести службу исправно и дисциплинированно и соблюдать субординацию.

Голландец не спросил, каков второй путь.

— У меня, сэр, и в мыслях не было создавать проблемы…

— Рад слышать это. — Хордан показал на пакгауз. — Можете идти обедать.

Зингер, волоча ноги, удалился. Элеонас, пропустив вперед Бомонта, стоял в ожидании и смотрел, как голландец молча проходит мимо. Хордан медленно приблизился к штурману.

— Все в порядке, *капетанье*?

— Да.

— Какие-то, вижу, возникли…

— Нет. Никаких.

Они пошли дальше. Хордан в поисках новой темы для разговора взглянул на Сенобию, все еще драившую кастрюли на берегу. Показал на нее глазами:

— Что у нас по этой части?

Штурман, прежде чем ответить, сделал еще несколько шагов.

— Люди заперты здесь, неизвестно на какой срок… Пойти некуда, вино по порциям, крепкие напитки запрещены. Даже узо нет. Это все сильно повышает давление в котлах. Так что, как я уже говорил, не будет большой беды, если малость стравят.

— Вы…

Сверкнули зубы на загорелом лице бывшего контрабандиста.

— Не обижайте меня, не обо мне речь. Я свое место знаю. И должен подавать пример.

— Ну простите, — сказал Хордан. — Чушь спорол. Я и не думал…

— Знаю-знаю. Забудьте.

Шагая, они продолжали рассматривать кухарку.

— Тем не менее держите на привязи этого… мужа или кто он там. Присматривайте за ним. Стычек мне тут не надо.

Грек рассмеялся:

— Я сто лет знаю Апостолоса. Он прекрасный повар и к тому же человек дельный и трезвый.

— Ну так вот, доведите до его сведения, что при малейшей неувязке я первую пулю всажу ему в лоб, а вторую — его жене.

Элеонас замер. Они были уже у дверей пакгауза, и потому он понизил голос и спросил скорее задумчиво, чем удивленно:

— Вы правда это сделаете? Я не ослышался?

— Да нет, едва ли, — с напускным спокойствием пожал плечами Хордан. — Но предупреждение не помешает.

— Из принципа?

— Нет. Из револьвера.

Хордан вздохнул. Ненужный разговор. Утоми-

тельный. Он обвел взглядом пляж, скалы, бледно-голубое небо. Слишком велика ответственность. Его научили водить торпедный катер — не более того. Все прочее он вынужден придумывать на ходу. Ему случалось командовать людьми, иногда и в крайне опасных ситуациях, когда море превращалось в зримое воплощение гнева Господня. Но с таким он раньше не сталкивался.

— Мы на войне, штурман. А вы воюете. И вам за это платят.

Элеонас сморщил лоб, осмысляя услышанное.

— У войны свои законы, — подвел он итог этим размышлениям.

— Свои законы у всего на свете — у океанов, у жизни и даже у этого острова… Вы моряк и знаете, о чем я толкую.

Штурман кивнул и на минуту замкнулся в угрюмом молчании.

— Однажды я убил человека, — сказал он чуть погодя.

Хордан взглянул на него, удивляясь не самому поступку, который как раз был в порядке вещей — контрабандист ведет суровую жизнь в окружении суровых людей, — а признанию. Повисло молчание, длившееся до тех пор, пока штурман его не нарушил:

— Не застрелил, разумеется… Да и не из чего было, потому что при моей работе нехорошо будет, если власти найдут огнестрельное оружие. Ножом. Выдалась бурная ночка, мы сильно рисковали, турки-таможенники гнались по пятам, и тут один из наших дал слабину…

Хордан не отвечал. Элеонас взглянул в сторону моря.

— Выбор был такой: либо он молчит, либо все — в каталажку.

— Понимаю.

— Знаю, потому и рассказываю. Чтобы знали: я вас тоже понимаю. Убить человека непросто. Вообще непросто, а уж тем более тогда.

Они неподвижно стояли рядом.

— Вы ведь не всегда были военным моряком… Так ведь, *капетанье* Михалис?

— Так.

— Торговый флот, наверно, а?

— Он самый.

Грек удовлетворенно кивнул:

— Я многих в жизни повидал. И каждый на свой манер…

— Что?

— Морячит.

Мимо, опустив голову, прошла к пакгаузу

Сенобия. Когда она скрылась внутри, Элеонас задумчиво уставился на тень у себя под ногами:

— Можно вам сказать кое-что личное?

— Разумеется.

— Это хорошо, что вы больше не ходите с револьвером.

Хордан только улыбнулся в ответ. Кобуру с «Уэбли» и патроны он теперь прятал в своей лачуге в сундучке вместе с шифровальным блокнотом и документами.

— Бобби Бомонт посоветовал, — признался он.

— Дай бог, чтобы это был добрый совет.

— Надеюсь.

— Диковинная птица этот англичанин.

— В высшей степени.

Элеонас чуть сдвинулся вправо — так, чтобы оказаться прямо перед Хорданом, и взглянул на него одновременно с любопытством и с подозрением. Потом с шутливым упреком наставил указательный палец:

— В самом деле, не надо его показывать… Я про револьвер.

— Почему вы это говорите? — удивился Хордан.

Грек снова начал скрести подбородок в седой щетине. И так сощурился, что меж век стали

видны лишь щелочки базальтовых глаз.

— Мы уже несколько дней вместе, и люди за вами наблюдают. Особенно тогда ночью, когда стреляли торпедами.

Хордан скривился, как от горечи:

— Когда промазали, вы хотите сказать?

— Велика важность промазать, если всегда сможешь попробовать еще раз?.. Это именно то, что называется «морская удача»: сегодня выиграл, завтра продул. Но никто уже не усомнится в ваших дарованиях.

— Да почем вы знаете?

— Да уж знаю, поверьте. Я жизнь прожил среди таких людей.

— А о себе что скажете, штурман?

Элеонас вскинул обе руки в знак того, что все совершенно очевидно:

— При моем ремесле в конце концов узнаёшь людей не хуже, чем в море. Я в этом не сомневаюсь.

Хордан отвлекся от разговора, потому что с наблюдательного пункта на прибрежных скалах, где стоял часовой, донесся тройной свист. Он взглянул туда и увидел, как в бухту медленно входит моторка. Управлял ею старый слуга Кательоса.

— Крепко мы врезали фашистам под Гвадалахарой, — сказала Акрасия Калафель, просматривая газету.

Эти слова и особенно «мы» странновато звучали в устах этой пухлой, добродушной на вид пожилой дамы и противоречили кроткому — обманчиво-кроткому, подумал Лонкар, — выражению глаз, таких же ярко-зеленых, как у сестры, да и всему облику безобидной старой девы.

— И как еще крепко, — подхватила Либертад Калафель.

— Мадрид им не взять — кишка тонка, да? А ведь тщатся, лезут, сволочи.

— Весь народ взялся за оружие, чтобы дать отпор этому сброду.

— Дай-то бог.

Если бы не этот боевой обмен мнениями, вечер был бы таким же уютно-домашним и мирным, как всегда. После ужина — запеченной в духовке рыбы с помидорами и рисом, — вызвавшего у Лонкара слезы счастья, они пили кофе, сидя за столиком в комнате, примыкавшей к столовой: серебряные подносик и кофейник, фарфоровые чашки, вырезанные из журналов картинки по стенам, кресла и диван, покрытые вязаными накидками. Два кота дремали на ковре и еще три

перед камином, неподалеку от окна, полузакрытого шторами. Ночь только что опустилась над Босфором, и на азиатском берегу можно было разглядеть лишь сверкавшие вдали разрозненные огни.

Акрасия отложила газету и достала из корзинки спицы и мотки красной, желтой и лиловой шерсти. Она уже несколько дней вязала шарф цветов Республики в подарок Лонкару, который, хоть и рассыпался в благодарностях, носить его не собирался ни при каких обстоятельствах.

— Говорят, перебиты и взяты в плен тысячи итальянцев, — вернулась она к прежней теме.

— Туда им и дорога, — ответила Либертад. — Нечего было лезть, куда не звали.

— Да нет, Либер, как же не звали? Франко и его убийцы очень даже звали.

Сухое, костлявое лицо старшей сестры вытянулось.

— Ну вот и получили по заслугам. Пусть-ка этот павлин Муссолини призадумается.

Младшая подняла глаза на Лонкара:

— Как считаешь, товарищ, Бильбао тоже даст им отпор?

Энергичным взмахом руки тот выразил уверенность в победе:

— Думаю, мы выстоим. Там ведь «железный пояс»[47].

— Не больно-то я доверяю этим баскам, — с сомнением покачала головой Акрасия. — У них даже попы в армии.

— Но ведь они же республиканцы?!

— Лишь в той степени, которая им годится, дорогая моя.

Лонкар взглянул на часы: оставалось десять минут до сеанса связи, назначенного ровно на девять.

— Милые сеньоры, меня призывает борьба за счастье народное. — Он потушил сигарету и поднялся. — Так что позвольте…

Сестры закивали. Любое упоминание о долге перед народом переполняло их благоговением.

— Конечно, товарищ. Не задерживайся ради нас.

— Если кофе остался, потом выпью еще чашечку, и послушаем радио.

— Да-да, конечно. Скоро начнется «Турандот»… Ждем тебя. Ступай, занимайся своими делами.

В сопровождении одного из котов, который сперва потянулся на ковре, а потом последовал

---

[47] Notes: 47

«Железный пояс» — система оборонительных сооружений, выстроенных на подступах к Бильбао.

за ним, не отставая, Лонкар поднялся на второй этаж, снял чехол с приемника и проверил, все ли в порядке. Благо до передачи оставалось еще пять минут, остановился перед шахматным столиком и, не присаживаясь, взглянул на положение фигур в неоконченной партии с неведомым соперником, служившим на узле связи в Сьюдад-Линеале. Наилучшим решением показалось ему переместить коня на третье поле ферзевого слона, на что противник, вероятно, ответит пешкой-ладьей, к чему Лонкар был готов. Он поглядел на кота тигровой расцветки, который не без опаски смотрел на него:

— Ну а ты бы как сыграл, Мисифус?

Ответа не последовало. Радиотелеграф запищал, и с бобины стала выползать лента, испещренная тире и точками. Завершив прием, Лонкар выстучал ответ и добавил после небольшого раздумья: «C3AD». Потом выключил прибор, открыл шифроблокнот и принялся раскодировать сообщение, меж тем как кот, пристроившись у стола, глядел на него так, словно понимал.

Расследовать инцидент проливе кафирефс предмет возможной активности кораблей всей видимости фашистского

флота соблюдать предельную осторожность сообщать подробно любых угрожающих признаках

Внизу сестры включили радио: из лестничного пролета доносился баритон, по-итальянски рассказывавший, что персидский принц, не выдержав испытания, устроенного ему принцессой Турандот, собирается умереть. Откинувшись на спинку стула, Лонкар прикурил сигарету и перечел депешу из Главного морского штаба Республики. Потом развернулся на стуле, глубоко затянулся и выпустил облако дыма прямо в мордочку кота, но тот не отпрянул, а остался невозмутим — лишь напряг хвост и взъерошил шерсть на выгнутой спине.

Вот бы всем нам такое хладнокровие, подумал Лонкар.

Пришла пора этой твари Пепе Ордовасу развязать язык.

— Очень любезно было с вашей стороны, — сказал Пантелис Кательос, — принять наше приглашение.

Они говорили по-гречески и время от времени переходили на английский. Барон сидел во главе стола, имея по правую руку испанского моряка, а

по левую — Лену. И спиной к свету, что позволяло ему, оставаясь в полутьме, отчетливо видеть лица жены и гостя. Ничего случайного в такой рассадке не было.

— В самом деле, это очень любезно, — повторил он.

Служанка подала второе блюдо — запеченную ногу ягненка с майораном и перцами — и удалилась. Аккуратно действуя серебряными ножом и вилкой, барон отрезал крохотный кусочек, положил его в рот и удовлетворенно кивнул. Ирини готовила превосходно.

— Это я благодарен вам за приглашение, — сказал Хордан.

Кательос, прикоснувшись салфеткой к губам, покачал головой:

— В каком-то смысле вы — наш гость. Равно как и ваши спутники, но мы не можем принять всех.

И, заметив, что гость смотрит на Лену, тотчас отвел глаза.

— На самом деле официально… — начал было Хордан.

— Ах, полноте, — перебил барон. — Ничего тут нет официального и вносит отрадное разнообразие в нашу монотонную жизнь. Кроме того, со времен Гомера не бывало еще, чтобы гостя, при-

шедшего в греческий дом, не сажали за стол. — Он улыбнулся как сообщник. — Ну а отплатит гость тем, что расскажет свою историю.

Хордан чуть заметно улыбнулся:

— Сожалею, что свою рассказать не могу.

— Пусть это вас не беспокоит, капитан… — Кательос взглянул на него с притворным простодушием и перевел взгляд на жену, — Тозер, не так ли? Хотя, кажется, на берегу к вам обращаются «капитан Михалис».

— Да, — спокойно ответил испанец.

— Ну, часть вашей истории мы можем вообразить. Это даже придаст ей пикантности. — Он снова взглянул на жену. — Не так ли, дорогая?

Она ответила лишь взглядом, беглым и безразличным. С той минуты, как гость постучал в дверь, Лена едва проронила несколько слов — лишенные любезности и тепла ритуальные формулы вежливости. К обеду она сменила свои обычные свитеры и мужского фасона брюки на платье, которое очень нравилось Кательосу, — простая, белая креповая *robe de jour*[48], уже немного вышедшая из моды.

Барон скользнул кончиком пальца вдоль

---

[48] Notes: 48
Дневное платье *(фр.)*.

ножки винного бокала богемского стекла — из двадцати четырех осталось лишь одиннадцать — и посмотрел на Хордана. Как человек светский, пусть даже давно не бывавший в свете, он владел искусством направлять разговор в нужную сторону.

— Надеюсь, вы отдадите должное этому «Кло Сент Юн» урожая двадцать пятого года.

Хордан улыбнулся: неожиданный проблеск белых зубов между русыми усами и бородой и спокойный взгляд голубых глаз весьма к нему располагали.

— Мне очень нравится.

— Спасибо на добром слове.

Барон с интересом рассматривал гостя, похожего на рослого белокурого викинга, который сбился с пути и оказался в чужих ему теплых морях. Рабочие брюки, свежая сорочка под пиджаком. Недавно подстриженная борода, зачесанные назад волосы, разделенные высоким прибором. Очевидно, что к обеду он принарядился как мог, хотя возможностей для этого на другом конце острова было немного.

— В погребе есть еще бутылки две… Уверяю вас, в этом доме швейцарских вин не бывало. — Барон улыбнулся с учтивым отвращением. — Наш, а

вернее сказать, мой мир постепенно тает.

Гость сделал глоток: он воздержан в питье и умерен в еде, отметил барон. Похоже, он ни к тому, ни к другому не питает страсти, если вообще знает, что это такое.

— Вы не покидаете остров?

— Очень редко, — ответил барон. — Последний раз это было три месяца назад, когда я ездил в Афины, и только потому, что меня пригласили обсудить ваше здесь возможное пребывание.

Он ограничился этой фразой, умолчав об остальном — о том, как увидел тонущий в январской дымке Пирей, как сел в автомобиль, ожидавший его в порту, как гулко отдавались его шаги в коридорах президентского дворца, как по другую сторону стола, заваленного донесениями тайной полиции, а среди них на видном месте — и о нем самом, бароне Кательосе, играли отблески настольной лампы в стеклах очков Иоанниса Метаксаса, говорившего: друг мой, друг старый и верный… как я завидую жизни, которую ты ведешь… обращаюсь к тебе с просьбой, и ты не можешь мне в ней отказать… итальянцы и немцы давят на меня, а ты способен ослабить этот пресс… и так далее. Официально никто ничего не разрешит и не допустит, но даже король, с

которым я консультировался, согласен. И кстати, он просил передать тебе привет.

— И я очень благодарен, что вы разрешили нам обосноваться здесь, — сказал испанец.

— О-о, бога ради… Как вы понимаете, я сделал это не ради вас. И даже не ради вашей страны.

— У моего мужа есть обязательства, — сообщила Лена.

Кательос взглянул на нее с интересом. До этой минуты она хранила молчание, однако он умел различать его виды и оттенки: ни одна из женщин, которых он знавал, не владела этим искусством в таком совершенстве.

— Куда же без них, — согласился он. — Моя жена права. Эти обязательства не чрезмерны и потому выполнимы.

С этими словами он положил нож и вилку на тарелку, откинулся на спинку стула и сунул руку в карман пиджака. Он оценивал настоящее и угадывал будущее, предчувствуя, как к прежней злобе прибавится новая — извращенная, смутная и почти сладостная. И привычно узнавал все ее приметы и признаки.

— Ваши люди удобно устроены, капитан?

— Вполне.

— Надеюсь, повар, которого я вам прислал, дело

свое знает.

— Прекрасно знает.

Барон дотронулся до кусочка хлеба на тарелке:

— Как вам этот хлеб?

— Замечательный.

— Он из ржаной муки, без добавления дрожжей. Испечен прямо на огне. По местной традиции: чувствуете, какой приятный вкус дыма и земли? Быстро сохнет и хорошо хранится. Советую угостить ваших людей… Могу распорядиться, чтобы вам доставили пару мешков муки — у нас ее в переизбытке.

— Нет, не нужно. Благодарю вас.

Появилась Ирини, чтобы убрать тарелки и сервировать десерт — бисквит в ликере, — который ели в молчании. Он был сладкий, вкусный и пах турецкими ароматами. Кательос, доев, снова обратился к гостю:

— Это жена придумала позвать вас на обед.

Лена резко вскинула голову:

— Вовсе нет.

Кательос улыбнулся снисходительно и терпеливо:

— Не верьте ей или верьте не вполне. Уверяю вас — идея пришла в голову ей. Я же ограничился тем, что поддержал.

Лена нетерпеливо дернула рукой. Десертная ложечка звякнула о край тарелки.

— Он тщеславится тем, что читает мои мысли, — суховато сказала она, обращаясь к гостю.

— Более того, наводит ее на них, — шутливым тоном ответил барон. — Я почти пятнадцать лет наблюдаю за ней вблизи, а на этом расстоянии кое-чему поневоле научишься.

Испанец, соблюдая этикет, оперся о стол одними запястьями.

— Не сочтите за нескромность… А как вы познакомились?

Барон оценил эту попытку смягчить ситуацию. Это можно было расценить как признак хорошего воспитания, а можно — как осторожность. Говорить о них, а не о себе. Вопреки своему грубоватому облику, капитан Тозер — или как там его зовут на самом деле — умеет вести разговор на деликатную тему или вовремя и тактично ее сменить. И расположение барона к нему поднялось на несколько пунктов.

— Не сочту. В Париже, пятнадцать лет назад. К тому времени она уже года два была моделью у Пату. Знаете этот модный дом?

— Смутно. Я далек от мира моды и даже картинки в журналах смотрю редко.

— На эскизах этого кутюрье — он скончался в прошлом году — наряд как бы льнет к фигуре той, кто будет его носить. В отношении Лены попадание было в яблочко. Удивительным зрелищем было уже то, как она спускалась по лестнице, и немедленно вызвало у меня интерес.

— Я же несколько дней помедлила, — со смутной улыбкой ответила она после почти театральной паузы.

Барон отметил, что это была ее первая улыбка за весь день.

— Неделю… Сопротивлялась до Биаррица.

Испанец повернулся к Лене, продолжавшей улыбаться все так же, задумчиво и отчужденно. На нее это не похоже, подумал барон. Давно уже она так себя не вела. И тут, словно сорвавшись с невидимой узды, она заговорила, не сдерживаясь и поражая мужа:

— Он был элегантен и обольстителен: мужчина из породы тех, кто знает, что рулетка делает каждый час от тридцати семи до шестидесяти оборотов.. Он позвал меня с собой, и я пошла. Я видела, как он проиграл сто пятьдесят тысяч франков и глазом не моргнул. И в тот же вечер, выходя из казино без сантима в кармане, он объяснился… Какая женщина устояла бы?

Все это она произнесла, ни разу не взглянув на Кательоса, как будто его здесь и не было. А он вдруг понял, что пора вмешаться. И снова взять под контроль застольную беседу.

— Вот как было, — сказал он легкомысленным тоном. — Мы отправились в путь на моем «бентли-блю-лейбл», а весь багаж уместился в два чемодана. И тут я обнаружил, что ничего на свете нет элегантней длинноногой женщины в костюме коричневых и бежевых тонов, сидящей в открытом автомобиле. Таким манером я приехал в Монте-Карло положить деньги на счет в моем банке, а вечером она впервые выиграла в казино. И там мы поженились.

Он сделал рассчитанную меланхолическую паузу, как бы предоставляя слово Лене. Однако она не проронила ни слова. Опершись локтем о стол, а подбородком о ладонь, она слушала его с холодным вниманием.

— Никогда не хранил верность богам и женщинам, — сказал барон, заполняя паузу, — пока не познакомился с ней.

— «Хранил верность» следует понимать как риторический оборот, — уточнила Лена.

Кательос заметил, что испанец заерзал на стуле, хотя до этого сидел спокойно. У него были

сильные, крупные руки, и барону нетрудно было вообразить, как они станут ласкать тело его жены.

— Скажите, капитан, читали ли вы в последнее время кого-нибудь из ваших соотечественников? Вы вообще любите читать?

Хордан то ли в самом деле, то ли сделал вид, что задумался:

— Чтение, конечно, незаменимо, когда надо убить время в плаванье. Но я не могу сказать, что это мое любимое занятие.

— И напрасно, напрасно, дорогой друг. Есть достоинства, которыми обладают лишь книги… Вполне естественно, что последний носитель рыцарства — это ваш соотечественник Дон Кихот, который благодаря прочитанному сам себя выдумал.

Барон почувствовал, что гостю становится не по себе, а затянувшееся молчание жены выглядит вызывающе, однако он умел сглаживать протокольные неловкости такого рода. И в жизни ему часто приходилось это делать. А потому он предложил кофе пить не в столовой, а в садовой беседке.

— «Единственное настоящее искушение — это женщина. За исключением искусства, за вычетом

философии нет ничего, кроме женщины»[49]. — Он с интересом взглянул на испанца, вставая из-за стола. — Это не мои слова. Я цитирую. Вы согласны с этим?

— Не знаю… — Моряк окинул его ничего не выражающим взглядом. — Возможно.

Они спустились на террасу, выходившую в небольшой сад с почти сожженными солнцем цветами, сели в тени на плетеные стулья вокруг столика, где стояли мраморный ларчик с табаком и хрустальная пепельница. Служанка на изящном подносе подала пожелтевшие от времени льняные салфетки и сваренный по-гречески кофе, очень густой и темный, и Лена, дав ему немного отстояться, наполнила чашки. Здесь, под открытым небом, заметней стали серебряные нити в ее очень коротко остриженных волосах и ярче заблестела золотая цепочка, обвивавшая щиколотку.

Ноги турецкой шлюхи, снова подумал барон. И вздрогнул, когда смутное, безрадостное вожделение внезапно пронзило его как иглой.

— Когда мы познакомились, — спокойно сказал

---

[49] Notes: 49

Цитируется рассказ испанского писателя и критика Кларина (Леопольдо Гарсия-Алас-и-Уренья, 1852–1901) «Предчувствия» («Aprensiones»).

он гостю, — ее звали Елена Николаевна Меншикова.

— А теперь Лена Кательос, — бесстрастно сообщила она, разлив кофе по чашечкам. — Трижды в жизни сменить имя и фамилию — ничего особенного по нашим-то временам.

Кофе все еще был слишком горячим. Барон достал из кармана трубку и принялся набивать ее табаком. И еще продолжал свое занятие, когда услышал голос жены:

— Вы женаты, капитан?

— Да.

— И дети есть?

— Сын.

— Война в Испании не угрожает им?

— Сейчас они вне опасности.

Кательос набил трубку и поднял голову:

— Не Господь даровал нам социального монстра в виде традиционной семьи — это порождение христианства. — Он искоса, мимолетно глянул на Лену. — В любом случае женщине нужен ребенок, ибо она может использовать его как средство обороны и нападения… Но, возможно, в такие смутные времена мудрее не обзаводиться детьми. Трудно с ребенком на руках убегать из горящей Трои, не так ли? А сейчас, кажется, все запылает.

Он чиркнул спичкой и принялся сосредоточенно раскуривать трубку, стараясь, чтобы огонек охватил табак равномерно. И, выпустив первое облачко дыма, добавил:

– *Ἄγονος* называется это по-гречески. Непроизводительный, не оставляющий потомства.

Пососав трубку, он взглянул на испанца сквозь сизую завесу дыма:

— А вы, мне кажется, человек неразговорчивый.

— Может, и так.

— Знаете театр в Эпидавре?

— Нет.

— Там можно говорить, не повышая голоса. Акустика так хороша, что каждое слово разносится по всему амфитеатру.

Между двумя затяжками барон сделал точно выверенную и нужную паузу.

— Моей жене нравятся молчаливые мужчины, — добавил он безразличным тоном. — Я стараюсь по мере возможности потрафить ее вкусу… Но сегодня благодаря вам отвожу душу.

— Слова очень редко улучшают мир, — вдруг произнесла Лена. — Чаще они его портят.

Барон остался невозмутим, будто не слыша ее:

— Мы не спрашиваем о том, какая миссия на

вас возложена. И о политике говорить не будем, чтобы не ставить вас в неловкое положение. Но сомнению не подлежит, что коммунизм ныне представляет собой огромную опасность. Моя жена знает это не понаслышке. — Он медленно обернулся к ней, как будто лишь сию минуту заметил ее присутствие. — Не так ли, дорогая?

Лена молча кивнула, а Кательос снова обратился к гостю:

— Ее семья бежала от большевиков. Отец вел в Петербурге торговлю кожами и мехами. И потерял все.

— В самом деле?

— Естественно.

— И потому Париж?..

— Да, — ответила она.

— Этот сброд надо остановить, друг мой, — вмешался барон. — Раньше миром правили те, кто был наделен силой и богатством, и это мироустройство было несовершенно, но сейчас к власти рвутся обиженные: сперва в России, сейчас в Испании. Потом придет черед Греции и всей Европы. К счастью, Германия и Италия стараются…

Он осекся на полуслове, потому что сам осознал смехотворность своих слов. Вокруг пустых чашек

вилась оса, и Кательосу понравилось, что гость даже не попытался отогнать ее, хотя она была совсем близко. Да, без сомнения, самообладанию этого моряка можно позавидовать. Подлинный стоик.

— Не верьте ни единому его слову, — сказала Лена. — Потому что на самом деле ему это совершенно безразлично. И говорит он так исключительно из вежливости, поскольку вы воюете с красными. И сам не верит тому, что говорит. Какая бы участь ни ждала этот остров, он примет ее безропотно. И спокойно будет ждать, пока судьба не повернется туда, откуда удобно уничтожить все, что осталось от его мира.

— Ладно-ладно, — возразил барон. — Слово «театр» происходит от греческого *θεάομαι*, что значит делать видимым, созерцать, смотреть. И я, в сущности, человек, который смотрит. — И непринужденно добавил по-французски, обращаясь к ней на «вы»: — *Mais vous exagérez peut-être, ma chère*[50].

Лена ответила, не глядя на него и не сводя внимательных глаз с гостя:

— Нисколько я не преувеличиваю… Мой муж

---

[50] Notes: 50

Но, моя дорогая, вы, пожалуй, преувеличиваете *(фр.)*.

столь хладнокровен, потому что убежден: невозможно сохранить то, что разваливается на глазах. Он пассивный эгоист: оглядываясь по сторонам, он не видит ничего, что хотел бы сберечь.

— А вы?

Барон, которому этот вопрос показался дерзким, стал наблюдать за испанцем с особым вниманием. И почувствовал интересные возможности, скрытые под внешней простоватостью, которая теперь показалась ему наигранной. В конце концов, этот человек с наружностью викинга был моряком, а в море все видится простым и ясным лишь тому, кто проводит там недельный отпуск.

— А я нет, — ответила она почти резко. — Я не существую.

На этот раз испанец был сбит с толку. Кателльос счел, что будет уместно вернуть разговор на нейтральную почву или, по крайней мере, сделать его не столь интимным. Он вытащил трубку изо рта.

— Что касается меня, то поймите: я родился в прошлом веке. Один из моих дедов сражался с Наполеоном… Я с трудом переношу нравы и обычаи нынешней странной эпохи. И не приемлю то, что Европа отринула свою миссию быть светочем высшей цивилизации, некогда озарявшим

весь мир.

Испанец без возражений принял новый курс, которым пошел разговор.

— И поэтому вы живете на острове? — учтиво осведомился он.

— И поэтому он заживо похоронил здесь себя и меня, — прежним тоном ответила Лена.

Испанец замялся, не зная, что на это сказать. Барон с извращенным удовлетворением растянул губы в улыбку, приличествующую обстоятельствам, и обратился к жене:

— Никто тебя не принуждает оставаться здесь, дорогая.

— Это так.

— У пирса стоит твоя ненаглядная моторка, и до Сироса недалеко…

— И это так. Все так.

— Она плавает до Сироса и обратно, когда хочет, — пояснил барон. — На том острове тоже имеется наш фамильный дом. Привозит мне книги и пластинки, выписанные из Афин.

В этот миг Лена издала краткий отрывистый смешок, столь хорошо известный барону. Потом допила свой кофе, подняла крышку мраморной коробки и, оглядев сигареты так придирчиво, словно они отличались друг от друга, выбрала

одну.

— Терпеть не могу, когда у женщины на шее след от жемчужного колье, которое уже продано. А я таких дам знавала… Ты хочешь, чтобы и я этим кончила?

— Ради бога, дорогая. Разумеется, не хочу. — Кательос подался вперед и дал ей огня. — Кроме того, у тебя давно уже кожа истой гречанки — бронзовая, позлащенная морем и солнцем. И жемчуга тебе не нужны.

— Быть может, мне нужно, чтобы они снова стали нужны.

Оса вилась теперь у колена Кательоса. Он прихлопнул ее стремительным ударом салфетки — сработали давние рефлексы фехтовальщика — и снова невозмутимо принялся за трубку.

— А знаете, капитан?.. В прошлой жизни, когда я бродил по цивилизованным местам, я покупал многих мужчин и женщин, и имею в виду не только их тела. Мужчин я никогда не вожделел, в женщинах никогда не нуждался: они приходили сами, думая, что на этом аукционе я заплачу дороже всех.

— Он и меня так купил, — сказала Лена; глаза ее погасли. — Он оказался самым щедрым.

Стало очевидно, что гость, оказавшись под

перекрестным огнем, испытывает неловкость. Барон, заметив, как тот бросил взгляд на часы, пришел ему на помощь:

— Вы, капитан, выглядите совершеннейшим чужестранцем. И тем не менее…

Это помогло, и в течение нескольких минут они обсуждали наружность гостя, его рост, и стать, и свободное владение греческим языком. А также и то, о каких чертах характера можно судить по внешним признакам.

— Да-да, — заключил Кательос. — По виду вы очень подходите для определенного рода деятельности. И ваше спокойствие не напускное.

Испанец неопределенно развел руками:

— Я с самой ранней юности ходил в море на рыболовных шхунах и мотоботах, я взрослел в окружении людей, которые воспринимали меня как своего. Полагаю, это помогло мне усвоить верный взгляд на вещи и научило правильно вести себя.

— То есть выработало некую стоическую покорность судьбе? — рискнул осведомиться барон.

— А кроме того, здоровую неуверенность.

— Недоверие, вы хотите сказать?

— Нет-нет… Я сказал именно то, что хотел сказать: здоровую неуверенность.

Барон покосился на жену, молча слушавшую гостя:

— А-а, понимаю. Если постоянно думать о том, что покажет барометр, о рифах, о перемене ветра и прочем, едва ли заснешь.

— Да, нечто подобное.

— На наших островах, когда задувает мельтеми[51], бытует поговорка: «С бабой и норд-остом совладать непросто».

— В Испании тоже. На всем Средиземноморье.

— Елена Троянская и тому подобное.

— Да, пожалуй.

— Женщина, дорогой Ватсон.

Испанец смешался, не узнав отсылку:

— Может быть.

— Мы, мужчины, в силу своей суетности считаем себя любовниками или палачами, меж тем как мы всего лишь свидетели.

— Может быть.

— Уверяю вас, что так оно и есть.

Пришло время прощаться, и гость поднялся не раньше и не позже, чем предписывали приличия. Несомненно, подумал барон, это человек воспитанный. Он предложил, чтобы старик Стамос

---

[51] Notes: 51

Мельтеми — сильный сухой северный ветер, характерный для Эгейского моря.

доставил его на другой конец острова по морю, на моторке, но Хордан сказал, что предпочитает дойти пешком.

— Я вас провожу немного, — сказала Лена.

— Спасибо. Не затрудняйтесь.

— Я хочу подышать воздухом.

Барон воззрился на нее с пытливым интересом натуралиста. Слово «удивление» здесь явно не подошло бы.

— Сомневаюсь, моя дорогая, что наш гость может заблудиться. Остров из конца в конец пересекает одна-единственная дорога, и капитан по ней уже ходил.

— Я провожу, — настойчиво повторила она. — Только переоденусь, и мы пойдем.

Мужчины остались на ногах, глядя друг на друга.

— Вы любите охоту? — осведомился барон.

— Не очень.

— Жаль. Потому что на острове много кроликов. Они забираются в наш огородик и пожирают овощи. Я иногда совмещаю прогулку с отстрелом, хотя жене это не нравится. — Он сделал паузу, претендующую на многозначительность. — Мы с Леной не всегда совпадаем во мнениях.

Попыхивая трубкой, он не сводил с гостя глаз и

ждал ответа, однако испанец хранил бесстрастное молчание. Объективно оценив его габариты, барон вынужден был признать, что таких, как он, лучше не задирать. Таким либо уступают дорогу, либо всаживают пулю, прежде чем они двинутся на тебя. Тут должна выручить реакция старого фехтовальщика.

— Я бы с удовольствием прислал несколько тушек вам и вашим людям.

Испанец наконец улыбнулся:

— Надобности нет.

— Да уж конечно… У вас есть оружие?

— Нет.

— Если придет охота пострелять, одолжу вам ружьецо. У меня есть «сёрдэй» и отличная «параскета» — ваша, так сказать, соотечественница.

Они по-прежнему стояли, глядя в глаза друг другу. Миг спустя Кательос, постучав трубкой о стену, вытряс пепел. Забавно, подумал он. Забавно, хоть и приправлено едкой горечью.

— Вы знаете, что на этих островах мужчины носят черную ленту на шляпе?

— Нет, не знал. Именно черную?

— Да.

— Есть какая-нибудь особая причина?

— Траур.

— По кому?

— По усопшим друзьям и родственникам и по врагам, которых еще предстоит убить.

Испанец медленно кивнул, будто наконец-то понял. Смастерив любезную улыбку, Кательос решил срезать путь:

— Убить, защищая родину, убить от ненависти к турку или к соседу, убить от любви или из ревности… Со времен «Илиады» и до наших дней у нас, греков, всегда найдется, за что убить.

6. Гамбит танкера

Первая партия осталась за Сальвадором Лонкаром, игравшим черными, а вторая — за Пепе Ордовасом, которому достались белые.

— Матч красных и националистов окончился вничью, — глумливо сообщил он.

Покуда чернокожий официант Шиколата убирал шахматную доску и вносил кальяны, мадам Азийаде, никогда не терявшая бдительности, прислала подходящую компанию: две скромно державшиеся армянки, из одежды сохранившие на себе лишь самое необходимое, молча сидели на диване и ждали, когда на них обратят внимание. Одна, рослая и пышнотелая, с табачного цвета кожей, была здешним ветераном, а другую, маленькую и хрупкую, совсем юную девицу лет пятнадцати-шестнадцати, Лонкар видел впервые.

Он набрал в рот и выпустил клуб ароматного дыма — табак с гашишем — и покосился на Ордоваса. Тот рассматривал женщин с таким сосредоточенным выражением своей хориной мордочки, словно никак не мог решить, на ком

же остановить выбор.

— Что там происходит в Эгейском море, Пепе?

Ордовас, еще погруженный в размышления, ответил не сразу. Когда же обернулся к Лонкару, вид у него был такой же, как в ту минуту, когда протянутая к доске рука замирала в воздухе, прежде чем решиться и передвинуть фигуру.

— Не знаю, старина, о чем ты, — сказал он наконец.

— Прекрасно знаешь.

— Богом клянусь, что нет.

Лонкар, в этот миг выпускавший очередное облачко дыма, рассмеялся и поперхнулся.

— Ты не веруешь в Бога, потому что отъявленный фашист. И, значит, клятвам твоим грош цена.

Лисье личико стало непроницаемым, маленькие плутоватые глаза сощурились.

— Лучше ты мне расскажи, что там, по-твоему, происходит, — наконец вымолвил Ордовас. — И тогда я смогу ответить, знаю или нет.

— Кто там рыщет-охотится — немцы или итальянцы?

— Так далеко забираются?

— Да. За много миль от своих обычных угодий.

— Не знаю, не верю. — Ордовас изобразил на

лице раздумье. — Впрочем, все может быть.

— Вы что же, намереваетесь распространить боевые действия на эти воды?

Глаза франкиста подернулись пеленой предосторожности.

— Мне это неизвестно, — сказал он негромко.

— Однако в последнее время ты постоянно заводишь разговор на эту тему…

— Послушай, я делаю свою работу. Как ты — свою.

— Я не прошу тебя изливать мне душу, Пепе… Просто просвети меня немножко. Наведи на след, понимаешь?

Ордовас трижды глубоко вздохнул. Потом взглянул на девиц в углу и вздохнул еще трижды.

— Я всего лишь знаю — или полагаю, будто знаю, — что возник определенный интерес.

— Интерес?

— Да. И это все, что я могу тебе сообщить.

— Ну, это я знаю без тебя.

Посасывая мундштуки кальянов, они неотрывно глядели друг на друга в безмолвном сообщничестве. Ты знаешь, что я знаю, что́ мы оба знаем, читал каждый в глазах другого.

— Ты как-то раз упомянул, что на тебя сильно давят, мм? — Лонкар нарушил молчание пер-

вым.

— Было такое.

— Ну так вот, теперь давят на меня. И точно по тому же вопросу.

— По какому именно?

— Это ты мне скажи по какому.

— А что твои русские товарищи?

— Они тоже с меня не слезают.

— А почему сейчас больше, чем прежде?

— Я же говорю, сейчас там, внизу, что-то происходит… Такое впечатление, что все взялись удить рыбку в одной и той же заводи, только на разные крючки. И не сомневаюсь, что тебе об этом известно больше, чем мне.

— Ошибаешься.

— Может быть, все в совокупности тебе и неизвестно, однако ты можешь подкинуть сведения, которые мне пригодятся.

Ордовас высунул кончик язык между зубов и тотчас спрятал.

— А что мне за это будет?

— Все в свое время, паренек…

Ордовас снова поглядел на женщин, но было очевидно, что теперь ему не до них. Потом стал шарить глазами по салону — по зеркалам в бархатных рамах, по коврам, по окнам в золоченых

переплетах.

— На следующей неделе в Стамбул приедет чешский коммивояжер, — сказал он наконец. — Некто Зборенций. Остановится в «Пера-Паласе»…

Лонкар сморщился:

— Какие отношение это имеет к тому, о чем я тебя спрашиваю?

— Никакого. Но видишь ли, он… Ну, словом, он представляет некоторую ценность.

— Послушай-ка, Пепе…

— Слушаю.

— В данный момент ценностью его я могу подтереться.

— Ну и зря. Уверяю тебя, этот чех…

— Да пошел ты со своим чехом. Мы сейчас толкуем о другом. Чего ты мне голову-то морочишь? Не на такого напал.

— Предоставь мне что-нибудь, и тогда посмотрим.

Лонкар задумался. Дым, дошедший до легких, как-то удивительно прояснил мысли. Лонкар задержал его и медленно выпустил.

— Даешь слово?

— Бери, — кивнул Ордовас. — В меру сил и возможностей.

— Честное слово фашиста или твое собствен-

ное?

— Да твою же мать… Мое, конечно! Собственное, личное, передаче не подлежащее.

Лонкар все еще пребывал в сомнениях. Но в конце концов, решил он, можно будет убить двух зайцев. Он помнил последний разговор с Антоном Солёновым о нефтеналивном YZ–16 в качестве приманки. Переведя на язык шахмат, затею можно было бы назвать «гамбит танкера». Три тысячи тонн бензина и древний пароход — для Республики чувствительная потеря, но — если благодаря этому удастся идентифицировать злоумышленников — не напрасная жертва.

— Через два-три дня через Босфор пройдет некое судно.

— Мне это нравится, старина! — Глазки Ордоваса вспыхнули алчностью. — Мне это очень нравится. Что еще?

— Больше ничего.

— Дурака из меня не делай.

— Повторяю: больше ничего.

— «Товарищ»?

Лонкар не избавился от сомнений.

— Ниэт, — сказал он по-русски. — Эспаньольский.

— Характер груза? Порты выхода и назначе-

ния?

— Не знаю, но при входе в греческие воды поднимет французский флаг.

— И что дальше?

— А дальше дело за тобой, Пепе. Крутись. — Он удовлетворенно помолчал.

Ордовас задумался над полученными сведениями. И потом очень медленно кивнул:

— Скажу тебе кое-что… Только не думай, что изреку абсолютную истину… Согласен на это?

— Согласен.

— Я просто что-то нюхом чую… Не больше.

— Ну, давай, давай, не томи. Выкладывай.

— И вот я чую, что будет устроен тарарам.

— Какой тарарам?

— Большой.

— На островах?

— Да.

— Едва ли, — сказал Лонкар. — В территориальных водах Греции?

— Плевать им на это. Они торопятся, хотят успеть, пока не подписали новый договор о контроле под гарантии англичан и французов. И есть у меня такое ощущение, что кое-кому эта трехмильная зона — тьфу и растереть.

— Кому? Немцам?

— Вряд ли. Слишком далеко.

— Итальянцам?

Ордовас плутовато прижмурил глаз:

— Слишком близко.

— Субмарины или надводные корабли?

— Понятия не имею. Но полагаю, что скорее все же субмарины, свои или предоставленные. Потому что боевые корабли, идущие под флагом и все такое, — это уж совсем откровенное бесстыдство… А подводные лодки давно шастают в других зонах Средиземноморья, так что вопрос лишь в том, чтобы подобраться поближе.

Лонкар наморщил лоб, размышляя. И ногтем пригладил усы.

— О быстроходных катерах не приходилось слышать?

— Я вообще ни о чем конкретно не слышал… — Ордовас уклончиво повел рукой. — Я стамбульская пешка: информация в основном поступает наверх и очень редко спускается ко мне. Я рассказываю тебе то, что могу предположить, а не то, что знаю.

Прозвучало это довольно искренно, но Лонкар все же продолжал настаивать:

— А что ты можешь мне сказать о…

Но Ордовас замотал головой и вскинул руку:

— Конец первого действия, паренек! Знаешь турецкую поговорку: «Кто всю правду выкладывает, того из десяти деревень выгоняют». Антракт! Будем рады видеть вас в нашем баре.

По его знаку женщины поспешили на зов. Он алчно посмотрел на свою избранницу, которая с профессиональной непринужденностью уселась к нему на колени. Большие, густо подведенные глаза, грудь, готовая перелиться за вырез платья, крутые бедра. Это телесное изобилие забавно контрастировало с щуплостью ее кавалера.

— Как говорится, хоть не резва кобыла, а взяться за что — было, — сказал тот.

Вторая, молоденькая девица стояла перед Лонкаром, ожидая указаний, но тому после разговора с Ордовасом было не до нее. Он поднялся, собираясь уйти, а девица, словно опасаясь, что ею пренебрегут, уцепилась за него.

— Нон укходить, эфенди, — сказала она на смеси турецкого и ломаного французского. — Же те ферэ счаслиф[52].

Тело у нее было нежное и горячее, кожа белая, что-то азиатское в разрезе глаз, личико же казалось бы ангельским, не порть его деланая

---

[52] Notes: 52
Я сделаю тебе... *(искаж. фр.)*

порочная улыбка, будто намертво приклеенная к накрашенным губам. Опасная девочка, подумал Лонкар: в таких влюбляются простодушные военные и моряки, мечтая возродить их к достойной жизни, а те хладнокровно — по собственной природе или по наущению хозяев (мадам Азиайде получает, надо думать, изрядные барыши на этой малютке) — и добросовестно опустошают их карманы.

— Как тебя зовут, крошка?

— Ылдыз.

— Отложим до другого раза, ладно?

Она обняла его, не давая сдвинуться с места, запрокинула голову, чтобы видеть его лицо, словно он был единственным мужчиной на свете, и потом скользнула умелыми пальчиками в надлежащее место, пресекая поползновение уйти. Ордовас из-за плеча своей подружки скорчил ему рожу:

— Не робей, старина, жизнь коротка. «Кто о страхе заводит речи? Добрый доктор всегда излечит».

Лонкар вздохнул. В донесении, которое надо было отослать в Мадрид, не содержалось ничего такого, что не могло бы подождать часика два. И, не противясь нежно-медлительной ручке Ылдыз,

грациозной, как юная лань, он вдруг вспомнил о сестрах Калафель: должно быть, сейчас они в окружении котов вяжут, слушая радио, или читают Реклю и Кропоткина.

Легкий бриз задувал с севера. В этой части острова дорога шла почти полого, петляя меж сухих кустов и стволов мертвых деревьев там и сям. Кое-где с пригорков виднелось море.

— Пейзаж не из самых красивых на свете, — заметила Лена Кательос. — Без вида на море вообще было бы ужасно. Да и было в течение долгого времени.

Хордан слушал, не замедляя шагов. Время от времени по морской привычке поглядывал на север, где сквозь раздерганные крупные тучи с наветренной стороны проглядывало небо. Снятый пиджак он перекинул через плечо. Козырек низко надвинутой фуражки спасал глаза от блеска солнечных лучей, скользивших по белым и серым камням. Солнце медленно ползло к горизонту, и две тени удлинялись.

— Остров Спящей Женщины, — сказала Лена. — Он был так назван три тысячи лет назад и некогда был местом ссылки и заключения… Вы слышали об этом?

— Ваш муж как-то упоминал.

— Император Август сослал сюда поэта Овидия после того, как он провел сколько-то времени на берегах Черного моря, там, где ныне Констанца… — Она огляделась вокруг и с сомнением спросила: — Вы читали Овидия?

— Нет, — с полнейшей естественностью ответил он.

— Он хороший поэт, ну или муж меня в этом убедил. Когда мы познакомились, я мало читала… — Со странной улыбкой она качнула головой. — А вы?

— Я мало читаю.

— Я вас не об этом спросила.

— Я моряк.

— Не вполне обычный моряк, мне кажется, — заметила она, несколько секунд вглядываясь в него. — Я бы сказала, нечто вроде корсара или пирата. Хорошо звучит, не правда ли? Моряк, который вот-вот преступит закон.

Хордан пожал плечами, как бы примиряясь со своей участью:

— Корсары тем отличаются от пиратов, что получают государственный патент. Но у меня-то нет никакого патента.

— Вы как будто сожалеете об этом. Разве так важно быть законопослушным? Вам это идет,

прекрасно вяжется с вашей внешностью и повадками. Скажите мне, почему ваша миссия…

— Я не могу говорить с вами об этом, госпожа Кательос, — прервал ее Хордан.

— Зовите меня просто Лена.

— Лена.

— Вот так лучше. А с мужем моим можете?

— Лишь чуточку больше.

Она чуть поджала губы, обдумывая его слова.

— Наверно, это разумно… Доверять незнакомой женщине секреты — все равно что дать оружие в руки ребенку. Бог знает, что он с ним сделает.

Они молча прошли еще несколько шагов. Слышался лишь монотонный треск цикад. Женщина наклонила голову и, казалось, разглядывала две тени, вместе движущиеся по дороге.

— Я антикоммунистка, как и мой муж, — неожиданно сказала она. — По рождению я русская и ненавижу большевиков. Впрочем, правильней будет сказать — «ненавидела».

— А сейчас уже нет? — удивился Хордан.

— То ли мир изменился, то ли я сама. Порою мне кажется, что за вычетом личных драм кое-какие исторические потрясения идут на пользу.

На невысоком пригорке слева от дороги стояло ореховое дерево. Лена остановилась и показала

на него:

— Это единственное оставшееся на острове. Есть еще десяток олив — в основном возле дома, но орех один. Последний. Видите почки? Оно цветет ежегодно, и я срезаю ветку с белыми цветами, приношу в спальню, они стоят несколько дней, а потом опадают, засыпают стол лепестками.

Хордан невольно засмотрелся на ее вытянутую руку — длинную, тонкую, с кроваво-красным маникюром. Ладонь была изрезана линиями гуще, чем это бывает обычно. Перехватив его взгляд, Лена улыбнулась как-то по-особенному, отстраненно и рассеянно. Потом провела рукой по коротко стриженным волосам, густо припорошенным сединой.

Они двинулись дальше, и Хордан счел необходимым или обязательным заполнить словами очередную томительную паузу:

— Когда вы покинули Россию?

— После революции, как и многие… Мы жили в Петербурге, на Миллионной улице. Моего первого мужа — он был офицером — убили в ночь на двадцать пятое октября, в Зимнем дворце, а отца арестовали, и дальнейшая его судьба неизвестна. Мы с матерью бежали в Будапешт, а оттуда перебрались в Париж. — Она с неожи-

данным любопытством взглянула на него: — А вы где были двадцать пятого октября девятьсот семнадцатого?

Он, чуть помедлив с ответом, все же решил, что не выдаст никакой военной тайны:

— Я был два месяца в море.

— В столь юном возрасте? О боже… Вы же были тогда совсем ребенком?

— Мне было четырнадцать лет. Учеба меня не привлекала, вот я и завербовался помощником кока.

— Подумать только, как рано вы сделались искателем приключений. И когда же вы поступили на военный флот?

— Когда в Испании началась война.

Он заметил, что Лена смотрит на него с обновленным любопытством. Вот она сделала несколько шагов, приоткрыв рот, словно собираясь что-то сказать, но нарушила молчание лишь после паузы:

— В Париже я влюбилась во второй раз в жизни.

Хордан не сразу нашелся с ответом. И последовало неловкое молчание.

— В барона, я полагаю? — все же спросил он чуть погодя.

Лена покачала головой. Нет. Пантелис Кательос появился позже. Ее второй мужчина — она особенно отчетливо выделила это слово — тоже был русским эмигрантом, запойным картежником и пьяницей. Их роман длился всего несколько месяцев: больше она не выдержала.

— К этому времени мы с матерью уже близко познакомились с нищетой — съемная конура за пятнадцать франков, железная кровать, выщербленное биде, жуткие, засиженные мухами обои.

Она замолчала, и Хордан снова не нашелся что сказать.

— Мне вас очень жаль, — пробормотал он наконец.

Она с показным безразличием передернула плечами:

— Я познала нищету и унижение, что рано или поздно происходит со многими, но сумела уцелеть, потому что хватило здравого смысла принимать это, как прочие правила игры, и уживаться с этим.

Он на ходу внимательно рассматривал ее краем глаза — длинные ноги, ровная поступь, тонкое, но не худосочное тело, угадывавшееся под мешковатой майкой и матросскими штанами. Даже в таком обличье она сохраняет элегантность, поду-

мал он. И каждое движение выверенно-точное, как у матерого хищника, вышедшего на охоту. А самообладание почти обескураживало.

— Как вы начали работать моделью?

— Мать умерла от тифа, я зарабатывала на жизнь чем придется… — Тут она сделала почти незаметную паузу. — Однажды, когда я сидела на террасе кафе «Дом» и соображала, хватит ли у меня в кармане денег на чашку кофе, к моему столику подошел очень элегантный господин и чрезвычайно любезно осведомился, не думала ли я о карьере манекенщицы. Его звали Жан Пату.

Они одолели длинный подъем и остановились перевести дыхание. Оттуда было видно море и зеленовато-серые пятна далеких островов. Из зарослей выскочил и тотчас юркнул назад кролик.

— Мой муж на них охотится. — Тень пробежала по ее лицу. — Мне это не нравится.

— Да, он говорил.

— Что стреляет кроликов?

— Что вам это не нравится.

— В самом деле? — Она заморгала удивленно. — Он вам сказал, что я это терпеть не могу? Какая странная откровенность. Забавно, что он это сделал.

Хордан видел, как она чуть наклонила голову,

всматриваясь в море.

— Или не забавно.

После этих слов она устремила на него взгляд непроницаемый и внимательный:

— Полагаю, что вы внушаете доверие вопреки тому, зачем вы оказались здесь. Ваш вид, я хочу сказать. Эти ваши невинные голубые глаза… Вы в самом деле так простодушны?

— Никогда не пытался узнать, каков я.

Она, судя по всему, оценила ответ.

— Вы сказали, что не слишком начитанны, но вот романы Джозефа Конрада знаете?

— Случалось кое-что перелистать в плаванье.

— «Лорд Джим»?

— Да, это. Прочел, потому что там про море и моряков.

Она оценивающе оглядела Хордана сверху донизу, снова задержав взгляд на его лице.

— Я помню Джима. Ну то есть как он выглядел. Всегда представляла его себе рослым и крепким, вот вроде вас, только без бороды.

Двинулись дальше. На вершине следующего холма высилась древняя тюрьма — выщербленные и кое-где обвалившиеся стены, серый камень, обломки кирпичей. На окнах еще остались заржавленные решетки, и за ними сквозь

перекрытия проглядывало небо.

— Вы сказали, что женаты.

— Сказал.

— И счастливы в браке?

Хордан промолчал и снова взглянул на горизонт. Лена, выждав немного, поняла, что ответа не получит. И показала на синюю поверхность воды, окружавшую остров:

— Из этой пены морской появилась на свет Афродита… Вы во время своих плаваний видели ее обнаженной?

— Никогда, — рассеянно улыбнулся Хордан. — Даже одетой не видел.

— А в портах? Ведь моряки…

— И там тоже не видел.

— А сирен? — Разговор, судя по всему, забавлял ее. — Сирен не встречали?

— Ни разу.

Было не до сирен, подумал Хордан. В первые годы — тяжкий труд среди простых, здоровых мужчин, которые покорно противостояли ударам волн и судьбы, а когда выходили на берег и земля в буквальном смысле переставала уходить из-под ног, сжигали в краткие часы забвения тяготы прошлых и неопределенность новых, скорых мытарств. А по прошествии какого-то времени,

уяснив для себя, чего он в жизни хочет, а чего нет, начал ученье в подвесной матросской койке, на полубаке или в дешевых припортовых гостиничках, где готовился к экзаменам по тригонометрии, премудростям размещения грузов и маневрирования, судового оборудования, астрономии, английского языка, зубрил ответы на вопросы, задаваемые синклитом суровых капитанов с пятью золотыми нашивками на обшлагах тужурок: помощник кока Мигель, матрос Хордан, курсант мореходного училища Мигель Хордан, штурман Мигель Хордан Кириазис, корсар — это слово заставило его усмехнуться — Мигель Тозер, или *капетаньос* Михалис. И взглянул на собственную ладонь: он тоже кое-что повидал в жизни.

Лена Кательос меж тем остановилась и разглядывала синюю гладь. Хордан вспомнил ее слова об Афродите, выходящей из моря, и представил, что не богиня, а эта женщина появляется из прибрежной пены, увлажняющей ее бедра и живот. Давно у меня не было женщины, подумал он. Много времени минуло — и какого времени.

— Вы боитесь моря? — спросила она.

— Как и всякий, кто с ним знаком.

Она стояла неподвижно, и на лице ее не отражалось ничего, кроме безразличия.

— Иногда мне снится, что я тону и мир смыкается над моей головой… А я погружаюсь во что-то вроде ртути — одновременно и жидкое, и плотное. В штиль вода в море становится похожа на нее.

— Тем не менее, — возразил Хордан, — вы гоняете на своей моторке.

Женщина медленно кивнула:

— Да… По большей части на Сирос.

— Но вы ведь только что сказали, что боитесь утонуть.

— Я не сказала, что боюсь.

— А-а…

— Риск в обмен на свободу, — вздохнула она. — Всему своя цена.

— Разве вы не свободны на этом острове?

— Не очень.

— Зачем же остаетесь здесь?

Он увидел, как губы ее медленно сложились в улыбку, дерзкую и жестокую.

— Недурное место для постижения мира.

С этими словами она вдруг закинула голову, словно хотела определить, высоко ли солнце.

— Мне пора возвращаться, капитан. — Она показала на дорогу. — Ваша база вон там, за скалами. Метров пятьсот.

И, резко повернувшись, сошла с дороги. Хордан, сбитый с толку, смотрел ей вслед. Шагах в семи-восьми она вдруг остановилась:

— Вы знаете, почему остров называется так, как называется: с моря он похож на женщину, которая спит или притворяется спящей… Но я вас уверяю: это название неточно. Правильней было бы сказать «остров Мертвой Женщины».

Сидя на террасе, Пантелис Кательос принялся за вторую чашку кофе. Потом осторожно, чтобы не оставить царапин, провел мелкозернистым наждаком по клинку сабли, убирая маленькое пятно ржавчины, появившееся возле клейма. Увлеченный коллекционер, он без труда определял марку, модель, место и время изготовления каждого экземпляра. Вот этот клинок был откован в Бирмингеме, в оружейной мастерской Осборна между 1796 и 1810 годами. Красивая сабля с широким изогнутым лезвием состояла на вооружении британской легкой кавалерии в эпоху Наполеоновских войн.

Он услышал донесшийся из сада шум и насторожился. Может быть, проводив Хордана, это возвращается Лена? Но нет — между олив, кипарисов и фиг ковылял старик Стамос в соломенной шляпе на голове и с корзиной в руке, а

потому барон вновь взялся за саблю. Отчистив клинок, он клочком ваты натер его тем же воском, какой применял для кожаных переплетов книг своей библиотеки. Потом тряпочкой удалил его и, полюбовавшись на клинок, блестевший под солнечными лучами, вложил его в ножны, а вслед за тем поднялся и вошел в дом, чтобы отнести оружие на прежнее место — между французским кирасирским палашом модели «XIII год Республики» и драгунской саблей, изготовленной в 1801 году. Ему нравилось держать все три клинка рядом, потому что и сами они, и люди, чьи руки некогда сжимали их эфесы, быть может, по прихоти судьбы пересекались в одном и том же бою.

Барон направился в библиотеку. Всякий раз при входе туда у него возникало ощущение, будто он отринул чье-то чужое прошлое и обрел свое истинное настоящее; что с этого бастиона он сможет взирать на прошлое без тревоги и чрезмерной печали. Ничего случайного тут не было — все так и было задумано: по контрасту с прочими покоями родового замка, полного антикварных вещей, он поставил в этой комнате мебель из стали, кожи и стекла и письменный стол скандинавского дизайна, оборудовал камин

в модернистском стиле и полностью отказался от всяческих украшений — книги не в счет, — кроме фотографий в рамках, развешенных в самом дальнем углу.

Он взял трубку и, не набивая ее табаком, принялся посасывать мундштук. Потом уселся в кресло и окинул равнодушным взглядом книгу, лежавшую на столике, — «Замогильные записки» Шатобриана, заложенные в том месте, где открывал ее в последний раз, багажной квитанцией отеля «Виттория» в Сорренто:

Легко быть покорным, терпеливым, любезным, безмятежным, когда ты ничем не дорожишь, когда все наводит на тебя скуку, когда и несчастье, и счастье ты встречаешь обиженным и обидным: «Ну и что?»[53]

Барон подумал о ней, о Лене. О том, что в эту минуту она прогуливается с испанским моряком, и о том, хорошо ли он сам знает и верно ли угадывает статус своей супруги. Он наблюдал за ней, силой воображения высвечивая те многочисленные темные углы ее жизни, которых становилось все больше, — ее парижское прошлое, ее нынешнее бытие на этом острове, ее эскапады на Сиросе,

---

[53] Notes: 53

Франсуа Рене Шатобриан. Замогильные записки. Кн. 9., ч. I. Перев. О. Гринберг.

ее неверное будущее, и при этом сам испытывал диковинное головокружение, опасную и смутную тягу. Нечто похожее на то, как вопреки разуму и здравому смыслу одновременно и влечет, и страшит пропасть.

Барон уже давно понял, что с этим ничего нельзя поделать. Душевные его ресурсы были исчерпаны, а умственные приманки потеряли действенность, причем до такой степени, что Лена откровенно презирала их и провоцировала его не столько по убеждению, сколько от дерзости. Разом открыв для себя — вот ведь парадокс — и безмолвное одобрение мужа, и его извращенное соучастие в этой игре, и стыд, который он испытывал.

Он открыл книгу и попробовал сосредоточиться на чтении, но безуспешно. Едва одолев две страницы, он снова отложил ее, придавил трубкой, уперся затылком в подголовник и закрыл глаза. И стал думать о том, как его жена идет сейчас по острову рядом с этим испанцем. Наверняка молчалива, по обыкновению, потому что произносимые ею слова мало что значили. И никак не помогали разгадать ее. И в самом деле, ни одна из женщин, которых он знавал, не наделена была таким даром молчать, как Лена, а

в последние годы он научился обращать главное внимание на не произнесенное ею — слушать то, что скрывали ее слова и что являло ее молчание. И с почти научным интересом изучать этот темный, губительный инстинкт, свойственный женщинам, которые любят или разлюбили.

Когда он открыл глаза, она стояла на пороге библиотеки. И давно ли — барон не знал.

— Как прогулялись? — спросил он непринужденно.

— Хорошо.

— Этот корсар — или как его следует называть? — производит приятное впечатление.

— Да.

— Оказался человек воспитанный… Когда мне говорили про него, я не ожидал такого.

Он задержал на ней взгляд еще на несколько мгновений, рассматривая женщину в дверном проеме, как портрет в раме, — женщину все еще стройную и изящную, несмотря на ущерб, нанесенный неумолимым временем, и одетую более чем небрежно: этот затрапезный стиль она теперь предпочитала всем прочим, ибо, как сама однажды обмолвилась, только вульгарная женщина рабски следует моде. Барон меланхолически припомнил, как она приковывала к себе

взгляды сколько-то лет назад, когда входила в ресторан или пересекала вестибюль какого-нибудь отеля — «Даниэли», «Адлона» или «Савоя» — с раскованной естественностью той, кто привык появляться на подиумах, которые предоставлял ей взыскательный мир.

Лена все так же неподвижно стояла на пороге.

— Ирини спрашивает, что приготовить на ужин, — произнесла она. — Какие пожелания?

— Что-нибудь легкое, мы слишком плотно едим. Суп какой-нибудь — и все на этом… Ты что предпочитаешь?

— Я не буду ужинать здесь. — Она сделала паузу, не выражавшую ничего. — На Сирос поеду.

Кательос ответил не сразу. Бесстрастно принял сообщение к сведению. Как в прошлый раз. Как всегда.

— На всю ночь? — наконец спросил он.

— Не знаю.

Теперь молчание продлилось дольше. Он устало махнул рукой и поднялся:

— Скажу Стамосу, чтобы приготовил тебе «Крис-Крафт».

— Я уже распорядилась.

— Ты должна…

— Я сама знаю, что я должна.

Они замерли друг напротив друга. Угадывая мысли друг друга. Барон почувствовал, как пронзило его извращенное желание. До чего же все это нелепо. До чего безнадежно и смутно.

— Этому испанцу будет на что посмотреть?

Она взглянула на него со спокойным и бесконечным презрением:

— Перестань. Это смешно.

— Понимаю… Кто же на этот раз? Музыкант, лакей? — Он показал глазами на ее руку, обтянутую свитером. — Или удовольствуешься этим?

— Решу на месте.

Если бы слова умели леденить, эти три заморозили бы дыхание обоих. Лена повернулась спиной и удалилась по галерее, а барон смотрел ей вслед, покуда она не скрылась. Потом прошел в библиотеку, сел и взял со столика книгу.

Наши жизни подобны старым зданиям, поддерживаемым лишь несколькими аркбутанами[54]: *они не валятся наземь внезапно, а разрушаются постепенно…*

Наверно, в один прекрасный день я ее убью, подумал он холодно. Возьму одно из тех ружей, из которых бью кроликов, — вот хоть «Пёр-

---

[54] Notes: 54

Аркбутан — наружная подпорная полуарка в готической архитектуре.

дей», — спокойно приставлю стволы к ее груди и, ловя напоследок выражение ее глаз — уверен, что она не проронит ни слова и выдержит мой взгляд, — выстрелю разом из обоих. Затемнение и прекрасный финал пятого акта. А потом, с дымящейся во рту трубкой, с книгой на коленях, с бокалом лучшего коньяка в руке последний барон Зондербург-Кательос еще успеет неторопливо поразмышлять и заняться самим собой.

Шумный Галатский мост был заполнен трамваями, машинами, фиакрами. Сальвадор Лонкар, выйдя из Гранд-Базара, где выгодно обменял французские франки на турецкие лиры, спустился в пешеходную зону и прошел по ней до восточного берега, у которого были пришвартованы баркасы и каики. Задувал *бора* — неприятный северо-восточный ветер с Черного моря. День был солнечный и холодный, и мальчишки — чистильщики обуви (едва ли не у каждого во рту дымил окурок), выстроившись на солнечной стороне рядом с продавцами кренделей и лотками с разнообразной снедью, наводили глянец на башмаки клиентов в пиджаках и шляпах, при галстуках на европейский манер, галстуках-бабочках, галстуках-шнурках по новейшей американской моде. Здесь пахло вареными ми-

диями и жареными кукурузными початками.

Лонкар взглянул на часы и сразу же на восток, где Босфор со стороны Ускюдара сужался. Суда шли медленно: одни к северу, другие на юг, но того, которое он ждал, не было. Лонкар неторопливо купил несколько французских и английских газет у горбатого киоскера и продолжил путь между объедками зелени, огрызками фруктов, обломками деревянных ящиков, валявшихся на земле и плававших в воде. Время от времени взревывали сирены пароходов и катерков, сновавших в обе стороны, а в восточной части моста, подобно паутине, сплетенной между сияющим небом и серебристой водой пролива, блестели против света лески и удилища рыбаков.

Дойдя до Каракёя, он выбрал залитые солнцем столики в кафе перед самым Босфором. Заказал грязноватому и небритому официанту гранатовый сорбет с ликером и поджаренным нутом, вытянул ноги и почти час читал газеты. Время от времени поднимал глаза на пролив и тотчас опять принимался за чтение. Даже если не брать в расчет Испанию, мир никак не напоминал тихую заводь: в Китае Гоминьдан отказывался сотрудничать с коммунистами, Индия расколола Бирму, Египет собирались принять в Лигу Наций,

в Пуэрто-Рико американская полиция расстреляла семнадцать манифестантов. А в Европе, где подтвердились слухи о массовых чистках в Красной армии, Гитлер и Муссолини продолжали, как два взбесившихся орангутана, колотить себя в грудь и, не заморачиваясь соблюдением декорума, бессовестно поддерживать Франко и его присных.

Он глотнул сорбета, пожевал две-три хрустящие горошины. Вытер ладонью усы. Потом снова глянул на часы и на вереницы судов. Одно двигалось сейчас к северной части пролива. Лонкар достал из кармана маленький, отделанный серебром театральный бинокль, приставил его к глазам. Это было непохоже на то, чего он ждал, и потому он сложил газеты, покончил с сорбетом и заказал еще порцию. Статья в «Фигаро» привлекла его внимание несколько минут назад, и потому он перечитал ее. Речь в ней шла о том, что в Каталонии нарастают трения между анархистами, троцкистами и коммунистами; корреспондент утверждал, что в ближайшее время не исключены новые столкновения: анархисты хотят сначала устроить революцию, а потом уже выиграть войну, меж тем как коммунисты — «люди Москвы», как именовал их

журналист, — склонны сначала победоносно завершить войну, а потом уже довести революцию до желанной кульминации.

Чтение заставило его саркастически ухмыльнуться, потому что только в этом пункте он решительно расходился со своими хозяйками, сестрами Калафель. Он оторвал страницу, сложил ее и сунул в карман, чтобы показать им. Эту тему они часто и горячо обсуждали за столом, послушав радио, и не было никакой возможности убедить сестриц, что свобода личности, свержение буржуазного государства и установление на его месте анархической Аркадии, за которые они так пылко ратуют, должны уступить первенство антифашисткой борьбе, а эффективно вести ее способна лишь военная и политическая организованность компартии. Лонкар знал по собственному опыту, что пример республиканского флота доказывает: после первоначального хаоса, устроенного матросами и старшинами, тяготевшими к анархизму, постепенный переход власти в руки коммунистов и их русских советников стал приносить благотворные перемены.

Появилось судно, идущее курсом на юг. Республиканец снова взглянул на часы и снова поднял бинокль: черный корпус, рубка посередине и

другая на корме, широкая труба. Низкая осадка, что говорит о полной загрузке. Сомнений нет — это танкер.

Он почувствовал, как учащенно забилось сердце. И не вставал со стула еще несколько минут, пока судно не приблизилось, а тогда поднялся и пошел на причал, расположенный здесь же, на берегу. В бинокль уже можно было отчетливо разобрать буквы на борту у самого носа: «Кампонегро».

Лонкар набрал в грудь воздуху, задержал его в легких и наконец выдохнул. Вот оно, со всеми последствиями, — то, что в шахматах называется «гамбит»: жертва фигуры ради получения преимущества — а жертву эту противник, может быть, примет, а может, и нет. Этот танкер — подсадная утка, соблазнительная цель. На корме развевается красно-желто-лиловый флаг: три тысячи тонн бензина направляются в республиканскую Испанию, и миновать Эгейское море невозможно.

Он представил себе на миг людей на борту — двадцать девять человек, все испанцы, по его сведениям. Наверняка свободные от вахты матросы столпились сейчас у правого борта и разглядывают город. Быть может, видят и его

самого, Лонкара, а он стоит на пирсе и смотрит, как они проплывают мимо навстречу удаче или катастрофе, которые ожидают их после того, как останется позади Мраморное море.

Он спрятал бинокль в карман. Волоча за собой полотнище черного дыма, танкер удалялся к югу. Теперь и невооруженным глазом можно было разглядеть название и порт приписки на корме.

Будем надеяться, подумал Лонкар, прежде чем покинуть пирс, что сукин сын Пепе Ордовас на совесть сделает свою работу. И что его начальники клюнут на мою наживку.

Странный какой закат на этом острове, думал Хордан: кажется искусственным, словно не природа его сотворила, а рука человеческая. Вокруг песчаного берега и изумрудной воды бухты до последней минуты ярко сверкали белым и серым скалы, и лишь в тот миг, когда солнце уже готово было исчезнуть, все вокруг обретало неистово-красноватый оттенок, который через несколько мгновений исчезал внезапно и резко, и полутьма размывала очертания предметов до тех пор, пока мрак не овладевал сушей и морем, а звезды — небом.

Хордан, сидя на носу катера, созерцал пейзаж, как раз в эту минуту озаренный насыщенным

медным светом, который заиграл красными бликами по лицу и бороде, блеснул в светлых глазах с суженными зрачками. Внизу, в своей тесной каюте, подальше от берега и от людей, он писал новое письмо жене. На раскладном столе так и остался лежать бумажный листок, заполненный до половины избитыми оборотами, дежурными формулами, лишенными тепла и убедительности. Надеюсь, ты и мальчик благополучны и здоровы… у меня тоже все в порядке… и тому подобное. Обстоятельства складываются так, что увидимся мы еще не скоро… Хордан вообще не любил писать письма ни жене, ни кому другому: с начала войны он отослал всего три письма родителям и пять — жене. Это было шестое, но, скорее всего, ему суждено будет остаться неотосланным.

Он размышлял над тем, что побудило его взяться за перо, — над первоначальным порывом, который постепенно угасал и иссякал по мере того, как листок строчка за строчкой заполняли холодные банальности. Было очевидно, что причиной этому послужили давешние события, хоть он пока не мог уловить их точную взаимосвязь: то ли обед с четой Кательос, то ли пронизывающий и задумчивый взгляд барона, то ли долгая

прогулка в обществе его жены. И наконец, то, как она смотрела, как говорила и как молчала, и то, что он испытывал, покуда они шли рядом, иногда случайно касаясь друг друга и тотчас отстраняясь, словно пытались отогнать или, по крайней мере, отсрочить то неминуемое, что так внятно предчувствовалось обоими.

Нет, это было не только желание, сделал вывод Хордан. Да, он слишком долго был без женщины, и это могло спутать ему мысли, однако все же он спокойный, уравновешенный моряк, профессионально привыкший следить за показаниями барометра, магнитным склонением[55], подрагиваньем стрелки компаса. Короче говоря, человек, умеющий замечать и толковать признаки и приметы. И хотя он был чужд самокопанию, однако чувствовал безотчетную, физическую тягу именно к этой, а не к какой-то другой женщине. Хотел наконец разобраться в причинах той печали, которая была неотделима от нее, как тень. Хотел проникнуть под кожу, в плоть, чтобы, как по морской карте, прочесть прочерченные по ее

[55] Notes: 55

Истинный, или географический, север (Северный полюс) не совпадает с магнитным севером. Угол между истинным и магнитным севером называется склонением, и оно возрастает к востоку или западу от магнитного севера в зависимости от положения на поверхности Земли.

ладони линии судьбы.

Ему вспомнилось, как и сам он, переходя из отрочества к юности, научился у окружавших его просоленных корявых мужиков своеобразной манере противостоять морю и всему, чем оно грозит человеку. И как вскоре возникло и окрепло медленное, но неуклонное стремление рано или поздно покинуть их среду, стать иным, не встретить старость в вонючем кубрике на носу, сменить угольную лопату и швабру, которой драят палубу, на стерильную чистоту рубки, на слабый свет нактоуза, снизу поднимающийся к лицу рулевого, а сверху озаряющий нос корабля, режущего спокойную воду или рубящего неистовые волны. Он зубрил по ночам, читал в свободные от вахты часы, сдавал экзамены, покуда отстаивались в порту между двумя плаваниями, экономил на чем только можно, чтобы поступить в мореходное училище в Бильбао. Потом были служба практикантом на пароходе компании «Трансмедитерранея», совершавшем круизы по Средиземному морю, пансион на улице Сомера, где он три месяца готовился к экзамену на второго штурмана: вдовая хозяйка, ее дочка, прибиравшаяся в номере и заодно прибравшая к рукам будущего офицера торгового флота. Моя

дочь себя не соблюла, сам понимаешь, о чем я толкую. Надеюсь, ты поступишь как честный человек, увиливать не станешь.

Красноватое свечение быстро померкло, и внезапный полумрак серой пеленой окутал остров. Хордан сидел неподвижно, глядя, как темнеет вода за скалами. Дозорный на развалинах башни — один из братьев Мароун — шел вниз по дорожке вдоль берега, и его силуэт выделялся на фоне быстро тускнеющего неба. В сумеречной тишине отчетливо слышался каждый звук — голоса за причалом, возле пакгаузов, где моряки собирались поужинать, и один из контрабандистов Иоанниса Элеонаса, разводя костер, напевал какую-то песенку, где часто повторялось слово *παλικάρι* — «удалец». Забавно, улыбнулся про себя Хордан, до чего же греки любят это словечко. Даже официанта они окликают: эй, *паликари,* будь так добр…

Заскрипел дощатый настил причала. Хордан обернулся и увидел тощую нескладную фигуру Бобби Бомонта и рядом коренастую — штурмана. Во рту у радиста дымилась сигарета, в руке он держал листок бумаги. Они поднялись на борт и расположились возле капитана.

— Есть новости, сэр, — сказал радист. — Из-

вестия от кормчих наших, тех, что царствуют который год над нами.

Он протянул листок Хордану, но было слишком темно, чтобы разобрать, что там написано.

— Перескажите своими словами, — сказал Хордан, пряча листок в карман рубашки.

Но ответил Элеонас:

— Цель, которую нам указали, прошла через Босфор.

— Танкер?

— Он самый… «Кампонегро», идет под испанским флагом. Сегодня.

— Когда появится?

— После одиннадцати утра, — сказал Бомонт. — Давно умолкнут жаворонка трели.

Он протянул Хордану пухлый конверт.

— Еще я проявил те фотографии, что вы просили. Моя хибарка не лучшее место для проявки, но кое-что получилось.

Хордан погрузился в расчеты. Возможные маршруты были уже изучены, а также спланированы варианты атаки — до заката и до рассвета. Баки «Волчицы» были заправлены горючим под завязку, и катер готов к действиям: оба торпедных аппарата заряжены, прибор управления огнем настроен, и времени достаточно, чтобы действо-

вать без спешки. Он встал и по короткому трапу двинулся вниз, в свою каюту. Штурман и радист последовали за ним. Он обернулся к Бомонту:

— Погасите сигарету.

Тот повиновался. В каюте Хордан зажег свет, сунул в ящик фотографии и недописанное письмо, расстелил морскую карту. Иоаннис и Бомонт придвинулись. На карте карандашом были прочерчены все возможные маршруты от выхода из Мраморного моря до архипелага Киклады.

— Вопрос в том, как угадать маршрут, — сказал он, водя пальцем по линиям.

— Каики подняли якорь и вышли в море, ставшее винно-красным, — сказал Бомонт. — Я получил их донесения почти одновременно с этим.

Все трое склонились над картой, а радист поднял очки на лоб, чтобы лучше видеть вблизи. Элеонасу не было нужды всматриваться: все эти воды и острова он знал наизусть.

— Триста миль до пролива Кафирефс, — сказал он. — Если они выберут этот путь.

Хордан кивнул:

— И еще двадцать, если пройдут восточней Тиноса.

— Скорость танкера известна?

Хордан показал на «Каталог торговых судов», стоявший на полке рядом с техническими руководствами и лоциями:

— Судно старое. Может дать не больше десяти-двенадцати узлов. Это предел, и потому время от времени они сбавляют ход. Переход дальний, берегут котлы. Так что обычно семь-восемь узлов.

— Ну то есть путь займет от тридцати до сорока трех часов, — подсчитал Элеонас.

— Более или менее. — Хордан потыкал пальцем в три точки на карте. — Это значит, что завтра к полудню он будет здесь, а во второй половине дня — здесь или здесь.

— Кратчайший путь — через пролив Кафирефс, — высказался грек.

— Да, скорее всего. Если пойдет медленно и выберет этот путь, прибудет завтра ночью или послезавтра рано утром. Стало быть, мы можем выйти ему навстречу вечером. Четырех-пяти часов хватит, чтобы обследовать зону и определиться.

— Наши каики смогут установить его местонахождение? — спросил Бомонт.

— Лучше бы смогли, а вы, если не прозеваете, узнаете первым. Иначе нам придется шарить вслепую и, возможно, в темноте, а танкер в

этом лабиринте островов — что иголка в стоге сена. — Он улыбнулся ободряюще и не вполне искренно. — Тут вся надежда — на орлиное око нашего штурмана.

Элеонас, не поддавшись на лесть, качнул головой. Поскреб щетину на подбородке:

— Сделаю, что смогу, *капетанье*.

Хордан перевел взгляд на Бомонта:

— Пока не выйдем в море, держите рацию в рабочем режиме. И проверьте все: в море связь должна действовать идеально.

— Антенну подняли повыше, и результаты отрадные, — ответил англичанин. — Прием улучшился.

— Ну и хорошо. Нельзя допустить, чтобы мы осрамились, как со «Старым большевиком». — Он повернулся к Элеонасу. — Людям скажите, что завтра рано утром проведу инструктаж, так что пусть постараются выспаться.

— О-о, это чудесно! — вмешался Бомонт. — И даже супруга нашего кока сможет предаться сладостному сну после тяжких ночных бдений… — Он поднял руку, словно чокаясь воображаемым бокалом. — С блаженною дремотой совладаем, когда заря в пурпурной колеснице еще не… ну и так далее. Короче говоря, и трубный гром нам

возвестит: в седло![56]

Хордан и Элеонас переглянулись с усталой покорностью судьбе. Они уже привыкли к выходкам англичанина.

— Люди будут рады, — сказал штурман. — А то в последнее время томятся от безделья. Все тренировки на берегу, стосковались по настоящей, без дураков, морской охоте… — Он рассмеялся, показав хищный оскал матерого контрабандиста. — Хочется же дела.

— Аминь, — отозвался Бомонт. — Тысячекратный аминь.

---

[56] Notes: 56
Уильям Шекспир. Генрих V. Акт IV, сц. 2.

7. Братья по морю

Улыбка Чеширского Кота, сказал Бобби Бомонт, поглядев на луну, которая, уменьшившись больше чем на три четверти, превратилась в новорожденный месяц. Радист принес последнее сообщение от каика, девять часов назад засекшего цель, и снова исчез, меж тем как Иоаннис Элеонас поднял бинокль, вглядываясь в ночной мрак, а Хордан отдал новый приказ рулевому. И «Волчица», которая средним ходом кралась во тьме, окутывавшей море под звездным небом, легла на курс запад-северо-запад.

Ночная роса обильно покрывала ходовой мостик над рубкой. Было холодно. До рассвета оставалось еще три часа, и сырость, несмотря на свитер, поддетый под бушлат, и полотенце, обмотанное вокруг шеи и закрывавшее грудь, пробирала Хордана до костей. Стояло почти полное безветрие — разве что узла два прибавлялось благодаря движению катера, который, однако, сильно качало на волнах. Шли без огней — было строжайше запрещено даже курить, — и порой, когда волна била в борт с особенной силой,

из темноты слышалась приглушенная брань. Торпедисты и один из братьев Мароун сидели у «Эрликона», а другой наверху, на маленьком диванчике, стоявшем на мостике.

— Пока ничего, *капетанье,* — передавая Хордану бинокль, сказал Элеонас.

— Он уже должен быть там.

— Однако его нет.

Хордан поднял голову:

— Впередсмотрящий, есть что-нибудь?

— Ничего, капитан, — донесся голос сверху. — Ничего, кроме маяка в Кафирефсе.

Они семь часов замыкали двадцатимильную дугу к северу от острова Андрос, не теряя из виду проблесковые огни далекого маяка. «Каризия», каик-разведчик, выдвинувшийся еще северней, незадолго до захода солнца обнаружила танкер и по радиотелеграфу сообщила его приблизительное местонахождение, направление и скорость — на румбе двести семь градусов, семь узлов. Это означало, что он идет к проливу кратчайшим путем и, вероятно, пересечет его до рассвета.

— Вообще-то, полагается включить ходовые огни, — сказал Хордан.

— Мало ли что полагается, — ответил штур-

ман. — Может быть, там осторожный капитан.

Хордан медленно осмыслял ситуацию. В эту минуту голова его была переполнена геометрическими комбинациями, нанесенными на морскую карту, — линии, углы, долгота, курсы и расписание. Он смотрел в бинокль, но видел лишь тьму.

— Давайте ближе к берегу, штурман. Может, этот огрызок луны нам поможет.

Элеонас отдал распоряжения, рулевой переложил штурвал влево, а катер прибавил ходу. Он резал носом высокие волны, и брызги захлестывали мостик, заставляя капитана и штурмана пригибаться. Хордан краем полотенца вытер соленые капли с бороды, пониже надвинул фуражку, чтобы ветер не сорвал.

— По правому борту огни — зеленый и белый! — крикнул впередсмотрящий.

Хордан поспешно навел бинокль вправо и сквозь подрагивающие от качки па́рные линзы увидел в отдалении огни, о которых оповестил матрос: два топовых[57] — ближний ниже дальнего — и зеленый, показывавший, что судно обращено к ним правым бортом. Это значило, что идет оно прямо к Кафирефсу и, судя по расстоя-

[57] Notes: 57

Топовые огни — белые сигнальные огни, устанавливаемые на верхнем конце мачты (топе).

нию до маяка, находится примерно в пятнадцати милях от самой узкой части пролива.

— Это танкер? — спросил Элеонас.

— Похоже на то… Гляньте-ка. — Хордан протянул ему бинокль и посмотрел вверх. — Впередсмотрящий!

— Есть!

— Слезайте.

— Сию минуту, капитан.

— Очень может быть, что это «Кампонегро», — сказал штурман. — Но может, и кто другой.

— Зайдем так, чтобы он оказался против света.

Прозвучали приказы, и катер выполнил маневр. И на миг в проблеске маяка оказался силуэт «Эрликона».

Хордан снова поднял бинокль:

— Вот так хорошо, штурман.

— Так держать! — в переговорную трубу сказал Элеонас.

Теперь, когда «Волчица» сменила местоположение, а судно оказалось против света, в скудном лунном блеске, заплясавшем на волнах, Хордан смог различить черный длинный корпус с надстройкой посередине и высокой трубой на корме. Судя по тому, как низко находилась надстройка, судно было полностью загружено. Без сомнения,

это был он. Танкер. «Кампонегро».

— Оно!.. Бомонт!

— Есть Бомонт, сэр! — отозвался радист.

— Передайте «Оскар-Браво-Браво», будем атаковать. — Он обернулся к штурману. — Боевая тревога.

Грек, удовлетворенно заурчав, дал свисток. Хордан снял парусиновый чехол с прибора управления огнем и прильнул к окулярам. На этот раз промазать нельзя, сказал он себе. После того как прибор был перенастроен, они снова и снова без конца отрабатывали маневр, используя в качестве условной цели «Каризию» или второй каик-разведчик. И все-таки действовать следовало очень спокойно и обстоятельно, ничего не упуская из виду. Не тот был случай.

— Идем параллельным курсом. Следуем за танкером, чтобы определить его скорость.

Склонившись к алидаде[58], он отметил место танкера, через две минуты повторил операцию, а еще через две замерил в третий раз и убедился, что показания совпадают, то есть цель идет с постоянной скоростью. Элеонас, повторяя доклад рулевого, подтвердил: не выше семи узлов.

---

[58] Notes: 58

Алидада (из арабского) — вращающаяся составная часть таких угломерных приборов, как астролябия и секстант.

И Хордан ввел эти данные в прибор управления огнем.

— Берем упреждение градусов на шестьдесят от траверза. — Он на миг оторвался от окуляров и тотчас вновь к ним прильнул. — Дистанция пятьсот метров.

Он выждал, когда маневр будет выполнен, и приказал Зингеру открыть люк левого торпедного аппарата и приготовить торпеду к пуску. Силуэт танкера по-прежнему выделялся против света.

— Пошли, штурман. Моторы на тысячу сто оборотов.

Взревели дизели, и катер, еще выше задрав нос, рванулся вперед на скорости в двадцать узлов. Капитан и штурман ухватились за стальной поручень ограждения. Ветер теперь стал еще холоднее и влажнее, а мелкая изморось сменилась тяжелыми каплями.

— Курс ноль-девять-ноль… Так держать.

Вжимая в орбиты резиновые наглазники, которые каждый раз, как в скулу катера ударяла волна, сильнее давили на веки, Хордан старался держать в поле зрения силуэт танкера, делавшийся все крупнее. В эти мгновения он не думал ни о чем постороннем; все его чувства были направ-

лены на то, чтобы правильно совместить катер и цель с напряженным охотничьим азартом. Его занимали теперь только профессиональные задачи — курс, скорость, дистанция, угол атаки, и ничего больше. Не было места симпатиям или неприязни, политическим идеям, патриотическим чувствам или воинственности, отношению к франкистам или республиканцам. Все это исчезло, вытесненное холодным техническим расчетом, все утратило значение, кроме одного: выпущенные торпеды должны поразить цель в точно выверенной точке, в высчитанную минуту. Успех или промах, ничего больше. И в этом уравнении не было места мыслям об экипаже «Кампонегро» и о том, какая судьба его ждет. Еще будет время подумать об этом. А впрочем, не дай бог.

— Пять влево, штурман.

— Есть пять влево.

— Так держать.

— Есть так держать.

— Сбавить ход до двенадцати узлов. Девятьсот оборотов.

— Есть.

— Зингер!

Перекрывая гул моторов, донесся голос голланд-

ца, который со своим помощником хлопотал у торпедного аппарата правого борта. В голосе этом звучало оживление и едва ли не ликование:

— Готово, командир!

Не отрываясь от ПУО, Хордан вскинул левую руку, хоть в темноте она и была невидима. Танкер сейчас заполнял все пространство прицела. Ровно пятьсот метров. Он резко опустил руку:

— Огонь!

Послышалось шипение, потом негромкий грохот. Продолговатое темное тело торпеды скользнуло в воду с правого борта, и, потеряв равновесие, катер накренился на левый. Элеонас приказал выровнять корабль, и тот, рубя килем высокие волны, описал три четверти окружности, чтобы выйти на параллельный курс с танкером. Хордан оторвался от окуляров, поднял бинокль и навел его на «Кампонегро», силуэт которого все еще был различим против слабого лунного света.

– *θεέ μου!* — закричал Элеонас.

Что значило: «О боже!» То же самое произнес и Хордан, когда у кормы танкера сперва мелькнула краткая, почти незаметная глазу вспышка, а потом выше трубы взметнулся столб темной пены. Все это произошло беззвучно — слышны

были только моторы «Волчицы», и лишь спустя мгновение долетел приглушенный расстоянием глуховатый раскат. К этому времени над поврежденным бортом взвилось и закрутилось вокруг своей оси красно-желто-черное пламя, испещрив отблесками пространство между подбитым танкером и катером.

«Волчица», застопорившая ход в полумиле, качалась на волнах. Экипаж вылез на палубу, замер и онемел, как в столбняке, глядя, как от кормы к носу гибнущего судна мчится огонь. Столб пламени стремительно шел ввысь и вширь, бушевал все неистовей, подобно тому как вспыхивает коробок, если поджечь все спички разом. Красный отсвет зарева ложился на сумрачные лица людей, наблюдавших за этим зрелищем.

— Бедолаги, — сказал кто-то.

Да уж, подумал Хордан, завороженно уставившись на горящее судно. Именно так, и никак иначе. Двести пятьдесят килограммов тротила, примчавшись на скорости сорок узлов, только что подожгли три тысячи тонн бензина. И лишь сейчас он впервые подумал о тех, кто был на борту «Кампонегро». От этой мысли, проникшей в мозг внезапно, физически ощутимо, как удар, он вздрогнул. Вместе с судном погибала и коман-

да — моряки торгового флота, такие же, каким был он сам последние двадцать лет. Неизвестно, сколько их было, но едва ли хоть кому-нибудь удалось выжить и уцелеть в таком пожаре.

Он обернулся к Бобби Бомонту. Радист поднялся на мостик и молча смотрел на охваченный огнем танкер.

— Были какие-нибудь сообщения с «Кампонегро»? Просили о помощи?

Англичанин покачал головой. Отсветы пламени отражались в стеклах его очков.

— Нет, сэр. Ничего. Полагаю, не успели.

Хордан ненадолго задумался.

— Спуститесь в рубку и подайте сигнал SOS, — вымолвил он наконец. — «Пожар на борту, терпим бедствие в десяти милях восточней мыса Кафирефс». Добавьте их опознавательный знак, чтобы выглядело, как сигнал с танкера.

— Понял.

Бомонт исчез. Вопрос, очевидный и неизбежный для моряков, прозвучал из уст штурмана:

– *Капетанье,* выживших искать будем?

Хордан оперся о поручень, не сводя глаз с горящего траулера. Ему казалось, что это зрелище навсегда будет впечатано в их сетчатку. Вцепившиеся в леер пальцы будто окостенели. Во рту

пересохло, стало горько.

— Нет, штурман. Возвращаемся на базу.

Пантелис Кательос позавтракал у себя в комнате. В последнее время это происходило часто, потому что Лена вставала с каждым днем все позднее, а ему не хотелось спускаться в столовую, где его ждали только горничная, поджаренный хлеб с оливковым маслом и кофейник. Барон — еще небритый, в сером шерстяном кардигане поверх пижамы, в турецких кожаных шлепанцах — отставил поднос в сторону и поднялся. Взглянув в окно, убедился, что за ночь ветер посвежел и дует с севера, гоняя по морю белые пенные барашки. Тем не менее день выдался солнечным и погожим.

Он невозмутимо набил первую трубку и сунул ее в рот, однако раскуривать не стал. Ему нравилось вдыхать запах табака — свежего, аккуратно утоптанного в вересковой чаше *бленда,* доставленного из Афин, — прежде чем поднести к нему огонек и превратить в дым. И предвкушение доставляло ему больше удовольствия, чем само курение, что вообще было основной чертой его характера: мечта и ожидание горячили и тешили сильнее сбывшегося. Каждое ожидание было обещанием, каждое свершение оборачивалось

разочарованием. По мнению самого Кательоса, это можно было расценить как незыблемую константу его жизни. И краткое, но внятное ее содержание.

Он продолжал обозревать пейзаж. Из окна виднелись голубовато-серые скалы острова Кея, расположенного в двенадцати милях к западу, а подальше, на севере, — гористый ландшафт острова Андрос. Внезапно внимание Кательоса привлекло небольшое суденышко, ходко шедшее к юго-западу, оставляя за собой прямой белый бурун. Барон всмотрелся: без сомнения, скоростной катер. Судя по тому, что держал курс на Гинайку — к восточной оконечности острова, — торпедный катер. Вероятно, проведя ночь в проливах, возвращается с задания. С охоты, насмешливо заключил барон. И уж наверно, этот диковинный испанец, рожденный гречанкой, придет с добычей. Впрочем, может быть, и ни с чем. Не всякий кролик подвертывается под выстрел.

Так и не раскурив трубку, барон прошел в смежную комнату, где стены были расписаны фресками, на которых, вопреки ущербу от времени и сырости, еще можно было разглядеть Улисса, расстреливающего из лука претендентов

на руку Пенелопы. Там стояли диван с полинялой обивкой, пара кресел, стол с венецианской керосиновой лампой и этажерка, а на ней в беспорядке — альбомы с фотографиями, переплетенные комплекты журналов, томики Филлипса Оппенгейма[59]. Барон пересек комнату и остановился перед второй дверью, а потом негромко постучался. Не дождавшись отклика, тихонько приоткрыл ее и вошел.

Там пахло окурками и сонным телесным теплом. Шторы были задернуты, и в полумраке на кровати угадывались очертания женщины. Лена дышала легко и ровно, и Кательос прислушался к этому дыханию, прежде чем крадучись, осторожно подойти к окну и чуть раздвинуть занавески — настолько, чтобы полоска света проникла в комнату и скользнула по кровати. Потом он сел на табурет и принялся смотреть на спящую. Она лежала на спине, голая, как всегда, и даже зимой: простыни и одеяло сбились под поясницу, открыв ее тело от паха до беззащитного затылка коротко, по-мужски остриженной головы; одна щека была прижата к подушке,

[59] Notes: 59

Эдвард Филлипс Оппенгейм (1866–1946) — популярный английский писатель, автор многочисленных жанровых бестселлеров, в основном триллеров.

другая оставалась на виду, а лицо казалось бы невозмутимым, если бы порой лоб не морщился так, словно и во сне Лену, не давая покоя, томило какое-то опасение.

Такую женщину, снова подумал барон, могла породить лишь уже завершившаяся эпоха высочайшей европейской цивилизации. А век черных туч, застилающих небосвод мира, не в силах больше произвести на свет подобный экземпляр, снова сотворить такое совершенство. Достичь столь потрясающего результата. Пятнадцать лет, протекших с их первой встречи в Париже, на лестнице приватного бара в доме номер 7 по улице Сен-Флорантен, почти не тронули красоту этого тела, сейчас неподвижного и едва прикрытого. Напротив, они придавали ему какое-то новое качество, какую-то восхитительно смутную порочность, которой ей прежде не хватало — то ли вправду, то ли на его вкус. Ноги турецкой шлюхи, припомнил он. Ей нравилось, что он говорит так, нравилось, как он обращается с ней. Скажи мне, пожалуйста, кто я. Шепни на ухо, покуда я… и так далее. Скажи еще раз, что я — твоя добыча, отведи меня без околичностей и реверансов в тот темный угол, что таится у меня в сердце и в голове. И вот в те уже далекие теперь времена

они достигли совершенства, крайней степени гармонии плотской и духовной, какая только возможна между мужчиной и женщиной. Однако этому идеальному состоянию отмерен свой срок, и жизнь в конце концов навяжет собственные правила. Лена разлюбила его именно тогда, когда он полюбил ее; все кончилось так стремительно и она ушла так далеко, что Кательос уже не сумел последовать за ней, — укрылась в какой-то пустыне в полном одиночестве, сделалась язвительной, вздорной, пренебрежительной, перестала оглядываться назад и вооружилась той холодной злобой, на которую способны только немногие, особенные женщины, когда страдают. Или когда, охмелев от несчастья и следуя странным формулам, известным лишь им одним, считают, что пришла пора пострадать.

Он увидел, как она открыла глаза, сонно потерлась щекой о подушку и взглянула на него. И еще одну бесконечную минуту лежала на спине, неподвижно и безмолвно. Потом перевернулась на бок, оперлась на локоть и слегка приподняла голову:

— Что ты тут делаешь?

— Смотрю на тебя.

— Да уж вижу, что смотришь. Я спрашиваю —

что ты тут делаешь?

На это он не ответил. Лишь улыбнулся учтиво и рассеянно. Достал из кармана спички и раскурил трубку. Ароматный дым поплыл по комнате.

— Не люблю, когда ты смотришь на меня спящую, — сказала она миг спустя. — Сон — это почти то же самое, что смерть. И когда я умру, тоже не хочу, чтобы на меня смотрели.

Он промолчал и на этот раз. Только кивнул, продолжая посасывать трубку. Она еще немного привстала. Показались груди — маленькие и благодаря этому сохранившие упругость, соразмерные ее стройной, удлиненной фигуре. Покрытые золотистым загаром лицо и руки были чуть темнее оттенком, чем остальное тело.

— Я видел, как возвращается катер, — наконец сказал барон.

— Какой катер?

— Тот, на котором плавают люди с другого конца острова. — Он снова потянул из трубки. — Любопытно, атаковали они кого-нибудь или нет.

Лена смотрела на него пустыми, ничего не выражающими глазами. И не сразу ответила:

— Нас это не касается.

— Ну разумеется. Но на самом деле касается, хоть и не слишком.

Лена в своей безмятежной наготе поднялась, потянулась. Подошла к окну, полностью раздернула шторы, и поток света хлынул на нее, заставив ее сощуриться, а барона — ослепив. Когда его глаза привыкли к свету, он взглянул на тело женщины, которое она демонстрировала с полнейшей естественностью и безо всякого стеснения. И продолжала неподвижно стоять перед окном, не обращая внимания на скользивший по ней взгляд барона, а тот вспомнил, как вот так же, нагая, стояла она, переступая босыми ногами по ковру, в арендованной за баснословные деньги квартире на улице Риволи, где Кательос бывал, только приезжая в Париж обновить гардероб у «Сэмюэлсона и сына» или заказать по мерке башмаки у Доксуа. В тот день — после того как они отобедали в «Лё Гран Вефур» — он наконец увидел ее обнаженной, когда она сама спустила с плеч бретельки платья, дав ему соскользнуть к ее ногам, и с таким видом, словно вывела некую математическую формулу, показала, что под ним ничего нет. Тогда барону, впервые в жизни впавшему в столбняк — причем в буквальном смысле, физически, и не столько от великолепия открывшегося ему зрелища, сколько от естественности того бесстыдства, с которым она предстала перед

ним, — потребовался почти час, чтобы очнуться и повести себя должным образом.

И так же непринужденно она сейчас повернулась, направилась в маленькую уборную и зашла туда, не закрыв за собой дверь. Внутри стояли биде, умывальник и фаянсовый унитаз, на который она присела без стеснения, как будто была одна. И уже оттуда, слегка расставив ноги и справляя малую нужду, окинула безразличным взглядом барона, который сидел на табурете у окна с трубкой в зубах и, равномерно окутываясь дымом, наблюдал за этой сценой. Такое происходило не впервые, но при других обстоятельствах. Тогда, много лет назад — лет, которые Кательосу теперь казались столетиями, — он часто подходил к ней и меж мокрых ляжек глубоко вонзался в ее горячее влажное устье. И стремился проникнуть не столько в безоговорочно предоставляемое ему тело этой женщины, сколько в ее таинственные мысли.

Когда она поднялась, по внутренней поверхности бедра одна капелька скатилась до колена. Не вытираясь, все с той же непринужденностью, Лена сняла с вешалки возле кровати шелковое кимоно. Потом взяла с ночного столика пачку «Рэли», лежавшую рядом с романом Габриэле

д'Аннунцио, который все никак не могла дочитать, вытащила сигарету. Только тогда Кательос наконец пошевелился. Встал, подошел к жене и, чиркнув спичкой, дал ей прикурить. Лена, не возражая и не благодаря, задумчиво глядела на него сквозь первые колечки дыма.

— Наверно, съезжу на Сирос, — неожиданно сказала она.

Кательос сохранял спокойствие. Помахав в воздухе горящей спичкой, погасил ее и положил в пепельницу поверх окурков. И ограничился вопросом:

— Сегодня?

— Не знаю… Сегодня или, может быть, завтра… Смотря по обстоятельствам.

— Каким именно?

Она смотрела на огонек сигареты, словно в нем ища подходящие слова. Потом чуть сузила глаза и кивнула, как бы давая утвердительный ответ на таинственный вопрос, сформулированный где-то в глубинах ее существа.

— Может быть, приглашу с собой этого испанца, если служебные обязанности ему позволят. — Она сопроводила эти слова взглядом, безупречно и напрочь лишенным всякого выражения. — Согласится, как ты думаешь?

Барон медленно вынул изо рта трубку. Есть люди — их немного, но они есть, — способные улыбаться, когда их ведут на эшафот.

— Надо быть сумасшедшим, — вежливо и мягко ответил он, — чтобы отказаться.

В первых солнечных лучах Золотой Рог делался красноватым, а ближе к вечеру обретал золотистый оттенок. Сальвадор Лонкар не уставал дивиться, как благодаря причудливой топографии этого города цвета, оттенки, расположение теней меняются в нем постоянно, — невозможно хотя бы десять минут оставаться под одним и тем же светом. Стамбул для любого пейзажиста, подумал Лонкар, — это сущий кошмар.

— Холодно, — сказал Антон Солёнов.

Рассвело лишь час назад, и солнце еще невысоко стояло над азиатским берегом Босфора. Вода, взвихренная катером, который курсировал от Галаты до Эюпа и обратно, была темно-розовой. Над рыбачьими баркасами и тяжело груженными каиками, сновавшими во всех направлениях, кружили чайки.

— Мерзостно капиталистический холод, — добавил русский.

Представитель «Совфрахта», заслонявший Лонкару вид на город, зябко втянул голову в плечи,

спрятал щеки в каракулевый воротник пальто, а шляпу нахлобучил до самых бровей, мохнатых и белесых. Лонкар, сунувший руки в карманы плаща, а шею обмотавший шарфом, рассмеялся сомнительной шутке. Они сидели плечом к плечу на последней деревянной скамейке у самой кормы катера, а оказались здесь после того, как агента Республики по телефону пригласили на эту встречу. Русский прибыл из Эюпа и, не сходя на берег, теперь плыл назад. Пассажиров в этот час было мало, так что свидание можно было счесть конфиденциальным.

— Полагаю, вы уже в курсе дела, — сказал Солёнов.

— Если речь о вчера затонувшем танкере, то да. Посольство в Афинах уже этим занимается. Я в контакте и с ними, и с морским министерством.

— Есть выжившие?

— Двое.

— Из скольких?

Лонкар угрюмо провел ногтем по усам:

— Из двадцати девяти… Остальные числятся пропавшими без вести. — Он помолчал немного. — А уцелевшие поджарены на славу.

Русский беспокойно передернул широкими плечами. И не от холода.

— Кто же на них напал?

— Танкер был торпедирован. И не субмариной. Потому что эти двое сообщили, что слышали шум моторов и, несмотря на темноту, даже сумели различить корабль.

— Совпадает с тем, что рассказывали люди со «Старого большевика».

— Да.

— Есть только одно объяснение… — Солёнов прищелкнул языком. — Итальянские торпедные катера.

— Похоже на то.

— Странно, конечно, что они забрались так далеко, но в остальном все очевидно. А? И наверняка действуют со своей плавбазы.

— У нас нет сведений, что кто-то постоянно крутится в этой зоне, — сказал Лонкар с сомнением.

— Может быть, какая-то тайная база?

— Не исключено. Но как же греки?..

— В Греции фашистское правительство. Неудивительно, что они посматривают в ту сторону. Что касается островов, надо будет…

— Там сотни островов, где они могут спрятаться. Вот уж точно — иголка в стоге сена.

Русский стоически кивнул, засмотревшись туда, где на подгнивших сваях стояли в воде старые

деревянные дома, столь разительно отличавшиеся от белокаменных дворцов и минаретов на другом берегу. Лонкар пытливо вглядывался в лицо своего партнера. Антон Солёнов был человек опасный. Был и есть. Его светлые славянские глаза, вопреки своему простодушному выражению, видали такое, чего совсем не хотелось бы видеть испанцу.

— Будем надеяться, что ваши не прекратят поставки, — сказал он.

Солёнов для вящей убедительности вскинул обе руки:

— Я запрашивал начальство. Кажется, у них нет такого намерения.

— Камень с души, гора с плеч.

— Не в первый раз враг перехватывает наши грузы и, к сожалению, не в последний. Испанская Республика нуждается в помощи СССР и помощь эту будет получать впредь. Не считая оружия и боеприпасов, намечены поставки пшеницы в черноморские порты. — Лицо его обрело значительное выражение. — Товарищ Сталин лично осведомляется о ходе этих дел.

— И когда же выходит следующий транспорт?

— Y–22 и Y–23 готовы к выходу из Одессы и Севастополя.

— Как и прежде — «Чапаев»?

— Да, он выйдет первым с грузом танков и полевых орудий. И еще на борту будет человек двадцать советских специалистов. Следом тронется «Николай Чернышевский».

— Без эскорта?

— До выхода из Дарданелл проводит эсминец — дальше ему нельзя… А ваша эскадра… — добавил он с ядовитой вежливостью, — не рискует появляться по эту сторону Сицилийского пролива. Эгейское море остается самым уязвимым местом.

— Триста миль воды и островов, — подтвердил Лонкар.

— Или даже еще больше, если считать от Крита до Мальты.

— А что говорят англичане и французы?

— Начинают беспокоиться, но сделать могут немного — разве что гарантировать, что не дадут в обиду суда, идущие под их флагами или нейтральные. Они все-таки не средиземноморская полиция.

Последнюю фразу он произнес тускло и печально, словно бы сожалел о том, что это так. Поглубже нахлобучил шляпу, еще больше втянул голову в плечи и взглянул на пейзаж. Они

подплывали к последней пристани маршрута, откуда уже виднелись гористый Эюп и высокие кипарисы среди белых надгробий кладбищ. Помолчав, русский заговорил снова. Его отдел, сказал он, поддерживает постоянную связь с Николаем Кузнецовым, главным военно-морским советником в Испании. И вместе с республиканским правительством они пришли к выводу о том, что необходимо найти выход из создавшегося положения — искать новые маршруты, которые затруднили бы поиски судов, идущих из Черного моря, менять их названия, всячески сбивать фашистскую разведку с толку в портах, а также принять меры для защиты самих судов.

— Какого рода? — осведомился Лонкар.

— На войне первейшее условие победы — это неожиданность. Не так ли?

— Бесспорно.

— Будем ходить под чужими флагами. Кроме того, поставим и на «Чапаев», и на «Чернышевский» по корабельному орудию калибром семьдесят шесть миллиметров. Отныне и впредь команда каждого советского судна будет усилена пятью комендорами. Вам на своих судах надлежит сделать то же самое.

— Мы этим уже занимаемся.

Катер подошел к причалу, где уже, как всегда, готовились грузиться крестьяне с мешками и живностью в корзинах; матросы приняли швартовы. Солёнов, не обращая на них внимания, пристально смотрел на Лонкара. Лицо его теперь было бесстрастно.

— Мы можем позволить себе потерю судов, — значительно и строго проговорил он. — Это было предусмотрено с самого начала. Но слишком крупные потери — это чересчур даже для такой великодушной страны, как Советский Союз. Тем паче в греческих водах, так далеко от театра военных действий. Вам надлежит установить и устранить источник угрозы. Надеюсь, ваше руководство отдает себе отчет в серьезности ситуации.

— И я надеюсь. Хотя втолковать это начальству порой бывает нелегко.

— Знаю, что вы имеете в виду… Кабинет не лучшее место для постижения мира. А потому стоит время от времени проветривать его и проходиться веником по углам… — Он многозначительно помолчал. — И по возможности сделать это, прежде чем выметут нас. Сваливать собственную вину на посторонних лиц — практика хоть и прискорбная, но, к сожалению, распространенная.

Катер пришвартовался к причалу, и немногочисленные пассажиры вышли на сушу. Лонкар поднялся, хоть и планировал добраться до Стамбула обратным рейсом, однако русский остался сидеть, меланхолически рассматривая руки, сложенные на коленях; наконец он поднял голову и взглянул на республиканского агента с таким ледяным вниманием, что того проняла дрожь. Человека, который в самом деле знает или понимает тебя, в конце концов начинаешь опасаться, подумал он. А если должен выжить — тем более.

— Есть у вас какие-нибудь идеи по этому поводу? — осведомился Солёнов. — Что-нибудь такое, чем я мог бы успокоить свое начальство?

Лонкар ответил не сразу:

— Есть, но я хотел бы дать своей идее еще немного созреть.

— А вы не можете ли рассказать, на чем она основана? — вдруг улыбнулся русский и продолжал настойчиво: — На самом деле настоящий секрет — это не то, чего никто не знает, а то, о чем никто не говорит.

— Основана она на том, что мы почти всегда видим лишь то, что готовы увидеть.

Солёнов помолчал, как бы оценивая этот ответ. Потом поднялся:

— Мне нравится разговаривать с вами, товарищ. Меня неизменно восхищает ваше спокойствие. Мир стал бы лучше, будь в нем побольше таких спокойных людей, как вы и как я… Согласны?

— Может быть.

Солёнов дважды моргнул. Потом улыбка его сделалась скупее и формальнее. И менее любезной.

— Хорошо… Очень хорошо, — сказал он медленно. — Что касается созревания вашей идеи, то не слишком с этим затягивайте. Терпение товарища Сталина велико, но не безгранично.

Хордан взглянул на бледно-синее, ясное небо над скалистыми берегами, окаймлявшими бухту. Теплый воздух был прозрачен, а вода так тиха, что казалась стеклянным полукругом, однако такого же мира в своей душе он не ощущал. И продолжал злиться на самого себя, ибо только что едва не сорвался из-за Яна Зингера, хотя отчетливо сознавал, что это был всего лишь предлог — предохранительный клапан, давший выход чему-то куда более сложному, темному, сотканному из ярости и угрызений совести.

Столкновение с торпедистом произошло по банальной причине. После успешного пуска по

«Кампонегро» Хордан решил немного отпустить вожжи и небольшим торжеством отметить хорошую работу. По этому поводу он заказал повару и его жене особое угощение — *psaria plaki* под морковным соусом, а затем тушеного барашка — и достал из своих закромов три бутылки узо хорошего качества и две — коньяка «Метакса», хранимого под замком. Почти все вели себя прилично, однако Зингер — Хордан корил себя, что не предусмотрел этого, — разгулялся не в меру. Когда Сенобия, жена повара, уже собирала тарелки, он беззастенчиво ее облапил. За этим последовали несколько грубых шуточек со стороны сотрапезников и беспокойный взгляд Иоанниса Элеонаса в сторону Хордана, обратившего внимание на поведение голландца.

— Уймитесь, — только и сказал Хордан ему.

Тем бы все могло и кончиться, но спиртное затуманило голландцу мозги несколько сильнее, чем следовало. И развязало язык, которым он, впрочем, ворочал с трудом.

— Она здесь для этого, — ответил он нагло.

Полностью ли это соответствовало действительности или частично, но реплика вызвала у сидевших за столом сальные улыбочки. Однако Хордан знал, что ни под каким видом нельзя

терпеть этот тон, сносить эти смешки. И даже не столько из-за голландца, сколько ради порядка в экипаже. С такими людьми малейшая трещинка легко могла превратиться в пробоину. И заделать ее будет очень нелегко.

Он медленно, не торопясь, поднялся и приказал:

— Выйдите.

Мутные глаза на миг прояснились. Быть может, голландец был не так пьян, как хотел казаться.

— Чего?

— Выйдите. — Хордан мотнул головой в сторону двери. — Сию минуту вон отсюда.

Воцарилась мертвая тишина. Торпедист, поколебавшись, огляделся по сторонам и наконец неохотно поднялся. Потом направился к двери, а Хордан вышел следом. Догнал Зингера, и тот, сощурясь от солнечного блеска, оглянулся. Хордан подумал, что правильно поступил, вняв совету Бобби Бомонта не носить оружие. Без него гораздо лучше.

— Зингер, еще раз позволишь себе говорить со мной в таком тоне — убью.

Тот сначала заулыбался, как если бы услышал и оценил шутку, но в следующее мгновение улыбка застыла у него на губах. Хордан сделал один-

единственный шаг к нему. Он был сантиметров на тридцать выше голландца, и тому пришлось закинуть голову, чтобы встретить его взгляд.

— Вы не… — начал он, но сейчас же осекся.

Хордан не вымолвил больше ни слова. Он стоял неподвижно и смотрел на торпедиста. Тот отвел глаза, полные обиды и злобы. Он казался теперь совершенно трезвым.

— Идите назад, — сказал Хордан.

Торпедист замялся, словно желая что-то возразить. Потом кивнул.

— Не слышу, — жестко произнес Хордан.

Зингер проглотил слюну.

— Ладно.

— Что «ладно»?

— Есть.

— Свободен!

И сейчас, сидя под камуфляжной сетью, Хордан смотрел на море и на берег и вспоминал это происшествие. И думал о будущих рейдах и о людях, которые будут их совершать, о том, как управлять ими и как вести себя среди них; о достоинствах, о трудностях, об одиночестве, с которыми столкнется в своих действиях нынешних и будущих, и от этих мыслей вздрагивал, как от боли. Он через Афины отправил в Бургос, в штаб флота, рапорт о

потопленном танкере, но в ответ получил лишь подтверждение о приеме. И ни слова одобрения или похвалы. Сухо и холодно было принято к сведению, что в Эгейском море команда испанских республиканцев на борту судна, груженного бензином, превратилась в пылающий факел.

Думал он и о своей угрозе торпедисту. Он никогда не убивал раньше. Еще два дня назад ему было неведомо чувство, которое испытываешь, словом или жестом отнимая жизнь, и он бы предпочел не знать его и впредь. Неприятное чувство проистекало не потому, что он нарушил Божьи заповеди — Хордан был чужд религии, — и не от моральных запретов, ибо его профессия часто ставила его туда, где человеческая жизнь теряла ценность, которую придавало ей обычное общество. К этому он привык. И сейчас понимал, что его душевная боль связана скорее с цеховым, профессиональным восприятием случившегося. Он убил людей, которые, как и он сам, занимались ремеслом, не имевшим никакого отношения к правому или неправому делу, к отчизнам и знаменам, — убил обычных работяг, ходивших по морям и океанам и возивших грузы в трюмах своих кораблей. Разумеется, настоящий, кадровый офицер Армады взглянул бы на это по-иному, но

Хордан стал военным случайно. И он, моряк торгового флота, только что сжег заживо два десятка своих собратьев.

Он услышал шаги на причале и обернулся узнать, кто это. Появился Бобби Бомонт с сигаретой во рту и с бутылкой в руке, и Хордан удивился, потому что даже на недавнем празднестве радист не пил. Он поднялся на борт и присел рядом, опершись спиной о ходовую рубку. И, перехватив взгляд нахмурившегося капитана — коньяка оставалось еще примерно на треть, — ответил на незаданный вопрос:

— Не беспокойтесь, сэр, я довольствуюсь лишь тем, что нюхаю. Так что слово свое держу. — Он передал бутылку Хордану. — Я вам принес.

— Да я почти не пью.

— Знаю. Видел. Но бывают в жизни такие минуты… Разве нет?

Хордан с подозрением покосился на него:

— С чего вы решили, что такая минута пришла?

Радист не ответил. Он вытянул по палубе тощие костлявые ноги, торчавшие из форменных шортов и обутые в сандалии поверх серых заштопанных носков. Вытащил изо рта сигарету и глубоко вздохнул.

— Когда долго не бываешь на корабле, — сказал он с довольным видом, — начинаешь скучать по этому запаху машинного масла, сырости и краски, верно? Удивительно, но порой он кажется благотворнее, чем воздух на суше. Разумеется, не потому, что он такой, а потому, что́ он несет с собой.

Хордан, не отвечая, поднес горлышко ко рту и сделал маленький глоток — такой, чтобы лишь почувствовать во рту вкус коньяка. Он оказался резким и крепким. Англичанин кивнул на строения, стоявшие на берегу:

— Уж не знаю, что вы сказали Зингеру, но вернулся он с поджатым хвостом и больше уже рта не раскрывал. И никто эту тему не поднимал… Да и вообще Элеонас за ними — за нами то есть — смотрит внимательно. Когда вы с голландцем удалились, он, ни слова не говоря, подошел к двери, стал там и начал прислушиваться, а большие пальцы сунул за ремень, на котором носит нож. Так, на всякий случай.

Хордан закупорил бутылку и поставил на палубу.

— Штурман славный человек, — скупо заметил он.

— Это так. Все мы славные люди, пока не пере-

стаем быть таковыми… Пока дурная природа не проступит, как ей свойственно, жуткими гнойниками.

Бомонт произнес эту тираду с легкой, ничего не значащей улыбкой. Потом пожал плечами:

— И Сенобия славная женщина, не находите? Вот только помогает мужу зарабатывать на жизнь.

Хордан и на этот раз промолчал. Он смотрел, как над бухтой кружат чайки: ловить рыбу было уже поздно, однако некоторые проносились над самой поверхностью воды и взмывали вверх с добычей в бритвенно-остром клюве. Не упускали возможности.

— На этих островах, сэр, жизнь суровая.

С этими словами радист протянул руку к бутылке, откупорил ее и с меланхолической отрадой вдохнул аромат.

— Заметно, наверно, что я склонен к мизантропии, — сказал он. — Не вполне отношу себя к роду людскому, а мизантропия моя зиждется на Аристотелевом принципе: анализируя множество отдельных случаев, чтоб им пусто было, я вывожу общую закономерность. — Он с надеждой взглянул на Хордана. — Вы меня понимаете?

— Не очень.

— Я хочу сказать, что получаю определенное представление о людях, с которыми имею дело, когда имею с ними дело. И это несложно… Есть люди, при рождении получающие дар видеть смешное, а я вот наделен кое-чем иным…

Радист заткнул бутылку и поставил ее на прежнее место.

— Вы исполняете приказы, — сказал он вдруг.

Хордан, удивившись, рассматривал его лицо — седина в упавших на лоб волосах и на подбородке, длинный нос, морщины, от которых лицо казалось еще более худым.

— О чем вы?

— Сами знаете, о чем, мальчик мой… Когда двое суток назад мы все смотрели, как пылает танкер, я наблюдал за вами. И это зрелище было интересней, уверяю вас. То, как вы смотрели на судно, освещенное алым заревом пожара… Из темного чрева троянской ночи…

Бомонт замолчал, чтобы прикурить новую сигарету от предыдущей.

— Там погибали ваши люди, — договорил он через миг.

Хордану эти слова не понравились.

— Вы ведь тоже человек моря.

— О-о нет, — язвительно и сухо засмеялся ан-

гличанин. — Я не жил, а бывал в море, как и на суше, — наездами. Выстукивал точки и тире — вот докуда простиралась моя ответственность. Но вы, штурман и еще кое-кто смотрели на все иначе. — Он задумался и потом договорил: — Вы в особенности.

Хордан поневоле заинтересовался этими словами:

— Вы хотите сказать, ответственность на том, кто отдает приказы?

— Не знаю. Наверно. У меня никогда не было этой привилегии или этой тяжкой клади: в одной руке весы, в другой меч… Особенно в такие времена, когда, как сейчас, смятение, непроглядный мрак и прочее грозят закрыть лавочку мироздания.

Он замолчал, выпуская дым из ноздрей. По лицу его нельзя было сказать, о чем он сейчас думает. За стеклами его очков мерцал влажный аквамариновый отблеск, исчезавший, когда Бомонт моргал.

— Вы правильно поступаете, сэр, — сказал он вдруг. — Побеждаете колебания, скрываете страдание под маской спокойной властности. Делаете то, что должны, и не должны из-за этого страдать.

Ответ Хордана прозвучал очень сухо:

— Вы понятия не имеете о том, что может или не может причинять мне страдания.

— Ошибаетесь, мальчик мой.

— Прошу так ко мне не обращаться.

— Мы с вами тут одни.

— Мне на это наплевать.

Бомонт окинул его взглядом одновременно укоризненным и благожелательным:

— Знаете, я большой специалист по чужим страданиям… Я узнаю их с первого взгляда.

И после этого с безразличным видом уставился на горящий кончик сигареты.

— Конечно, отсутствие алкоголя портит настроение, — сказал он немного погодя. — Но зато обостряет чувства. Я держусь за них, чтобы противостоять хандре.

Хордан перестал слушать его с прежним вниманием и пропустил эти слова мимо ушей. Со старинной башни донесся свист дозорного. Хордан поднялся и с беспокойством вгляделся в море. А мгновение спустя увидел, как моторная лодка «Крис-Крафт», осторожно обогнув скалы с южной стороны, влетела в бухту.

8. Дом на Сиросе

Они оставили позади гавань и шли теперь по плавно поднимавшейся улице, в конце которой перед широкой площадью, окаймленной аркадами, высился памятник герою борьбы за независимость греков.

— Андреас Миаулис[60], — сказала Лена Кателльос.

Хордан кивнул, оглядываясь по сторонам. На теневой стороне имелись два кафе, несколько пальм, крытая эстрада для оркестра, возле которой копошились в пыли куры. Дома и здание муниципалитета, к которому вела роскошная лестница, были выстроены из мрамора и белого камня. Несмотря на явственные следы упадка, Эрмуполис на острове Сирос еще хранил остатки былого великолепия.

— Это по-прежнему главный порт на Кикладах, — сказала Лена, с любопытством поглядев на Хордана. — Вы в самом деле прежде тут не бывали?

---

[60] Notes: 60

Миаулис (Андреас Вокос, 1769–1835) — греческий адмирал, герой борьбы за независимость.

— Никогда.

— И даже в последнее время?

Хордан улыбнулся:

— Даже.

— Он мне нравится, хотя выбирать особенно не из чего, потому что другие острова, которые стоило бы посмотреть, находятся далеко… Я часто здесь бываю: приплываю за покупками, кое-что посылаю в Афины, навещаю друзей. Здесь есть два-три недурных ресторана, книжная лавка и таверна, где по вечерам играет музыка.

— С ночевкой?

Вопрос при кажущейся невинности заставил Лену чуть помедлить с ответом. Она оглядела Хордана, словно пытаясь распознать в его вопросе намек, и наконец произнесла:

— Иногда.

Она свернула направо и повела его вверх по узким улочкам, упиравшимся в две колокольни над сине-красно-белым куполом церкви Святого Николая. Потом склон пошел вниз, к морю, мимо лабиринта лестниц и домов, прятавшихся за оливами, пальмами и бугенвиллеями.

— У нас здесь дом…

Они остановились, разглядывая пейзаж, который стоил того: солнце было еще высоко, и

в совершенно прозрачной воде у берега виднелись камни и водоросли на дне.

— В котором никто не живет, — тихо, словно про себя, договорила Лена.

Он краем глаза рассматривал ее внимательно, как изучают незнакомый берег. И был занят этим уже полтора часа — с тех пор, как она уговорила его сопровождать ее на Сирос. За покупками, уточнила она. И добавила, показав на деревянные пакгаузы: «Мне надо кое-что купить, и я уверена, что вашим людям тоже что-нибудь понадобится». Хордан сначала отказался, чувствуя какую-то смутную неловкость, но тут же понял, что совершенно не желает противиться. На острове все обстояло благополучно, никаких заданий не ожидалось, так что ничего страшного, если он часа на два отлучится. В стремительном внутреннем диалоге он привел все эти аргументы, стараясь не упоминать главный: эта длинноногая зрелая женщина с девической фигурой оказывала на него странное и непривычное воздействие. Он никогда прежде не встречал такой удивительной уверенности в себе, как никогда ни у кого не видал такой изысканной горчинки, которой, казалось, было приправлено каждое ее движение и каждое слово. Лена Кательос вела себя — та-

кой вывод сделал несколько растерявшийся Хордан, — как солдат на вражеской территории. И теперь он пытался понять почему.

Она тоже наблюдала за ним. Молча поворачивалась к нему, когда они шли рядом по неровной мостовой, стараясь не задеть друг друга плечом или рукой. Держали, словно по негласному уговору, дистанцию. Так же было и на моторке, когда Хордан сел справа, а она — в темных очках, которые ветер забрызгал солеными каплями, в греческих сандалиях, в белой полотняной юбке, без стеснения поднятой до колен, чтобы удобнее было управлять лодкой, и в тельняшке — ловко орудовала штурвалом и рычагом переключения скоростей, чутко прислушивалась к рычанию двигателя в 125 лошадиных сил, благодаря которому они, едва не выпрыгивая из воды при слемингах[61], держали почти тридцать узлов, так что двенадцать миль, отделявших Гинайку от гавани Сироса, одолели за полчаса.

Лена оставалась в темных очках, которые снимала, только когда попадала в тень. С левого плеча свисала большая сумка из хорошей кожи.

— Голову не напечет? Может, вы зря оставили

[61] Notes: 61

Слеминги — гидродинамические удары носовой части судна о воду при интенсивной килевой качке.

фуражку в лодке?

— Не хотелось привлекать к себе внимание.

— Вы вправду считаете, что без фуражки не привлечете? С вашим ростом и вашей светлой мастью вы незамеченным не останетесь.

Хордан благодушно улыбнулся:

— Хотя бы попытаюсь.

— Можете не стараться, капитан Михалис.

Время от времени им навстречу шли женщины в черном, в шалях, покрывающих голову и завязанных крест-накрест на груди, и грубоватого вида мужчины, которые, узнавая жену барона Кательоса, дотрагивались до козырька или слегка кланялись. Хмурый православный священник, стоявший на пороге церкви, заметив пару, с подозрительным проворством юркнул назад.

— На Сиросе я не у всех пользуюсь расположением, — холодно сказала Лена.

Иногда она останавливалась, чтобы рассказать о каком-нибудь доме или виде, о его достопримечательности или истории — средневековые корсары, средиземноморская торговля, четыреста лет войны с турками, — и Хордан с вежливым вниманием слушал ее, не сомневаясь, что ей так же мало хочется повествовать, как ему слушать. Тем не менее, сколь ни скуден был его навык в

этом светском фехтовании, он угадывал, что этот общепринятый негласный договор дает верный способ решить вопросы, на которые пока еще не получены ответы, и предчувствовать то, что, быть может, еще произойдет.

— Дантова Франческа.

Она остановилась перед внушительным домом, знававшим, впрочем, лучшие времена. Задувавший с недалекого моря бриз шевелил шторы на окнах, как паруса на мачтах. На одном из балконов виднелась фреска, пострадавшая от солнца и дождя, — девушка с книгой в руках среди того, что напоминало адское пламя.

— Знаете эту историю?

— Нет.

— Это первый литературный персонаж, чью жизнь переменило чтение, причем задолго до того, как это случилось с Дон Кихотом и мадам Бовари… Читали их?

— Кое-что из «Дон Кихота».

— Ах, ну да… Вы же сказали, что мало читаете… Франческа узнает историю сэра Ланселота, поцелованного Гиневрой, и позволяет Паоло поцеловать себя. То есть совершает грех. А грех карается.

Темные очки она держала в руке. Окинула Хор-

дана быстрым взглядом и отвела глаза.

— Да, вы не из тех, кого смерть застигает с книгой в руках. — Она отчужденно улыбнулась. — И даже не из тех, кого она находит в постели.

Хордан промолчал, и они пошли дальше. Чуть впереди, перед лавкой, где торговали губками и рыболовными снастями, — хозяин сидел в дверях и плавил свинец для грузил — Лена взглянула на свое отражение в витрине:

— Нет в жизни женщины метафоры более извращенной, чем зеркало… А, капитан?

Быстрый, неожиданный и яростный взгляд, которым она сопроводила вопрос, сбил Хордана с толку.

— Здесь не надо ко мне так обращаться, — с досадой попросил он.

Она будто не услышала. И продолжала рассматривать его с той же необъяснимой суровостью.

— Каким вы представляете себя в старости… если доживете?

— Никаким не представляю. Я не думаю об этом.

— А я вот представляю. И скорее рано, чем поздно, если состарюсь, буду такой, которая только спит и вспоминает. И я не могу позволить себе…

Она осеклась на полуслове: и странная улыбка,

появившаяся у нее на губах, показалась Хордану еще более жестокой, потому что он догадался: Лена адресовала ее самой себе.

— Жизни остатки — в полном беспорядке, — пробормотала она чуть погодя.

Хордан счел нужным что-то сказать:

— Вы все еще…

И оборвал фразу, не договорив «очень красивая женщина», потому что внезапно почувствовал: это будет некстати. Лена как будто прочла его мысли.

— Бросьте, ради бога, это лишнее. Вы здесь не за тем, чтобы рассказывать мне, какая я.

И снова еле заметно улыбнулась — но не так, как раньше. Это был скорее намек на улыбку.

— Вы, без сомнения, смелый человек, — добавила она. — Потому, наверно, вас и занесло на эти острова. Но иногда мне кажется — потому, что глупости больше, чем отваги.

Тем временем через две каменные арки они поднялись по лестнице на некое возвышение — узкую длинную террасу, тянувшуюся по крутому склону над крышами желтых, голубых, белых домов. Солнце светило здесь особенно яростно. В сотне метров внизу прозрачно-изумрудное море плескалось о волнорез, сложенный из камней

и бетона, о рыбачьи лодки и неровный берег, где стояли дома и росли кусты тамариска. Огороженная от пустыря железной решеткой, имелась и таверна: под фиговым деревом виднелись четыре стола из грубо оструганных сосновых досок, а рядом на тростниковом поддоне сушились на солнце осьминоги.

— Красавчиком вас не назовешь, — сказала Лена, разглядывая Хордана так, словно видела впервые. — Хотя… по-своему вы привлекательны.

Тот смущенно улыбнулся:

— По-своему?

— Ну, утонченности в вас нет… Зато высоки ростом, крепки. Мужественны. Я уже говорила, что вы напоминаете героя этого романа, «Лорд Джим», который вы читали. Как видите, переношу на вас впечатления о прочитанном.

Они сели за ближайший к ограде стол у самого обрыва. Лена показала на дом, стоявший на краю площади и отделенный от нее стеной, над которой виднелись кроны олив и пальм:

— Это мой дом.

Хордан стал рассматривать каменные плиты почти белого цвета, арки, пилястры, кованый балкон на опорах, типичных для старинных гре-

ческих особняков. Закрытые деревянные ставни, выщербленные и выцветшие от времени.

— Кажется нежилым.

— Так и есть — он почти заброшен. — Лицо ее было бесстрастно. — Только я время от времени там бываю.

Неспешно подошел тучный хозяин, улыбаясь углом рта под густыми усами того фасона, что принят был на островах, и Лена, поздоровавшись с ним по-приятельски, заказала полбутылки рецины[62]. Потом достала из кармана и выложила на стол пачку сигарет и серебряную зажигалку.

— Жизнь как таковая, — произнесла она медленно и раздумчиво, — это не объективная реальность, а скорее некое пространство, подобное старому дому. Действительность вносим в него мы сами… И есть четыре способа заполнить эту пустоту или выдержать ее: религия, патриотизм, секс и ирония. Отринув патриотизм и религию, мой муж выбрал иронию. В разных ее видах.

Она замолчала, потому что хозяин принес вино и блюдо черных маслин. Лена надкусила одну и швырнула косточку за ограду.

— Как давно у вас не было женщины, капи-

---

[62] Notes: 62

Рецина — греческое белое вино со смоляным привкусом крепостью 11,5 градуса.

тан? — спросила она, презрительно скривив губы. — Едва ли вы ждете своей очереди к жене повара, которую сподобил вам мой муж.

Хордан ничего не ответил, а возмущенно поднялся. Лена, не шевелясь, смотрела на него:

— Сядьте, пожалуйста.

Он продолжал стоять, глядя на нее.

— Я прошу вас сесть. — Она краем глаза посмотрела на хозяина, наблюдавшего за ними. — Вы привлекаете к себе внимание.

Он наконец повиновался. Лена облокотилась на стол:

— На пятом году брака я пошла в публичный дом, который посещал мой муж. Я знала, что найду его там. И трахалась там, как последняя шлюха.

Сказуемое она произнесла по-гречески, отчего вся фраза прозвучала еще вульгарней.

— С ним? — после паузы спросил Хордан.

— Нет… У него на глазах. С кем-то, кто соответствовал обстоятельствам.

Он, не шевелясь, продолжал глядеть на нее с удивлением. С полнейшим спокойствием она наполнила бокалы и непринужденно откинулась на спинку стула.

— Забавно это все, — продолжала она. — Знаете,

он мне сказал однажды: настоящий соблазнитель заставляет женщину показать, что она собой представляет на самом деле, а не то, что она готова предъявить.

Она помолчала, и на губах ее снова появилась дерзкая и жестокая усмешка.

— Нет, правда, разве не забавно?

Хордан не знал, что ответить.

— Я не способен решить…

— Настоящий соблазнитель, — безразлично прервала она. — Всегда таким был. Я про мужа.

Он увидел, как она полузакрыла глаза, словно припоминая что-то.

— И ему понравилось то, что произошло в борделе. Очень понравилось. И с того дня я, разумеется, не давала ему даже прикоснуться ко мне… Он имел право только смотреть, а спустя еще какое-то время — воображать.

— Почему же он остается с вами? — отважился спросить Хордан.

Лена протянула руку к бокалу и сделала глоток.

— Наверно, потому, что у него могучее воображение.

— А вы почему?

— Я как-то прочла про солдат какой-то разби-

той армии, которые продолжали сопротивляться вместо того, чтобы спастись бегством… И один из них объяснил это так: «Мы слишком устали, чтобы бежать».

Она все еще держала в руке бокал. Отпила еще и поставила его на стол.

— Вот и я слишком устала, чтобы бежать.

Она чуть склонила голову, и Хордану показалось, что на ее лицо легла какая-то тень, хотя ей неоткуда было взяться.

— Есть призраки, которые верят в искупление, — вдруг сказала она. — Думают, что тогда они перестанут блуждать в вечности. Но есть другие, недоверчивые, — мы предпочитаем оставаться призраками.

Она так пристально глядела на бокал, словно отыскивала там таинственную точку опоры для своих размышлений.

— Это вопрос отбора, понимаете? — продолжала она. — Выделить нужный фрагмент из того, что предстает твоим глазам. Меня научила этому одна греческая проститутка… Ключ в том, чтобы в нужный момент выбрать подходящего человека, как убийца с винтовкой выбирает цель.

Она продолжала задумчиво рассматривать бокал. Потом подняла глаза на Хордана, пожала

плечами:

— Ну как же не переспать с женщиной, способной рассказать столько всякой всячины? — И снова едва уловимая тень скользнула по ее губам, как след сухой и холодной улыбки. — Разве вам раньше попадались такие?

Хордан покачал головой, прежде чем ответить, но промедлил с этим. Во рту у него вдруг пересохло.

— Никогда.

— Ну вот видите. — С усталым вздохом Лена взяла сигареты и зажигалку, поднялась и подбородком показала на особняк. — Этот резон ничем не хуже любого другого.

Стены уже утратили свой первоначальный цвет, зеркала затуманились от старости, резные арки и лак на полотнах потемнели, лампы венецианского стекла покрылись пылью. Резная деревянная перегородка отделяла гостиную от спальни с огромной кроватью, старинным турецким ковром и зеркальным шкафом. Когда открылись ветхие ставни, в окна стали видны террасы ближайших домов, серая излучина берега, море и туманные силуэты далеких островов.

Лена поставила пластинку на граммофон в гостиной, стоявший у стены, где висели выцветшие

семейные фотографии. Зазвучал женский голос:

Payons-nous un petit peu de plaisir,
Nous n'en ferons pas toujours autant,
On n'a pas tous les jours vingt ans[63].

— Вы знаете французский? — спросила Лена.

— Немного.

— Там говорится, что не всегда нам будет двадцать лет.

Она стояла неподвижно у деревянной, украшенной резными листьями, цветами и птицами перегородки, отделявшей гостиную от спальни. И какое-то время смотрела на него с этой точки между «до» и «после», с этой воображаемой, условной границы, которую сама обозначила, в этой точке задержавшись. А может быть, вовсе и не воображаемой, подумал Хордан. На самом деле не так уж трудно сообразить, что происходит, и тем более — что произойдет.

Она показала на большой, отделанный мрамо-

---

[63] Notes: 63

Давай доставим себе удовольствие,
Нам не всегда выпадает шанс,
Нам не каждый день двадцать лет

(фр.)
Фрагмент из песни Леона Рете на стихи Шарль-Фердинана Потье «On n'a pas tous les jours vingt ans», записанной Бертой Сильвой в 1934 году.

ром камин. Войдя в дом, она сняла тельняшку, даже не бросив, а уронив ее на пол. Белое платье подчеркивало удлиненные линии ее фигуры и позволило Хордану впервые увидеть ее обнаженные руки. И заметить крохотные точки, похожие на следы укусов или уколов. Ему уже доводилось видеть такие — на припортовых улицах встретишь все, что угодно, — но только не на руках у такой женщины.

— Вам не холодно? — спросила Лена.

— Нет, — качнул головой он. — В самый раз.

И удивился тому, что не испытывает желания. Или, точнее говоря, главенствующее чувство не было желанием. Он заключил, что это, пожалуй, спокойное любопытство, больше свойственное зрителю, а не исполнителю. И тотчас вспомнил, что она рассказала о своем муже, и подумал, что Лена Кательос наделена диковинным даром превращать участников действа в зрителей. В привилегированных, приближенных свидетелей своих деяний.

Внезапно показалось, что она приняла решение. Скорее даже, она приняла решение раньше, а теперь сочла, что пришло время решиться и ему, и, не сводя глаз с Хордана, отступила и углубилась — да, это слово было здесь уместно — в

спальню, молча приглашая гостя последовать за собой. И так вот, отступая, не поворачиваясь к нему спиной, не сводя с него глаз, дошла до кровати и села на самый ее край, слегка расставила ноги под белым полотном платья, продолжая смотреть на гостя, который приближался к ней медленно, покорно, осторожно, подобно тому, как моряк замеряет лотом глубину под килем, оценивает опасную близость подводных скал, скрытых в час отлива. И когда подошел настолько, что почувствовал аромат ее тела — теплой, утомленной плоти — и смутный запах неведомых духов, она, продолжая неотрывно смотреть на него, шире развела ноги и приподняла подол, показывая, что под ним ничего нет. Когда обнажились бедра и курчавый лобок, Хордан так же медленно опустился перед ней на колени, прильнул губами и языком и, закрыв наконец глаза, испробовал на вкус предложенную ему розоватую влажную плоть.

— Да, да, вот так… — донесся до него будто издали ее вдруг охрипший голос.

Потом он почувствовал губами череду неистовых содроганий. И внезапно, рывком ухватив его за волосы, она запрокинула ему голову. Он открыл глаза и встретил ее взгляд, устремленный

на него с жестоким удивлением, и успел заметить, как она занесла руку и дважды ударила его по щеке — сильно, хлестко, точно. И собиралась дать третью оплеуху, но в этот миг Хордан стремительно и резко, едва ли не с яростью приподнялся и одной рукой, ухватив женщину за лодыжку, опрокинул на кровать, а другой расстегнул ремень, стянул брюки, прежде чем проникнуть в нее в небывало неистовом порыве, силы которого никогда до этой минуты даже не подозревал.

Мы, мужчины, считаем себя любовниками или палачами, всплыло немного погодя в еще отуманенном мозгу. А на самом деле мы всего лишь свидетели.

Сальвадор Лонкар, облюбовав себе скамейку на эспланаде Ортакёй, сидел в окружении голубей, поклевывавших землю, и наслаждался солнцем, которое еще пригревало берег Босфора. Под двумя высокими минаретами была пришвартована шхуна, и матросы чинили расстеленные на молу паруса. Время от времени Лонкар поднимал голову и смотрел, как они работают, но основное внимание уделял маленьким портативным шахматам, стоявшим у него на коленях. Он уже почти полчаса пытался ответить на сообщение, которое неизвестный радист добавил к депеше,

присланной ему из Сьюдад-Линеаля: «C5A+, белый конь на пятой клетке, шах черному королю». И Лонкар, как ни ломал голову, видел только один выход. Черный король вынужден вернуться на прежнюю клетку, потеряв тем самым возможность рокироваться.

Досадливо засопев, Лонкар смирился с неизбежностью, спрятал фигуры в ящичек, которым стала сложенная доска, а ящичек в карман плаща. Снова поднял глаза на моряков, чинивших парус, а потом увидел, как, оставляя за собой длинное облако черного дыма, прошел между мечетями и правым берегом буксир, который тащил к югу старый бриг-барк с белым корпусом и убранными парусами.

Лонкар, не поднимаясь, следил за медленным проходом судна, покуда оно не скрылось за изгибом пролива. Этот бриг-барк напомнил ему другой — тот, который он несколько недель назад видел на экране кинотеатра «Алькасар», где шел американский фильм «Ниже уровня моря»[64], в котором рассказывалось о плавании некоего парусника в Атлантике во время Первой

[64] Notes: 64

Военно-приключенческий фильм «Ниже уровня моря» («Seas Beneath») американского режиссера Джона Форда вышел на экраны в 1931 году; главные роли сыграли Джордж О'Брайен и Мэрион Лессинг.

мировой войны. Сюжет был непритязательный: барк выслеживает германскую субмарину, американский капитан влюбляется в немецкую шпионку, а та в него; матросы-испанцы говорят с мексиканским акцентом; рыцари моря сходятся в поединке; и прочие непременные для этого жанра подробности. Тем не менее в этот самый миг мысль, уже давно не дававшая Лонкару покоя, вдруг обрела конкретную форму. Мозг шахматиста, сосредоточенный последние полчаса на решении задачи, а потому обострившийся до крайности, сейчас увидел все так ясно и четко, так подробно и предметно, что только поражаться приходилось, как это не осенило его раньше.

Что же я за дурак такой, подумал он. И с удовольствием отвесил бы себе пару оплеух. Столько дней махать мулетой и шпагой, но так и не свалить быка. И вот теперь нежданно-негаданно пришло озарение, которое все это время таилось у него в голове. Он порывисто вскочил на ноги и в возбуждении пробежал несколько шагов к берегу, чтобы еще раз увидеть, как бриг-барк, еще не скрывшийся из виду и окутанный черным дымом из трубы буксира, идет проливом и уже близок к высотам Ускюдара. Ну конечно же, пронзила Лонкара очевидность решения. Теперь

он знал, каков будет его следующий ход. Эта идея стара, как сама история войн, однако прошедшие тридцать веков не только не обесценили ее, напротив — подтвердили ее действенность. Фашистам посреди моря подставят троянского коня.

Золотистые лучи света, которые с каждым мигом становились все ярче и ложились теперь совсем горизонтально, потревожили Хордана. Он сонно заворочался, отодвинулся от тела женщины, спавшей рядом, — от нее исходил запах разогревшегося тела и недавнего секса, — откинул измятые простыни, поднялся и по лестнице спустился на кухню, где стоял большой глиняный кувшин с водой. Жадно выпил и, ощущая босыми ногами холод ступеней и керамической плитки, вернулся в спальню. Лена курила, сидя на ковре перед погасшим камином: из одежды на ней была только тельняшка, а закатные лучи освещали обнаженные ноги так, словно в комнате умело расставили юпитеры. Из граммофона звучала какая-то песенка, и на этот раз Хордан узнал и голос, и мелодию: Тино Росси пел по-итальянски «Лучшее танго на свете».

При его появлении она не переменилась в лице. И не шевельнулась, держа в пальцах дымящу-

юся сигарету и глядя на него. Через мгновение, по-прежнему не сводя с него глаз, подтянула ногу и оперла о колено запястье руки с сигаретой. От этого движения глубоко в межножье открылась темная тень.

— Я уж думала, ты ушел навсегда, — насмешливо сказала Лена. — Удрал от меня.

Он показал на свои вещи, лежавшие в ногах кровати вместе с ее платьем:

— В таком виде далеко бы не удрал.

Она слегка улыбнулась:

— Да, разумеется. А ты никогда не мечтал пройтись по людной улице в чем мать родила? — Улыбка стала шире.

— Нет, никогда. Я вообще не склонен к мечтательности.

— Что сказать? Повезло тебе в жизни. Очень повезло.

Хордан скользнул взглядом по отметинкам на ее локтевых сгибах, и она, заметив это, с полнейшей непринужденностью той же рукой, в которой держала сигарету, прикрыла следы от уколов. Он подошел к своей одежде и взглянул на часы:

— Мне пора. Надо возвращаться на остров.

Лена бесстрастно рассматривала его. Потом

затянулась сигаретой и посмотрела еще. Потом кивнула:

— Ну разумеется. — И вдруг словно припомнила что-то. — Ничего, если мы задержимся немного? Минут на пятнадцать-двадцать? Мне кое-что надо здесь сделать.

— Конечно. — Хордан начал одеваться. — А ты сможешь вести моторку в темноте, если ночь застигнет нас в пути?

Она медленно, с неохотой стала подниматься на ноги. И заметно помрачнела.

— Да само собой. Что за глупости? Я десять лет хожу между этими островами.

Они вышли на открытый, медленно тускнеющий воздух, который на высоких крышах старинных зданий был светлее, и зашагали по узким улочкам, петлявшим между охристыми и желтыми фасадами: на протянутых из окна в окно веревках сушилось белье, на подоконниках стояли горшки с геранями и базиликом. И так дошли до гавани, причем Лена не произнесла ни слова: шагала, опустив голову, погруженная в свои невеселые и неведомые Хордану мысли. Она была явно не в духе, более того — обеспокоена, и Хордан спрашивал себя, в какой мере случившееся между ними повлияло на ее мрачность.

— Все в порядке? — не без смущения осведомился он наконец.

— Да-да, — последовал суховатый ответ. — Все в порядке.

Вдоль причала, где на ржавых кнехтах сушились груды сетей, рядом с пришвартованной моторкой выстроились в ряд каики и рыбачьи шаланды. Протяжно взвыв сиреной, готовился выйти в последний на сегодня рейс в Пирей прогулочный катер.

— Хочешь — подожди меня вон там? — сказала Лена.

И показала на таверну в начале улочки, рядом с витриной пароходного агентства, уже закрытой железными жалюзи. «Таверна Панайотиса», возвещала вывеска.

— Недурное местечко, — добавила Лена. — Я часто там бываю.

Она вдруг как-то оживилась — или сделала вид. Хордан остался на улице, глядя ей вслед, покуда она не скрылась в подъезде ближайшего дома. И тогда, любопытствуя, подошел поближе. Двухэтажный дом с балконами был обращен фасадом к порту, а слева от дверей, рядом со звонком, висела бронзовая табличка: «Д-р Г. Папагос».

Врач, подумал сбитый с толку Хордан, направ-

ляясь в таверну. А по каким болезням — неизвестно. А может быть, осенило его, этот визит как-то связан со следами уколов у нее на руках. Это открытие чрезвычайно не понравилось ему, и он продолжал ворочать его в голове, когда вошел в таверну — просторную, с огромными бочками у стен, с покрытыми клетчатыми скатертями столами, по большей части занятыми. Найдя свободное место, Хордан сел на табурет, привалился спиной к стене и заказал официанту бутылку рецины и порцию копченой рыбы с оливковым маслом и лимонным соком.

В таверне пахло вином, табачным дымом, соленьями, опилками. На узком помосте двое музыкантов — один на бузуки, другой на гитаре — играли что-то медленное, пронзительное и дрожавшее в воздухе. Хордану это напомнило мелодию, которую напевала мать, когда стряпала, шила или баюкала его, — отец, торговавший восточными коврами, был с ним суховат и отчужден — и бормотала нежные фразы на языке, который она, Аглая Кириазис, привезла с собой с другого берега Средиземного моря. С тех самых пор эти мелодии будили в его душе светлую грусть, тоску по вымечтанной, мифической Греции, на протяжении многих лет известной ему

лишь по словам и мелодиям этих песен.

В дверях появилась Лена Кательос. С уверенностью завсегдатая прошла, не останавливаясь, кивнула музыкантам и кое-кому из посетителей. А когда присела рядом с Хорданом, тот заметил, что она стала оживленней и веселей. И глаза теперь блестят иначе.

— Тебе нравится здесь?

Он кивнул. Мужчина в черном, рослый, седоусый и лысоватый, поднялся на эстраду. Чуть покачиваясь, он запел нечто такое, что воскрешало в памяти старинные порты на островах, пастушьи шалаши, бродяжную жизнь. В напеве звучали трагические ноты — как в португальских фадо, в испанских балладах, в песенках французских предместий. Лена кивала в такт музыке, чуть слышно подпевала.

— Не уходи, останься в моих объятиях… — Она перевела взгляд на Хордана. — Или умрешь от моего клинка… Как тебе это?

— Я думал, *ребетика*[65] запрещена правительством.

— Она и запрещена. Цензура запрещает гово-

---

[65] Notes: 65

Ребетика — музыкальный жанр маргинального происхождения: его темы связаны с несчастной любовью, а также с наркотиками, тюрьмой и жизнью на обочине в целом.

рить о тюрьмах, проституции или преступлениях. В наказание полиция сбривает усы виновным, а безусый грек — это такая же нелепость, как усатая гречанка. — Лена показала на певца. — Однако видите — старый Манолис верен себе. Эти острова в такой дали, что нелегко исправить здешние нравы.

Она замолчала, слушая песню. Потом выпила вина из бокала Хордана, вытащила пакетик с табаком и свернула самокрутку.

— После убийств в Смирне в этих греческих песнях поют не о любви, а о превратности судьбы, о разлуке с любимой, об изгнании и о смерти.

Хордан пристально всматривался в нее, спрашивая себя, сколько женщин таится под этой оболочкой.

— Ты часто здесь бываешь?

— Регулярно.

Пожав плечами, Лена сделала знак официанту, чтобы принес ей еще бокал. Наполнив его, подняла и чокнулась с Хорданом:

— За старинные обычаи и далекие острова, которые их терпят.

Потом она долго сидела молча, чередуя глоточки вина с затяжками сигаретой. На эстраде Манолис допел одну песню и завел другую.

— Мне нравится, — сказала Лена. — Ты разбираешь слова? Речь идет о людях, которые скрываются в горах, сражаются с турками и с властями. О храбрецах… О тех, кому по праву достается лучший ломоть мяса и первая красавица в той деревне, куда они спускаются с гор… Да он мог бы самого Гомера спеть… Ты читал «Илиаду»?

— Нет.

— Если когда-нибудь Греция исчезнет, ее можно будет воссоздать — нужны будут только оливка, немного моря и песня.

Неподалеку с двумя спутницами сидел представительный мужчина лет сорока, в жилете поверх белой сорочки, с густыми черными волосами, зачесанными вверх, с роскошными выхоленными усами. В руках он с вызывающей небрежностью вертел и перебирал четки. Хордан заметил, что еще при входе в таверну этот человек приветствовал Лену легким кивком и обменялся с ней понимающим взглядом. Сейчас он послал ей удовлетворенную улыбку, а она не сразу отвела глаза.

Хордан ощутил укол ревности, и это было для него нечто новое.

— Старый друг, как я понимаю?

Она обернулась к нему, удивленно всмотрелась

в его лицо:

— Да.

Больше ни он, ни она не произнесли ни слова. Человек на эстраде начал третью песню. Речь в ней шла о волшебном дыме, навевающем грезы. Упоминание наркотиков, объяснила Лена, тоже официально запрещено. Метаксис закрыл все заведения, где курили гашиш и опиум.

— Даже здесь, на островах… Осталось одно, в порту… Очень жаль. Если у курильщиков хватает денег на дозу, они очень милые люди. — Она окинула его пытливым взглядом. — Ты никогда не пробовал?

— Надобности не было.

Лена призадумалась.

— Интересное слово, — сказала она наконец. — «Надобность».

— Что тебе колют?

От заданного в упор вопроса она даже не моргнула:

— Кокаин.

Ответила и замолчала в ожидании его реплики, но Хордан не проронил ни звука.

— Врач знакомый. Все гарантии.

— Ну да.

— Это кратчайший путь к счастью. Может быть,

даже единственный.

Хордан взглянул на мужчину с четками, и Лена перехватила его взгляд:

— А секс — это путь окольный. Не исключено, что, не будь барона Кательоса, я была бы целомудренна, как монашка. Как знать, как знать…

Хордан посмотрел на часы. Пора было возвращаться на остров. Он повторил это вслух, попросил счет и положил на стол несколько драхм. Лена погасила сигарету о край тарелки.

— На языке его прадедов это называется *Entzauberung der Welt*…[66] — Она пренебрежительно прищелкнула языком. — Я выходила замуж за совсем другого человека. Тот был еще жив.

От последних ее слов Хордан вздрогнул:

— Что же его убило?

— Думаю, собственная прозорливость. Нечто вроде эгоистического ясновидения, которое пожирало его мало-помалу, как болезнь… Может быть, он в этом и не виноват, но меня-то он выбросил на незнакомый берег и оставил там.

Она поднялась. Хордан последовал за ней.

— Иногда, — добавила она, — когда ты особен-

---

[66] Notes: 66
Разочарование в жизни *(нем.)*.

но несчастна, помучаешь того, кто обожает тебя и кого ты презираешь, — и легче становится. Понимаешь?

— Мог бы понять.

Они вышли на улицу. Янтарный полусумрак воздуха, пахнувшего смолой и грязной водой порта, сменился лунным блеском. Медленно зашагав к причалу, они сами растворились во тьме.

— Случается в жизни такое, — сказала Лена, — когда веришь, что сам Господь подсовывает тебе нужные карты из колоды или подсказывает, на какой номер поставить… И думаешь, что так будет всегда.

Они были уже рядом с «Крис-Крафт». Лена прыгнула в моторку, Хордан, отдав швартовы, последовал за ней. Вспыхнул ходовой огонь, взревел двигатель. Хордан, усевшись справа, смотрел на темный силуэт женщины у руля.

— Однако неизменно наступает минута, — добавила она неожиданно, — когда Господь без предупреждения выходит из игры. И нет одиночества ужасней.

Моторка отвалила от причала, оставив за кормой огни берега. Помчалась на пульсирующий свет маяка, а Хордан закинул голову и стал смотреть на звезды. Странный день выдался,

подумал он. Очень странный.

Под луной медленно проплывали облака.

Так что же, решимся ли мы утверждать, что преимущества, доставляемые нашим разумом, которым мы так гордимся и благодаря которому являемся господами и повелителями прочих тварей земных, даны нам на наше мучение? К чему нам познание вещей, если из-за него мы теряем спокойствие и безмятежность?[67]

Пантелис Кательос перечел эти строки, когда-то давным-давно подчеркнутые чернилами, закрыл «Опыты» Монтеня и, поднявшись, поставил том на место — между «Жизнью Сэмюэла Джонсона» Босуэлла и «Замогильными записками» Шатобриана. На этой полке стояли его любимые книги — те, которые, случись пожар, он спасал бы в первую очередь. Их было не очень много, но достаточно — Гомер, Плутарх, Библия, «История Французской революции» Мишле и затрепанный том «Дон Кихота» в переводе на английский. С подобным фундаментом — он был совершенно в этом уверен — можно было восстановить любую библиотеку.

Поставив книгу, барон подошел к окну и увидел

---

[67] Notes: 67

Мишель Монтень. Опыты. Кн. 1, гл. XIV. Перев. А. Бобовича.

в стекле собственное отражение, подсвеченное керосиновой лампой, горевшей на читальном столике из стали и стекла, — козелец в горшке, часть удлиненного угловатого лица, кончик левого уса, шелковый воротник старого халата из шотландки. И ему показалось, что снаружи на него смотрит призрак — или тот, кого он мог критически воспринять как половину своего раздвоившегося «я». Обеспокоенный этим видением, он в конце концов закрыл окно и замер, слушая стрекот цикад, созерцая ночь, которая за верхушками деревьев сада серебрила темную поверхность моря. Он видел залитый лунным светом причал и мог убедиться, что моторки рядом с ним нет.

Он спросил себя, как именно и с кем развивались события на этот раз. И по обыкновению, попытался отрешиться от неотвязных мыслей, выбросить из головы мучительные образы, однако ему трудно было избавиться от извращенной смеси злобы и вожделения, от болезненного наслаждения, состоящего из неудовлетворенности, бесстыдства и горя, где каждая очевидность — а Лене для подтверждения довольно было всего лишь взглянуть или просто промолчать — вела к едва ли не физиологическому апогею. И было

ближе всего к единственно возможному теперь соитию, доступному теперь, на развалинах того, чем было оно раньше и кем были они прежде.

Рано или поздно, подумал барон, настает минута, когда ты заглядываешь в будущее, а видишь лишь прошлое. В течение какого-то времени эта затейливо-изящная мысль прекрасно сочеталась с поднесенным к губам бокалом шампанского по сто франков за бутылку. Так шло до тех пор, пока на этом острове или, быть может, даже раньше она в конце концов не воплотилась в реальность, пока прошлое и отсутствие будущего не оказались заперты древним морем в столетия пены и изумрудной воды, свободы и неволи, которые стали единым понятием и местом — обиталищем заключенных и ссыльных. Островом Спящей Женщины.

Барон, застыв перед окном, распахнутым в ночную тьму, предался меланхолическим воспоминаниям. Он обладал обостренным и почти безошибочным умением предугадывать, за сколько может продаться тот или иной мужчина и какая женщина способна будет обольстить его. Эти знания он почерпнул не из книг — это был итог опыта и долгой практики. А потому, если бы можно было доверительно — что совершенно

исключалось — поговорить с этим странным испанским корсаром, флотским офицером или черт его знает кем, когда, впервые перехватив его взгляд, устремленный на Лену, барон вдруг заметил, что и она не сводит с него глаз, он непременно сказал бы что-то вроде: «Это что, видели бы вы ее в прежние времена, капитан Михалис, или как вас там… В те времена, когда мир был прекрасен для тех, кто мог себе позволить, чтобы он был таким, когда эта злосчастная Европа еще не задумала самоубийство». Видел бы он Лену в ту пору, когда она носила туфли на высоких каблуках и похожие на браслеты тонкие ремешки обвивали щиколотки. Видел бы, как, слушая собеседника, она поворачивала к нему голову, словно он был единственным мужчиной на Земле, и в ее качающихся серьгах из золота и бриллиантов вспыхивали огоньки свечей. Видел бы он, наконец, как с бесстрастием античной богини раздевается она перед голубоватым зеркалом в купе спального вагона «Восточного экспресса», в номере «Отель де Пари» в Монте-Карло, в апартаментах «Негреско», в окна которого, как на полотне Матисса, смотрят пальмы.

Перекрывая треск цикад, послышался рокот двигателя, и барон увидел тускловатый свет

ходового огня — «Крис-Крафт» неспешно приближался к причалу. Потом огонь погас, и остался лишь темный неподвижный силуэт моторки, от которого отделилась еще одна тень и по тропинке направилась к дому. Кательос закрыл окно и вышел из библиотеки в гостиную. Лена, поднимаясь в свою спальню, не могла разминуться с ним, и потому он ждал ее стоя, сунув руки в карманы халата. Вскоре она появилась — белое платье, тельняшка, утомленное лицо.

— Все хорошо? — вежливо спросил барон.

Она молча окинула его взглядом. И потом медленно кивнула:

— Все.

Он показал на двустворчатую раздвижную дверь, отделявшую гостиную от коридора:

— У тебя усталый вид… Поужинаешь?

— Не хочется.

— Выпьешь чего-нибудь?

Он показал на встроенный бар. Лена, не произнося ни слова, молча смотрела на него. Так смотрела она на него однажды, в новогоднюю ночь 1927 года, когда их обоих уже оглушил грохот разлетающегося на куски мира: смотрела через стол в продолжение всего ужина, сидя между греческим арматором и британским ди-

пломатом, покуда ее муж говорил то с соседкой справа — женой арматора, то с соседкой слева — итальянской певицей. В былые времена Кательос развлекался наблюдениями за мужчинами, добиваясь благосклонности их жен, но те времена прошли, а женщина, которую он вожделел, теперь принадлежала ему, и кроме того, он начал любить свою прекрасную добычу. Но оказалось вдобавок, что уже слишком поздно. Через неделю Лена появилась в борделе высшего разряда, завсегдатаем которого был барон, и, с ледяным спокойствием выложив огромные деньги, сняла там самый роскошный номер и каллиграфически написанной записочкой — барон до сих пор хранил ее — уведомила его, что он, сидя с бутылкой шампанского, под льющийся из граммофона голос Берты Сильвы будет наблюдать, как его жена отдается другому — юному красавчику-официанту из отеля «Кинг Джордж», тщательно отобранному для этой затеи. Кательос сидел неподвижно, созерцая все происходившее, и, когда она отослала официанта, а сама осталась в постели, на смятых простынях, он наконец поднялся, сбросил с себя одежду, и они предались любви с каким-то животным исступлением, которое было неведомо им никогда

прежде и которому никогда больше не суждено было повториться, потому что с того дня Лена закрыла мужу доступ к своему телу. Никогда ни одна женщина не отдавалась ему с таким безоглядным, оскорбительным неистовством, как она в эту их последнюю ночь. «Я прощаюсь с тобой», — прошептала она, причем и голос ее, и сопровождавший его взгляд выражали нечто такое, чего барон тогда не сумел истолковать, и с той минуты навсегда отказала ему, и это притом, что вскоре, к вящему удивлению Кательоса, пожелала последовать за ним на остров, разделив с мужем это добровольное изгнание.

— Я была на Сиросе, — сказала Лена.

— Я так и предполагал, — повернувшись к ней спиной, барон подошел к бару и наполнил два бокала коньяком. — *Etiez-vous seule cette fois-ci?*

– *Non*[68].

— А-а… Погоди-ка, дай я угадаю.

Он обернулся к ней с бокалами в руках и один протянул ей. Она взяла, но не поднесла к губам, меж тем как барон отпил из своего.

— Угадаешь.

Он невозмутимо кивнул. И подумал, что про-

[68] Notes: 68
— Одна на этот раз?
— Нет *(фр.)*.

никать в сокровенные тайны иных женщин — то же, что углубляться в секретные глубины крепости. Совершать увлекательные экскурсии по лабиринтам укреплений, уточнил он и приподнял бокал, прежде чем сделать очередной глоток. Удивительно, что вы, греки, в драматических ситуациях никогда не жестикулируете, сказала она ему однажды. Ломая средиземноморский стереотип, остаетесь неподвижны и немы, но взглядом красноречиво предупреждаете об опасности.

Лена сделала наконец глоток:

— Твое здоровье.

Кательос не спускал с нее глаз, а она не отводила своих. Он вспомнил, какой была она пятнадцать лет назад, когда была еще любящей женой и так разительно отличалась от тех, кого во время медового месяца постоянно мучает неисцелимая мигрень. И даже потом, когда настало время отчужденного молчания, она не нуждалась в том, чтобы прибегать к увертками и отговоркам. Одним взглядом — вот таким, как сейчас, — она могла отбить у него охоту дотрагиваться до нее. И он к этому привык. Привык к этой диковинной судьбе — к обоюдной мести, сплетенной из наказания, покорности и раскаяния.

— Ну и каков он?

Она склонила голову набок, будто и в самом деле задумавшись над ответом:

— Спокойный. Из тех, на кого можно рассчитывать в минуты хаоса.

— Грубоват? Он ведь все же моряк.

— Не очень. Скорее приятен.

Кательос заставлял себя сохранять непринужденный тон. У него это уже вошло в привычку — сказывались те десять лет, что она уносилась и возвращалась на своей моторке.

— Мужествен?

— Более чем.

— По виду он могуч, как настоящий викинг…

— Не только по виду.

Барон показал на ее руку, скрытую под рукавом тельняшки:

— В программе было и это?..

— Да.

Он сделал еще глоток и задумался, а потом произнес ровным, задумчивым тоном:

— Когда-нибудь я не совладаю с желанием съездить на Сирос и убить этого доктора.

И увидел, как она насмешливо подняла бровь.

— Слишком многих там тебе придется убить. — Лена помедлила, словно оценивая его. — А ты не из тех, кто убивает.

— Кроликов же я убиваю.

Она промолчала, ограничившись таким же взглядом, что и прежде.

— А почему бы и нет? — сказал он, помолчав. — У меня есть пара великолепных ружей… И потом, я ведь грек, а грек убивает от любви, из ревности, в отместку, ради денег или чтобы спать спокойно. — Он состроил саркастическую гримасу, отдаленно напоминающую улыбку. — Мы, греки, всегда найдем, из-за чего убить.

— А доведется — и меня тоже?

— Почему бы и нет? — повторил он. — Почему я должен оставлять тебя в руках Менелая и ахейцев?

Лена пожала плечами и поставила бокал на стол:

— Зачем кого-то убивать, если мы и так умираем?

С этими словами она повернулась и направилась к лестнице, ведущей в спальни. Барон не шевельнулся и смотрел ей вслед, покуда она не скрылась из виду, потом допил коньяк и какое-то время сидел неподвижно. Он вспомнил, что впервые увидел, как по-настоящему смеется эта женщина — в ту пору она звалась Лена Меншикова и вела себя, как парижская модель, которой

была еще несколько недель назад, — смеется чистосердечно, полнозвучно, безудержно, откинув голову, сияя глазами. Они тогда только что познакомились: в VIP-зале «Спортинг-клуба» в Монте-Карло мраморный шарик замер под номером, поставив на который она впервые в жизни выиграла. В этот самый миг барон с удивлением понял: во что бы то ни стало он должен жениться на женщине, способной от выигрыша в рулетку так смеяться; а в последний раз этот ее смех прозвучал пять лет спустя, незадолго до того, что случилось в Афинах, в ответ на какую-то его немудрящую реплику, о которой он и сам уже позабыл.

Барон, пройдя мимо «Резни на Хиосе», поднялся на второй этаж. В спальне все было уже приготовлено — на кровати лежала сложенная пижама, настольная лампа и люстра зажжены, на столике стоял накрытый стаканом стеклянный графин с водой, а книга, которую он читал сейчас, — «Письма к сыну» лорда Честерфилда — заложена закладкой в нужном месте. Он оглядел все это со спокойной печалью. Потом после недолгого раздумья направился к двери, соединявшей его спальню со спальней жены. Остановился и замер на выложенном черно-белыми плитками полу,

постучал и выждал, но ответа не получил. Тогда нажал на ручку и вошел; в комнате горел только канделябр с тремя свечами, но этого было довольно, чтобы различить в полумраке Лену, которая в том же самом платье, взбитом выше пояса, лежала на кровати и, разведя бедра, мастурбировала. При виде Кательоса она, не прекращая своего занятия, окинула его взглядом, лишенным всякого выражения. И не отводила глаз, покуда он, отступив, не вышел из спальни и очень медленно не прикрыл за собой дверь.

Сердце мертвой женщины, думал он, надевая пижаму, не оживет никогда.

9. Сезон охоты

За две последние апрельские недели, пользуясь тем, что в западной части Эгейского моря установилась хорошая погода, Хордан и его люди торпедировали и потопили еще три судна, шедшие с Черного моря: советские «Николай Чернышевский» и «Светлоград» — севернее острова Андрос, а испанское «Сьерра-Бермеха», двигавшееся под фальшивым британским флагом, — в проливе между Тиносом и Миконосом. Это означало для Республики потерю двух военных грузов и еще нескольких тонн продовольствия и украинской пшеницы. Все три атаки происходили ночью, в условиях плохой видимости, а показания выживших моряков с двух сухогрузов — третий, «Светлоград», затонул так стремительно, что экипаж погиб в полном составе, — оказались противоречивы: одни говорили, что были атакованы подводной лодкой, другие — что какой-то быстроходный корабль выпустил по ним две торпеды и обстрелял из орудий.

Мигеля Хордана вызвали в Афины. В приказе были четко указаны день и час, и один из каиков

доставил его в порт Пирея, где он купил газеты и на такси добрался до греческой столицы. Он был в пиджаке и мятых фланелевых брюках, а на рынке Монастираки купил шляпу и галстук. Револьвер оставил на острове.

Он никогда прежде не бывал в отеле «Великобритания». Пересекая роскошный холл, украшенный большим греческим флагом, капитан взглянул на часы и убедился, что прибыл слишком рано, а потому направился в бар, выбрал неприметный столик под разноцветной стеклянной витриной между большими горшками с пальмами и папоротниками, заказал кофе и стакан воды. Спустя пятнадцать минут расплатился, встал и зашагал к лифтам.

Молоденький лифтер доставил его на пятый этаж, и Хордан по ковровой дорожке коридора дошел до нужного номера. И когда в ответ на стук дверь распахнулась, капитан первого ранга Навиа-Осорио в штатском, без пиджака, в расстегнутом жилете и с полураспущенным галстуком встретил его улыбкой и восклицанием:

— А вот и наш дорогой корсар!

Испанец занимал просторный двойной номер с балконами, откуда открывался вид на Акрополь. В углу вокруг стола с бутылками, журналами и

картонными папками стояли кресла, в одно из которых он усадил Хордана.

— Великолепная работа, — сказал он, кивая в такт словам. — В самом деле, превосходная. Передаю вам поздравление от вице-адмирала Серверы лично.

— Пока что нам сопутствует удача, — ответил Хордан.

— Не скромничайте, это больше чем удача. — Навиа-Осорио уселся напротив. — «Ллойд» поднял страховые взносы для судов, идущих в этих зонах… Четыре единицы за месяц с небольшим — это замечательно. За это время вся наша эскадра потопила в Средиземном и Кантабрийском морях только пять судов.

— А как там идут дела в Испании?

— Да в целом недурно. Само собой, триумфальные сводки сильно приукрашивают положение, но, знаете ли, положение неплохое. Вполне прилично на море, медленно на суше, однако идут… Наступление на Бильбао развивается. Что касается международного положения, то американский Конгресс вот-вот одобрит закон о нейтралитете, а это, по сути, отрадная новость.

— А что произошло в Гернике?.. Сегодня утром прочел в газетах.

Навиа-Осорио заметно помрачнел.

— Так оно и есть, — сказал он, немного помолчав. — Красные сожгли город.

— Пишут, будто это работа нашей авиации — германской или итальянской. И большие жертвы среди мирных жителей.

Капитан первого ранга, нетерпеливо заморгав, сумел наконец растянуть губы в улыбке. Взгляд стал осторожным и жестким.

— Кому вы больше верите? Заграничной прессе или генштабу каудильо?

— Разумеется, генштабу, — не сразу ответил Хордан.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Потом Навиа-Осорио изобразил жестом, что перелистывает страницу, и согнал с лица улыбку.

— Есть дела поважнее, Хордан. Ради этого, помимо прочего, я и оказался здесь. Сами понимаете, ваши успехи радуют не всех.

— Этого следовало ожидать.

— Греческие власти дали нам понять… Метаксас на нашей стороне, однако обязан держаться в рамках. А наши подвиги в Эгейском море начинают вызывать слишком много шума… Понимаете?

— Мы же знали, что рано или поздно это произойдет.

— Конечно. О том и речь. О том, что рано. Мы и не предполагали, что вы будете действовать столь эффективно. И, само собой, что это привлечет к себе такое внимание. Тем паче что англичане начнут вынюхивать.

Хордану не понравилось услышанное. Вмешательство англичан было чревато неприятностями.

— И как именно?

— Кое-какие суда шли под британским флагом, истинным или фальшивым. А вы знаете, каковы эти спесивые островитяне. Теперь, чтобы гарантировать безопасность в этих водах, они решили отправить со своих баз на Мальте или в Александрии боевой корабль — фрегат или эсминец.

Хордан прикинул в уме мили, зоны и перспективы.

— Скверно.

— Да… Может быть очень скверно. Будьте поосторожнее.

С этими словами он поднялся и подошел к балкону. Открыл застекленную дверь и поманил к себе Хордана. Тот присоединился к нему. Пятью этажами ниже простиралась и бурлила площадь

Синтагма.

— Красивое место, — сказал Навиа-Осорио, рассматривая Акрополь. — Ну а вы, потомок Сократа, Леонида и прочих, как чувствуете себя в отчем, вернее, материнском краю? Дает ли себя знать ваша греческая кровь? Вам нравится здесь?

— Здесь приятно.

— Вероятно, помогает знание языка?

— Да.

Навиа-Осорио задумался.

— Красные в таком бешенстве, что искры сыплются… И засыпали нотами протеста Лигу Наций, — проговорил он наконец. — И не дают покоя грекам, требуя усилить контроль в территориальных водах. Выбор у них невелик: либо их транспорты пойдут из России длинным и сложным маршрутом через север Европы, но мы их будем караулить в Кантабрийском море, либо им останется прежний путь. А там их ждет ловушка в Эгейском море и ваш торпедный катер.

— Мы еще можем сваливать вину на итальянцев?

— Пока это удавалось. Они, разумеется, все отрицают, как отрицают и действия своих субмарин. Вопрос в том, долго ли удастся морочить республиканцам голову.

— Рано или поздно вскроется, — со вздохом сказал Хордан.

— Надеемся, что поздно, а не рано. Мы тратим огромные деньги на терпение греческих властей, памятуя, что одной идеологией сыт не будешь… И наши германские друзья, разумеется, довольны тем, как показал себя катер «S-семь» в реальных боевых условиях. И шлют вам поздравления.

Разглядывая площадь, оба оперлись о кованые перила балкона. Слева, на эспланаде перед президентским дворцом, шла смена караула и, похожие сверху на оловянных солдатиков, медленно перестраивались часовые.

— Ваша кампания, конечно, — это вопрос времени, — продолжал Навиа-Осорио. — Метаксас, несомненно, когда-нибудь потребует свернуть базу, и наш фланг оголится. Уже сейчас ползут шепотки, что мы сильно осложнили жизнь греческим властям и что им нельзя до бесконечности делать вид, будто они ничего не замечают.

Он умолк, разглядывая площадь. Потом по лицу его скользнула улыбка, легкая и неопределенная.

— Надо будет ускориться, Хордан.

— Сколько нам осталось?

— Не знаю. И никто не знает.

— Но все же я должен понимать, как действовать.

— Это зависит от того, каковы будут действия. Привлекут ли они к себе внимание или нет.

— Надеюсь, на меня не взвалят всю ответственность.

— Нет-нет, об этом и речи нет. — Навиа-Осорио сощурился, словно от яркого света. — Мы вас прикроем, в обиду не дадим.

— И все же хотелось бы знать сроки. Определить запас прочности, — сказал Хордан.

Его собеседник безразлично пожал плечами, сунул руки в карманы брюк.

— Я бы не рассчитывал больше чем на пять-шесть недель… Плюс-минус.

И с этими словами направился в номер. Хордан шагнул следом.

— Любой просчет, случайность, незапланированное происшествие могут сократить этот срок. Попытайтесь его растянуть. В любом случае вы должны использовать последний сезон охоты… Взгляните, капитан.

Он снова присел к столу, жестом приглашая Хордана присоединиться, и открыл папки с документами:

— Наша разведслужба засекла в Черном море

еще три судна, проходящие у русских под литерой У, — советское, испанское и французское. О последнем забудьте — у мыса Бон его будут караулить наши крейсера… Что касается двух остальных, недурно будет увенчать ими кампанию.

— И когда же ожидается их выход?

— В рамках того срока, о котором мы и толкуем. Как у вас боеприпасами?

— Комплект. Несколько дней назад плавбаза доставила нам запас торпед.

— Теперь еще надо будет, чтобы она не задерживалась в этих водах, — она стала слишком заметна. Сейчас перебазируем ее на Кипр… Вы обеспечены всем необходимым?

— В настоящий момент да.

Навиа-Осорио вытащил из папки отпечатанные листки и разложил их на столе:

— По-моему, шесть потопленных судов хороши были бы для ровного счета — а как по-вашему?

— Я того же мнения.

— Снимки прихватили?

— Да.

Хордан извлек из кармана конверт, избавляясь от него с облегчением. Навиа-Осорио с довольным видом просмотрел фотографии.

— Прекрасно, — сказал он наконец. — Нашим германским друзьям понравится. Один из их *Schnellboote* в реальном боестолкновении… Отличная работа.

Он сложил снимки в папку и показал на бумаги, разложенные по столу:

— Вот сведения о замеченных транспортах. Будут новости — уведомим вас.

Хордан внимательно просмотрел материалы. Тут были фотографии, документация, накладные на груз, названия судов, тоннаж, списки экипажей. Точность поражала. Франкистская разведка, убедился Хордан, поработала на славу.

— Запишите все, что вам может понадобиться… Снимки можете забрать. Пригодятся, когда надо будет опознать суда в море.

Хордан достал ручку и, оторвав от листка почтовой бумаги название и адрес отеля, сделал несколько заметок.

— «Сьерра-Бермеха» в самом деле оказал сопротивление? — спросил Навиа-Осорио.

Хордан кивнул, не отрываясь от записей:

— Попытался… Первая торпеда его не потопила, а у него на корме стояла пушечка… Он подал сигнал QQQ, сообщая, что подвергся нападению, и открыл по нам огонь вслепую, покуда мы ма-

неврировали, чтобы пустить вторую торпеду. Она его и добила.

— Храбрые люди оказались эти красные моряки, — одобрительно сказал Навиа-Осорио. — Испанцы, да?

— Похоже на то. В большинстве своем астурийцы. Греческие рыбаки их подобрали.

— И почти все выжили, насколько я понимаю?

— Двадцать два человека из двадцати девяти.

Он замолчал на миг, вспоминая вспышки выстрелов из маленькой пушки на корме «купца», грохот «Эрликонов», поливавших его очередями между первым и вторым пуском, металлический лязг гильз, катавшихся по палубе от качки. И отблеск пламени на подбитом и наконец-то побежденном судне, которое медленно и почти изящно — есть корабли, умеющие погибать красиво, — соскальзывало в семисотметровую бездну.

— Как ваши люди? — Теперь Навиа-Осорио смотрел на него внимательно. — Судя по результатам, экипаж подобрался толковый.

— Так и есть. Дело свое знают.

— Были сложности, трения?

— Никаких.

— С субординацией, дисциплиной?

— Ни разу.

— Никто из них не спрашивал, что вы там делаете? За кем гоняетесь?

— Ну они же не идиоты. Все знают, но вопросов не задают. Это наемники, и их счета в Афинах регулярно пополняются.

— А то, что причитается вам, мы, как вы и хотели, переводим вашей жене.

— Это остается в силе.

Хордан дописал свои заметки, дождался, когда высохнут чернила, сложил листочки вдвое и рассовал по карманам вместе с фотоснимками судов.

— Какие у вас отношения с владельцем острова — этим самым бароном Кательосом?

Хордан, не ожидавший такого вопроса, ответил не сразу.

— Хорошие отношения, — ровным голосом сказал он.

— А команда познакомилась с ним лично?

— Он наш, так сказать, амфитрион. Но не вмешивается.

— Живет и дает жить другим?

— Именно так.

Навиа-Осорио налил в стакан английского виски, добавил воды из сифона и предложил

Хордану, который молча качнул головой.

— Вот что вам непременно следует иметь в виду, — сказал капитан первого ранга. — Ваш катер ни при каких обстоятельствах не должен быть захвачен противником. Понимаете?

— Понимаю.

— Если что-то вдруг пойдет не так, примите все меры к тому, чтобы катер был уничтожен… И это понятно?

— Да.

— Если кто-то из ваших людей окажется в плену, все равно у кого — у русских ли, у англичан, у греков, — вы должны будете отрицать все, что они скажут. Это главное. Вы следите за моей мыслью?

— Пристально.

Навиа-Осорио сделал еще глоток.

— Помните, что это не ваш случай. Вы офицер испанского национального военно-морского флота и в плен попасть не имеете права. Если же все-таки это случится, мы заявим, что понятия не имеем, кто вы такой. Поэтому мы вас снабдили подложным паспортом и доставили сюда без официальных документов. — Он поставил стакан на стол и взглянул на Хордана. — Понятно?

— Мне это было понятно с самого начала.

— Когда все останется позади и вы вернетесь на родину, все будет иначе. Наверно, вам приятно будет узнать, что вице-адмирал Сервера представил вас к награждению Крестом за военно-морские заслуги. — При этих словах он скептически скривил губы. — Впрочем, немного зная вас, я сказал бы, что вы не из тех, кого тешат награды.

— Вы правы, — кивнул Хордан. — Совсем не тешат.

Рослый, тучный Сальвадор Лонкар и щуплый, маленький Пепе Ордовас вышли из ресторана. По словам Пепе, обед, выдержанный в международном духе, удался: русские закуски под водку, утка с апельсинами под французское вино и в качестве заключительного аккорда — по бокалу «Хеннесси» и чашечке турецкого кофе, оставляющего на дне гущу в палец толщиной. День был погожий, солнце грело, но не жгло, и два агента — закадычные враги — шагали рядом по улице Истикляль в сторону Золотого Рога. За обедом беседа шла о мировой политике, о варварстве японских войск в Китае, о последних новостях из Европы, о шахматном турнире, открывшемся в Гаване. Первым заговорил о делах Лонкар:

— Ну, теперь, когда мы отобедали, Пепе, расскажи-ка мне кое-что.

— Что именно?

— Сам знаешь… Про торпедные атаки в Эгейском море.

Еще шагов десять они прошли молча. Потом франкист остановился. Бритое лисье личико было обращено не к собеседнику, а на запад, где над куполами и крышами высились минареты Айя-Софии и Голубой мечети.

— Это не мы, — наконец ответил он.

Теперь он рассматривал свои блестящие черно-белые башмаки. Лонкар терпеливо вздохнул:

— Пепе. Ну-ка, погляди на меня.

Ордовас, сбив на затылок шляпу, поднял к нему голову:

— Ну гляжу… И дальше что?

— Похож я на дурака?

— Твою же мать, говорят тебе — это не мы! — угадал Ордовас язвительную подоплеку вопроса. — С итальянцев спрашивай.

— Итальянцы — все равно что вы. А вернее, вы и есть, только с торпедными катерами.

— А при чем тут катера? Кто говорит о катерах? Скорее всего, это субмарины.

— Да пошел ты…

Лонкар сделал несколько шагов, оставив Ордоваса. Тот поспешил его догнать:

— Такая чудесная была жратва… Не будем портить послевкусие.

Лонкар снова остановился:

— А ведь я тебе столько сведений напередавал — и каких! И про этот танкер, который вы сожгли несколько недель назад. И венгерского торговца оружием, которого вы недавно хлопнули в загребском отеле «Эспланада», я сдал тебе с потрохами, а ведь он должен был поставить три тысячи винтовок Мосина — Нагана и полмиллиона патронов… А ты в ответ даже на собачью какашку не расщедрился.

— Ну, положим, венгр погорел из-за того, что язык за зубами держать не умел, — возразил Ордовас. — Проку от него уже никакого не было.

— Не важно. Ты забил гол, и это главное. А я остался с пустыми руками.

— Да? А кто тебе рассказал про новую контору в Бухаресте и про нефть в Плоешти?

— Толку-то от этого?

Сказав то, что сказал, и так, как нужно было сказать, республиканец сделал таинственную и давно обдуманную паузу. Он даже отрепетировал перед зеркалом выражение лица. Ибо на собственном опыте давно уже убедился: истинная история никогда не звучит так правдиво и не

живет так долго, как удачно выдуманная.

— А я вот для тебя припас кое-что, — сказал он с напускной небрежностью. — И, как мне кажется, даже слишком замечательное…

И не прибавил к сказанному ни слова. Двинулся дальше, а Ордовас засеменил рядом, искоса глядя на него.

— Об Эгейском море у меня мало информации, — сказал он.

— Когда я тебе это кое-что поведаю, ее прибавится, не сомневайся.

Ордовас, с сомнением опустив углы рта, прошел несколько шагов молча. Он, казалось, борется с собственной осторожностью.

— Может, ты и прав… — пробормотал он. — И никакие это не субмарины…

Лонкар окинул его пренебрежительным взглядом:

— Тоже мне новость. Сейчас это уже вполне очевидно. Ты мне расскажи такое, чего я не знаю.

— Не исключено, что действуют торпедные катера… — Ордовас осекся, как если бы продолжение фразы давалось ему с трудом. — Итальянские, разумеется.

— Откуда они берутся? С корабля или с прибрежных баз?

— Вот чего не знаю, того не знаю.

— Без участия греческих властей подобное было бы невозможно.

— Сам поставь тут многоточие.

— Вот же твари.

Они тем временем вышли к причалам у Галатского моста, который как раз в эту минуту начали разводить, пропуская какое-то судно. На другом берегу в солнечном треугольнике загорелся золотом вокзал Сиркеджи.

— Клянусь тебе, это все, что мне известно, — сказал Ордовас. — Так что ты мне можешь дать?

Лонкар сделал вид, что колеблется. Провел ногтем по усам. Взглянул на рыбаков, которые зазывали покупателей, балансировали на палубе своих баркасов и, не боясь открытого огня, жарили в масле ставриду и камбалу.

— Такой особенный кораблик… Но на этот раз тебе придется заплатить.

Ордовас снял шляпу и, пригладив оставшиеся волосы, снова ее надел. Он, казалось, был сбит с толку. Крупные уши усиливали его сходство с лисицей.

— О чем идет речь?

— Тысяча фунтов стерлингов или столько же в пересчете на доллары.

— Ого…

— Да, вот так.

В глазах франкиста вспыхнули огоньки опасливой алчности. Облизнув губы, он медленно ими пошевелил, но не произнес ни слова.

— Это за что ж такой куш? — наконец выговорил он. — Я ведь деньги не печатаю…

— За то, что я расскажу о крупнейшей за всю войну поставке военных грузов.

— Шутишь, что ли?

— Сам знаешь, что нет.

Ордовас задержал дыхание. Лонкару показалось, что он слышит, как крутятся шестеренки в голове франкиста.

— Конкретней!

— Нет.

— Ради твоей матери, Сальвадор!..

— Мать мою сюда не впутывай… Она святая женщина и придерживается левых взглядов, как и мой покойный отец.

— Ну прости, прости. Но все же пролей немного света.

Республиканский агент дал ему еще немного потомиться под крышкой и наконец сказал:

— Ничего не пролью, пока не договоримся.

— Намекни, по крайней мере, о чем речь.

Лонкар сделал вид, что в нем борются осторожность и боязнь упустить удобный случай.

— В ближайшие недели из Черного моря выйдут новые транспорты, — как бы вскользь сказал он.

— Ну ясно… Нам это известно.

— И среди них будет один особенный.

Огонек интереса в глазах Ордоваса разгорелся ярче, и он чуть сощурился, словно желая его скрыть:

— Испанский или русский?

— Узнаешь, когда ввяжешься и если ввяжешься.

— Ну и что там особенного? Что за груз?

Лонкар в очередной раз разыграл сомнения и внутреннюю борьбу.

— Серьезный груз, важный и такой объемистый, что еле поместился на судно, — наконец вымолвил он. — Самолеты, а при них тридцать советских пилотов и техников.

В голосе Ордоваса зазвучали разом недоверие, опасение и надежда — весь набор чувств, которые всколыхнула в его душе эта новость.

— Вот это да… Так мы о нем толкуем?

— О нем.

— О-ох ты… ни хрена себе…

— Вот именно.

— И что еще ты мне можешь рассказать?

— Больше ничего, пока не увижу деньги — половину вперед, половину по завершении дела.

Ордовас закусил нижнюю губу, а потом ответил:

— Мне надо проконсультироваться…

— Смотри, паренек, поздно будет. Поздно.

Они помолчали; вокруг пахло рыбой, свежевыловленной и только что изжаренной; в ближайшем кафе на том же причале несколько усачей играли в домино. Стук костяшек о мраморный стол и смех игроков перемешивались с голосами рыбаков, расхваливавших свой товар. Время от времени Ордовас искоса поглядывал на Лонкара, словно пытаясь угадать, о чем тот думает.

— Ты никогда раньше не просил денег.

Лонкар непринужденно пожал плечами:

— И ты тоже.

— А почему сейчас?

Лонкар вздохнул. В этой ситуации ему не надо было стараться, чтобы ответ прозвучал искренно. Он сам собой получился естественным и правдоподобным, как сама жизнь:

— Я начал уставать, Пепе… А Республика — проигрывать войну.

Вернувшись после двухдневного отсутствия на

остров, Хордан с ходу почувствовал, что встретивший его Иоаннис Элеонас чем-то встревожен. За то время, что они провели рядом, он научился распознавать душевное состояние штурмана, чья озабоченность проявлялась всего лишь в долгих, задумчивых паузах, в том, что не сразу отвечал на вопросы или высказывал свое мнение, так что казалось, будто он, тщательно отбирая каждое слово и жест, сначала взвешивает их на невидимых весах инстинкта и разума.

— Все благополучно, штурман?

Они сидели в потемках в домике Хордана. Уже настал вечер, и Элеонас не спешил уходить. Это вошло у них в привычку: перед тем как команда уходила спать, штурман всегда сообщал капитану новости. В ста шагах виднелись силуэты моряков, сидевших вокруг медленно догорающего костра. Слышно было, как рулевой Тео Катракис поет по-гречески морскую песенку, а остальные время от времени со смехом подхватывают хором.

— Все, да не все. Благополучно, да не вполне, — вымолвил наконец Элеонас.

— Люди в порядке?

— Ведут себя нормально. Крутят с Сенобией, платят мужу, так что с этим хлопот не возникает. Жалоб нет, кормежкой все довольны.

— Как Зингер?

Штурман немного подумал.

— Голландец малоприятный парень, но держится в рамках. — Он снова помолчал, размышляя. — Хотя вас не уважает. Вечером мне пришлось призвать его к порядку. Он позволил себе сболтнуть лишнее о баронессе Кательос.

Хордан выжидательно молчал. Штурман заговорил снова:

— Я фискалить и ябедничать не люблю, *капетанье*. И заговорил об этом потому лишь…

— Понимаю почему, — прервал его Хордан. — Дальше!

— Да ничего дальше не было. Зингер сказал сальность, я приказал ему заткнуться, и он заткнулся.

— А что радист? Держится? Не пьет?

— Ни капли. Бобби славный малый. Юморок у него такой… своеобразный: люди немного шалеют от него, однако не обижаются. Хороший он человек.

— Ну так в чем же все-таки дело? Что стряслось, штурман?

— Не на острове. Там. — Он показал на темную тень катера. — Нынче утром «Каризия» доставила нам припасы. Я поговорил с хозяином каика,

со старым Петросом.

Он снова замолчал. Поднял голову к небу, и в глазах отразились звезды. Взглянул вверх и Хордан. По морской привычке мысленно прочертил линию от Полярной звезды к Капелле, а от нее к Плеядам.

— И он сказал мне, что греческие таможенники в последние дни шустрят больше обычного.

— Насколько больше?

— В этих водах он видел их трижды, а между Андросом и Тиносом они его остановили и поднялись на борт для досмотра.

— Раньше такого не бывало.

— Никогда.

Новость обеспокоила Хордана. На рыболовных судах нечасто ставят радиопередатчики такого класса. Слишком очевидно.

— Таможенники заметили радиотелеграф?

— Заметили, но промолчали. И вот это странно. Странно, что не сказали ни слова.

— Как вы это толкуете, штурман?

— Толковать мне не по чину.

— Да-да, но сейчас я вас прошу. Что думаете об этом?

— Могу сказать лишь то, что слышал от Петроса.

— И что же?

— Он полагает, греки дают нам понять, что они в курсе дела. И предупреждают нас.

— Угрожают?

— Пока всего лишь предупреждают.

Оба продолжали рассматривать звезды. Хордан перевел взгляд со сверкающей россыпи Плеяд на одинокий Альдебаран. Штурман пошевелился, но остался сидеть.

— Не знаю, кто и как распространил это за пределы нашего острова, да и не хочу знать. Однако есть такие дела, которые, пройдя определенный этап, перестают быть тайными. И это плохо для всех. Не знаю, сколько времени…

— Я понимаю, о чем вы.

Костерок на берегу превратился в груду раскаленных углей. Рулевой оборвал песню, и темные силуэты моряков потянулись к пакгаузу. В ответ на чью-то шутку послышался смех. По всему судя, команда была в хорошем настроении.

— Я уже говорил, что впервые вышел в море совсем еще мальчишкой, — неожиданно проговорил Элеонас. — И отец мой, и дед были рыбаками и контрабандистами, как и все мужчины в наших краях. Дед погиб в кораблекрушении вместе с братьями и зятьями, отца убили турки. Я его

плохо помню, однако кое-что из того, что слышал от него, не забуду никогда.

Элеонас поднялся. Он был не склонен к душевным излияниям, и потому Хордан с особым вниманием слушал его сейчас. Тот говорил медленно, словно обдумывая каждое слово перед тем, как произнести.

— Раз в год, говорил отец, сатана празднует свои именины… И в этот день в море лучше не выходить.

Он снова помолчал. Перед Хорданом темнел его массивный неподвижный силуэт, будто врезанный в истыканное булавками звезд небо.

— Вся штука в том, *капетанье* Михалис, чтобы угадать, когда придет этот день.

Пантелис Кательос прицелился и спустил один из двух курков: кролик, взметнув облако пыли, подскочил в воздухе, прежде чем растянуться на земле. Довольный барон перезарядил ружье, подошел к убитому зверьку и, взяв его за задние ноги, подвесил к поясу. Раньше он охотился с собакой, славным лабрадором по кличке Аякс, но тот одряхлел и ослеп, так что Кательос однажды вывел его на последнюю прогулку и, угостив напоследок добрым куском свежего мяса, застрелил и зарыл под единственным на острове ореховым

деревом. Он очень любил этого пса, а потому нового решил не заводить. И с тех пор выходил на охоту один.

Стволы ружья еще не успели остыть. Это было его любимое охотничье ружье — изящная двустволка 12-го калибра со стальными 70-сантиметровыми стволами «Уитворт»: фирма «Пёрдэй» изготовила его по заказу в своей лондонской мастерской на Саут-Одли-стрит. Задумаю когда-нибудь покончить с собой или пристрелить кого-нибудь, восхищенно сказал барон, принимая оружие из рук приказчика, — использую только ваше изделие.

Он повесил ружье на правое плечо — конечно, носить такое оружие на ремне было дурным тоном, но удобней — и двинулся по дороге, пересекавшей остров с запада на восток. Барон надел на охоту поношенный твидовый «Харрис» с замшевыми заплатами на локтях, полотняные брюки и шляпу-панаму, знававшую лучшие времена. Небосклон был чист: лишь на юго-западе, за двенадцатимильной спокойной малахитовой гладью между островами Кея и Китнос, тянулась линия облаков.

Вскоре он заметил за сухими кустами еще одного кролика. Кательос снял с плеча ружье

и прицелился, но что-то в поведении зверька заставило его задержать палец на спуске: кролик был неподвижен, появление охотника его не спугнуло. Он не попытался удрать незамеченным, но стоял на четырех ногах, вздернув, а не прижав уши, и смотрел на человека. Какой отважный зверек, подумал барон. Какое презрение к смертоносному свинцу. А может быть, просто дурачок, неспособный предугадать гибельный град, который сейчас обрушится на него? Или он болен и ему уже все безразлично? Впрочем, если наделять его разумом, можно вообразить, что ему опротивел весь мир и он мечтает, чтобы кто-нибудь оборвал нить его жизни: это кролик-стоик, кролик-самоубийца, ищущий цикуту Сократа или меч Катона. И сознающий, что в минуты, которые отделяют жизнь от смерти, убежать значит всего лишь умереть чуточку позже.

Через полминуты Кательос опустил ружье, повесил его на плечо и продолжил путь. И думал о кролике, покорно и спокойно приемлющем свой удел; о пейзаже на острове, о море и мире, от которых он был так далек. Всю свою жизнь люди бродят вокруг собственной могилы и отличаются друг от друга тем лишь, как предстают перед ней. Порою, вот как сейчас, но все чаще и чаще барон

чувствовал себя равнодушным наблюдателем, подобным тому римлянину, который смотрел из окна своей библиотеки, как варвары грабят Рим, насилуют почтенных матрон, убивают богатых горожан в их жилищах, как толпа несется по улицам с криками ужаса, как пылают — разумеется, вместе со жрецами — храмы древних богов. А вы чего ожидали, глупцы, думал, наверно, тот римлянин, поднося к губам последний кубок с вином из своего погреба, который в самом скором времени будет опустошен, как и весь город. И, быть может, жалея, что уже слишком стар, чтобы присоединиться к варварам.

Он обсуждал это с женой до того, как затвориться на острове, когда они еще путешествовали по Европе и их разговоры еще не сменились сплошными паузами. Они позавтракали в неаполитанском отеле «Везувий», выходившем на замок и маленькую гавань, которые были припорошены снегом, потому что город накрыла небывалая даже для января метель. Барон, как уже повелось к этому времени, произносил монологи, мрачно и горестно сетуя на то, сколько всего унесла с собой последняя война: неизбежный финал безнадежно гибнущей эпохи. Европа нуждается в силе, говорил он, глядя на балкон,

еще мрачнее обычного — вероятно, из-за скверной погоды. Она перестала вырабатывать идеи, влияющие на мир. Англии, Италии, Германии, Греции не хватает решимости и воли. Даже варвары теперь стали вульгарны: их сменили анархисты, коммунисты, нацисты или фашисты, претендующие на место за нашим общим столом. И в этот миг Лена, лежавшая на кровати в белом бурнусе и с чашкой кофе в руках, молча окинула мужа долгим взглядом, прежде чем саркастически произнести слова, которые навсегда отбили у барона охоту к подобным сетованиям:

— Естественно, что тебя беспокоит твоя бедная Европа. Если все усядутся за стол, кто будет подавать?

Рядом с дорогой высились развалины тюрьмы — лишенной крыши, с выщербленными стенами, с окнами, сквозь которые виднелось небо. Разум способен воспринимать только знаки, подумал барон, и эти свидетельствовали о *finis terrae*[69]. А склонность к возведению тюрем — или нужда в этом — есть один из явных знаков Истории: наравне с тягой человека к зачатию и к убийству она относится к числу древнейших.

---

[69] Notes: 69
Край света *(лат.)*.

Выбрав тенистый уголок, барон прислонил к стене ружье, повесил на него патронташ с притороченным к нему кроликом и достал книжку *in octavo*[70] — старинное издание «Писем к немецкой принцессе…» Эйлера[71], присел и погрузился в чтение:

Верят (с полным основанием), что Бог действительно желает счастья людям, и очень удивляются тому, что устройство нашего мира так отличается от плана, который, как им представляется, наиболее пригоден для достижения этой цели…

И улыбнулся про себя. Разные есть способы реагировать на подобное удивление, которое разум рано или поздно сделает неизбежным, и барон выбрал для себя безразличное пассивное созерца-

---

[70] Notes: 70

Букв. одна восьмая *(лат.)* — книжный формат в одну восьмую печатного листа; стал популярным в конце XV — начале XVI века.

[71] Notes: 71

«Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях» («Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie», 1760–1762) — сборник из 234 писем швейцарского, прусского и российского математика и физика Леонарда Эйлера (1707–1783) к прусской принцессе Фредерике-Шарлотте Бранденбург-Шведт и ее сестре Луизе. Ниже приводятся фрагменты письма 111 «О моральных и физических несчастьях» от 17 марта 1761 года, цит. по изданию, которое подготовили М. Бобович, О. Заботкина, М. Зубков, Ю. Копелевич, Н. Невская, Е. Ожигова и Я. Смородинский для издательства «Наука» в 2002 году.

ние, порой приправленное желчью, укрепленное пренебрежительным высокомерием, присущим его сословию. Сословию, сознающему, что его приговорили современное общество, политика и будущее. С мыслями об этом он поднял глаза от книги, скользнул взглядом по развалинам и остановил его на море. Вот и Лена, подумал он миг спустя, выбрала свою собственную траншею, причем она не вычитала это из книг и даже не усвоила благодаря житейским перипетиям. Выживать во враждебном окружении, превращая себя в самое опасное существо — для чего было много способов, — не всякому дано: для этого требуется нечто вроде врожденного инстинкта, который женщину способен превратить в холодное, опасное животное. Кательос не встречал и даже не мог вообразить себе ничего более безжалостного, нежели безмолвная ярость раненой самки, способной источать ее неторопливо, каплю за каплей, с горьким и умным отчаянием.

И барон, все еще чувствуя на кончике языка слова «холодное, опасное животное» — он безотчетно произнес их вслух, будто пробуя на вкус, — мгновение созерцал море, а потом вновь взялся за чтение:

Если рассматривать мир с этой точки зрения,

то появится соблазн усомниться в мудрости и всеблагости Создателя.

Эйлер, подумал Кательос, был геометром и физиком эпохи Просвещения, а потому умел выражаться сдержанно и, обращаясь к своей принцессе, употреблять глагол «усомниться» вместо возможных здесь «проклинать» или «богохульствовать». У каждого своя манера делать это и справляться со своими угрызениями совести, ибо не все на свете можно приписать Богу или его отсутствию. Рассеянно листая книгу — барон перестал обращать внимание на то, что читал, — он вспоминал Лену той поры, когда они только познакомились в Париже, и в тех местах, куда он возил ее, когда она искала в нем исцеление своих ран, тихую пристань от бурь и спасение от того неприкаянного одиночества, которое она пережила и оставила позади. В то время — единственно светлую и счастливую полосу их совместной жизни — она следовала за ним безоглядно и была верна, как будто вновь обрела девическую чистоту и стала той Леной, какой была до того, как стать Еленой Николаевной Меншиковой и баронессой Кательос, и не подозревала, что движется в темную западню, от которой он в силу своего надменного и глупого

высокомерия не смог или не захотел ее упасти. До тех пор он вел ее по своему миру, как великолепный трофей, вызывающий у всех восхищение и безмолвное изумление, но когда понял, в какую пропасти вот-вот столкнет Лену, заражая ее, будто дурной болезнью, собственной бесплодной ясностью, было уже слишком поздно: механизм спасения, за который Лена цеплялась изо всех сил, был уже сломан, и впереди, между ними и вокруг них оставались только пустыня, одиночество вдвоем и злоба женщины, которая некогда самозабвенно любила его, а потом разлюбила, причем именно тогда, когда он начал любить ее.

Кательос закрыл книгу, спрятал ее в карман и поднялся. Во рту пересохло — в точности как на сердце, — и он пожалел, что не прихватил с собой флягу с вином или водой. Потом снова надел патронташ с притороченной к нему тушкой кролика, перекинул через плечо ремень ружья и, постояв минуту в нерешительности, двинулся по дороге, ведущей на восточный край острова. Чтобы веровать в Бога, которого упоминал Эйлер в письме к немецкой принцессе, Пантелису Кательосу был бы нужен священник, чтобы тихо поведать ему о своих терзаниях. Но единственным возможным собеседником на этом острове

был этот странный полуиспанец-полугрек, статью и мастью так похожий на скандинава, этот моряк, приплывший издалека. Этот человек, только что переспавший с его женой.

— Командир, там кто-то наверху, — доложил Зингер.

Хордан поднял голову — они с голландцем стояли на палубе катера и заправляли смазкой пусковые механизмы торпедных аппаратов — и увидел на вершине холма человека. И удивился. Он не без тревоги разглядывал его, покуда не узнал барона. Тогда, вытерев руки ветошью, он спрыгнул на пирс и направился навстречу. Оказавшийся рядом Иоаннис Элеонас, тоже заметивший появление постороннего, послал Хордану обеспокоенный взгляд. Шагая по берегу, капитан обратил внимание, что за плечом у барона висит ружье, а к патронташу на поясе приторочен кролик, и по пути зашел в свой домик за револьвером. Сунул его сзади под рубашку за пояс и медленно двинулся по дороге.

— Был тут неподалеку, — сказал Кательос, — Стало любопытно взглянуть.

Они обменялись несколькими ничего не значащими фразами и, словно исчерпав формулы вежливости, смолкли. «Какого дьявола его при-

несло сюда?» — ломал голову Хордан. Он снова оглядел двустволку, так естественно висевшую за плечом барона, и невольно подумал о Лене Кательос. И, хотя в поведении барона не чувствовалось никакой угрозы, обрадовался, что и сам пришел сюда не с пустыми руками. Сделав вид, что оглядывает берег, повернулся так, чтобы револьвер за поясом заметил барон. А тот наконец плавным движением руки обвел бухту и катер:

— Вы принесли войну далеко от своей отчизны.

Хордан, вслушиваясь в интонацию, помедлил с ответом. И в ней тоже не заметил оттенка враждебности, отчего еще немного расслабился.

— Да я всегда был далеко от нее. Даже в мирное время.

Кательос кивнул. Заломленное поле шляпы-панамы оставляло его глаза в тени.

— А-а, ну да. Конечно. Я позабыл, что прежде вы служили в торговом флоте.

Хордан удивился и попытался припомнить:

— Я вам об этом рассказывал?

— Разве нет?.. Ну, не мне, так моей жене.

Барон рассматривал его очень обстоятельно и с почти научным интересом. Потом пожал плечами:

— Как все переменилось, не правда ли? Новые технологии и всякое такое… Я ведь тоже воевал, но тогда все было иначе. Грязнее, как вы догадываетесь. — Он искоса взглянул на Хордана. — Знаете ли вы, что десяток заспиртованных турецких ушей похожи на персики в сиропе?

На Хордана это не произвело никакого впечатления.

— Война на море тоже не для чистоплюев, — только и ответил он.

— Полагаю, что так, — сказал барон и, подумав немного, добавил: — Полагаю, что не для них.

Он долго смотрел на море и берег. Потом снял с плеча двустволку и поставил к ногам, прислонив к скале. Потом расстегнул патронташ с притороченным к нему кроликом. Хордан заметил, что брюки его выпачканы кровью, но барону вроде не было до этого дела.

— Когда была война с Турцией, я воевал в кавалерии. В Фессалии, в девяносто седьмом году турки продырявили мне легкое.

— Ого… Сильно?

— Достаточно, чтобы я задумался. И тогда кое-что понял: человек, который удивляется тому, что может умереть, ничего решительно не понял. — Он неожиданно повернулся к Хорда-

ну: — Согласны?

— Может быть.

— Это открытие, мне кажется, переменило мою жизнь. А рана помогла облегчить ее — меня признали негодным к военной службе. Я хотел отстраниться отсюда: в этой части Средиземноморья люди питают друг к другу вековую, наследственную ненависть. Ненавидят тех, кто принадлежит к другой расе, исповедует другую религию, любит другую отчизну. А если кто забудет, кто его враг, ему быстро напомнят… И нет на свете такого строя или режима, который не зиждился бы на ненависти к другому.

Он сунул руку в карман и достал уже набитую табаком трубку. Тщательно раскурил, прикрывая огонек спички ладонью. Впрочем, стояло полное безветрие.

— Несмотря на моих предков и на мой титул, — проговорил он, выпустив дым, — я никогда не был монархистом и тем более республиканцем. И считал, что не посрамил родину, не опозорил имя, а потому имею право заняться другим, а именно чтением и путешествиями. Берлин, Лондон, Париж, Монте-Карло… Я превратился в *мераклиса*.

— Что значит это слово? — сморщил лоб Хор-

дан.

— Это не столько слово, сколько понятие: человек, способный наслаждаться миром, причем не затем, чтобы выставлять себя напоказ, а для собственной душевной отрады. Он обращает внимание на то, во что одет и что ест. Он склонен все делать медленно и с удовольствием. — Барон улыбнулся с насмешливым превосходством. — Вероятно, вам невдомек, как интересна становится жизнь, когда решаешь ничего не пропускать в ней, но при этом абсолютно ничем не увлечен.

Хордан слушал с неподдельным интересом.

— Я и вправду не знаю… В самом деле это так?

— Именно так. В ту пору мне хватало и денег, и времени.

— А сейчас нет?

— Сейчас того и другого стало меньше. По сути дела, намного меньше. Моя семья добилась прочного положения в торговле губками, но меня это никогда особенно не интересовало. А братьев у меня нет, и заниматься ею некому.

— А почему вы вернулись сюда?

— На самом деле это не было возвращением. Вы, наверно, знаете, что этот остров — место ссылки и заключения. Прочие места мне прискучили, а кроме того, они мне сделались не по карману.

Кательос смолк и взглянул, равномерно ли горит табак в трубке. Потом сказал:

— И еще я надеялся, что здесь сумею вернуть ее.

С небрежной элегантностью он сунул трубку в рот и несколько секунд посасывал.

— Полагаю, что считал тогда, будто купил ее… Понимаете, о чем я?.. Женщины влюбляются в дерзких храбрецов, но замуж хотят за мужчин рассудительных и желательно с деньгами. — Он помолчал немного и скривил губы циничной усмешкой. — Впрочем, в обоих случаях деньги решают все… Возможно, в будущем окажется иначе, но сейчас дело обстоит именно так.

Вступаем на зыбкую почву, подумал Хордан. Не просто зыбкую, а откровенно опасную. Внезапно он вновь вспомнил о револьвере за поясом. И решил помалкивать и только слушать, однако не сумел удержаться. Доверительный и едва ли не дружеский тон Кательоса не давал оставаться на бережку.

— Вы это утверждаете очень уверенно, — заметил он.

— Я купил достаточно женщин, чтобы убедиться в своей правоте.

Еще несколько колечек дыма. Какой он аро-

матный. Ружье и кролик оставались на прежнем месте, но никто из собеседников на них не смотрел.

— Она вышла за меня замуж не ради денег, если вам это любопытно… А у меня в ту пору они еще были, но причина не в этом.

— Влюбилась, — сказал Хордан.

— Да, хотя и на свой манер.

— А вы в нее?

Он поддался внезапному порыву. И тотчас пожалел о том, что не сдержался, однако барон остался невозмутим. И снова оглядел чашечку трубки.

— Она ослепила меня, едва я ее увидел.

Хордан вспомнил ее наготу, длинные ноги, обвившиеся вокруг него, нежное, влажное тепло, охватившее его при первом проникновении. Потом подумал о привинченной рядом со звонком бронзовой дощечке «Д-р Г. Папагос» и вдруг почувствовал, что презирает человека, стоящего перед ним. И испытал прилив небывалой, необыкновенной дерзости.

— Я говорю о любви, Кательос.

Такое обращение вызвало неприязненный взгляд барона. Выпускавшие клуб дыма губы под седыми усами скривились в хищной гримасе.

— Не уверен, что заслужил столь доверительный тон… Не забывайте, что я *freiherr*[72], а по-немецки обращение по фамилии звучит уничижительно.

— Мы говорим по-гречески.

Они смотрели друг на друга скорее с любопытством, чем с вызовом. Потом барон снова пожал плечами:

— Я не сразу полюбил ее, и в том была моя ошибка. Любовь пришла ко мне, когда покинула ее.

И тут Хордан почувствовал, что готов отважиться на что угодно. Правила хорошего тона, нормы поведения, условности вдруг растворились в этом странном ощущении близости: теперь ему казалось, что они с Кательосом знают друг друга много лет. И от этого прибыло решимости.

— Она сильно изменилась?

Барон с полнейшей естественностью ответил, что Лена переменилась разительно. Когда они познакомились, она была, что называется, «женщиной с прошлым» — определяя ее, он употребил именно это выражение, — но, несмотря на это и на свою работу моделью в Париже, сохраняла какую-то первозданную чистоту, какую-то зага-

---

[72] Notes: 72
Барон *(нем.)*.

дочную невинность, которая в сочетании с ее природным изяществом буквально завораживала. Она с удивительной легкостью переходила от боязливой осторожности к простодушной доверчивости, больше присущей мальчику-подростку. И была единственной в своем роде. Кательос видел, как посетители самых фешенебельных отелей, казино и ресторанов всей Европы при ее появлении теряли дар речи.

— Дамы смотрели на нее ревниво, а мужчины на меня — с завистью.

Барон на миг замолчал, и его обращенный к Хордану взгляд требовал снисхождения.

— Я был легкомыслен, понимаете? Пожалуй, даже распутен. Я водил ее по злачным местам для собственного удовольствия, и там Лена открывала то, что доставляло удовольствие ей… И я не могу винить ее. Понимаете?

Хордан понимал, и даже слишком ясно. Он был жестким профессионалом, а не светским человеком, но доказательства были доступны всем и каждому. Да и Кательос объяснял с удивительной точностью.

— Она отдала вам все, что у нее было, а вы это промотали. Потому что не знали, как правильно этим распорядиться.

Барон поглядел на него с удивлением, казавшимся вполне искренним:

— Ого… Вы, пожалуй, не просто соленый морячина с наружностью викинга. Я не ошибся, решив нанести вам визит.

Хордан снова ощутил, что за ремнем у него револьвер.

— А с какой целью вы это сделали?

Барон не ответил. Он молчал, посасывая трубку, сощурясь, потому что поле шляпы не спасало от слепящего солнца, отблескивавшего от белых и серых камней.

— Видели бы вы, какой она была, когда я впервые привел ее в опиекурильню, — сказал он неожиданно. — Этот ее взгляд… Эта манера чуть покачивать головой… Она, полуголая, лежала на боку, одурманенная зельем, ко всему безразличная…

Он замолчал на миг, вздохнув коротко и горестно.

— Нет стиха лучше, чем гран опия, написал Жюль Буассьер…[73] Читали его?

— Не говорите глупостей.

---

[73] Notes: 73

Жюль Буассьер (1863–1897) — французский писатель и журналист декадентского толка, много лет работавший в Индокитае и на собственном опыте исследовавший там некоторые привычки местных жителей.

— А-а, ну разумеется… Виноват. Я хотел сказать, что есть женщины, перенимающие привычки мужчин, которых любят или с которыми живут, и Лена усвоила кое-какие мои. Я, правда, и представить себе не мог, что она зайдет куда дальше той черты, до которой я вообще не доходил. И с той минуты стала развивать собственные привычки. И мало-помалу оставила меня далеко позади.

Хордан по-прежнему чувствовал, что переходит все границы. Но в конце концов, подумал он, не я же завел этот разговор, не я довел его до этой точки. С другой стороны, Хордан не в силах был подавить это странное желание. С одинаковым успехом я мог бы усидеть с этим человеком бутылку, часами ведя с ним беседу, и избить его или всадить в него пулю.

— Оттого, наверно, что вы с опозданием ответили на ее любовь, — сказал он.

Кательос принял эту версию с удивительной естественностью.

— Да, вероятно, — ответил он. — А знаете, что она сказала мне однажды, когда было уже безнадежно поздно для всего на свете?.. «Я считала тебя героем, а теперь понимаю, что этот образ создан моим воображением: без него ты ничто».

Он снова оглядел трубку, где табак уже сгорел,

и, наклонившись, осторожно постучал чашей о камень, к которому было прислонено ружье. Немного пепла запорошило открытые глаза убитого кролика.

— Вот так она мне сказала.

— Она знает, как уязвить побольней, — безразлично отозвался Хордан.

— Да все женщины наделены этим искусством. Злость и презрение особенно опасны, когда исходят от умных.

Кательос выпрямился, пряча трубку в карман.

— Ее измены, если называть вещи своими именами, не порочат мою репутацию. Ну или почти не порочат.

Он снова надел шляпу. И постоял в нерешительности, словно размышляя, стоит ли облекать в слова некую идею, пришедшую ему в голову.

— Угрызения совести, — наконец выговорил он. — И со странной улыбкой кивнул самому себе. — Наверно, это самое точное слово, — настойчиво произнес он. — Угрызения совести. — Потом снова вздохнул, прилаживая ружье и патронташ с добычей. — Все мы рано или поздно расплачиваемся за свою вину… К примеру, когда гуляем по этому острову среди призраков давних ошибок.

Потом повесил ружье на плечо и отвязал кро-

лика. Все это — с задумчивым видом и очень обстоятельно.

— Быть может, настанет день, когда я убью ее, платя свои давние долги. Пока не знаю, одну или в объятиях другого мужчины. Быть может, прикончу ее, как из жалости добивают искалеченного зверька.

Держа кролика за задние лапы, он оглядывал его так внимательно, словно на тушке были какие-то ему одному видные знаки.

— Сейчас я еще не расплатился с долгами, — загадочно договорил он.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — осведомился Хордан.

— О-о, сам не знаю… — Кательос окинул его долгим взглядом, выражавшим нечто такое, чего Хордан определить не сумел. — Вы пришлись мне по нраву… Такой здоровенный, белокурый и спокойный, несмотря на половину греческой крови. Я убил кролика нынче утром и решил подарить его вам. — Он протянул Хордану тушку. — Как я уже говорил, когда-нибудь мы сможем поохотиться вместе, подстрелить еще нескольких. Вашим людям понравится, если меню станет разнообразней.

10. Покуда светят звезды

Время близилось к полудню, когда «Волчица» на малом ходу вошла в бухту Калафатис — удобное место среди скал острова Миконос — и бросила якорь. Задувал преждевременный мельтеми, гнавший волны с северо-запада, а потому юркнуть под защиту бухты было настоящим спасением. Последний рейд обернулся провалом: каики-разведчики потеряли след судна, на которое шла охота, а оно, погасив ходовые огни, исчезло во тьме, и установить его местонахождение катеру не удалось. По предыдущим сведениям, речь шла об испанском сухогрузе «Кабо-Негрете» водоизмещением 6600 тонн, который под британским флагом и под фальшивым названием «Фоксфорд» неделю назад вышел из Феодосии с боеприпасами и запчастями для самолетов. Его безуспешно искали на протяжении четырнадцати часов, а вдобавок оказалось, что кабельный ввод одного из гребных винтов пропускает воду и требует срочного ремонта.

Им они и занимались, стоя на пятиметровой глубине, когда Никос Киприану, исполнявший

обязанности наблюдателя, подал сигнал тревоги: с востока приближалось какое-то судно. Хордан, руководивший ремонтом, поднялся на палубу как раз в тот миг, когда в бухту вошел серо-белый катер. Он был невелик — метров двенадцати в длину, — но на носу у него стоял пулемет и при нем двое матросов, а на мачте, укрепленной над маленькой ходовой рубкой, развевались бело-синий флаг и вымпел греческой таможенной службы.

— Плохо дело, — сказал Иоаннис Элеонас.

Хордан был склонен с ним согласиться: подобного рода встреча произошла у них впервые, но, с другой стороны, «Волчица» никогда прежде и не забиралась так далеко от своей зоны. Может быть, это вышло случайно или таможенники просто решили потешить свое любопытство. Он озабоченно оглядел замаскированные брезентом торпедные аппараты, надеясь, что они не слишком превышают установленные габариты. По счастью, «Эрликон», как всегда, когда не предполагалось боевых действий, был снят с лафета и убран в кладовую. Убедившись в этом, Хордан спустился к себе в каюту и приготовил судовые документы, сознавая при этом, что они не выдержат проверки всякого, кто не пребывает в

необыкновенно благодушном настроении или не в доле. На палубу он вернулся с «Уэбли» и пачкой драхм в конверте и спрятал оружие и деньги на мостике под фуражкой.

— Вот что, *капетанье*... — сказал Элеонас.

— Ну?

— Дай бог, чтобы денег хватило, потому что в греков я стрелять не буду.

Хордан ничего на это не ответил. Он смотрел на патрульный катер и дышал глубоко и медленно, стараясь собраться перед тем, что ему предстояло. А предстояли неприятности или нечто более опасное. Не считая еще одного матроса, находившегося, скорее всего, внизу, на палубе были четверо в серых робах: один у штурвала, двое у пулемета (они не выказывали никакой враждебности и вели себя вполне расслабленно) и еще один в белой фуражке и в синей тужурке с нашивкой на рукаве. Пока они приближались, Хордан прикидывал возможности и шансы, маневры и сомнительные пути отхода. В открытом море таможенному катеру нипочем не догнать «Волчицу», дающую тридцать пять узлов. Однако невезение было налицо: они стояли на якоре и с выключенными двигателями. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы таможенники

захватили катер. Он сам удивился спокойствию, с которым ждал развития событий. Сначала пулеметчиков, хладнокровно решил он. Потом офицера. Он оперся правой рукой о стол рядом с фуражкой и тем, что скрывалось под ней, и удивился, что рука не дрожит. В барабане «Уэбли» шесть патронов 38-го калибра.

— Дайте-ка мне с ними поговорить, — вдруг подал голос Элеонас. — Лейтенанта я знаю.

— Уверен?

— Да. Его зовут Фукарис… Мы как-то пиво с ним пили.

— Ладно. — Хордан обратился к своим людям, стоявшим на палубе: — Все вниз. Остаемся только мы со штурманом. Что бы тут ни происходило, никому носа не высовывать.

Таможенный катер тем временем подошел вплотную к «Волчице» и почти притерся к нему бортом. Команда с интересом рассматривала стоявших на палубе, и Элеонас, вскинув руку, поздоровался первым:

– *Καλημέρα, υπολοχαγέ*[74].

Командир ответил ему в том же тоне. Он был средних лет, с неизбежными усами на тщатель-

---

[74] Notes: 74
Доброе утро, лейтенант *(греч.)*.

но выбритом лице. Пронизывающий взгляд темных глаз из-под козырька фуражки остановился на Хордане, потом заскользил по катеру, осматривая его от носа до кормы и не оставив незамеченными ни пустой орудийный лафет, ни два закрытых брезентом объемистых предмета по обоим бортам.

— Все в порядке? — по-английски обратился он к Хордану.

— В полном, — по-гречески ответил тот.

— Что вы тут делаете?

— Устраняем небольшую неисправность, — вмешался Элеонас. — Ничего страшного.

— Помощь нужна?

— Нет, господин лейтенант. Спасибо. Мы уже почти справились.

Таможенник не спускал глаз с Хордана, который по-прежнему держал руку рядом с фуражкой.

— Это не лучшее место для стоянки.

— Еще минутка — и отчалим, — снова вмешался штурман.

Таможенник медленно наклонил голову, переглянулся со своими людьми и вновь уставился на Хордана:

— Вы владелец судна?

Тот кивнул, сочтя, что притворяться незачем.

Было очевидно, что таможенник прекрасно понимает, что к чему.

— Я.

— Бумаги в порядке?

Хордан достал из-под фуражки конверт с деньгами и перебросил лейтенанту, а тот поймал его на лету и, не заглядывая внутрь, спрятал в карман. Потом снова кивнул, как бы подтверждая некую очевидность.

— Здесь стоять не положено, — повторил он. — Снимайтесь с якоря.

— Сейчас-сейчас, господин лейтенант, — заверил его Элеонас. — Вот только доделаем и отвалим.

Таможенник, не прибавив больше ни слова, в последний раз оглядел Хордана. А потом, к вящему облегчению последнего, отдал команду, и катер в облаке бензиновых выхлопов и в реве мотора отошел от «Волчицы» и покинул бухту. Спустя две минуты он превратился в пятнышко между темно-синим пространством моря и яркой голубизной неба. Штурман провожал его взглядом.

— Раньше такого не бывало, — сказал он наконец. — Раньше они проходили мимо Гинайки и не приближались с расспросами… Меня это

беспокоит. Похоже на предупреждение.

— Похоже.

— Та же история вышла с «Каризией». В общем, они знают, чем мы заняты.

— Да они и раньше знали, штурман.

— Вероятно, ситуация изменилась, и теперь хорошего не жди.

Хордан кивнул. Размышляя об этой встрече, он пришел к не слишком отрадным выводам. Ему сразу почудилось повышенное внимание — верный признак того, что греки забеспокоились и насторожились. В Эгейском море стало слишком шумно.

— Похоже, — повторил он.

Элеонас отправил обратно нескольких моряков, высунувшихся полюбопытствовать, и наклонился к Хордану:

— Сколько мы еще сможем действовать, как сейчас?

— Не знаю… Более того, нам это знать не положено… Я выполняю приказы, а вам платят за работу.

И задумался. Ему было не по себе. От солнечных бликов, игравших на скалах, глаза его казались еще светлее.

— За работу, которую на этот раз мы сделали

неважно, — добавил он миг спустя. — Красные знают, что мы шастаем здесь, и оказались проворней и хитрей: то ли капитан вечером пошел кружным путем, то ли, пользуясь темнотой, двинулся вдоль самого берега и проскользнул незамеченным. Так или иначе, мы проиграли.

— Ну нельзя же всегда выигрывать, — утешил его Элеонас. — Знаете, сколько раз из-за этого лейтенанта Фукариса мне приходилось выбрасывать груз за борт? Главное — мы живы-здоровы и можем попробовать снова, а власти пока оставили нас в покое… — Он взглянул на горизонт, за которым скрылся патрульный катер. — Однако после нашей встречи чего-то я в этом сомневаюсь. Знаете, как говорят — повадился кувшин по воду ходить…

— Давно знаете этого таможенника?

— Лет десять-двенадцать. Видимся иногда в порту или в городе, а то в какой-нибудь таверне. Человек он неплохой, и, если надо, как вы сами видели, дает себя убедить. В море мы враги, а на берегу уважаем друг друга. Живи и давай жить другим, верно ведь? Каждый семью кормит, как может.

После этих слов штурман умолк надолго. Снизу доносились голоса моряков, вновь взявшихся

за ремонт.

— Вот что, *капетанье*... — наконец заговорил Элеонас.

— Да?

— Можно вам задать деликатный вопрос?

— Можно.

Элеонас, не в силах решиться, потер подбородок:

— Скажите... Если бы дело осложнилось, вы бы стали стрелять по таможенникам?

— «Эрликон»-то наш размонтирован... Куда нам против пулемета? — уклончиво поморщился Хордан.

— Это если бы вы дали им время открыть огонь.

— Замысел был таков.

— А если бы деньги не спасли, вы бы привели его в исполнение? Опередили бы их?

Хордан ничего не ответил. И по короткому трапу спустился к себе в каюту. Элеонас сверху сказал в открытый люк:

— Помните, в греков стрелять не буду. В турок — другое дело. А в греков нет. Ни за что.

Хордан переложил револьвер в сейф и запер на ключ. Пожал плечами:

— Я знаю, штурман. Вы же говорили.

Едва лишь катер пришвартовался, Хордан спрыгнул на землю, и доски причала загудели под нетерпеливыми шагами. Моторка была на месте, а Лена Кательос стояла перед пакгаузом и вела беседу с поваром и его женой. Это привело Хордана в ярость.

— Какого дьявола ты тут? — спросил он, подойдя.

Она смотрела на него очень спокойно и не трогалась с места. На ней были штаны из саржи и старая тельняшка.

— Не видишь? Разговариваю с Сенобией и ее мужем.

Хордан метнул на них яростный взгляд:

— Оба вон отсюда! Марш!

Супруги поспешили убраться в пакгауз. Экипаж с любопытством взирал на происходящее с причала, и Хордан за руку потащил Лену подальше от посторонних глаз. Та не противилась и лишь сказала:

— Я ведь предупредила тебя — это мой остров. Куда хочу, туда иду.

Хордана обуяла такая ярость, что он чуть было не ударил ее. Все сошлось воедино — провал последнего рейда, неисправность винтов, встреча с таможенниками… И теперь еще эта женщина,

появившаяся так неожиданно и так некстати и добавившая ему забот. Меж тем их и так хватало, и были они серьезны и неотложны.

— Еще раз появишься тут, клянусь, я брошу тебя в море.

Лена, не изменившись в лице, смотрела на него. Прислонившись к дощатой стене пакгауза, смотрела так пристально, словно прикидывала, на что может подвигнуть его ярость. Потом вытащила из кармана брюк пачку сигарет и зажигалку, но Хордан ладонью выбил их у нее из руки. Она наклонилась, подобрала их и снова спрятала в карман. Выпрямилась, оперлась о стену и устремила на Хордана безмятежный взгляд:

— У тебя неприятности?

Сказано было с холодным удивлением. Не найдясь с ответом, он застыл на месте, пораженный ее спокойствием. Ярость проходила медленно, но он уже снова владел собой.

— Ты безответственная дура… Не понимаешь, что происходит.

— Все я понимаю. Просто захотелось тебя увидеть, — пропустив «дуру» мимо ушей, ответила она.

— Не на что тут смотреть.

Лена молча окинула его взглядом, причем это

молчание было еще высокомерней взгляда.

— Позволь уж мне это решать, — наконец вымолвила она.

— В этой части острова ты ничего решать не вправе. Здесь не место для этого и ни для чего!.. Это…

Он хотел сказать «глупо», но оборвал фразу на полуслове. Все слова, которые он произнес или мог произнести, разбивались о непроницаемую маску, ставшую ее лицом. Ореховые глаза неотступно всматривались в него, и он прочел в них откровенный вызов.

— Наверно, завтра отправлюсь на Сирос… Хочу, чтобы ты поехал со мной.

Хордан даже вздрогнул от неожиданности:

— Я не могу.

— Прекрасно можешь. Хочу, чтобы ты меня сопровождал.

С этими словами она чуть придвинулась к нему. Всего на несколько сантиметров, но их хватило, чтобы Хордан физически ощутил ее близость и воспоминание о ее теле сделалось властным и внятным. От нее исходил едва уловимый аромат духов, смешанный с потом и запахом теплого женского тела.

— На несколько часов пошли к дьяволу свою

гнусную мерзкую войну.

Хордан колебался, зная, что она это заметит. Отступил на шаг, а Лена придвинулась, чтобы прежним осталось расстояние между ними. Прежняя близость. И сказала:

– *θάνατος*, по-гречески «смерть».

— Что?

Лицо Лены внезапно стало напряженным, жестким, едва ли не жестоким. Она протянула ему руку, показывая ладонь, причудливо изрезанную линиями жизни и судьбы.

— Когда-нибудь нас не станет, — произнесла она тоном ниже. — Умру я, умрешь ты. Впустую растрачивать оставшиеся дни — непозволительная роскошь.

Он, смутясь, помотал головой. Слишком много в ней было такого, что одновременно и восхищало его, и возмущало.

— Откуда тебе знать, сколько мне осталось, — сказал он.

— Зато знаю, сколько осталось мне…

И осеклась. Лицо ее внезапно, неожиданно для Хордана изменилось — по нему мелькнула растерянность, какая бывает, когда человек осознает, что побежден. Но длилось это лишь мгновение.

— Быть может, моей смерти позавидуют бо-

ги, — договорила она с жесткой неприязненной усмешкой.

И в течение этой кратчайшей паузы Хордан успел заметить в этой женщине, вздрогнувшей, словно от внезапного озноба, единственное и мимолетное проявление слабости, открывшее в ее душе больше, чем во все предыдущие их встречи. Ему вдруг вспомнилось, как у африканского побережья на палубу падали иногда обессиленные умирающие аисты, которых уже никто не мог спасти.

— Завтра или позже, — заключила Лена, — когда приведешь в порядок свои дела, я снова увезу тебя на Сирос.

Сальвадор Лонкар был осведомлен о том, что Никасьо Молина, заместитель уполномоченного республиканского правительства при штабе флота, занявший эту должность по квоте анархистов, которые вели сложную игру с коммунистами и социалистами, слабо разбирается в порученном ему деле, но стоило лишь встретить его на перроне Сиркеджи и сопроводить в «Пера-Палас», чтобы убедиться, что он еще и дурак. Когда в холле отеля усатые «бои» попытались отнести в номер его чемодан, Молина отверг их притязания словами «Нет, товарищи, я сам», так что они,

увидев, как уплывают от них законные чаевые, сперва опешили, а потом впали в ярость.

Сейчас, сидя в номере на пятом этаже, с сигарой в одной руке и бокалом коньяка в другой, в прекрасно сшитом костюме, о котором и мечтать не мог в бытность свою смазчиком на крейсере «Либертад», Молина, направленный в Стамбул инспектировать движение судов, вышедших из советских портов, расспрашивал Лонкара об инцидентах в Эгейском море.

— Согласись, товарищ, что за полтора месяца потеряно чересчур много транспортов.

Попыхивая «пуро», он произнес эту фразу суровым тоном и сопроводил жестким взглядом политкомиссара. Лонкар, сидевший между ним и Антоном Солёновым, хранил выжидательное молчание. Молину принять по высшему разряду, предупредили его в посольстве. Он достался нам в наследство от тех полоумных флотских ревкомов, которые мы дисциплинируем, так что пока еще терпи его, сноси и умасливай. Дело важное.

— Ну не он же их потерял, — подал голос Солёнов.

До этой минуты представитель «Совфрахта» хранил молчание и созерцал хрустальную люстру под потолком с таким видом, будто мысли его

витали где-то далеко. Эту реплику он произнес миролюбиво и мягко, как третейский судья.

Молина раза два-три поморгал, сдвинув брови, сросшиеся так плотно, что казались сплошной полосой, тянувшейся поперек лица, такого же узколобого, как и его обладатель.

— Ну разумеется, — пошел он на попятный. — Разумеется, не он.

Молина производил впечатление человека, привыкшего внушать ужас, однако здесь была не его епархия и не его подчиненные. Он чувствовал себя неуверенно и явно робел русского: одно дело — Испания, и совсем другое — Стамбул, хоть его и поселили в лучшем здешнем отеле. При других обстоятельствах, подумал Лонкар, невозможно было бы понять, как подобный субъект мог занять столь ответственную должность, однако все знали, сколь активно истреблял Молина офицеров, содержавшихся в Картахене в плавучих тюрьмах «Рио-Силь» и «Эспанья № 3»: этот способ выдвинуться был не хуже любого другого.

— Мы сумели установить нападавших на наши транспорты в Эгейском море, — провозгласил он убежденно и убедительно.

Солёнов и Лонкар переглянулись. Испанец поначалу сомневался в том, что русскому стоит

сопровождать его на эту встречу, но сейчас поздравил себя с таким спутником.

— Отрадное известие, — заметил он.

— Весьма, — бесстрастно сказал Солёнов.

— Там действовали итальянские быстроходные катера, — просветил их Молина.

— Это достоверно? — рискнул уточнить Лонкар.

— Абсолютно! — Молина, довольный собой не меньше, чем коньяком, сделал еще глоток. — Действовали с секретной базы или с корабля-матки. — Тут он понизил голос, словно у здешних стен были уши. — И греческие власти знают больше, чем рассказывают нам. Больше, чем позволяют узнать нам.

Вопреки предостерегающему взгляду светлых холодных глаз, Лонкар не удержался:

— Да что ты говоришь, товарищ!.. Это поразительно!

— То, что слышишь! — не заметил сарказма Молина.

И поглядел так, словно ждал похвалы. Не дождавшись, ткнул сигарой в сторону Лонкара:

— У тебя вроде есть какое-то предложение, а? Возможное решение проблемы.

Лонкар поднялся и подошел к балкону, раз-

глядывая через стекла великолепную панораму, открывавшуюся с этой точки: крыши, кипарисы, минареты и между старым городом и большими мечетями — перламутровая гладь Золотого Рога, которую слегка рябил бриз. И вот ради того, чтобы Никасио Молина мог любоваться этим видом, с горечью подумал он, Республика платит две тысячи франков в сутки.

Он предостерегающе вскинул руку:

— «Решение» — это слишком сильно сказано. Может получиться, а может и не удаться. — Он обернулся к Солёнову, по-прежнему сидевшему с бесстрастным видом. — Но нашим советским друзьям замысел понравится.

— Я прочел твою депешу, — угрюмо сказал Молина. — Предлагаешь вооружить транспорты. Но мы ведь так и делаем. Уже сейчас на кое-каких поставили пушки. Однако никто не гарантирует нам…

Он осекся, явно сбитый с толку тем, как разглядывал его Солёнов. Лонкар снова уселся между ними.

— А я предлагаю нечто большее. — Лонкар оперся руками о колени и подался вперед. — Ты слыхал, что во время Великой войны были суда, обозначенные литерой Q?

— Кое-что слыхал, — не без колебаний отозвался Молина.

— В самом деле?

— Ну, в общих чертах… Детали мне неизвестны. — Комиссар покосился на Солёнова.

— Q — это корабли-приманки, — объяснил Лонкар. — По виду мирные сухогрузы, а вооружены были до зубов. Предназначались для охоты на германские субмарины и были эффективны и смертоносны.

— Но ведь торпедные катера — не подводные лодки, — возразил Молина с важностью, отчего это наблюдение прозвучало особенно комично.

— Тактика та же самая: прикинувшись беззащитными «купцами», подпустить вплотную и расстрелять в упор.

Комиссар надолго погрузился в размышления и наконец сделал вывод:

— Сдается мне, это из области фантастики.

Лонкар позволил себе улыбнуться:

— Тем не менее, товарищ, это возможно. Хотя, конечно, в штабе флота могут придумать что-нибудь и получше.

Это замечание и улыбка не понравились Молине, который по размышлении опознал насмешку и нахмурился. Попыхтев сигарой, вы-

пустил дым и перевел взгляд на русского:

— А ты какого мнения, товарищ Солёнов?

— Да тут нечего мнить, — ответил тот. — Идея товарища Лонкара сулит успех, одобрена отделом Икс, и мы применяем ее на практике.

Молина удивился и растерялся. Он был от природы туповат, но все же не настолько, чтобы не знать, что за отделом Икс, как и за самим Солёновым, стоит НКВД.

— На практике? Иначе говоря, уже применяется?

— Корабль почти готов к выходу из Одессы, — очень спокойно ответил русский.

Молина заморгал:

— Почти?

— Почти.

— Меня об этом не уведомили… Несколько дней назад я виделся с Кузнецовым, военно-морским советником в Испании, и он ничего мне не сказал.

— У него были резоны промолчать, — скупо отвечал Солёнов. — Я хорошо знаю Кузнецова — он человек осмотрительный.

Молина так посмотрел на свой бокал, словно коньяк в нем неожиданно стал горьким.

— Во всяком случае, прежде чем двигаться

дальше, надо получить одобрение командования флотом. А эта официальная процедура требует времени.

Этот упрек, подчеркнутый злобным взглядом, предназначался Лонкару. Но тут вновь вмешался Солёнов.

— Мы этим уже занимаемся, товарищ.

Молина снова заморгал:

— Уже занимаетесь?

— Да.

— Что значит «уже»?

— Сегодня, сейчас, сию минуту… — Русский обернулся к Лонкару. — Какие еще есть синонимы на вашем прекрасном языке?

Тот, наслаждаясь ситуацией, сделал вид, что припоминает:

— В настоящее время… На ходу… — предложил он.

Солёнов невозмутимо и бесстрастно снова обратился к заместителю уполномоченного:

— Товарищ Молина, мое руководство сочло нужным держать происходящее в строжайшей тайне, а я, в свою очередь, потребовал этого от товарища Лонкара… Малейшая утечка сведений чревата провалом операции.

Тот попытался собрать все свое достоинство:

— О судне какого типа идет речь?

— Сухогруз водоизмещением семь тысяч тонн брутто. Раньше назывался «Монте-Ампаро», сейчас — «Кронштадт».

— Советский?

— Ну, в известной степени… Мы получили его от вас в начале войны, чтобы не попал в руки Франко и его присных.

— Старая рухлядь? Подлежащий списанию?

— О-о нет. Спущен на воду в двадцать первом году. Он в отличном состоянии. Но из солидарности с нами Советский Союз намерен вернуть его испанскому народу, борющемуся с фашизмом.

Звонкая риторика не произвела на Молину должного действия.

— А что за экипаж там?

— Первоначальную команду в свое время вернули на родину. Подыскиваем новую.

— А вооружение?

Мощное и многочисленное, подчеркнул русский: четыре крупнокалиберных орудия, два зенитных, два крупнокалиберных пулемета, причем все будет скрыто от глаз. Артиллерию спрячут за переносными щитами, которые в нужную минуту уберут.

— Придадут ему более или менее невинный

облик — на виду будет одно кормовое орудие: сейчас их ставят на многие суда.

— Понимаю… — Молина наконец улыбнулся, как сообщник, раскусивший замысел. — Безобидное корыто.

— Именно так. Судно приведут в соответствие с его данными, занесенными в регистр, — две трубы, две мачты, черный корпус, белые надстройки.

— И обычный груз?

— Мы, разумеется, воспользуемся обстоятельствами — загрузим украинскую пшеницу и кое-что из боеприпасов. Однако наша контрразведка — а это в первую очередь задача товарища Лонкара — распустит слух о том, что это груз чрезвычайной важности. Пусть-ка у фашистов разыграется аппетит при виде такой наживки.

— А какая команда?

— Человек шестьдесят. Нужны испанцы, но я не уверен, что наберем достаточно. И потому на борту будут наши люди.

— Сколько?

— Старший помощник капитана и механик, которые будут чем-то вроде советников, и несколько наших артиллеристов — им поручат вести огонь. Остальные — испанцы… Операция предстоит

деликатная, и мы должны все предусмотреть.

Комиссар скорчил кислую мину:

— Всем заправлять, вернее сказать.

— Нет-нет. Командовать будет испанский капитан. Остальных мы подбираем из экипажей ваших судов, стоящих в русских портах.

— И сколько их там?

— Четыре: танкер «Элькано», «Граф Абасоло», «Кабо-Трес-Форкас» и «Урано».

— А кто с капитаном?

— Либо кто-то с одного из этих судов, либо доставим из Испании… В последнем случае нас сильно поджимает время, так что, наверно, все же выберем того, кто уже находится в России.

Молина теперь поглядел на Лонкара с уважением:

— И все это ты напридумывал?

— Только в самых общих чертах. Технические детали за товарищем Солёновым и отделом Икс.

— А Москва дала зеленый свет этой операции?

— Лично товарищ Сталин, — ответил русский.

Молина хотел что-то сказать, но при упоминании этого имени промолчал. Однако через миг заговорил снова:

— Дата?

— «Кронштадт» пройдет Босфор самое позднее

через две недели.

Комиссар, сбитый с толку, поочередно оглядел обоих:

— Ничего себе!

— Вот именно.

Разговор продолжался еще минут двадцать. Потом Лонкар и Солёнов покинули номер, и республиканский агент проводил русского на причал, где тот должен был сесть на катер и вернуться в Эюп. Оба хранили молчание, пока, дойдя до Галатского моста, не остановились перед зданиями Арсенала и бывшего морского министерства.

— Знаете ли вы, дорогой товарищ, — неожиданно спросил Солёнов, — что на этом месте сравнительно недавно вешали шпионов?

Лонкар кивнул:

— Я это даже видел.

Солёнов в задумчивости остановился, а вслед за ним и Лонкар.

— Вы повторили в Испании нашу ошибку семнадцатого года: вместо того чтобы использовать грамотных флотских офицеров и старшин, вы их истребили. Мы спохватились и сейчас пытаемся эту ошибку исправить, а вот вы, похоже, еще ее не осознали. Понимаете, о чем я?

— Прекрасно понимаю.

— Хорошо бы, чтобы эта операция удалась… Если провалится, Молина ответственность на себя не возьмет — он не из таких.

— Сейчас в Испании таких днем с огнем не сыщешь, — смиряясь с неизбежностью, ответил Лонкар.

— А вас сделают козлом отпущения. Или, как говорят в Испании, «головой турка».

— Знаю.

Холодные глаза Солёнова из-под шляпы оглядели все вокруг — пришвартованные баркасы, толкотню мелочных торговцев, лавки и дешевые ресторанчики, поток экипажей, от которого содрогался плавучий мост.

— Смешно, а? Поминать в Стамбуле «голову турка»…

Он сделал паузу, похожую на вздох, не переставая вертеть головой из стороны в сторону. Потом обернулся к Лонкару и сквозь зубы хохотнул коротко и неприязненно:

— Рад, что познакомился с подобной личностью. Потому что теперь лучше понимаю, в чьи руки вы все попали… И благодаря этому субъекту я разгадал загадку, почему республиканский флот, который мощнее франкистского, торчит у

стенки и не суется в море.

Когда Лена и Хордан вышли на улицу, заходящее солнце освещало только самую отдаленную часть бухты. За линией домов, окаймлявших берег, виден был в тускнеющих лучах кораблик, связывавший Сирос с Пиреем, — он медленно огибал волнорез, и в неподвижном воздухе длинным черным полотнищем висел дым из его трубы.

Они задержались на лестнице, пока Лена запирала квартиру. Хордан ждал на верхней ступеньке, и Лена направилась к нему, пряча в карман ключи. День выдался чересчур знойным для этого времени года; Лена была в том же белом полотняном платье, что и в прошлый раз, и с большой сумкой на плече. На ногах кожаные сандалии, а вокруг талии небрежно обвязана рукавами тельняшка. Лена напевала ту песенку, которая недавно звучала с граммофонной пластинки, когда они безмолвно, обстоятельно и упорно держали друг друга в объятиях:

Parlez-moi d'amour,

Redites-moi des choses tendres…[75]

Оказавшись вровень с Хорданом, стоявшим на верхней ступеньке, Лена наклонилась к нему и поцеловала в губы. Поцелуй этот, долгий, нежный и непохожий на прежние, оказался для него неожиданным. Последние три часа они целовались бессчетно, но так — еще никогда. И Хордан подумал, что близость с такой женщиной похожа на шторм, налетающий с запада: он подвергает испытанию отвагу и стойкость мужчины, проверяет, наделен ли он должной хваткой или нет. До этой минуты ее поцелуи были длительны, крепки, почти свирепы, так требовательны, настойчивы, упорны, что Хордан, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие и самообладание — а в этих обстоятельствах непросто было владеть собой и этим тонким гибким телом, так неистово сплетавшимся с его телом, — принимал и возвращал их почти с осторожностью, сознавая, что она влечет его в какую-то неведомую и опасную даль, откуда едва ли выберешься невре-

---

[75] Notes: 75

Говорите мне о любви,
Говорите мне снова и снова…

(фр.)

Цитата из песни Жана Ленуара, в 1930 году записанной Люсьен Буайе.

димым. Туда, где она уже бывала раньше, и что очень напоминало недуг, страдание, жестокую безнадежность.

И потому так тронула его внезапная нежность этого нежданного поцелуя. Хордан взглянул на нее со спокойным удивлением, и она поняла — чуть заметно улыбнулась и дернула головой, словно отвечая на незаданный вопрос:

— Ты хороший человек, капитан Михалис.

И, не сказав больше ни слова, взяла его за руку, словно он был ребенком, а не моряком тридцати четырех лет от роду и ростом сто восемьдесят девять сантиметров, и повела по лестнице вниз, в запущенный сад, где среди сорной травы, которую никто не выпалывал, в беспорядке тянулись к небу бугенвиллеи и виноградные лозы. Там остановилась, вглядываясь в меркнущий свет над бухтой, и вдруг вздрогнула всем телом, словно от внезапного озноба. И только потом выпустила его руку.

— Расскажи мне, почему у тебя есть сын. Почему ты женат.

Хордан помедлил. Эта женщина сбивала его с толку.

— Что ж тут такого? — ответил он наконец. — Многие мужчины…

— Ты, — перебила она. — Не другие, а именно ты.

Хордан промолчал, потому что не собирался откровенничать с ней. В конце концов, история была банальная и даже грязноватая — история двадцатилетнего парня, сидящего в четырех стенах номера в пансионе Бильбао и до одури, до рези в глазах готовящегося к экзамену на должность второго штурмана. А рядом, слишком даже рядом — хозяйка пансиона и ее дочь.

Он взглянул на Лену и увидел, что она улыбается так, словно в его молчании прочла историю, которую слышала сто раз и знала наизусть.

— Она, разумеется, забеременела… И ты поступил, как честный человек.

Вместо ответа Хордан пожал плечами. Она угадала, и ему от этого стало и неловко, и горько.

— Хорошенькая? — допытывалась она.

Хордан набрал в легкие воздуха и медленно выдохнул. Чего темнить, если она, кажется, знает мою историю лучше, чем я сам? И не только мою, а, вероятно, всех мужчин, с которыми пересекалась ее дорога.

— Обычная.

— Образованная, умная?

— Ну, ничего себе. Прочее значения не имеет.

— Как ее зовут?

— Не все ли равно?

— А ты любил ее?

Хордан мрачно задумался над этим вопросом, вспоминая погашение предполагаемого долга через покорное исполнение домашних обязанностей, безграничную преданность человеку, никогда не разбиравшему чемодан и ни разу не остававшемуся на суше больше недели. Послушное животное, благодарное и флегматичное, — вот кем была она. И больше никем.

— Хорошая женщина, — скупо обронил он.

Издевательская улыбка Лены рассекла ее губы, словно лезвие ножа.

— Такая же, как ты — хороший мужчина?

На этот раз слова ее были переполнены ядом. Хордан выждал пять секунд:

— И хорошая мать.

— А твой сын или дочь? — Она пристально вглядывалась в него, то ли в самом деле желая узнать, то ли с показным интересом. — Не очень представляю тебя в роли заботливого отца.

— У меня сын, — уточнил он. — Да какой я отец… Я и не видел, как он рос. А теперь еще и война…

Он запнулся в растерянности, подумав, что

рассказывать сокровенное такой женщине, как Лена Кательос, — то же самое, что карабкаться по вантам парусника, когда сильный ветер свистит в снастях и вдоль отмелей: то же ощущение неминуемого несчастья, подобное угрюмому ожиданию беды. И так же сосет под ложечкой.

— Море как выход из положения, — подытожила она.

Хордан удивился тому, как точно она это определила.

— Море уже было тут, но это верно. Я видел, как моряки плакали, потому что должны были возвращаться домой.

— И ты тоже?

Он бесстрастно качнул головой:

— Я никогда не плачу.

Он произнес эти слова просто и искренне, без тени самодовольства, всего лишь отвечая на вопрос. Лена смотрела на запущенный сад, на выщербленные, растрескавшиеся стены, на изъеденные жучком и сломанные деревянные ставни, на истертые временем неровные камни. И Хордан заметил, что она снова вздрогнула. Потом развязала рукава тельняшки, стянутые на талии, надела ее, скрыв еле заметные теперь следы уколов.

— Это тебе. — Пошарив в кармане, она протянула ему на ладони деревянную коробочку. — Открой.

Хордан повиновался. В коробочке оказались запонки — два серебряных диска с выгравированными на каждом одинаковыми надписями. Лена смотрела не на подарок, а на него.

— Это по-древнегречески, — сказала она. — Но ты поймешь.

— «Пропал в море»? — Он поднял на нее глаза.

— Да. Я купила их в Афинах в антикварной лавке для мужа, да так и не подарила. Теперь хочу, чтобы они были у тебя.

— Не думаю, что должен… — с заминкой сказал Хордан.

— Ой, умоляю тебя, чушь не мели. Разве может быть лучший подарок моряку?

Она положила запонки в коробочку и сама сунула ее ему в карман.

— Забавно, — задумчиво проговорила она через мгновение. — С одной стороны, я могу утонуть и, садясь в моторку, каждый раз думаю об этом… С другой — завидую тем, кто бесследно исчезает в море… Попробуй только сказать, что может быть эпитафия лучше этой надписи.

Хордан скептически мотнул головой:

— Не вижу ничего особенно завидного в такой кончине.

— Не видишь? А вот мне всегда казалось, что это самый мужественный способ решить вопрос. Я с детства преклонялась перед женщинами, способными принимать мужественные решения, — вот как миледи, например. И всегда презирала эту размазню Эмму Бовари… — Она вдруг окинула его насмешливым взглядом. — Кто такая миледи, знаешь?

— Знаю. Я читал «Трех мушкетеров».

Лена теперь рассматривала его пытливо, крайне внимательно, будто хотела что-то уяснить для себя, и одновременно с каким-то почти детским простодушием. Потом снова устремила взгляд на море.

— Люди слабовольные и посредственные не могут позволить себе роскошь быть верными себе или другим, — вполголоса произнесла она. — И они всегда первыми предают других и самих себя.

Закатный свет, в отдалении становящийся уже красноватым, казалось, гуще высеребрил ее седеющую, очень коротко остриженную голову. Глаза не отражали ничего — ни света, ни тени. Словно они смотрели на матово-бесцветный пейзаж.

— Мне надо выпить, — внезапно помрачнев, сказала Лена. — А может быть, не только выпить. Пойдешь со мной, капитан? — И подняла брови, увидев, что Хордан взглянул на часы. — Да не беспокойся ты. Вернешься на наш остров ко времени, успеешь приступить к выполнению своих обязанностей… До того, как пробьют часы, окончится праздник и моторка превратится в тыкву.

«Д-р Г. Папагос». В янтарном сумраке еще можно было различить буквы на бронзовой дверной табличке. Хордан, прислонившись к стене, смотрел, как на волнорезе мерцает фонарь, только что вспыхнувший и осветивший темные силуэты баркасов и каиков, пришвартованных у мола.

Дверь подъезда открылась, и появилась Лена:

— Я быстро управилась.

Голос ее звучал спокойно, но как-то отчужденно, будто пробиваясь сквозь пелену умиротворения. На миг она замерла, проследив взгляд Хордана. Потом быстро и словно крадучись дотронулась до его руки, приглашая его двинуться. На этот раз моторку они оставили не у мола, а на другом конце, рядом с платформой из камня и железобетона, стоявшей на крутом берегу. Они шли к ней молча, вдоль фасадов домов, обращенных к порту, и остановились на углу, откуда начинался

подъем на площадь к зданию муниципалитета и старому городу. Улицы мало-помалу погружались в темноту, кое-где прорезаемую светом из еще не закрытых лавок, да то там, то тут из двери или из окна ложились освещенные прямоугольники.

— Как ты? — спросил наконец Хордан.

— Теплое просветление, — не сразу ответила она. — Время останавливается, а голова соображает все скорей и скорей, обгоняя его… Гарантированы три-четыре часа райского блаженства.

— Значит, сейчас ты чувствуешь себя, как в раю?

На этот раз она затянула паузу еще больше:

— Странные дни…

Они поднимались по склону, ведшему к церкви Святого Николая. Над ним на мерцающем лиловатом небосклоне вырисовывался купол.

— Я прекрасно себя чувствую, — неожиданно добавила Лена. — На душе легко и светло, как если бы мир стал нежным или любящим. Но истинный рай был недавно, там, наверху… когда ты был со мной, во мне… Это продлевает его, откладывает пробуждение, когда тебе хочется лишь побыть в тишине. Когда это действие кончается, чувствуешь себя одинокой и немного больной.

Хордан пытался уразуметь сказанное:

— Но ведь привыкание…

— А-а, ну да. Конечно. Может возникнуть зависимость от других препаратов, и это сломает тебе жизнь или за несколько месяцев тебя убьет… Кокаин, однако, убивает медленно, годами… Его можно принимать спокойно… Он мягкий. Он предоставляет тебе много времени.

Помолчала, осмысляя собственные слова, и добавила, понизив голос:

— Хотя мне много и не надо.

Оставив церковь позади, они шли теперь вниз по склону под каменными арками. Хордан, вопреки своей осмотрительности, не смог не задать вопрос, вертевшийся на языке:

— А твой муж?

В полутьме блеснули ее глаза. И вдруг впились в него:

— А что мой муж?

— Это он приучил тебя к этому зелью?

— О господи, нет, конечно! Даже близко не было. — Она как будто собиралась рассмеяться, но передумала. — Он ни разу в жизни не попробовал ни единого снадобья. Просто посещал эти заведения и наблюдал… В чем еще может найти утешение такой человек?

Они дошли до той самой таверны, куда Ле-

на привела его в первый раз. Две керосиновые лампы освещали столы. Не спрашивая Хордана, Лена села за ближайший и, когда подошел тот же тучный усач-хозяин, заказала бутылку вина и долму. Потом знаком показала Хордану, который оставался стоять и с беспокойством поглядывал на часы, чтобы сел напротив.

— Есть такое итальянское словечко — *sprezzatura*... Слышал?

— Нет.

— Чаще всего относится к манере одеваться, но можно применить и к характеру. Это такое особое безразличие или элегантная небрежность в одежде, а если шире — то в отношении к окружающему миру и вообще к жизни.

Она достала из кармана зажигалку и пачку «Рэли», вытащила и прикурила сигарету. Хордан отметил, что все ее движения стали теперь стремительны и точны. Зрачки так расширены, что радужка совсем не видна.

— Когда я познакомилась с Пантелисом, меня пленила эта самая *sprezzatura*... Оттого я и влюбилась в него. И так шло до тех пор, пока я не поняла, что откликаюсь не на манеру, а на отсутствие.

— Отсутствие чего?

— Жизни... Я поняла, что он мертв. Я вышла

замуж за мертвеца.

— Чего ж ты его не бросишь?

Она взглянула на него со спокойным удивлением:

— Как же мало ты знаешь женщин…

И дважды поднесла к губам сигарету, прежде чем продолжить фразу, произнося слова так медленно и с такими паузами, что казалось, будто декламирует что-то:

— Ты уже спрашивал меня об этом несколько дней назад, и я тебе ответила. Я сказала тогда, что слишком устала, чтобы уехать куда-то. — Она помолчала секунду. — Начинать все сначала в другом месте и с другим мужчиной? Нет уж, спасибо. Я уже давно решила: он будет последним.

Хозяин подал вино и рис, завернутый в нежные виноградные листья. Лена выбросила недокуренную сигарету за ограду веранды и поднесла стакан к губам.

— Пью за все, чем я не была.

Облокотившись о стол, задержала бокал на весу у губ и сказала с удовольствием:

— Мне нравится смолистый вкус рецины… Как будто пьешь землю.

С этими словами она подцепила пальцами долму и поднесла ее ко рту.

— И потом, — вдруг добавила она, откусывая, — мой муж из тех, кто считает — или считал, — что если уж кого-нибудь покупаешь, покупать надо с потрохами. И душу тоже, или что у нас там?

Она задумалась и взглянула на море, ставшее под волнорезом совсем черным. Лиловато-янтарный полумрак сменился ночною тьмой. Луна еще не взошла. Лишь в отдалении медленно скользили ходовые огни какого-то парохода.

— И теперь я трачу часть жизни на то, чтобы доказать ему, что он ошибался. Относительно цены его покупки, я хочу сказать. Неудачная вышла сделка.

Она говорила оживленно, будто рассказывая нечто забавное. Отпила вина и съела еще одну долму.

— Не хочешь?.. Очень вкусно. Акис, здешний хозяин, добавил к рису немного перченого мяса.

Хордан молча покачал головой и ограничился глотком вина, а Лена снова принялась рассказывать про Пантелиса Кательоса. Когда они познакомились, он был — или выглядел — ослепительным. Казалось, ни границы, ни таможни, ни социальные различия, ни деньги не имеют для него никакого значения. И она долго преклонялась перед ним, как студентка перед

профессором.

— Как утята плывут в прудах за мамой-уткой… Ты бывал в Монте-Карло?

— Нет.

— Тогда тебе трудно вообразить, что значило увидеть, как естественно он идет по миру, которому принадлежит и который одновременно презирает. И еще он повез меня в Берлин, показавшийся мне истинным чудом, — настоящая столица мира, будто сошедшая с полотна Гросса, где среди других персонажей словно бы оказалась и я… Ты знаешь Берлин?

— Нет. Я бывал только в Гамбурге и в Киле.

— Я столько развлекалась в жизни, — продолжала она почти весело. — Ослепительные ночи, переплетенные с днями… А барон управлял всем этим так легко и непринужденно и с таким умным, блестящим, неповторимым юмором. Там, в кабаре «Эльдорадо», было возможно все — мужчины, женщины и любая их комбинация, какую только пожелаешь… Там, в Берлине, Кательос сбросил маску — или, наоборот, надел? — и стал приучать меня к своим привычкам. Показывать, что крылось за ними. Там жила его подруга — актриса Петра Кауфман, женщина красивая и абсолютно распутная. Ее дом притягивал к себе

художников, актеров, кинематографистов… — Она вдруг замолчала, и расширенные зрачки пристально взглянули на Хордана. — Понимаешь, о чем я, моряк?

Он прекрасно понимал. И представлял ее в Берлине — ее нагое тело, каким видел его часа два назад, на смятых простынях в доме на обрыве, ее длинные ноги, обвивающие его бедра, вновь обонял запахи ее тела, ее пота, ее лона. Его руки и губы до сих пор были пропитаны ими, и он жалел, что скоро запахи выветрятся. Внезапно он испытал неистовый прилив ненависти к Кателльосу и вожделения к ней.

— Понимаю, — ответил он.

— Я и сама была, что называется, женщина с прошлым, однако никогда не переходила известные границы. А он перевел меня через них, и не для моего, а для собственного удовольствия. Он сидел и смотрел, дымя турецкими сигаретами, которые курил в ту пору. Он был утонченным и холодным свидетелем… Это был жестокий и почти извращенный холод.

Она замолчала, поднося к губам новую сигарету. Это движение и то, каким она чиркнула зажигалкой и прикурила, оставались стремительными, ловкими и свободными. Их точность

показалась Хордану идеальной.

— И наконец я поняла, что для него все возможно, потому что ему все безразлично. Он бродит по руинам правды и искренних чувств, и его мир разлетелся на куски, рассыпался в прах, покуда он смотрел на него равнодушно, пассивно и холодно, ожидая его гибели с любопытством ученого-натуралиста.

Она глубоко затянулась, выпустила дым разом изо рта и ноздрей и взглянула на огонек сигареты внимательно, как будто ища ускользнувшую мысль или воспоминание.

— Вот так и вышло, что мертвый мужчина убил еще живую женщину, — договорила она.

— Но ведь, пока все это происходило, он тебя любил? — с сомнением сказал Хордан.

Она воззрилась на него с издевательским недоумением:

— Быть не может, чтобы он сказал тебе что-то в этом роде… Неужели у вас дошло до таких откровений?

Хордан ничего не ответил. Потом уперся локтями в стол и подался вперед:

— Если ему все безразлично, почему же он предоставил свой остров мне и моим людям?

— Его старый друг Метаксис обратился к нему

с личной просьбой, а Кательос всего лишь соблюдал свои представления о порядочности, подобно тому, как до и после женитьбы содержал дорогих любовниц.

Она подняла бокал и прикоснулась им к стоявшему на столе бокалу Хордана:

— Чтоб трупы не переводились. Знаешь этот тост?

— Нет.

Старинная формула, объяснила она, отпив глоток. Простонародный жаргон. Во время Крымской войны суда привозили такое множество убитых солдат, что в портах нанимали всякий сброд, чтобы выгружать их из трюмов и хоронить. И это выражение заменяло пожелание работы и денег. «За удачу!» В Греции продолжают верить в сглаз, в злую судьбу и гадают на кофейной гуще.

— Скольких ты убил, капитан Михалис?

Неожиданный вопрос, заданный с безупречной холодностью, огорошил Хордана.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что газеты читаю. Ну, там, про корабли, таинственно тонущие в Эгейском море…

Хордан беспокойно заерзал на стуле:

— Не знаю… Не могу ответить…

— Это отчизна приказала тебе отправить на

дно всех этих людей?

Хордан мрачно откинулся на спинку стула и дотронулся до своего бокала, не подняв его.

— Я, знаешь ли, не патриот в полном смысле слова.

Лена с чрезвычайным вниманием всматривалась в него.

— А-а, понимаю… — сказала она, чуть помолчав. — Исполняешь свой долг, да? Как мой муж — свой? Наверно, на душе легче, когда это сознаешь. Это и мужественно, и утоляет душевную боль.

Последнюю фразу она произнесла с понимающей улыбкой, которую, однако, можно было трактовать двояко.

— Давай спустимся к морю. Так хочется помочить ноги в воде.

— Поздно уже, — возразил Хордан.

— Это никогда не поздно.

По лестнице, доходившей до самого берега, они спустились к воде, оставив наверху темные силуэты домов, точно склоненных над крутым обрывом. Пятнышки светлячков рассеивались перед ними, будто уступая дорогу. Темнело пятно пришвартованной к волнорезу моторки. Луна еще не взошла, и ни с моря, ни из города не доно-

силось ни звука — ни плеска воды, ни шороха. Ни малейшей ряби или отсвета на поверхности моря, гладкой, как лезвие ножа, и линию горизонта можно было определить лишь потому, что над ней виднелись звезды. Лена, ставшая темным стройным силуэтом, медленно двигалась вдоль берега. И еле слышно напевала песенку, которая звучала с граммофона, когда они были в доме:

…а нам,
безденежным парням,
довольствоваться поцелуем,
красавиц наших не балуем,
зато сияет нам звезда
со дна небесной чаши.

Потом вдруг оборвала куплет и — черная тень на фоне черной воды — спросила:

— Эй, моряк, искупаться не хочешь?

— Нет, ни к чему это… Холодно.

— Ну и черт с ним. Давай нырнем вместе.

— Еще чего!

— Много потеряешь.

На фоне темного неба появились ее вскинутые над головой руки, и Хордан увидел, как она снимает тельняшку и платье.

— Осторожно, там могут быть колючки.

— Да к дьяволу их. К дьяволу все, если пока еще светят звезды.

Хордан подошел к краю платформы и увидел, как Лена — или ее тень — спустилась по лесенке и исчезла. Ни единый звук не нарушил при этом полнейшее безмолвие, царившее в воде, как будто женщина в ней просто растворилась. Хордан, слегка обеспокоившись, всматривался в черноту пучины и уже обдумывал нелепый план броситься в море на поиски, когда из-под лесенки донесся слабый звук. Потом на фоне неба возник знакомый силуэт, и мокрое обнаженное тело прильнуло к телу Хордана, будто ища у него защиты. Ее била крупная дрожь, и губы ее, соленые от морской воды, искали его губы.

— Тебе холодно? — спросил он.

— Нет-нет… Мне страшно.

— Почему? — удивился Хордан.

— Потому что ты уйдешь, и все это сотрется в памяти.

Она прижалась к нему всем телом, покрытым каплями, а Хордан, чувствуя, как намокает на нем рубашка, все крепче обнимал Лену.

— Будь ты проклят, капитан Михалис, — внезапно прошептала она.

Хордан не сразу понял ее.

— Да, — наконец ответил он.

И закинул голову, разглядывая небесный купол, который, казалось, опускался над застывшей в объятии парой, чтобы окутать их до конца времен. И еще казалось, что они остались вдвоем в последнюю ночь мира сего.

11. Мужские разговоры

И Сальвадор Лонкар, и Пепе Ордовас в этот день оказались не на высоте: играли спустя рукава и две партии, к обоюдному облегчению, свели вничью. Головы у них были заняты другим, и даже две девицы, присланные радушной мадам Азийаде, — одна оказалась юной армянкой — интереса к себе не пробудили. Так что обе после долгого и скучного ожидания отчалили и взяли курс на других посетителей кабаре. Как рассеянно выразился Ордовас, когда партнер в последней партии съел у него второго коня, «не в коня сегодня корм».

От кальянов со щепоткой гашиша оба не отказались. Раскинувшись на диванах, республиканец и франкист смотрели друг на друга сквозь облачка дыма, который, пройдя благополучно и отрадно через легкие, голубел теперь в воздухе между ними. Первым открыл огонь Ордовас. В пятый раз попыхтев кальяном, он, не спуская глаз с Лонкара, сунул руку во внутренний карман, выудил оттуда пухлый конверт и положил его рядом с шахматной доской:

— Давши слово — держись…

При этих словах он скривил губы в своей лисьей улыбочке. Лонкар, ослабив брючный ремень, помассировал объемистый живот: сестры Калафель в полдень побаловали его изысканным тушеным козленком. Он смотрел на конверт, не прикасаясь к нему. Следовало соблюдать все тонкости протокола и добросовестно исполнять свою роль. Ибо глупость среди недостатков его партнера не значилась. Он снова пососал мундштук кальяна, не спуская глаз с конверта и не произнося ни слова. Реплику подал партнер:

— Здесь первая половина суммы — пятьсот красивых купюр из Банка Англии и Ирландии, здоровенных, как простыни... — Ордовас удовлетворенно помолчал. — Немало, согласись... И поверь, уломать начальство было непросто.

Лонкар счел нужным изобразить недоверие, а не играть в поддавки:

— Полагаю, банкноты подлинные?

Собеседник прижал к сердцу мундштук наргиле:

— Обидные ваши слова, сударь... Думаешь, я способен подложить тебе такую свинью?

— Ты нет, а с твоего фашистского начальства станется.

— Не беспокойся: им выгодно, чтобы ты остался

доволен. Мы все верим, что это основа плодотворного сотрудничества… Теснее ряды и так далее.

Лонкар, все еще не прикасаясь к конверту, продолжал его рассматривать. Все должно происходить в своем ритме, думал он. На все есть манера. Если слишком резко дернешь удочку, крупная рыба может оборвать леску. И, помедлив немного, выпустил облачко дыма.

— Запиши, Пепе.

Ордовас отложил кальян и вытащил блокнотик и вечное перо «ватерман».

— Пли! — сказал он, отвинчивая колпачок.

— «Кронштадт», водоизмещение семь тысяч тонн.

— Русский?

— Да… Подробности найдешь в морских регистрах, потому что раньше это было испанское судно «Монте-Ампаро». Через несколько дней выйдет из Одессы курсом на Босфор.

Франкист, высунув от усердия кончик языка, строчил в блокноте.

— Маршрут известен?

— Обычный. Пройдет по проливу между Тиносом и Миконосом. Потом планируется якорная стоянка у острова Милос, где его закамуфлируют и сменят название и флаг.

— И чей же это будет флаг?

— По выходе советский, потом британский.

— А когда название станет английским?

— Вот чего не знаю, того не…

— Твою же мать, Сальвита… Не крути мне мозги!

— Говорю же — не знаю.

— Артиллерия на борту будет?

— У кого ее сейчас нет? Этому, вероятней всего, поставят два орудия небольшого калибра: одно на корму, другое на бак.

Глазки Ордоваса алчно заблестели.

— Теперь давай про характер груза.

— Груз — жирный кус. — Лонкар, опасаясь ошибиться, говорил очень обстоятельно. — Десять бомбардировщиков «Туполев». Запас горючего и масла. Боеприпасы, комплекты запасных частей. Сопровождают их тридцать пилотов плюс еще сколько-то сборщиков и техников.

Ордовас перестал писать. И открыл рот:

— Вот это да…

— Именно так.

— И все русские-распрорусские?

— Все. И команда тоже, хотя все в гражданском и с нансеновскими паспортами. Причал оцеплен НКВД, без специального пропуска близко не

подойти. Грузчикам сказали, что судно идет на Дальний Восток.

Ордовас снова взялся за перо:

— Конечный пункт известен? Истинный, я имею в виду?

— Если будут допрашивать или перехватят в открытом море, скажут, что направляются в Мексику, в порт Веракрус. Однако разгрузиться они должны в Картахене. В документах груз зарегистрирован как сельскохозяйственная и промышленная техника. Помимо самолетов, в трюме десять тысяч чехословацких винтовок, пять миллионов патронов и сто пятьдесят германских минометов… Насколько я знаю.

— Ни хрена себе…

— Вот-вот.

Ордовас вздохнул:

— Что ж, ты свои фунты честно заработал.

— Я заработал больше, но мы об этом поговорим, когда зайдет речь о следующих рейсах.

На лисьем личике появилась плотоядная гримаса.

— Другие товарищи тоже поднимают якоря?

— Само собой.

Ордовас сделал пометку в блокноте.

— А скажи-ка, сопровождение будет?

— Как всегда — только до выхода из Черного моря… Дальше «Кронштадт» двинется на свой страх и риск, пока на траверзе Алжира не встретит республиканский конвой.

Франкист с довольным видом перечел свои записи и сделал вывод:

— Это очень хорошо.

— Еще бы не хорошо… Нам не за красивые глаза платят.

— А есть еще сведения о том, что планируется?

— Кое-что имеется, но всему свое время. Пересмотрим тарифы и вернемся к этому вопросу.

— Если с «Кронштадтом» все пройдет гладко, — Ордовас прижмурил глаз, — можешь на это рассчитывать.

— Гладкость — это уж ваша забота, она же и печаль.

Ордовас спрятал в карман блокнот и ручку.

— Все будет в лучшем виде.

Он хлопнул в ладоши и заказал явившемуся на зов Шиколате бутылку шампанского.

— Отметим, как Господь заповедал. А? Как смотришь?

— Смотрю одобрительно.

Лонкар перехватил быстрый колючий взгляд своего партнера и прочел в нем отблеск тревоги.

Внезапную опаску. Свойство человека, которого инстинкт профессионала заставляет искать волосок в тарелке супа, поданной официантом.

— Мы разговариваем как джентльмены, Сальвадор, а не как те, кто мы на самом деле… Мы ведь с тобой заодно, а?

— Разумеется.

— Это исключение, которое подтверждает правило.

— Верно.

— Я уже спрашивал, но повторю. — Здесь Ордовас сделал краткую паузу. — Мы давным-давно знакомы… война идет уже десять месяцев… Почему ты решился только теперь?

— Я вступил в тот возраст, когда шпион — или кто мы с тобой? — начинает прежде всего спасать свою шкуру.

Франкист всматривался в него пристально, как в шахматную доску, где нежданно возникла мудреная комбинация.

— Не клеится, старина, — вынес он свой вердикт миг спустя.

Лонкар протянул руку, очень спокойно взял конверт, открыл его и заглянул внутрь. Там, сложенные вдвое, лежали банкноты с портретом короля Георга Пятого. Он снова закрыл конверт и

опустил его во внутренний карман. Подумав при этом: «Бывали в моей жизни дела и похуже».

— Тогда скажу иначе, — ответил он. — Республика катится в задницу… Ты не думай — я остался человеком левых взглядов. Но того, что происходит сейчас, быть не должно. И мне вот уже где люди бессовестные, бездарные и преступные.

Ордовас издал сдавленный смешок:

— Ну, таких и у нас отсюда до Мадрида раком не переставить.

— И потому пришло время обеспечить себе жизнь, понимаешь? Погляди, что сейчас творится в Барселоне: коммунисты, троцкисты и анархисты убивают друг друга вместо того, чтобы всем скопом навалиться на вас, фашистов.

— Да вы за нас полработы сделаете, — с издевкой ответил франкист. — Нам меньше ваших расстреливать придется, когда все кончится.

— О том и речь. Кто б там ни победил, кого бы ни расколотили, не желаю возвращаться в страну, которую твои и мои превратили в лепешку дерьма собачьего. И придет Испания в норму еще не скоро.

— Если вообще придет когда-нибудь.

— И то верно…

— Но любовь к Испании…

Лонкар мотнул головой и долго посасывал мундштук.

— Пепе, кончай морали читать... — сказал он и выпустил клуб дыма. — Сейчас единственный способ любить Испанию — свалить из нее подальше.

Ордовас, признавая его правоту, кивнул. Официант внес бутылку «Боллинже» в ведерке со льдом и два бокала. И когда оба агента подняли их в безмолвном тосте, Лонкар подумал, что, если правдой прикрываешь ложь, лгать не так уж трудно.

Шомполом с наверченной на него тряпочкой Пантелис Кательос, удалив остатки масла, досуха протер оба ствола и присоединил их к прикладу. Ружье Пёрдэя, снова засияв чистотой, было готово к стрельбе, и барон поставил его на место — в шкаф на галерее, где хранилось оружие и патроны, рядом с «Сараскетой» 12-го калибра, пятизарядным револьвером «Гассер» — памятью о тех временах, когда он офицером воевал с турками, — и ящиком с парой изящных дуэльных пистолетов английского производства, принадлежавших еще его отцу.

После этого он сунул руки в карманы старого шерстяного кардигана и направился в выходя-

щую в сад гостиную, обставленную стульями из итальянской вишни, где на потускневшем столике красного дерева лежали старые номера «Вог» и «Журналь де ла Фамм», по стенам висели картины со сценами охоты, стояли две витрины с русским фарфором знаменитого императорского завода — ныне эти изделия сделались редкостью, потому что большевики уничтожали коллекции и музеи планомерно и упорно, и барон отыскивал эти чашки и вазочки в антикварных магазинах всей Европы и преподносил жене, пока безразличие, с которым она их принимала, в конце концов не отбило у него к этому охоту.

— Такая же мертвечина, как Россия, которую я помню, — с бесстрастной холодной злобой сказала она в последний раз.

Кательос остановился посреди комнаты, глядя в открытую дверь на террасу. Лена сидела на плетеном стуле с раскрытой книгой в руках, но сейчас не читала, а смотрела на море, синевшее между стволами олив, олеандрами, кустами и цветами, истомленными зноем. Одета она была по обыкновению небрежно — в выцветшее домашнее платье из серого муслина. Босые ноги на табурете, длинная стройная шея открыта чуть не до самого затылка. Барон, не шевелясь, долго

рассматривал жену, подобно тому как изучают сфинкса, пытаясь представить себе ситуации, вообразить или угадать которые под силу было ему одному, увидеть смутные образы, которые удивительным образом одновременно и поровну дарили наслаждение, томили тревогой, терзали страданием.

Когда-нибудь она угаснет, подумал он, и эта мысль, как ни странно, принесла утешение. Как угасаем все мы. Мои печали и ее горести, настигшие нас на этом острове, уйдут вместе или разойдутся в разные стороны и будут унесены темными водами этой Леты, ибо для тех, кто пьет их, все растворится, все исчезнет. Все потеряет значение, когда они придут к месту вечного забвения. Раздумывая над этим, он принялся представлять себе Лену по прошествии скольких-то лет — Лену состарившуюся, если ей суждено дожить до старости — тут он вспомнил о следах уколов на руках, — сморщенную, безмолвную, наконец расставшуюся со своими страстями и злобой. И, неподвижно стоя посреди комнаты, думал об этом со спокойным бесстрастием, наблюдал за своей женой, припоминал ситуации, слова, ощущения, угрызения совести — всю их совместную жизнь прежде и после того, как демо-

ны судьбы с насмешливым хохотом вмешались в ход событий.

Переступив порог, он вышел наружу. Он двигался бесшумно, но Лена почувствовала его присутствие. Оторвала взгляд от моря и повернула голову к барону. Книга, лежавшая у нее коленях, оказалась романом Форда Мэдокса Форда «Солдат всегда солдат». Барон припомнил его начальные строки: «Много я слышал разных историй, но эта — самая печальная из всех»[76]. В отличие от него, не выносившего современных романистов, которых всех скопом считал шарлатанами, забивающими лживой чушью головы дам, Лена любила литературу такого сорта. У нее в спальне или здесь, на террасе, всегда лежали романы Генри Джеймса, Сомерсета Моэма, Стефана Цвейга и Джозефа Конрада, где на многих страницах со следами сигаретного пепла и пролитого кофе карандашом были отчеркнуты целые абзацы.

— Как спалось? — спросил барон.

— Спасибо, хорошо.

Этот учтиво-рутинный диалог повторялся каждое утро. Кательос показал на море, словно

---

[76] Notes: 76

Цитируется первая фраза первой главы самого известного романа Форда Мэдокса Форда «Солдат всегда солдат: хроника страсти» («The Good Soldier: A Tale of Passion», 1915), перев. Н. Рейнгольд.

призывая его в свидетели:

— Ты вчера поздно вернулась. Я слышал шум мотора.

Это был не упрек, а объективный комментарий. Лена в ответ лишь кивнула:

— Да.

— Как было на Сиросе?

— Хорошо… Как и всегда.

Положив книгу на столик, она наклонилась достать сигарету. Прежде чем дотянулась до зажигалки, Кательос вынул из кармана коробок и чиркнул спичкой. Лена прикурила от поднесенного огонька.

— Спасибо.

— Ты была одна?

— Нет.

Повисло молчание, и барон, не зная, как его нарушить, в конце концов уселся в соседнее кресло. Лена вновь уставилась на море.

— И каков он был? — решился наконец Кательос.

— Кто?

— Сама знаешь.

— Ты меня уже спрашивал однажды.

— Помню. Но с тех пор ты, наверно, узнала его получше.

Лена минуту молча курила. И потом безразлично пожала плечами:

— Ты уже знаешь.

— Какой он? — настойчиво повторил барон.

Лена как будто на миг задумалась:

— Полагаю, хороший человек.

— Полагаешь?

— Безыскусный, молчаливый, мужественный… Воплощенный моряк.

— Из тех, кто не знает, кто такие Ницше и Фрейд и какому придурку до них вообще есть дело?

— Из тех самых. — Она улыбнулась без тени юмора. — Из тех, кого ты видишь на мачте, когда они укрощают мокрые паруса и криком отвечают на яростный рев шторма.

— Таких кораблей уже не осталось.

— Кораблей не осталось, а люди пока есть. И ураганы есть, и войны.

Они снова замолчали. Над синевой моря, заполнявшего собой все, кружили бело-серые чайки. Кательос проводил взглядом маневры тех, что парили близко к берегу.

— И что он думает?

Лена выпустила дым. В неподвижном воздухе его облачко долго плыло между супругами, постепенно истаивая.

— О чем?

— Об этом. — Рука его прочертила круг. — О нас.

Лена пренебрежительно прищелкнула языком.

— Едва ли он думает что-то особенное. Полагаю, в тебе он видит всего лишь эксцентричного рогоносца, а во мне — равнодушную шлюху. — Она помолчала, словно обдумывая сказанное. — В конце концов, он солдат, вернее заезжий моряк. Знает, что скоро снова уйдет в море, и поминай как звали. Ни ты, ни я жизнь его не изменят.

Язвительная реплика барона перебила ее:

— То есть он как бы сходил в припортовый бордель между двумя рейсами?

Лена, обернувшись к нему, ответила бесстрастно и спокойно:

— Нечто в этом роде.

— Не думаю, — настаивал на своем Кательос. — Я разговаривал с ним и заметил, как он на тебя смотрел.

— Видишь ли, в радиусе нескольких миль, кроме как на меня, смотреть не на кого.

— Что касается того, чтобы изменить жизнь, то ты изменила мою.

— Ради бога… — Она снова отвернулась к мо-

рю. — Прошу тебя.

Эти слова она произнесла, не вынимая сигареты, которая прыгала у нее во рту.

— И потом, это я позвала его.

Кательос вздохнул, мучаясь прежде всего оттого, что испытывает муки.

— Тебе непременно нужно причинить мне боль…

— Не преувеличивай свое значение. В данном случае ты вообще ни при чем. Я так захотела, и все на этом. — Наклонив голову, она как будто размышляла. — И еще захочу.

С этими словами неожиданно и резко выщелкнула непогашенный окурок в соседние кусты.

— И на этот раз ты наблюдать не будешь, — жестко прибавила она. — Сочувствую… Не сможешь даже дать волю воображению.

— На этот раз ошиблась ты. Прекрасно смогу.

Повисло молчание, теперь более продолжительное. Лена продолжала созерцать море и серые, бурые, размытые очертания островов в отдалении.

— О господи, Лена… *Étes-vous tombèe amoureuse de cet homme?*[77]

---

[77] Notes: 77
Ты что, влюбилась в этого человека?..

Кательос перешел на французский бессознательно. По-гречески это звучало бы немыслимо.

– *Ne soyez pas ridicule*[78], — ответила она.

— Мне кажется, ты никогда прежде…

Лена приподнялась на стуле и села по-турецки, поджав под себя длинные ноги с ярко-красными ногтями.

— Он уйдет, понимаешь? — сказала она. — Как только окончится его миссия — а это произойдет скоро, — он навсегда покинет этот остров. Уйдет из моей жизни и из твоей тоже… И все снова станет безмятежно привычно для тебя и безмятежно пусто для меня.

— Может быть, тебе следует тоже уйти? — рассудительно сказал Кательос. — Бросить этот остров и последовать за ним.

— Умоляю тебя, ни слова больше… Ты слишком умен для таких речей. Не переходи от смехотворности к идиотизму.

— Хорошо, будь по-твоему… Снимаю предложение последовать за ним, потому что черт его знает, куда он направится… Оставляю только предложение уйти отсюда. Сбежать.

— Сбежать? — удивилась она. — От чего же я

---

[78] Notes: 78
Это смехотворно *(фр.)*.

должна убегать?

— От меня. Или от нас.

— Это я уже делаю.

Кательос почувствовал на себе ее взгляд. Жесткий и ледяной, он странно сочетался с тем, что, когда Лена заговорила вновь, голос ее дрожал.

— Рано или поздно все мы расплачиваемся. До, во время или после… Я думаю, что разочлась с долгами в первом случае.

— И теперь пришел мой черед, — принимая это как должное, произнес барон.

— Всему свое время. Теперь пришла пора держать ответ перед своими призраками.

Она вновь отвернулась к морю:

— Уйти, говоришь?

Наклонившись к столику, она взяла книгу и сделала вид, будто читает, однако барон знал, что это лишь притворство.

— Не говори глупости… — сказала она, перелистывая страницы. — Где еще я найду такое Саргассово море? Такое идеальное место для застоя и распада таких жизней, как наша?

Хордану снилась Лена Кательос, и в этом странном сне они, взявшись за руки, бродили по темному и пустынному городу. Проснувшись, он увидел Бомонта, который стоял рядом и осторож-

но трогал его за плечо:

— Срочное сообщение, сэр.

Хордан заворочался на своей брезентовой раскладушке, пытаясь вернуться к яви. Луч солнца через окно ударил в лицо, и миг спустя Хордан забыл о том, что ему снилось. У него пересохло во рту, а обнаженный торс был покрыт потом. Он протянул руку к зарядному ящику, служившему ночным столиком, и взглянул на часы: четверть девятого утра. После того как они потопили судно в десяти милях к северу от Миконоса и пришвартовались, капитан спал всего полтора часа.

— Я отправил рапорт об операции, — сказал радист. — А в ответ получил вот это. — Он протянул листок бумаги. — Длинно и вроде бы важно.

Хордан, все еще одурманенный сном, с медлительным усилием приподнялся и сел на койке. И показал на кувшин с водой, стоявший на полу возле койки:

— Дайте, пожалуйста…

Англичанин подал ему кувшин, и Хордан с жадностью стал пить. У него сильно болела голова.

— Сделайте еще одно доброе дело… — Он показал на свой рабочий стол. — Там где-то лежит аспирин.

Бомонт протянул стеклянную трубочку, Хордан

вытряс на ладонь две таблетки и проглотил их, запив крупным глотком.

— Код обычный, — сказал радист. — В первой части нас поздравляют с успешной ночной работой: хвалят, льстят, кадят и курят фимиам. Небесам видны лавры на нашем челе и лепестки роз под нашей стопой.

— Покороче, Бомонт…

— Вы же знаете — я отзываюсь на имя Бобби.

Хордан сердито глянул на него. Он был не в духе и очень хотел спать.

— Короче!

— Что ж, повинуюсь, мой господин… То есть достославный повелитель. Иными словами…

— Хватит, я сказал. Прекратить пустозвонство!

— Ладно. Поскольку остальное зашифровано кодом «Оскар», я не знаю, о чем там речь… А тот, кто может узнать, сковал мои уста.

Хордан рассеянно кивнул, надевая рубашку. Код «Оскар» был известен ему одному. Им — три группы двузначных цифр для каждой буквы — шифровались самые важные и секретные депеши.

— Я сейчас этим займусь.

За стеклами очков помаргивали красные, помутневшие от усталости глаза радиста. Хордан

немного смягчился:

— Идите отдыхать. Вы тридцать часов не спали.

Бомонт замялся:

— Как же я оставлю телеграф, сэр?..

— На несколько часов — ничего страшного.

Бомонт с благодарностью принял разрешение, провел ладонью по впалым небритым щекам.

— От души благодарю вас, мой мальчик… Мне в самом деле надо поспать. Пустой лампады истощенный свет уж гаснет в вечной тьме от долгих лет… Мы наши члены вправе упокоить, ведь вздохи, слезы, стоны часы показывают и минуты[79].

— Вот именно! — Хордан указал на дверь. — Надо будет отстучать ответ — я вас разбужу. А сейчас скройтесь с глаз моих.

— Спасибо, сэр. — Радист, выходя, еще задержался на пороге. — Позволю себе поздравить нашу волчицу с удачной охотой… Ее стальной язык и бронзовые челюсти, равно как и мы, счастливые смертные, остались в целости и сохранности.

Хордан снова кивнул. Это и в самом деле мож-

---

[79] Notes: 79

Цитируются два фрагмента из хроники «Ричард II» Уильяма Шекспира (акт I, сцена 3 и акт V, сцена 5). Перев. А. Курошевой.

но было счесть «чистой работой». Чистой и точной. Атакованное судно называлось «Кальбланке», а известно про него было лишь, что идет оно под фальшивым британским флагом, что водоизмещение его 3800 тонн брутто, а на палубе стоит маленькое орудие. Транспорт вышел из Севастополя с грузом продовольствия и боеприпасов, и его капитан, зная, что в Эгейском море стало небезопасно, отклонился от обычного курса на восток. Каики-разведчики засекли его, и «Волчица» в полдень заметила добычу. Убедившись, что это искомая цель, Хордан на расстоянии двинулся следом, подражая маневрам рыбачьей шхуны, пока не счел, что момент и место как нельзя лучше подходят для атаки, и тогда поднял итальянский флаг и одной торпедой, пущенной с дистанции в семьсот метров, отправил транспорт на дно. Понять, остались ли выжившие, было невозможно, но радист Бомонт поймал переданный с «Кальбланке» сигнал QQQ, сообщавший, что на стольких-то градусах примерных широты и долготы подвергся торпедной атаке.

— Сейчас команду уже должны были подобрать, — сказал Бомонт, словно читая его мысли. — Вы им дали время подать сигнал…

— Выйдите! — оборвал его Хордан.

— Есть, сэр, — заморгал англичанин.

И, вскинув два пальца к правой брови, наконец удалился. Хордан потянулся и вымыл лицо водой из тазика. Потом, открыв коробку, извлек оттуда помидор и ломоть сушеного тунца. Откусывая и жуя, он достал шифроблокнот, карандаш, бумагу и сел расшифровывать радиограмму:

> Силу внешних обстоятельств миссия близится завершению будьте готовы окончательному сворачиванию базы следуйте стандартным процедурам будьте готовы получению инструкций относительно важной цели подробная информация ближайшие дни предупреждаем присутствии британского военно-морского подразделения, ведущего наблюдение за этими видами связи рекомендуем соблюдать крайнюю осторожность этих водах.

Он уже завершал расшифровку, когда в дверь постучали. Вошел Иоаннис Элеонас с оловянной кружкой горячего кофе.

— Только что сварил, *капетанье*. Бобби сказал, вы уже проснулись.

— А вы не спали?

— Сейчас собираюсь… Мы с машинистом налаживали машинный телеграф. Больше не забарахлит.

Покуда Хордан подносил ко рту кружку, Элеонас смотрел на расшифрованную депешу — смотрел издали и прочесть ничего не мог. И молчал. Он был не из тех, кто задает вопросы. Хордан сам ввел его в курс дела:

— К тому идет, штурман, что скоро все кончится… Команде не говорите, но, похоже, мы вступаем в завершающую фазу.

Штурман немного подумал:

— Мы и так припозднились с этим, вам не кажется?

— Не кажется, а так оно и есть. — Хордан допил кружку и наполнил ее снова. — И кроме того, нам очень везло.

Он заметил, что при этих словах Элеонас с трудом удержался, чтобы не сплюнуть через левое плечо. Грек до мозга костей, матерый контрабандист полагал, что обрадоваться удаче значит накликать беду.

— Пять утопленных транспортов — недурной баланс, — сказал Хордан. — Мы окупили вложения, да еще с лихвой.

Грек взглянул на него выжидательно:

— Вы сказали, что скоро прекратим это все… Но покамест будем продолжать?

— Еще немного. Однако плавбаза нам ничего больше не доставит, сами знаете…

— Ничего, справимся. У нас на берегу еще четыре торпеды, а с той, которую не выпустили вчера, — пять. Достаточно для четырех-пяти выстрелов. Так что нашей волчице есть чем кусать.

— На этот счет я спокоен. Сейчас нам указывают новую цель.

Штурман оживился:

— Скоро?

— Я так полагаю.

Они молча глядели друг на друга. Наконец Хордан развел руками, как бы покоряясь силе вещей:

— Это кончается. Постараемся напоследок.

Подойдя к столу, он отодвинул карты и взял «Регистр Ллойда» и «Торговые суда» Реплингера. Полистал оба справочника, нашел искомое и показал Элеонасу:

— Нынешнее название — «Кронштадт». Прежнее — «Монте-Ампаро», теперь ходит под советским флагом… Две мачты, две трубы. Построен в Пор-де-Бук в девятьсот двадцать первом. Может развивать скорость до восемнадцати узлов.

— Здоровенный… — заметил штурман, изучая описание.

— Семь тысяч тонн. И, судя по всему, везет что-то важное.

— Значит, чтобы пустить ко дну, придется всадить в него две торпеды.

— Значит.

Грек поднял голову:

— Дата известна?

— Он пока не вышел из Черного моря. В ближайшие дни, говорят, узнаем. Нас уведомят.

Элеонас зевнул. Он в самом деле вымотался, подумал Хордан.

— Идите спать, — сказал он.

Они вышли из домика на ослепительный солнечный свет. Хордан надел фуражку. На спокойном берегу не было ни души.

— Охрану выставили?

Элеонас улыбнулся:

— Я приказал повару охранять.

Хордан беспокойным взглядом окинул море:

— Тут может возникнуть дополнительная сложность… Я получил шифровку из Афин, а сегодня подтверждение… Никому не говорите об этом, но в здешних водах появился британский военный корабль.

Грек озабоченно почесал мохнатую грудь под рубашкой.

— И давно?

— Точно не знаю. Несколько дней.

— Что за корабль?

— Кажется, эсминец. Его выслали из Александрии или с Мальты для наблюдения за торговыми судоходными путями, пока идет конференция по морским перевозкам… Ему предписано ограничиться сдерживающим присутствием и избегать прямых действий, если только угрожаемые суда не идут под британским флагом.

Штурман мотнул головой:

— Кое-кто им лишь прикрывается.

— Англичанам это безразлично. Все должны уважать их флаг.

— И мы можем нарваться на этот эсминец?

— Все может быть.

Штурман немного подумал:

— Если он нас обнаружит и выйдет столкновение, нам не поздоровится. С боевым кораблем шутки плохи.

— Значит, нужно постараться, чтобы не обнаружил.

— Вы как думаете, о нас уже стало известно?

— Мы уже так нашумели, что кое-что извест-

но.

Направляясь к пакгаузам, они подошли к причалу. «Волчица» была пришвартована и накрыта маскировочной сетью. Элеонас оглядел катер с гордостью:

— Славная зверюга, а?

— Германская, — улыбнулся Хордан. — Быстрая, прочная и надежная.

— Не все ли равно, где ее построили, — настаивал на своем Элеонас. — Красотка!

Хордан с любопытством глянул на него. Такая уж у нас особенность, подумал он. Двадцать лет в море, ходил на рыболовных шхунах, мотоботах, пароходиках с самыми разнообразными командами и ни разу, даже в самых бедственных обстоятельствах, не слышал, чтобы кто-нибудь дурно отозвался о судне, по палубе которого шагал, даже если оно проржавело насквозь или еле держалось на плаву. Нет на свете моряка, который не испытывал бы нежности к своему кораблю, не гордился бы его достоинствами и не прощал бы ему недостатки. Иоаннис Элеонас, матерый рыбак и контрабандист, а временами и корсар, здесь не был исключением. Как, впрочем, и сам Хордан.

— Что с ней будет, *капетанье*?

Это была еще одна их неизменная особенность — моряки относились к своим кораблям, как к живым существам со своим нравом и чувствами. Корабль нельзя обманывать, потому что тот все равно узнает и не простит никогда. Хордан услышал эту истину от капитана «Рио-Кальдарес», когда впервые ходил в плаванье в качестве второго помощника и налетевший с востока шторм грозил разбить их о скалы между Санта-Исабель и Касабланкой. Никто, добавил тогда старый моряк, так не умеет распознавать ложь.

— Не знаю, — ответил он. — Либо передадим в состав национального флота, либо уничтожим, чтоб в буквальном смысле концы в воду… Смотря по тому, что нам прикажут.

Элеонас, казалось, осмыслял услышанное. Он остановился и рассматривал катер с грустной нежностью. На носу «Волчицы» красовалось изображение глаза.

— Хорошему кораблю, — сказал он, — положено окончить свои дни на дне морском. Как вы считаете?

— Конечно. И кораблю, и кое-кому из тех, кто на них плавал.

— Истинно так, — кивнул грек. — Что может

быть печальней, чем гнить на мелководье и ждать, когда тебя отправят на слом.

Коты на ковре, на кресле и на диване, вязанные крючком салфеточки, раскладной стол, кофе после ужина, музыка Верди по радио. Сальвадор Лонкар, усердно растопырив руки, держал шерсть, которую Акрасия Калафель сматывала в клубок.

— Бог знает, что творится в Каталонии и на арагонском фронте, — подала голос другая сестра. — Сказать по правде, неплохо, что прижали к ногтю этих молодчиков из ПОУМ… Но когда коммунисты и анархисты убивают друг друга на улицах, это уже совсем другое дело.

— Анархисты со своей неуступчивостью сделались просто невыносимы, — рискнул возразить Лонкар.

— Неуступчивостью?! — Либертад Калафель в негодовании пристукнула чашкой о блюдце. — Сначала надо завершить революцию, разве не так? Без этого невозможно выиграть войну.

— Не могу согласиться. Прежде всего надо одержать победу, все прочее потом. А проиграем войну — потеряем все.

— С чего это мы должны проиграть войну? Это довод милитаристов и буржуа. Как ты считаешь,

Акрасия?

— Мне тоже так кажется, Либер.

Та наставила на Лонкара чайную ложечку, как ствол пистолета:

— У революционного народа своя динамика, товарищ! Свой порыв и вполне закономерное нетерпение. Чинить ему препятствия — все равно что в ногу выстрелить.

Лонкар не удержался от язвительной реплики:

— Однако в Барселоне стреляли отнюдь не в ногу.

Либертад Калафель взглянула на него, как строгая учительница на лоботряса-ученика. И Лонкар в очередной раз должен был признать, что обе сестрицы напрочь обделены чувством юмора.

— Эти коммунисты и социалисты — прежде всего тупоумные скоты, — припечатала Либертад. — За исключением тебя, товарищ, и еще очень немногих, все они безмозглые и нахальные тупицы.

— Они доиграются, — предрекла Акрасия.

— Господи помилуй, четыреста убитых… Какое зверство, сестрица. А этот мерзавец Франко вместе со всей своей шайкой руки потирает!

Стенные часы с кукушкой — диковинное швейцарское изделие — возвестили десять, и почти

одновременно с верхнего этажа донеслась трель телефона. Лонкар выпростал руки из мотка шерсти и поднялся:

— Простите, сеньоры. Долг зовет.

— Ступай-ступай, — сказала Либертад. — И поскорей возвращайся. Нам еще надо обсудить этих толстяков, Асанью и Ларго Кабальеро[80].

Лонкар с показным ужасом воскликнул:

— Вы меня пугаете, милые сеньоры… Лучше уж останусь наверху.

— Иди-иди… Не придуривайся.

Лонкар поднялся к себе и снял трубку. Звонил Антон Солёнов. Представитель «Совфрахта» говорил спокойно и сдержанно, но серьезней, чем обычно:

— Полагаю, вы знаете последние новости.

Нетрудно было понять, о чем он. Сообщение о потере еще одного судна в Эгейском море пришло к Лонкару сразу двумя шифровками: одна была из главного штаба республиканского флота, другая — от военно-морского атташе посольства Испании в Афинах.

---

[80] Notes: 80

Мануэль Асанья-и-Диас (1880–1940) — испанский государственный деятель-левоцентрист, президент Испании в 1936–1939 годах. *Франсиско Ларго Кабальеро* (1869–1946) — испанский политик-синдикалист, председатель правительства в 1936–1937 годах.

— Кое-что мне известно, — ответил он осторожно: если где-нибудь и следовало опасаться прослушивания телефонных линий, то уж, конечно, Стамбул тут был на первом месте.

— Завтра в девять утра сможете быть у меня в конторе?.. Я, к сожалению, так занят, что в город не выберусь.

Лонкара эта просьба не обрадовала. Чтобы оказаться в Эюпе в девять, надо в восемь сесть на катер, а с постели подняться в половине седьмого. А он терпеть не мог вставать рано.

— Это важно?

— Было бы не важно, стал бы я вас беспокоить.

Лонкар смирился со своей участью:

— Буду.

— Благодарю вас. Доброй ночи.

Он повесил трубку и уже собрался было вернуться к сестрам Калафель, как вдруг взгляд его упал на шахматную доску. В блокноте на столе было записано последнее предложение неведомого противника с узла связи в Сьюдад-Линеале: «РхА». В предыдущей партии черные съели вражескую пешку, содействуя размену слонов, а белые согласились на это, съев пешкой черного слона. Положения Лонкара это не улучшило и лишь отсрочило неизбежное, казалось ему, пора-

жение. Но внезапно он увидел дальше этого хода. Это было ошибкой: пешка не давала противнику двинуть вражескую королеву на клетку, представлявшую наибольшую опасность для черных. Лонкар сел за стол, изучая новое положение фигур на доске. И взвешивая свои возможности. Он двинул коня, чтобы заблокировать эту диагональ — красивый черный троянский конь создавал коварную угрозу, — и подтвердил шах королю в два хода. Что ж, блестяще, ну или почти. Противнику будет над чем поломать голову.

Снизу через проем лестницы доносилась музыка. Лонкар записал положение фигур, чтобы послать его с первой почтой. Потом поднялся, довольный собой, и, насвистывая «На баррикады!», отправился к сестрам. В окне медленно восходила над восточным берегом Босфора оранжевая, с кровавым отливом луна.

Контора Солёнова помещалась в старом двухэтажном доме, где прежде находилось управление оттоманской полиции по Эюпу. Двери скрипели, открываясь, внутри пахло сыростью, а на стенах еще сохранилась первоначальная краска — такая же серая и облупленная, как на фасаде. Предъявив документы дежурному внизу и прождав десять минут на неудобной

деревянной скамейке под портретами Маркса, Ленина и Сталина, Сальвадор Лонкар был препровожден секретаршей — угрюмой коренастой блондинкой — наверх, в кабинет, а там с обычным радушием принят Солёновым, сидевшим среди макетов кораблей, старинного нактоуза и нескольких несгораемых шкафов под большой картой Восточного Средиземноморья и флагом Советского Союза на стене.

— Спасибо, товарищ, что пришли… Не стал бы вас беспокоить, если бы не исключительная важность дела.

Он нажал на кнопку звонка, и секунд через пятнадцать та же блондинка внесла на подносе бутылку водки, две рюмки и штук пять канапе с огурцами — подобное угощение в столь ранний час заставило Лонкара содрогнуться — и поставила все это на маленький столик между двумя креслами. Солёнов усадил гостя и уселся сам.

— Вы, разумеется, уже слышали о последнем судне, — сказал он, когда секретарша вышла.

— Разумеется, — кивнул Лонкар. — «Кальбланке».

— Да, это он. Наш последний Y… Подробности вам известны?

— Его потопили два дня назад. Экипаж успел

спустить спасательные шлюпки и был подобран кипрским сухогрузом. Один из матросов, кочегар, пропал без вести. Остальные живы.

Русский разлил водку и протянул рюмку Лонкару.

— Рановато… — возразил тот.

— Выпить за солидарность антифашистов никогда не рано.

Республиканский агент покорился своей участи — отхлебнул немного водки и закусил половинкой канапе. Закуска оказалась несвежей, а водка — подобна выстрелу в упор.

— Насколько я понимаю, это была не субмарина, — сказал Солёнов.

— Нет, быстроходный катер. В этом нет сомнений. Его успели рассмотреть, и все свидетели сошлись на том, что атаковали их итальянцы.

Русский скривил губы:

— Не уверен.

— Они говорят, на мачте был поднят итальянский флаг. Совершенно бесстыже.

— Несмотря на это, — упорствовал Солёнов. — Или как раз поэтому.

— Вам известно что-то такое, чего я не знаю?

— Мы получили донесения. Сведения неточные, но утверждают, что на одном острове находится

секретная база. И замешаны тут не итальянцы, а испанцы.

— Это невозможно.

— Вовсе нет. — Русский выпил залпом. — Ничего невозможного. Источники надежные, близки к правительственным кругам Греции. На острове находятся испанцы.

— На каком?

— Вот в том-то и дело… Надо узнать, на каком именно. И выбрать из полутысячи возможных.

— Но если греки знают, как же они терпят?

— Эх, товарищ, не все фашисты сидят в Италии. Не все нацисты в Германии.

Солёнов поднялся и подошел к висящей на стене карте. Замер, рассматривая ее и заложив руки за спину. Потом обернулся к Лонкару, который больше не прикоснулся к своей рюмке.

— Вам, товарищ, не понравилась эта водка?

— Сейчас девять утра.

Славянские глаза заискрились насмешкой:

— В эту самую минуту, — произнес Солёнов с деланой серьезностью, — рабочие и крестьяне Советского Союза уже давно встали и трудятся, солидаризируясь с антифашисткой Испанией.

— Несомненно, — согласился Лонкар.

— В таком случае пейте без разговоров! За про-

летарский интернационализм!

Испанец застенчиво смочил губы и сделал еще глоток, показавшийся ему едким, как купорос.

— Что там с нашей плавучей приманкой? — спросил он, переведя дыхание.

Русский улыбнулся:

— Я затем вас и вытребовал в такую рань. «Кронштадт» может выйти в море дня через три-четыре.

— Замечательная новость.

— Еще бы.

— Со всем вооружением?

— В сущности, мы превратили его во вспомогательный крейсер, и тех, кто задумал обставить нас, ждет неприятный сюрприз.

Солёнов отошел к письменному столу и вернулся с планом судна и папкой.

— Смотрите, товарищ.

Лонкар стал изучать чертеж, где были помечены места установки орудий — на баке, на мостике и на корме. Он насчитал шесть стволов разного калибра.

— Впечатляет.

Солёнов, снова усевшийся в кресло, протянул ему папку:

— Экипаж укомплектован: там будет и два-

дцать восемь ваших соотечественников… Не думайте, что их легко было завербовать. Все, включая офицеров, — члены морской секции Всеобщего союза трудящихся. Мы набрали их на испанских судах, находящихся сейчас в России. Семеро последних вчера прилетели из Риги через Ленинград.

— Ого… В средствах не стесняетесь.

— Разумеется, нет. Я уже говорил, что товарищ Сталин занимается этим вопросом лично.

Лонкар раскрыл папку. В ней лежали четыре машинописные страницы с именами всех членов экипажа и основными сведениями о каждом.

— Все добровольцы?

Солёнов придал своему лицу многозначительное выражение, которое при этом можно было толковать как угодно.

— Большей частью, — мягко сказал он.

— Понимаю.

— Советский флот выделит орудийную прислугу — примерно два десятка комендоров… И ваши и наши уже проходят подготовку на борту.

— А что с капитаном?

— По договоренности с командованием испанского флота решено назначить капитана «Урано», по водоизмещению и прочим характеристикам

схожего с «Кронштадтом». — Русский показал на папку. — Моряк многоопытный, трижды прорывал фашистскую блокаду. Принял назначение.

Лонкар продолжал просматривать список. Отобранным было от восемнадцати до сорока с лишним лет; чаще всего встречались астурийцы, сантандерцы и левантийцы.

— По советским данных нет?

— Нет, это уж наша епархия… Но в судовой роли все значатся под испанскими именами.

Солёнов снова налил и залпом выпил, а потом улыбнулся Лонкару:

— Тут, товарищ, другая история.

Не нравится мне эта улыбка, подумал республиканский агент. Совсем не нравится. Темнит он что-то.

— Ну так поведайте мне ее, — предложил он осторожно, внутренне напрягшись.

— Командование флотом через нашего главного советника товарища Кузнецова высказало пожелание, чтобы вы наблюдали за ходом событий, так сказать, в непосредственной близости…

Лонкар открыл рот и не сразу его закрыл.

— Где? — спросил он, сознавая, как нелепо это звучит. — В Эгейском море?

— Да нет, поближе.

Лонкар взглянул на рюмку, которую едва пригубил. И наконец после долгой паузы поднес ее ко рту и выпил до дна, немедленно заев двумя канапе. Когда же он снова обрел дар речи, слова жгли ему гортань. Он закашлялся.

— Ерунда какая-то, товарищ Солёнов.

— Боюсь, что нет, товарищ Лонкар.

Тот снова закашлялся. А когда заговорил, сам не узнал свой голос:

— Я же не моряк.

— Однако вам принадлежит замысел этой операции. В общем, вас хотят видеть на борту «Кронштадта».

— Кто хочет?

— Тот, кто обладает достаточной властью.

Молина, догадался Лонкар. Сукин сын Никасьо Молина таким манером берет свое.

— А отказаться я могу?

Солёнов почесал белесую мохнатую бровь.

— В принципе, все мы можем отказаться, — сказал он с нарочитой медлительностью. — Я вам не начальник, само собой… А друг, который может дать добрый совет.

— И что же вы мне посоветуете?

Русский потеребил другую бровь. И смотрел при этом не на Лонкара, а поверх его плеча на

стену.

— Уж не знаю, к добру или к худу, но все на свете таково, каким мы его делаем. Московские газеты в эти дни пестрят фамилиями людей, которые тоже в свое время от чего-то отказались. Вы знаете, как их называют, — предателями, изменниками, заговорщиками, контрреволюционерами…

Лонкар внутренне содрогнулся. Чудовищные чистки, которые Сталин устраивал в армии и в среде политической элиты, достигли небывалого размаха и невиданной свирепости.

— Так что мой вам совет — взойти на борт «Кронштадта», — продолжал Солёнов. — Сегодня днем из Каракёя в Севастополь выходит один пароходик, и, думаю, там для вас зарезервирована каюта. Завтра в полдень будете уже в одесском порту.

— Да зачем?.. У меня же никаких полномочий!

Русский пожал плечами:

— Фигурально выражаясь, вы будете сидеть в первом ряду партера. Нужен подробный и собственноручный отчет обо всем происходящем… — Он отчужденно улыбнулся. — Как вы наверняка догадываетесь, товарищ Молина после своего визита в Стамбул стал весьма и весьма интересоваться этим делом… Да и наша, с позво-

ления сказать, любознательность обострилась.

Лонкар предпринял последнюю слабую попытку отговориться:

— Меня укачивает.

Солёнов сделал вид, что оценивает весомость его аргумента. Сочувствия в его сочувственной улыбке было не больше, чем в лезвии гильотины.

— В этом случае, товарищ, порекомендую вам отказаться от сластей и потреблять побольше соли… Сырая треска пойдет на ура.

12. Троянский конь

За последние несколько часов Пантелис Кательос уже не раз спрашивал себя, какие чувства он испытает, когда снова окажется перед тем, кто спит с его женой. Сейчас он мог ответить на этот вопрос: да никаких. Разве что любопытство, приправленное толикой смутного восхищения. Этот человек — бородатый, белокурый, рослый, крепкий — каким-то образом сумел расколоть алмазные створки одиночества, в котором пребывала Лена. В отличие от своих предшественников, этот моряк, полуиспанец-полугрек, смог проникнуть в самые потаенные и опасные глубины Минотаврова лабиринта и с трофеем в руках выбраться из них невредимым или, по крайней мере, без видимого ущерба для себя. Никто покуда не заходил так далеко, а Кательос достаточно хорошо знал и свою жену, и жизнь, чтобы отчетливо это сознавать.

— Вы позволите налить вам, капитан? Узо? Или, может быть, коньяка?

— Нет, спасибо, — любезно улыбнулись светлые глаза. — Не стоит.

Они только что вошли в кабинет-библиотеку, и Кательос усаживал гостя. Покуда тот расстегивал пиджак и устраивался в кресле, барон сел напротив, выбрал одну из трубок, лежавших на столе, и принялся ее набивать.

— Благодарю вас, что откликнулись на мое приглашение. Мне надо с вами кое-что обсудить.

— К вашим услугам, барон.

Титулование придавало будущей беседе официальный характер и до известной степени обнадеживало. Хозяин закрыл банку с табаком и оперся о подлокотник.

— Надеюсь, ваша работа идет успешно, — произнес он, выждав немного. — Какова бы она ни была, разумеется, ибо характер ее меня не касается.

— Благодарю вас за это.

Кательос поднес горящую спичку к чашечке трубки.

— Я получил тут письмо от человека, вхожего в правительственные круги нашей страны… Выражается он обиняками, однако суть ясна. Если позволите мне немного похвастаться, я должен сказать, что польщен доверием, которое мне оказали, прислав это письмо, с единственным условием — уничтожить его после прочтения. —

Он через стол протянул Хордану сложенный вдвое листок бумаги. — Именно это я и намерен сделать; но сначала, думаю, вам лучше его прочитать.

Гость прочел и молча вернул письмо барону. Тот чиркнул еще одной спичкой и поднес огонек к уголку листка, лежавшего в пепельнице, украшенной фигурой обнаженной женщины. Оба молча смотрели, как пламя пожирает письмо, и барон разверз уста не раньше, чем оно превратилось в пепел:

— Что скажете, капитан?

Тот покачал головой и невозмутимо ответил:

— Совпадает с инструкциями, которые я получил.

— Ах вот как… Рад узнать. Значит, намерения вашего и моего правительства совпадают?

— Похоже на то. Наша миссия близка к завершению: не знаю, сколько мы еще тут пробудем, но предполагаю, что немного. Я должен крепко подумать, как свернуть лагерь. Как убрать все следы нашего пребывания.

— Буду вам чрезвычайно признателен, — улыбнулся Кательос. — Чтоб духу его не было на моем острове.

Хордан успокоительно кивнул.

— Считаю должным поблагодарить вас, — сказал он. — За ваше содействие.

Улыбка барона обозначилась яснее.

— «Содействие» — это, пожалуй, чересчур. Не обижайтесь, но звучит это не очень пристойно.

— Сожалею. Прошу извинить.

— В любом случае, как мое участие ни называй, я сделал это не ради вас и ваших людей.

— Знаю. Но я, вернее мы, в долгу перед вами.

Они помолчали. Кательос посасывал трубку, а Хордан смотрел на него. Молчание прервал барон:

— Когда все кончится, вернетесь в Испанию?

— Не знаю. Война идет… — пожал плечами Хордан.

— А что собираетесь делать, когда война эта кончится?

— Боюсь, что эта кончится — другая начнется.

— Резонно… Каковы ваши планы?

— Вернусь на флот. То есть займусь прежним делом.

— Ну да, разумеется… Очевидно, что вы не вполне обычный военный моряк.

— Стараюсь им не быть.

Кательос выпустил дым:

— Мы, вероятно, больше не увидимся.

— Вероятно.

— И вы, вероятно, больше не увидите мою жену.

Хордан взглянул на него с удивлением. Голубые глаза смотрели с необыкновенным простодушием. Нетрудно было представить, как, оказавшись совсем близко, отражалось в этой голубизне лицо Лены.

— И это вполне возможно.

Он отвечал спокойно, с обескураживающей естественностью. Может быть, это и есть его главное оружие, подумал барон. Его основной капитал. Секрет его притягательности. Вот эта несуетливая простота, с которой он вроде бы созерцает все вокруг. Барон дважды потянул из трубки и, не выпуская ее изо рта, улыбнулся:

— Она отдыхает наверху, в своей спальне. Ей нездоровится. О вашем приходе она не знает: я ей ничего не говорил. — Он показал на пепельницу. — И, разумеется, об этом письме тоже. Хотя не исключено, что вы ей уже успели рассказать…

Взгляд, которым полоснул его Хордан, был подобен удару ножа. Безмятежность этой голубизны обманчива, подумал Кательос.

— Простите… — сказал он.

Они снова замолчали, разглядывая друг друга.

И на этот раз первым опять заговорил барон:

— Интересно, что скажет Лена, когда узнает, что вы покидаете остров.

— Ну, можно спросить ее.

Недурной ответ в данных обстоятельствах, решил барон. С этим человеком надо держать ухо востро. Он едва ли не с удовольствием почувствовал, как щекочет ему нервы риск.

— Интересная идея. Мы можем воплотить ее в жизнь вдвоем и прямо сейчас.

Хордан продолжал смотреть на него ничего не выражающим взглядом. Кательос положил трубку в пепельницу и поднялся:

— Ну, пошли… Мужайтесь — быть может, это будет прощание.

Вопреки его ожиданиям, гость улыбнулся. Блеснули зубы в рамке светло-русых усов и бороды. Он опирался о стол рукой — ширококостной, загрубелой, крепкой. Такой мужской, что казалось, она была сотворена природой специально для этой ситуации. Наверно, когда такая ручища наносит удар, он сокрушителен. И когда она ласкает, ощущения должны быть особенными.

— Чего вы добиваетесь? — спросил испанец.

Барон ответил жестом, который можно было истолковать как угодно или вообще никак:

— Хочу всего лишь узнать. Ищу понимания, мечтаю установить причины, повлекшие следствия, и причинами этими утешиться. — Он скорчил гримасу, обозначавшую покорность судьбе. — На что еще может надеяться человек в моем положении?

Обманчивая голубизна заискрилась.

— Я не знаю, в каком вы положении.

— В великолепном, уверяю вас.

— Вы сумасшедший.

Это было не восклицание, не оскорбление, а бесстрастный комментарий, сделанный с полнейшим спокойствием, и барон сумел оценить то, как это было произнесено. Обогнув стол и оказавшись рядом с Хорданом, который все еще сидел, он мягко взял его за руку, но моряк резко высвободился и встал.

— Пойдемте. — Кательос показал наверх. — Другого случая может не представиться.

Он вышел из комнаты и двинулся по коридору к вестибюлю, не оборачиваясь, потому что слышал за собой шаги моряка. И, остановившись лишь у лестницы наверх, наконец повернулся к нему:

— Как я уже сказал, ей нездоровится. Но, быть может, она уже проснулась… Не хотите ли подняться и поздороваться с ней?

Человек, не наделенный подобной выдержкой, поколебался бы при виде того, как холодно и жестко смотрит на него гость. Хордан, который был почти на голову выше, стоял молча и неподвижно, опустив руки. Тем не менее они были напряжены, а кулаки сжаты, словно он был готов ударить. Если он отвесит мне оплеуху, как о чем-то забавном подумал барон, я растянусь во весь рост. Но он этого не сделает. Ни сейчас, ни потом. Человека, не умеющего держать себя в узде, на этот остров не прислали бы.

И тут произошло нечто неожиданное. Моряк медленно поднял руку — в этом движении не было ни ярости, ни напора, а была лишь спокойная, точно отмеренная, уверенная в себе сила, которая убрала Кательоса с пути, ведшего в другой конец вестибюля и к выходу. После чего Хордан прошел туда.

— Это ваша последняя возможность, — вдогонку сказал барон.

Хордан ничего не ответил. Не говоря ни слова, не оборачиваясь, он снял с вешалки фуражку, открыл дверь и, оказавшись, как в раме, в прямоугольнике света, шагнул наружу. Кательос почувствовал, как с неожиданной силой запульсировала кровь в висках. Повинуясь внезапному

порыву, он бросился к оружейному шкафу в коридоре, схватил «Пёрдэй» и вогнал по патрону в каждый ствол. Потом пересек вестибюль и пошел следом за испанцем.

Кательос дал ему отойти от дома на дорогу, ведущую к восточной оконечности острова, и, держа ружье наизготовку, шел довольно скорым шагом. Пиджак он снял, перекинул через плечо. И приблизился метров на десять, причем Хордан так и не заметил его присутствия. Тогда барон остановился, приложился, сдвинул предохранитель и прицелился в широкую спину. С такой дистанции, да еще при стрельбе картечью, промахнуться было невозможно. Потрагивая пальцем спусковой крючок, он секунд на пять задержал дыхание. Потом выдохнул и опустил ружье. Сердцебиение мало-помалу унялось, а он вдруг почувствовал нечто вроде странного и приятного опьянения и одновременно удивительное ощущение такого сродства с удалявшимся по дорожке человеком, словно их во всей Вселенной осталось только двое. Никогда и ни к кому не испытывал он прежде ничего подобного.

Дай тебе бог удачи, подумал барон. Без сомнения, ты ее заслуживаешь, капитан Михалис.

Меры безопасности, принятые в одесском пор-

ту, впечатляли: на первом контрольном пункте документы проверяла милиция, на втором — красноармейцы, на третьем — военные моряки. И наконец, под железнодорожной веткой, полукругом огибавшей причал Карантинной гавани, виднелись синие фуражки сотрудников НКВД. А чуть дальше, за пакгаузами и огромными портальными кранами, был пришвартован «Кронштадт».

— Ваш паспорт, пожалуйста.

Встретивший Лонкара возле Угольной пристани морячок, бойкий и улыбчивый парнишка в грязном комбинезоне, поставил чемодан и протянул паспорт испанца часовым, которые с карабинами за плечом охраняли доступ в самую закрытую зону порта. Когда после тщательного изучения паспорт вернули, морячок снова подхватил чемодан, подмигнул Лонкару, приглашая следовать за собой, и быстро зашагал к стоявшему у пирса судну.

«Кронштадт», прежде называвшийся «Монте-Ампаро», был крупный — длиной сто сорок семь метров длиной — двухпалубный пароход с черным корпусом и белой надстройкой, с длинной, сдвинутой к носу рубкой, с двумя трубами, выкрашенными в цвет корпуса. Он был развернут

кормой к городу, и над названием и портом приписки — «Кронштадт, Одесса» — реял красный флаг СССР. Лонкар рассматривал шканцы, где, по его сведениям, должно было стоять одно по крайней мере орудие, но так ничего и не заметил. И, даже подойдя ближе, не обнаружил ничего такого, что противоречило бы миролюбивому облику советского торгового судна.

После того как люди в синих фуражках и с кобурами на боку перед входом на трап в последний раз проверили Лонкара, он поднялся на борт. И едва лишь ступил на палубу — морячок с его чемоданом исчез где-то внутри, — как некто в морской фуражке и с двумя нашивками разной ширины на погончиках рубашки приветствовал новоприбывшего сердечным рукопожатием.

— Добро пожаловать, я Игнасио Урсаис, второй помощник капитана.

Он знаком пригласил за собой, и Лонкар двинулся следом, вдыхая горячий, маслянистый, тяжелый воздух и чувствуя, как слегка подрагивает под ногами палуба. Урсаис был молод, вел себя непринужденно и производил приятное впечатление.

— Вы баск?

Моряк в ответ улыбнулся:

— Только по фамилии. Я из Альмерии.

— Давно на «Кронштадте»?

— Не очень. Точнее, прибыл несколько дней назад и пока еще осваиваюсь.

— Сколько тут испанцев?

— Двадцать восемь, считая капитана и меня. Остальные русские.

По трем металлическим трапам они поднялись на верхнюю палубу. Урсаис открыл дверь и, посторонившись, пропустил вперед Лонкара. В просторной каюте, залитой светом из иллюминаторов, вокруг стола, где были разложены морские карты, сидели трое.

Урсаис представил присутствующих:

— Пассажир, которого мы ждали, — товарищ Лонкар. Капитан — дон Хинес Саэс, старший помощник — Егоренко, артиллерийский офицер — Берзин.

Обменялись церемонными рукопожатиями. Тот, кого звали Егоренко, был высокий и тощий, с редеющими рыжеватыми волосами, со светлыми глазами, глядевшими с подозрением. По немногословной и властной манере и ухваткам Лонкар угадал в нем военного моряка, а здесь он был то ли советником, то ли дублером капитана. В другом русском, Берзине, невысоком и коренастом,

с татарскими, немного раскосыми глазами, тоже явственно проступало военное прошлое.

— Вовремя вы поспели, — сказал капитан Саэс. — Вечером снимаемся со швартовов.

— Судно уже готово к выходу? — удивился республиканский агент.

— Полностью.

— Вы уж простите мое удивление… Но на борту я не заметил ни единого орудия.

— На этот раз так и задумано. Их и не должно быть видно.

Лонкар с живейшим интересом разглядывал капитана. Тому на вид было под пятьдесят, и в нем с первого взгляда можно было определить человека, всю жизнь отдавшего морю: маленький, жилистый, сухощавый, с полуседыми редеющими волосами такого же темно-серого оттенка, что и глаза, окруженные многочисленными мелкими морщинками, от которых лицо, выдубленное солнцем и ветром, казалось еще более исхудалым. Поверх цивильной клетчатой рубашки без галстука он носил синюю форменную тужурку с пятью золотыми галунами на рукавах, двумя широкими и тремя узкими, от времени и соли будто покрытыми зеленоватой патиной.

— Всю артиллерию удалось разместить? —

осведомился Лонкар.

Саэс взглянул на него с задумчивым и недобрым недоверием. Он вертел в руках компас, то открывая, то закрывая крышку, с таким видом, словно определял компетентность человека, задавшего вопрос.

— Поставили три орудия «Виккерс» калибром сто один миллиметр — два на баке, одно на шканцах, на юте, где имеется еще одна семидесятисемимиллиметровая «Шкода»… А на верхней палубе, за спасательными шлюпками, спрятали две зенитки и две сдвоенные пулеметные установки… — Он показал на русского с раскосыми глазами. — За это отвечает артиллерийский офицер Берзин.

Лонкар с любопытством оглядел его:

— Вы говорите по-испански?

— Говорю, — бесстрастно ответил тот.

— Товарищ Егоренко тоже прилично знает наш язык, — сообщил капитан.

— Знаю, — подтвердил старший помощник.

— Тем не менее для остальных у нас есть переводчик.

Капитан положил компас на одну из морских карт — это была карта Эгейского моря, и на ней были карандашом прочерчены два маршрута.

Один проходил вблизи от побережья континентальной Греции, другой вдали.

— За исключением старпома Егоренко, старшего механика, двух электриков, радиста и переводчика, все остальные русские на борту — краснофлотцы-артиллеристы… А испанцы — ну, помимо нас со вторым помощником, — второй радист, двенадцать кочегаров, двенадцать палубных матросов и кок. Не считая вас, численность экипажа — пятьдесят восемь человек.

Он помолчал, устремив на Лонкара глаза, поблескивавшие металлом, как капли ртути. Симпатии в этом взгляде не наблюдается, подумал тот. По отношению ко мне, во всяком случае.

— Я получил инструкции, — сухо добавил капитан. — Идете с нами в качестве наблюдателя, никакими полномочиями не наделены, круг обязанностей не определен… Это ясно?

— Вполне.

— Можете свободно перемещаться по судну. И, разумеется, присутствовать на всех совещаниях, но мнения своего попрошу не высказывать за исключением тех случаев, когда о нем спросят. — При этих словах лицо его стало еще жестче. — Демократии здесь нет, как нет и судовых комитетов и тому подобного… Согласны?

Лонкар снова кивнул, поежившись от такого тона. Он и так чувствовал себя здесь чужаком, но подобные ограничения казались ему несправедливыми.

— Согласен, — только и сказал он.

— Сеньор Урсаис поступает в ваше распоряжение: обращайтесь к нему по любому поводу. — Капитан помолчал и мрачно добавил: — Сожалею, что на этот раз функции политкомиссара будут урезаны…

Лонкар от неожиданности заморгал:

— Извините, капитан… Тут какое-то недоразумение. Я не политкомиссар и здесь появился совершенно в иной роли.

— Нет? — удивился тот.

— Нет.

— А кто же вы?

— Наблюдатель в Стамбуле.

— Наблюдатель?

— Да, можете именовать меня именно так. И я сопровождаю вас в этом плавании именно в таком качестве. Замысел этой операции — моя идея, ну, по крайней мере, самое главное — корабль-ловушка… Потому мне и приказали участвовать в операции.

Все, включая русских, теперь смотрели на него

по-иному. С нескрываемым любопытством.

— И сюда я не напрашивался, — уточнил Лонкар.

Капитан еще хмурил брови, но заметно смягчился. Он посмотрел на своих офицеров и перевел взгляд на Лонкара, причем так, словно видел его впервые:

— То есть это ваш замысел?

— Более или менее.

— Но по возвращении представите отчет?

— Прикажут — представлю.

Саэс провел ладонью по лицу. Оно было по-прежнему серьезно, но тон стал совсем иным:

— Ну посмотрим, посмотрим… Обживайте свою каюту и присоединяйтесь к нам, когда захотите. Ужинаем мы в девятнадцать часов, а кок у нас очень даже неплох. Он служил у меня на судне, и я забрал его с собой.

Хордану не давало покоя небо с наветренной стороны. Там с самого рассвета копились темно-серые, почти черные тучи, обещавшие ливень. На берегу, однако, стояло безветрие, и на море за скалами, окаймлявшими бухту, не было ни малейшей зыби. Здесь оно пребывало в дремотном спокойствии, и небо над ним все еще сияло чистой голубизной, озаренной сиянием убыва-

ющего дня.

Иоаннис Элеонас, судя по всему, разделял его беспокойство.

— Погода портится, *капетанье*… Ночью надо ждать ливня.

— А море?

Грек глядел на небо, почесывая то курчавую голову, то небритый подбородок. Они с Хорданом стояли на причале, наблюдая, как команда освобождает «Волчицу» от маскировочной сетки и готовит к выходу.

— Смотря откуда ветер налетит… Если с юга и в самом поднебесье, то штиль сохранится.

— Ну дай-то бог, штурман…

В оба торпедных аппарата были вставлены торпеды, смазанные и надежно закрепленные Зингером, а братья Мароуны заряжали «Эрликон», установленный на лафет. Тяжелая работа по заправке, которую приходилось выполнять вручную, перенося бидон за бидоном со склада снабжения на катер, была завершена, и семь с половиной тысяч литров горючего заполнили шесть бортовых баков, гарантируя запас хода в 600 миль. Внизу, в недрах «Волчицы», механик Амбелас и его помощник албанец Фатмир проверяли исправность двигателей. Время от времени

те выпускали клубы дыма, которые из-за безветрия колыхались в воздухе вокруг катера.

Из радиорубки неторопливо вышел Бобби Бомонт в обычном непрезентабельном виде — в шортах, из которых торчали тощие ноги, обутые в сандалии, и затрепанной армейской рубашке. Очки были подняты на лоб, в руке трепетал листок бумаги, во рту дымила неизменная сигарета.

— Вооружайтесь! В поле уж враги[81], — сказал он, протягивая бланк радиограммы Хордану. — И вот уж лес пошел на Дунсинан[82].

Хордан прочел депешу, расшифрованную Бомонтом, благо это был обычный код. Потом взглянул на Элеонаса:

— «Кронштадт» снялся с якоря.

— Когда?

— Не сказано. Вышел в море.

— Босфор прошел?

— Неизвестно, но вряд ли… Иначе наши агенты засекли бы его и просигналили нам. Может быть, как раз сейчас он покидает Босфор.

— Надо бы запросить «Каризию» и «Зейос Деметриос»…

---

[81] Notes: 81
Уильям Шекспир. Ричард III. Акт V, сц. 3.

[82] Notes: 82
Уильям Шекспир. Макбет. Акт V, сц. 5. Перев. Ю. Корнеева.

— Именно.

Хордан обернулся к Бомонту, который, щурясь от сигаретного дыма, рассеянно следил за тем, как над берегом парят чайки.

— Бобби, оповестите каики… Пусть как можно раньше выходят в море.

Англичанин, обрадованный таким обращением, словно очнулся. И сдвинул очки на нос.

— Само собой, дорогой…

— Живо! — сурово оборвал его Хордан.

— Есть, сэр!

Хордан меж тем производил расчеты. Если стамбульское подразделение разведки сообщило о выходе «Кронштадта» вовремя, у «Волчицы» будет целый день на перехват. Как минимум сутки, то есть достаточный срок, чтобы спокойно действовать.

— Пошли, штурман.

Они поднялись на борт катера и свернули в каюту капитана — каморку неприглядную, но достаточно просторную, чтобы разместить там койку, шкаф и письменный стол. Хордан расстелил на нем карту № 180 Британского адмиралтейства, открыл компас и замерил расстояния. По данным справочника, старый «Монте-Ампаро» давал не больше восемнадцати узлов. Это означало, что,

если он пойдет одним из привычных маршрутов, по выходе из Босфора до оперативной зоны «Волчицы» доберется через сутки.

— Однако мы же не знаем, днем он появится или ночью, — возразил Элеонас.

— Постараемся подойти поближе в самое темное время суток, — подумав минуту, ответил Хордан. — Впрочем, сейчас уже не очень важно, опознают нас как торпедный катер или нет.

— А если не останется ничего другого, как атаковать днем? Вроде того, как это было с «Кальбланке»?

— Значит, будем атаковать… Само собой, поднимем итальянский флаг.

— Само собой, — улыбнулся Элеонас.

С палубы и из машинного отделения доносились голоса работавших там моряков. Хордан продолжал изучать карту. Проведенные карандашом линии обозначали наиболее вероятные маршруты, однако оставалась вероятность того, что «Кронштадт», избегая проторенных, а значит, наиболее опасных путей, пройдет восточней. Из этого следовало, что покрыть придется бóльшую площадь.

— Дуга миль в семьдесят…

— Ни много ни мало. — Элеонаса это не смути-

ло. — С помощью каиков сможем его выследить… Когда выходим?

Хордан взглянул на часы, вмонтированные в переборку рядом с барометром:

— Пока не стемнело… от шести до семи вечера. Проследите, чтобы люди отдохнули. Накормить пристойным ужином, повар пусть озаботится запасом провизии на двое суток, сварит литров двадцать кофе… — Он показал сектор на карте. — Поднимемся выше, чем обычно, и будем патрулировать по спирали к западу от Хиоса… Как считаете?

Штурман склонился над картой:

— Разумно, но расход горючего сильно возрастет…

— Ну там видно будет… — Хордан показал на барометр. — Как считаете, непогода осложнит задачу?

— Может статься. И видимость ухудшится.

— Ничего не поделаешь… — сказал Хордан, покоряясь судьбе. — Предстоит большая охота. Проиграть нельзя.

— Сделаем все, что в наших силах, *капетанье*.

— И даже сверх того.

Они улыбнулись друг другу, как сообщники. Но улыбки вдруг точно смыло с их лиц, потому что

послышался рокот двигателя. Хордан, прихватив фуражку, начал подниматься по трапу, и тут один из братьев Мароунов с палубы сообщил ему, что к берегу приближается «Крис-Крафт».

— Там этот женщина, капитан, — добавил Мароун. — Он ведет.

Хордан был в ярости. В бешенстве. Чтобы не тешить команду спектаклем — моряки в предвкушении столпились на палубе, — он собирался схватить Лену за руку, бесцеремонно вытащить из моторки, встряхнуть и повлечь за собой. Только так с ней и можно, думал он. Иначе никак. Иногда надо применить силу.

Лена, словно сознавая это, молчала и не двигалась. Моторку она пришвартовала на дальнем конце причала. Одетая, как обычно, в саржевые штаны и тельняшку, она наблюдала, как приближается Хордан и доски настила подрагивают и прогибаются от его шагов. И не тронулась с места, когда он подошел вплотную и полоснул ее гневным взглядом.

— Что ты здесь делаешь?

Лена показала на катер:

— Думаю, вы собираетесь отчалить…

— Нет пока еще… Еще не сейчас. Мы уходим на задание.

Она смотрела на него очень пристально и холодно. Потом с преувеличенным пренебрежением передернула плечами:

— Муж сказал, что ты покидаешь остров. Что нанес прощальный визит.

— Все так: я был у него, и мы в самом деле скоро уйдем отсюда. Но еще не сейчас.

— Я ничего не знала. Спала.

— Знаю. Он предложил мне подняться.

Лена удивленно вскинула брови:

— Подняться?

— Да.

— И ты поднялся?

— Нет.

С палубы катера на них по-прежнему глазели, и потому Хордан взял ее за локоть, чтобы увести с причала. Пройдя немного по берегу, они опять остановились. Первой заговорила она:

— Когда выходите?

— До темноты.

— Я хотела бы…

Хордан коротко и сухо выругался по-испански. Обычно он старался не сквернословить, и уж подавно не при Лене, сейчас взглянувшей на него с удивлением.

— Да плевать мне на то, чего бы ты хотела, —

сказал он. — Ты должна немедленно убраться отсюда.

С каждой минутой становясь все темнее, на остров надвигались тучи. Они уже заволокли весь восточный край неба, а освещенный солнцем участок моря стал гаснуть, пока не исчез вовсе, меж тем как изумрудная вода в бухте сделалась серой. Все еще стояло безветрие, но женщина вздрогнула и зябко стиснула ладони.

— Скоро вернемся, — сказал Хордан.

— Этого ты знать не можешь, — ответила она. — И вообще не знаешь, вернешься ли. И я не знаю. Быть может, когда-нибудь…

Слова замерли у нее на губах. На миг под грязно-серыми тучами, висевшими над головами и быстро набиравшими свинцовую тяжесть, появился ясный просвет. Пелена мрака раздернулась, как темная ткань, краешком выглянуло солнце, и из вновь сомкнувшихся туч упали одиночные, увесистые, как монеты, капли дождя.

— Я устала.

— Возвращайся домой.

— Не хочу.

Капли, стуча о песок, стали падать чаще. Хордан заметил, что рубашка намокает. Его люди поспешили укрыться внутри катера. Запахло

землей, и влажным песком, и чистым воздухом.

— Не уйду, — угрюмо и упрямо произнесла Лена.

— Ты не можешь здесь оставаться.

— Почему? Это все еще мой остров. И мне холодно.

Волосы ее, лицо и одежда вымокли. Хордан не знал, говорит ли она о дожде или о душевном состоянии, понять которое ему не дано.

— И потом, — добавила она, показывая на небо, — сегодня звезд будет не видно.

В этих словах прозвучала не жалоба, а упрек, словно Хордан был в этом виноват. Он нетерпеливо взглянул на катер. Еще несколько минут. Всего несколько минут, дождь переждать. И взял женщину за руку, чтобы отвести в пакгауз. Там дождь барабанил по крыше. Он стянул с Лены мокрую тельняшку, усадил, укутал одеялом. Она не противилась, смотрела задумчиво.

— Побудь здесь, — сказал он.

Подошел к столу, где среди бумаг и лоций лежало несколько фотографий, которые он не добавил к докладу, посланному в Афины, и налил в бокал немного коньяку. Протянул Лене, но она мотнула головой.

— Выпей — согреешься, — сказал он.

— Не хочу, мне все равно, — сказала она, не сводя с него глаз. — Подойди ко мне.

Они смотрели друг на друга с расстояния в три метра. Хордан невесело улыбнулся:

— Нет.

— Нет? — удивилась Лена. — Не можешь?

— Не хочу.

— Чего ты, черт возьми, не хочешь?

— Подходить к тебе.

Она уставилась на него долгим задумчивым взглядом, который завершился жестокой гримасой:

— Чего ты боишься, капитан Михалис?.. Чувства мои к тебе не заразны.

Хордан, опираясь о стол, не трогался с места. И обдумывал положение. Потом поставил бокал, пересек пространство, отделявшее его от женщины, присел рядом. Лена придвинулась ближе, прильнула к нему. Дыхание ее было еле слышно.

— Ты любил кого-нибудь когда-нибудь? — вдруг прошептала она.

Он ответил не сразу. Ощущая чуть влажное тепло ее тела, он вспоминал, как сидела она голой в постели на Сиросе, как курила на ковре, как вся в мурашках вышла из воды под небом, густо усыпанным звездами, и испытал жгучую, уди-

вившую его самого тягу к ее телу, к радушному лону и жадному рту, к длинным ногам, неистово и плотно обвивавшимся вокруг его бедер, когда он, опустошаясь, изливался в нее.

— Не знаю. — И замолчал на миг, обдумывая свой ответ. — Наверно, нет.

— А сейчас?

В дверь постучали, и Хордан поднялся, чтобы открыть. Это был Бобби Бомонт, с которого потоками бежала вода. Он быстро оглядел комнату и, не входя, деликатно остался на пороге. В руке он держал мокрый листок бумаги.

— Прошу извинения, сэр… Есть новости.

— Какого рода?

— Ожидаемый нами друг, в усердии своем вставать привыкший рано, в семь пятнадцать прошел Босфор.

Хордан взглянул на часы. В голове его, как на клетчатой бумаге, причудливо пересекались маршруты, дистанции, сроки. Геометрические фигуры и математические формулы.

— Оповестите каики и поднимайтесь на борт. Через час выходим.

Потом, не оглядываясь, закрыл дверь и под дождем направился на катер.

Сальвадор Лонкар, опершись о крыло мостика

на правом борту, наблюдал, как с каждой минутой все больше отдаляется турецкий берег. «Кронштадт» оставил позади узкость Дарданелл и входил в ту часть пролива, которая соединялась с водами Эгейского моря. Турецкий лоцман, благополучно проведший судно через останки кораблей, затонувших двадцать два года назад, во время сражения при Галлиполи, уже покинул русский сухогруз. Море было спокойным, ветер умеренным, на небосводе ни облачка. По обе стороны пролива медленно возникали зеленые холмы, пересохшие от зноя равнины, песчаные или каменистые берега, меж тем как старинные форты постепенно таяли в послеполуденном мареве. Сейчас на западном берегу оставались на виду лишь охристые стены крепости Седдюльбахир.

— Троя, — сказал второй помощник Урсаис, который покуривал рядом с Лонкаром, тоже облокотившись на крыло.

— Что, простите?

Урсаис показал на южный берег пролива, только что оставшийся за кормой.

— Троя тут совсем рядом. Думал, вы знаете.

— А-а, ну да, — закивал Лонкар. — Конечно.

Моряк улыбнулся заговорщически:

— В некотором смысле мы ведь как бы, так сказать, подражатели… Или наследники. Последователи… Я коня имею в виду.

Они замолчали, наблюдая, как русские артиллеристы хлопочут у двух 101-миллиметровых орудий, установленных на ходовом мостике. Уже не опасаясь нескромных взглядов, они убирали щиты, скрывавшие орудия; Берзин, переходя от одного к другому, распоряжался. Помимо штатной прислуги, добавили еще нескольких испанских матросов в качестве дополнительной рабочей силы.

Урсаис с любопытством оглядывал пассажира.

— А правда, что это вам пришла идея так использовать этот корабль? — спросил он.

— Да нет, идея эта старинная. — Лонкар показал на берег. — Я всего лишь применил ее к нашим обстоятельствам.

Урсаис затянулся сигаретой и выпустил дым, тотчас унесенный ветром.

— Полагаете, нападут на нас?

— Это возможно и даже более чем вероятно. Тем паче что мы сделали для этого все, что было в наших силах.

— Раза два случалось мне проходить впритирочку к фашистским крейсерам, — сказал

внимательно слушавший его моряк. — Впечатления были сильные, но удавалось ускользнуть без последствий. Так что в бою мне бывать не пришлось, ни на суше, ни на море.

— Мне тоже.

— Все будет хорошо… Дон Хинес Саэс — отличный, очень опытный моряк. Дело свое знает бесподобно.

— Вы знавали его раньше?

— Да, мы давным-давно знакомы. Я ходил третьим помощником на «Урано». Это он настоял, чтобы меня и еще пятерых из команды перевели сюда.

— И вы, судя по всему, не в претензии, — заметил Лонкар.

— Нисколько, — улыбнулся Урсаис. — Мне так интересно своими глазами увидеть, что произойдет, как покажут себя люди, как я себя поведу в этих обстоятельствах… Это ведь настоящее приключение… — Он выбросил за борт окурок и снова оперся об ограждение. — А вы нет?

— Да я не из любопытства тут появился, как сообщил вчера… Просто выполняю приказ.

— Однако же и вам интересно будет взглянуть, сработает ли ваша уловка.

— Надеюсь, сработает.

Помощник снова принялся наблюдать за работой советских артиллеристов.

— Эти товарисчи дело свое знают. — Он показал подбородком на Берзина. — И командир вышколил их на славу.

— А как вам второй?

— Егоренко? — Урсаис заглянул внутрь рубки и понизил голос, хотя рядом никого не было. — Насколько я понял, он в звании капитан-лейтенанта советского ВМФ. Ухо с ним держите востро: человек непростой… Формально он тут советником, благо хорошо знает эти воды, однако черта с два дон Хинес станет слушать чьи-то советы… И на место поставит моментально.

— Когда мы войдем в зону?

Урсаис взглянул на юго-восток, где на горизонте уже собирались тучи.

— К утру, я полагаю. Капитан хотел бы, чтобы к этому времени уже рассвело, и русские с ним согласились. Однако барометр падает.

— Ветер?

— Ветер-то ладно… Ливень для нас хуже.

— Если попадут торпедой, судно выдержит?

Урсаис неопределенно пожал плечами:

— Смотря по тому, куда попадут… Пять отсеков трюма усилены стальными балками на массив-

ных деревянных упорах… То есть это не только создает видимость тяжелого груза, но и укрепляет борта и днище. Так что, даже если нас накроет торпеда, мы останемся на плаву — по крайней мере столько, чтобы преподнести им гостинчик в ответ.

— Наши испанцы-то знают, что нас ждет?

— Капитан сообщил. Одним это понравилось, другим не очень…

— Насколько я понимаю, не все они добровольцы.

Урсаис скривил губы:

— Верно… Не все. Когда комплектовали экипаж, русские особо не миндальничали — ну, вы же знаете, что это за народ. Однако посулили недурную компенсацию.

Дверь рубки открылась, появился капитан с биноклем в руках, мельком глянул на Лонкара и своего помощника и стал смотреть на исчезающий вдали берег. Потом, не произнеся ни слова, удалился.

— Каков он? — поинтересовался Лонкар.

— Тридцать три года в море, можете себе представить… — с восхищением ответил Урсаис. — Начинал на парусниках еще до моего рождения — и этим все сказано. Маленький, мол-

чаливый, сухой — ну, вы его видели — и сущий кремень…

— Разбирается в политике?

Урсаис сделал неопределенный жест:

— Ну он же моряк, понимаете? Служит на флоте, как и все мы, и, знаете, там дела обстоят не совсем так, как на берегу. Однако он верит в Республику и совершил уже несколько очень опасных рейсов из России и Мексики, доставляя оружие и снаряжение. Фашистский мятеж застал его в Мелилье, однако он ухитрился вывести оттуда свое судно и доставить его в Картахену… — Урсаис покивал. — Настоящий, беспримесный морской волк.

Он убрал локти с леера и показал внутрь рубки:

— Я должен идти. Недавнее появление дона Хинеса имело целью сообщить мне, что хватит языком чесать.

Лонкар улыбнулся:

— Да, похоже, он скуп на слова.

— Скуп? Да большего скряги свет не видывал! Помню, три месяца назад я стоял на вахте, когда на траверзе острова Уэсан налетел дичайший шторм, и тут поднимается в рубку капитан в пижаме и час сорок стоит в углу, рта не раскрывая, а потом уходит в свою каюту. Он вроде бы и

доверяет тебе, но глаз не спускает.

— Нет ничего плохого в том, чтобы человек словами или молчанием обнаружил свой нрав.

— Именно так он и считает.

Когда они спустились в рубку, Лонкара снова ошеломило обилие замысловатых приборов и инструментов, о назначении которых он мог только гадать или догадываться, — нактоуз, машинный телеграф, морской компас и прочее. У штурвала стоял испанец-рулевой, а рядом старший помощник Егоренко и капитан Саэс: тот по-прежнему держал в руках бинокль и, время от времени поднося его к глазам, всматривался в морскую гладь, расстилавшуюся перед носом «Кронштадта».

Урсаис взглянул на часы, укрепленные рядом с барометром:

— Возьмем меридиан, дон Хинес?

— Не надо, — ответил тот. — Наше место точно определено: шесть миль к северо-западу от островов Караер. Будьте добры занести в вахтенный журнал время и место.

Лонкар поместился между капитаном и старпомом, глядя через окна рубки на носовой мостик. Чем дальше заходили они в Эгейское море, тем сильнее становилась качка, а в замкнутом пространстве рубки она ощущалась мучительней,

чем снаружи. Лонкар заставил себя смотреть наружу, чтобы видеть неподвижные ориентиры. На носу и на корме артиллеристы продолжали ставить и убирать маскировочные щиты, закрывающие орудия, отрабатывая наведение и прицеливание с обоих бортов судна.

— Действуют вроде бы умело, — заметил он.

— Не «вроде», а так оно и есть, — сказал Егоренко. — Отобраны из лучших пушкарей советского флота.

«Р» он произносил раскатисто и перед каждой гласной вставлял «и», но по-испански говорил свободно и правильно. Слова его звучали с оттенком горделивого высокомерия.

— Долг свой выполнят, — добавил он.

После этого он сказал капитану нечто такое, чего Лонкар не понял вовсе, — что-то насчет того, что хорошо бы отклониться от курса, чтобы не попасть на пятиметровую отмель рядом с ними.

— На этом румбе нет необходимости, — ответил тот.

— Капитан, здесь течение сильное — восток-северо-восток, четыре узла.

— Знаю, — последовал сухой ответ.

Лонкар взглянул на рулевого, который хранил молчание, крепко держа рукояти штурвала и не

сводя глаз со стрелки компаса. И улыбался, слушая этот диалог. Судя по всему, рулевой не питал добрых чувств к русскому, и Лонкар подумал, что это один из тех моряков, которых отправили на «Кронштадт», не спрашивая их согласия.

Урсаис обернулся:

— Заступаю на вахту, дон Хинес. Прошу разрешения.

Капитан кивнул, не трогаясь с места. Егоренко потянулся, разминая руки.

— Вахту сдал, — сказал он. — Прошу разрешения выйти.

Капитан снова кивнул, и старпом покинул рубку, чтобы занести в судовой журнал все, что произошло за последние четыре часа. Когда он скрылся из виду, второй помощник позволил себе насмешливую улыбку:

— Сдается мне, наш русский друг утерся…

— Что там вам сдается, держите при себе, — оборвал его капитан.

Помощник перестал улыбаться:

— Есть, дон Хинес.

— Курс два-пять-ноль. Держать, пока не оста-

вим Караер Адалари во франшизе[83].

— Курс два-пять-ноль, — отрепетовал Урсаис, глянув на рулевого, который тотчас вслух повторил команду.

Лонкар смотрел туда, где впереди, в нескольких милях от носа «Кронштадта», клубились над морем тучи.

— Погода меняется?

Капитан снова вскинул бинокль, вглядываясь в судно, шедшее чуть поодаль, и не отводил его до тех пор, пока не убедился, что их курсы не пересекутся.

— Еще до вечера пойдет дождь, — ответил он.

— А это для нас хорошо или плохо?

Капитан продолжал бесстрастно созерцать море:

— Там видно будет.

И с этими словами взглянул на часы, вмонтированные в переборку. Потом сверился со своими карманными и обернулся ко второму помощнику:

— Сбавить скорость вдвое.

— Есть сбавить! Девять узлов.

---

[83] Notes: 83

Здесь франшиза — ситуация, при которой судно имеет право беспрепятственно отправляться в плавание или следовать определенным курсом.

— Так держать.

И наконец серые равнодушные глаза остановились на Лонкаре.

— Хочу облегчить фашистам задачу, — сказал капитан спокойно. — Чтобы поутру, когда рассветет, они ясно увидели нас, а наши артиллеристы — их.

На острове по-прежнему слегка моросил дождь, стояло безветрие, и облака висели так низко, что почти касались ближних холмов. От берега и до затянутого дымкой горизонта море казалось неподвижной полоской ртути, будто издырявленной брызгами.

— Корабль готов к бою и походу, *капетанье*.

— Отлично. Скоро снимемся со швартовов.

Набросив на фуражку капюшон провощенного плаща, блестящего от дождя, Хордан вернулся в свой домик. И, открыв дверь, увидел Лену Кателльос — она сидела на топчане, набросив на плечи одеяло. И держала в руках несколько фотографий, оставленных Хорданом на столе.

— Что ты делаешь?

— Ничего. Смотрю.

Хордан подошел вплотную и вытащил снимки из ее руки. Их было штук шесть.

— Ты не должна была…

— Почему? Это военная тайна?

— Вроде того.

— Да что там может быть тайного? Сняты твои люди. А на одном есть и ты.

Да, Хордан стоял на переднем плане, не глядя в объектив, за ним его экипаж, а на заднем плане «Волчица». Снимал Бобби Бомонт, и это был один из тех немногих снимков, которые Хордан не вручил в Афинах Навиа-Осорио, поскольку тот не выказал к нему интереса. Сейчас он спрятал фотографии в конверт и положил на стол, убедившись, что среди бумаг нет ничего такого, что не предназначалось для глаз Лены. И все равно проклинал свою небрежность.

— Ты должна уйти.

— Вы уже выходите в море?

— Лена, ты должна уйти.

Он достал из вещевого мешка кобуру с револьвером и сунул ее в карман дождевика, с которого на пол и на башмаки уже натекла вода. Потом огляделся. Забирать отсюда больше было нечего. И обернулся к женщине:

— Идем.

Она не шевельнулась. Осталась сидеть с каменным лицом, глядя на оттопыренный карман его плаща.

— Возвращение не гарантировано.

— На этом свете ничего не гарантировано, однако я вернусь.

— День сегодня такой скверный… Свет такой тусклый, дождь льет…

— Так уж бывало раньше.

Она задумалась на миг:

— Когда-то очень давно я прочла… «Дождь лил на берега Трои, когда корабли отправлялись в плаванье…»[84]

Снова наступило молчание. Хордан заметил, что улыбка у нее на губах такая же безжизненно-тусклая, как и глаза, не отражавшие ни света, ни тьмы.

— Люди, которые уходят навсегда… Которые предают, умирают или возвращаются домой.

— У меня нет дома, — сердито ответил Хордан.

— У тебя есть жена и сын.

— У меня нет дома, — повторил он и показал туда, где за дверью были берег и катер. — Все, что есть, — вон там.

— Будьте вы все прокляты.

— Твой муж…

---

[84] Notes: 84

Эту фразу автор периодически цитирует, вспоминая о том, как в молодости переводил Гомера, и называет ее одним из источников вдохновения всего своего творчества, однако у Гомера такой фразы нет.

— Ох, ради бога…

Она обожгла его взглядом. В наступившей тишине слышался только негромкий стук дождя по крыше. Лена отвела глаза.

— Будь они прокляты, — настойчиво повторила она.

Светловолосый великан слушал ее в туповатой растерянности и не понимал. Лена дала одеялу соскользнуть с плеч и поднялась.

— Когда мы сидели здесь, — она показала на топчан, — я спросила, любил ли ты когда-нибудь. И твой ответ не понравился мне.

— Не помню, что я тебе ответил.

— И это мне тоже не нравится.

Она пренебрежительно огляделась по сторонам, нахмурилась, словно прощаясь навсегда с этим местом. Потом сделала нечто странное — подняла руку и с нежданной нежностью коснулась его лица, погладила Хордана по щеке и подбородку.

— Представить себе не могла, что буду жалеть о том, что узнала тебя, — сказала она с холодноватой искренностью.

Потом подошла к столу, с полнейшим спокойствием открыла конверт с фотографиями и вытащила оттуда одну. Поглядела на нее и спря-

тала в карман, а Хордан не возразил.

— Будь проклят и ты, капитан Михалис.

«Волчица», сорвавшись с привязи швартовов, на малом ходу отошла от причала и двинулась к южной оконечности бухты. Небо, заволоченное низко нависшими, грязно-серыми тучами, по-прежнему сеялось дождем, отчего картина делалась еще печальней. Хордан в дождевике, роняя капли с козырька фуражки, стоял на мостике и следил за тем, как выполняется маневр. Команда, свернув причальные канаты в бухты, скрылась с палубы. Рядом остался лишь Иоаннис Элеонас, нахлобучивший капюшон плаща.

— Глядите, *капетанье*.

Он показывал куда-то направо, и Хордан взглянул туда же. И в сотне метров увидел Лену. Она шла по берегу, словно боялась потерять катер из виду и пыталась отсрочить последнюю минуту. Моросящий дождь, спокойное море у берега, скопление туч придавали ее одинокой фигуре какую-то трогательную беспомощность, вызвавшую в душе Хордана странную смесь смятения, печали, нежности и раскаяния.

«Быть может, я ее люблю? — вдруг подумал он. — Хотя теперь это уже не имеет значения».

Бросив последний взгляд, Хордан увидел, как

она остановилась у берегового уреза. Вдруг перехватило дыхание, будто влажным туманом окутало гортань и сердце: одной рукой он оперся о влажную сталь поручня, а другой отер капли, вымочившие ему бороду.

— Средний ход, штурман… Выходим из бухты.

Грек откинул колпачок переговорной трубы, громче взревели двигатели, и катер устремился в открытое море, меж тем как неподвижная фигура Лены Кательос под дождем стала удаляться, исчезать в серой дымке.

13. На именинах у сатаны

— Капитан просит вас на мостик.

Сальвадор Лонкар заворочался на складной койке и с усилием открыл глаза. Матрос, разбудивший его, сунул ему в руки чашку кофе и удалился, оставив дверь каюты открытой. Республиканский агент еще мгновение лежал неподвижно, соображая, где он, — пахло краской, гудели вентиляторы, подрагивали переборки. Легкая болтанка, под которую он уснул, прекратилась, оставив ему слабую головную боль и ощущение пустоты в желудке.

Он сделал глоток кофе — такого горячего, что обжег себе губы, — и взглянул на часы. Без четверти шесть — и, без сомнения, утра, потому что за иллюминатором было темно. Маленькими глотками Лонкар выпил кофе, надел башмаки — он спал не раздеваясь, — натянул плащ, обмотал шею шарфом и вышел из каюты. Море казалось спокойным, потому что палуба под ногами покачивалась вполне терпимо. Когда он поднялся по трапу на мостик, свежий воздух и дождь окончательно разогнали сон.

«Кронштадт» средним ходом шел в совершенно непроглядной темноте. Хотя на мостике царил полумрак — только лицо рулевого было чуть подсвечено снизу, — разглядеть что-либо снаружи было невозможно. Кроме рулевого, виднелись еще четыре бесформенных силуэта людей, всматривавшихся во тьму сквозь струи дождя, которые стекали по стеклам иллюминаторов: Лонкар узнал капитана Саэса, второго помощника Урсаэса и двух советских офицеров. При его появлении никто не произнес ни слова, Лонкар присоединился к ним тоже молча.

— Может быть, они нас не видят, — сказал кто-то немного погодя.

Это был старший помощник Егоренко. В ответ прозвучал скупой ответ капитана:

— Увидят.

Этот краткий диалог побудил Лонкара наконец подать голос:

— Есть новости?

Ответа не последовало. Через минуту он предпринял новую попытку:

— Где мы?

— Почти там, где надо, — сказал капитан.

— Прибудем через час, — припечатал русский. — Плюс-минус.

— Урсаис, покажите…

Лонкар проследовал за вторым помощником в штурманскую. Там Урсаис запер дверь и зажег настольную лампу. В ее синем свете оказалась морская карта, разостланная на столе.

— Мы, надо полагать, находимся где-то вот здесь — милях в двадцати к северу от острова Андрос, видите? И движемся к западу от Киклад, то есть по самому ходовому маршруту торговых судов, направляющихся к югу.

Лонкар склонился над картой: от Дарданелл тянулась прочерченная карандашом линия, а над ней были указаны часы. Все атаки, пояснил помощник, происходили в той зоне, куда мы входим сейчас. Дон Хинес Саэс решил облегчить фашистам задачу и выбрал самый ходовой маршрут.

— Скоро рассветет, — добавил он, — хотя дождь сильно затруднит видимость.

Лонкар отвел глаза от карты. От взгляда в одну точку усиливалась дурнота, вызванная качкой.

— Думаете, нас засекут?

Урсаис покачал головой и ответил осторожно:

— В море ни в чем нельзя быть уверенным полностью, но мы зажгли ходовые огни и направляемся по столбовой, так сказать, дороге — прямо в горлышко этой бутылки… Кроме того, посколь-

ку плохая видимость это оправдывает, дон Хинес послал запрос в греческую береговую службу, предупреждая, что может не увидеть свет маяка в Кафирефсе, и спрашивая, не погашен ли он…

— Название корабля упомянул?

— Само собой… Только не название как таковое, а свой опознавательный код. Этого достаточно, чтобы без лишних подробностей идентифицировать нас.

Лонкар улыбнулся. Старый лис, подумал он. Морские хитрости.

— И греки ответили?

— Греки — нет, но сигнал принял британский эсминец «Борей», патрулирующий в этих водах. Если фашисты слушают эфир, они должны были перехватить морзянку… Последними придурками надо быть, чтобы не обнаружить нас, когда рассветет.

Известие о том, что в эту историю может впутаться еще и британец, не слишком порадовало Лонкара. Такое вмешательство не столько поможет, сколько все испортит.

— Он может вмешаться?

Урсаис как будто понял его озабоченность:

— Это осложнит дело. — Он постучал пальцем по карте. — И потому дон Хинес приказал нашему

радисту не указывать координаты, тем более что мы и сами в них не уверены, поскольку высчитывали на глазок, то есть по курсу и скорости. Ночная темнота и дождь не дали определить место точнее.

— А мы полностью готовы?

Не сомневайтесь, ответил Урсаис. Готовы к любому варианту — и к самому вероятному, и к самому опасному. Сигналы боевой тревоги будут: «по местам стоять!», затем — «корабль к бою изготовить!», и наконец — «беглый огонь!». Созданы ремонтная и противопожарная команды, все артиллеристы Берзина наготове: по четыре русских и по два испанца на крупнокалиберное орудие, двое и один на зенитное и по два испанца на каждый пулемет, размещенный на шлюпочной палубе.

— Помимо того, на каждом борту по два мощных прожектора. Большего уже сделать нельзя.

— Как считаете, мы сумеем засечь фашистов прежде, чем они нас атакуют?

Урсаис замялся в нерешительности. Настольная лампа над картой отчетливей высветила осунувшееся от усталости лицо.

— Это в наших интересах, дорогой товарищ, — бледно улыбнулся он. — В наших. Нам не поздо-

ровится, если засадят торпеду в брюхо.

— И что делать в этом случае? Если дело обернется скверно?

— Внимательно слушать сигналы. Три длинных и три коротких свистка будут означать «Всем покинуть судно».

— Твою же мать! — высказался Лонкар.

Море было неотличимо от неба: ни малейшего отблеска на легком колыхании почти недвижной воды, ни единой звезды в вышине, ни хотя бы намека на линию горизонта. Ни ветерка. Торпедный катер замер внутри черной сферы, которую ночь — а был уже рассвет, убедился Хордан, когда, прикрывая свет фонаря, взглянул на часы, — кропила мелким дождем, окутывала невидимым влажным покрывалом корабль и его команду.

Хордан стоял на ходовом мостике. Только два темных силуэта — его и Иоанниса Элеонаса — отбрасывали слабые блики, когда они подносили к глазам бинокль или обращались к наблюдателю, невидимому в своем «вороньем гнезде» на мачте, хотя он находился всего лишь в метре над ними. Остальная команда, за исключением рулевого и радиста, отдыхала под палубой, а вахтенные, сменявшиеся каждые полчаса, были мокры насквозь, коченели от холода и страдали от рези в глазах,

потому что постоянно всматривались во тьму.

Видеть — видеть днем или ночью — таково главное стремление всякого моряка. В голове у Хордана, как и у всякого на его месте, царила мешанина курсов, углов, прямых, часов, расчетов, прокладок маршрутов на воображаемой — или вовсе даже не воображаемой, а вполне реальной — карте, и все отпечаталось там благодаря бесконечному разбору возможных и вероятных путей, вариантов, ответвлений, метеопрогнозов на ближайшие часы. Все это нужно было сочетать ради того, чтобы в нужное время — ни раньше, ни позже — оказаться в нужном месте. В должной точке Эгейского моря, где траектория «Волчицы» неминуемо пересечется с траекторией пока еще неуловимого русского, испанского или черт его знает какого сухогруза.

В открывшемся люке появился огонек сигареты.

— Греческая береговая охрана наконец отозвалась, — сказал Бобби Бомонт. — Сообщает, что не угас покуда свет прелестной Дездемоны.

— Скажите по-человечески, чтоб вас!..

Огонек разгорелся ярче. Хордан знал, что в море даже в такие ночи, как сегодняшняя, он заметен очень издалека.

— Погасите.

— Виноват.

Огонек исчез.

— Маяк на Кафирефсе работает по-прежнему, сэр. Русские либо не видят его, либо говорят, что не видят.

— «Кронштадт» ответил?

— Нет, мой повелитель. Пришло только первое сообщение с их определителем HWQS.

— Это же было час назад, — возразил Элеонас. — Они с тех пор прошли миль семь или десять.

— Думаю, при такой видимости идут они медленно и осторожно. — Хордан наклонился к Бомонту. — А об английском эсминце ничего не слышно?

— Ничего абсолютно. В безмолвии по ветру гордо вьется Георгия Святого славный стяг… На связь больше не выходили.

Соседство с этим кораблем беспокоило Хордана. В игру вступил фактор неожиданный и весьма опасный. Хордан уже успел найти данные на «Борея» в морском альманахе за 1935 год: недавно спущен на воду, класса «Бигль», вооружение — четыре 120-миллиметровых орудия, две зенитки по 57 миллиметров, мощность турбин — 34 000 лошадиных сил. Не дай бог этот грозный гончий

пес начнет травлю.

— Особое внимание, Бомонт. Докладывайте немедленно.

— Будьте покойны, сэр… Едва лишь наш британский жаворонок затрепещет крылышками, я это засеку.

— Бобби, не морочьте мне голову! Момент не тот.

— Само собой, сэр. Это никак не входило в мои истинные намерения.

— Радиосигнал устойчивый?

— Я слышу его отчетливо, — флегматично ответил Бомонт. — Но погода такая, что эсминец может быть в трех милях от нас с тем же успехом, что и в десяти…

— Вы лично как полагаете?

— По разуменью моему, о принц, он подобрался к нам чрезмерно близко.

Хордан вновь взялся за вычисления. Света маяка хватало на восемь миль, а запрос «Кронштадта» означал, что он находился там, где можно различить его проблесковые огни. Скверная видимость осложняла положение, однако логично было поместить сухогруз на максимальное расстояние в самом опасном месте пролива — то есть на пятнадцать миль. Каики-разведчики

засекли его в последнем свете вчерашнего дня в перерыве между двумя ливнями и сообщили, что он, без сомнения, взял курс на юго-юго-запад. Все вроде бы совпадало, если только это не был трюк и капитан «Кронштадта», сделав вид, что идет этим курсом, не сменил резко направление и под прикрытием темноты и дождя не направился к другой стороне островов Андрос и Тинос.

— Похоже, они затеяли с нами игру, — заметил Хордан, когда радист скрылся в люке.

— В такую ночь все возможно…

Стоический тон Элеонаса, подумал Хордан, — это итог тридцати веков удачных и провальных плаваний от Босфора до Гибралтара. Таких людей, как он, невозможно удивить.

Он поднял голову к невидимому «вороньему гнезду»:

— Ну, видно что-нибудь новенькое с высоты?

— Ничего, командир, — отозвался наблюдатель.

Хордан снова подумал о «Борее».

— Не дает мне покоя этот британский эсминец, — признался он помощнику через минуту.

Он не различал Элеонаса в темноте, но предполагал, что помощник повертел воздетыми руками, обозначая средиземноморский фата-

лизм.

— Посмотрим, когда он появится, — если соизволит, конечно.

— Надеюсь, эта тварь будет держаться подальше и не встревать.

Он вскинул бинокль и снова уставился в черноту, пытаясь что-нибудь в ней разглядеть.

— А что до «Кронштадта», то, если его капитан сменил курс и двинулся на восток, мы его не догоним.

— Все может быть, — с неизменным спокойствием отвечал Элеонас.

— Мы слишком сильно запаздываем, а в такую погоду встретить его будет трудно. Кроме того, он может просто улизнуть у нас из-под носа. — Хордан беспомощно развел руками в темноте. — Или он вообще где-то рядом, только мы его не видим.

— Рассвет уже брезжит… Это нам поможет.

Хордан взглянул на восток, где на черном куполе уже проступили первые сероватые прожилки. На миг ему вспомнилось, как Лена Кательос стояла на берегу и провожала взглядом катер, но он не без усилия заставил себя не думать о ней. Его волю, его разум должны были занимать теперь русский сухогруз или британский эсминец, готовые вынырнуть из тьмы. Суша может

подождать.

— Дай-то бог, штурман. — Он потер окоченевшие руки. — При свете станет легче, хотя ливень этот проклятый все осложняет.

По волнам теперь скользили слабые отблески. Поступенно кисея дождя становилась на востоке все тоньше и прозрачней, и вот в низких тучах, уже не сливающихся с тьмой, стегнула по горизонту, как хлыстом, беззвучная далекая молния.

В рассветной полутьме сквозь забрызганные стекла рубки сверкнула белой искрой зарница. За нею зигзагом другая, потом, совсем уже близко, третья, и казалось, она, прежде чем исчезнуть под завесой ливня, покачалась на волнах, разрезаемых форштевнем.

Сальвадор Лонкар стоял возле штурвала, прислонившись к переборке, а та, как и настил под ногами, подрагивала от вибрации двигателей. Агент завороженно смотрел, как медленно колеблется нулевая линия компаса всякий раз, когда рулевой поворачивает штурвал, выравнивая курс. Все, кто стоял на мостике, были неподвижны, все бинокли уставлены в темноту. Пахло кофе, мокрой одеждой, сигаретным дымом.

— Да, проясняется понемногу, — заметил Урсаис. — Но маяка не вижу.

— Он должен быть по правому борту, — ответил капитан.

— Вы считаете, дон Хинес?

— Выйдите наружу и гляньте.

Лонкар чувствовал, какое напряжение скрыто под внешним спокойствием моряков. Неудивительно. Надо было не только точно определить место судна относительно ближайшего берега — а маяк на Кафирефсе здесь был важным ориентиром, — но и всматриваться в море по всем направлениям, потому что противник мог появиться откуда угодно. По всему судну расставили наблюдателей, а артиллерийский офицер Берзин провел полчаса наверху, на открытом мостике, отрываясь от бинокля лишь для того, чтобы проверить, начеку ли его люди у орудий.

— Что-то начинает вырисовываться, — сказал старший помощник Егоренко.

И в самом деле, там, за покрытыми крупными каплями воды стеклами носовых иллюминаторов, непроглядная тьма сменялась полумраком. И в нем фок-мачта и мостик обрели собственные очертания и стали видны даже еще отчетливей благодаря то и дело вспыхивающим, как ракеты, зарницам. Капитан Саэс и старший помощник Егоренко теперь уже не были безликими черны-

ми силуэтами.

— Идем прямо в шторм, — сказал русский.

— Да, — коротко отозвался капитан.

Вернулся с мостика второй помощник, с которого ручьями текла вода.

— Маяка не видно, дон Хинес… Мне показалось, что я заметил огонь, но это другое судно. Оно на левом траверзе.

— Уверен?

Урсаис подошел к нактоузу и тряпкой протер стекла бинокля.

— Более чем. Красный ходовой огонь.

— Может, это фашисты? — с надеждой в голосе вмешался Лонкар.

— Не думаю. Те едва ли пойдут с включенными огнями.

— Может быть, британец? — предположил Егоренко.

— Может быть кто угодно, — ответил капитан.

— Считаю, что мы должны запросить, они ли это, — настаивал тот. — И где находятся относительно маяка.

— Нет.

Повисло тягостное молчание. Дождь продолжал барабанить по стеклам, молнии сверкали все ближе.

— Пойдемте наверх, — вдруг сказал капитан. — Второй помощник, остаетесь здесь.

Лонкар застегнул плащ доверху и вслед за Саэсом и Егоренко вышел из рубки к мокрому трапу, ведшему на открытый мостик. Там под дождем стоял с биноклем в руке артиллерист. Капитан подошел к нему:

— Какие новости, Берзин?

— Никаких.

— А маяк? Есть огни?

— То же, что с новостями.

— А что судно, с которым мы пересеклись?

— Разминулось, соблюдая дистанцию и держа прежний курс… Еще минуту назад был виден его белый кормовой огонь.

От движения «Кронштадта» и от непрестанного дождя воздух стал сырым и холодным, но все же это был еще не настоящий ветер. Море оставалось спокойным, и, к радости Лонкара, качка была медленной и вполне терпимой. Если не считать вспыхивавших на горизонте зарниц — теперь уже не безмолвных, а сопровождаемых отдаленными раскатами грома, — впереди ночная тьма оставалась непроницаемой. Однако за кормой, на востоке пелена дождя редела, открывая тусклое небо, затянутое низкими, коричневато-серыми

тучами.

Капитан снял заглушку переговорной трубы и приказал:

— Помощник, четверть румба право.

Снова закрыл трубу и вскинул бинокль, меж тем как нос стал медленно поворачиваться на одиннадцать градусов вправо.

— Не хотелось бы с маху треснуться о скалы Андроса.

Гроза приближалась, интервалы между вспышками молний и раскатами грома становились все короче. Лонкар, захвативший с верхнего мостика бинокль, всматривался во тьму справа, силясь сквозь струи ливня разглядеть что-нибудь, кроме нее. Когда-то ему рассказали, что, если, напрягая глаза, подолгу и пристально смотреть в одну точку, можно испортить зрение, и потому он медленно переводил взгляд слева направо и обратно.

Внезапно черноту моря осветил бледный зигзаг молнии, похожий на вспышку магния. Это длилось лишь три секунды, но оказалось достаточно, чтобы высветить темный силуэт — подобно акуле, почуявшей добычу, параллельным с «Кронштадтом» курсом шел маленький корабль.

Зарница ослепила Хордана: она вспыхнула со-

всем рядом и у самой воды, а ливень многократно усилил эффект — показалось, будто почти гладкая поверхность моря залита маслом и вот-вот вспыхнет и охватит огнем все вокруг. Мгновение спустя вновь опустилась темнота, а точнее, влажный сумрак, который постепенно светлел с востока, однако судно, до которого было меньше мили, на десяти узлах шло именно туда, во тьму, на юго-юго-запад: горели ходовые огни — белые габаритные наверху и зеленый на правом борту. Хордан пятнадцать минут назад определил его скорость и непрерывно измерял пеленг, корректируя данные, вводимые в систему управления огнем.

— Похоже, он нас заметил, — сказал Иоанис Элеонас.

— Да это уж теперь не важно… Атакуем.

Штурман, недоверчивый, как все греки, продолжал сомневаться:

— Странно, что идут с огнями.

— В такую ночь без огней опасно.

С этими словами Хордан повернулся к Бобби Бомонту, стоявшему с ними на мостике:

— Подайте сигнал «Оскар-Браво-Браво», когда они пойдут самым полным ходом. Будем торпедировать.

— Есть, сэр.

Радист скрылся в люке. Еще раньше сквозь пелену дождя определили огни: сначала красный на левом борту, а потом, описав полукруг за кормой сухогруза, шли на благоразумном расстоянии от него, пока не заметили зеленый, и придвинулись еще немного с этого борта, чтобы судно оказалось между катером и пепельным светом зари. Прижав окуляры биноклей к глазам, облокотившись на мокрое ограждение мостика, Хордан и Элеонас всматривались в силуэт судна, чтобы убедиться: две трубы одинаковой высоты, две мачты, скошенная рубка, надстройка на полубаке и вторая на юте. Вне всяких сомнений, это был «Кронштадт».

— Штурман, передайте в машину — прибавить оборотов. Заходить будем с угла в шестьдесят градусов.

Элеонас открыл затычки акустических труб, соединенных с ходовой рубкой и машинным отделением, и отдал приказ. Двигатели взревели громче. «Волчица» вздрогнула всем корпусом, увеличила скорость, и ее нос на двадцать два градуса отклонился от курса, параллельного ходу «Кронштадта». Хордан снял промокшую фуражку, чтобы ее не унес пропитанный водой ветер.

— Штурман, право руля еще на одиннадцать.

— Есть одиннадцать вправо.

Ветер усилился, а дождь больно и колюче хлестал по лицам, дробно барабанил по настилу палубы. Хордан, ладонью прикрывая глаза, осмотрел борта и корму: виднелись силуэты Зингера и Киприану, скорчившихся за торпедными аппаратами, а в далеком свете зари глянцево блестели мокрые плащи братьев Мароунов, стоявших у «Эрликона».

— Зингер, оба аппарата — товсь!

Долетел прерываемый ветром ответ Зингера, повторившего приказ. Хордан снова оглядел белый и зеленый огни сухогруза, будто выгравированного на светлеющем небе. Струи дождя катились по голове и по бороде.

— Пока все путем… — сказал он, вытирая глаза. И прильнул к окулярам прибора управления огнем. — Лево руля тридцать.

— Есть лево тридцать.

Хордан чувствовал, что полотенце, обмотанное вокруг шеи, вымокло, и стучал зубами от холода. Он поднял голову и посмотрел на «Кронштадт» невооруженным глазом.

— Курс и скорость прежние?

Элеонас, прижимая к глазам бинокль, ответил:

— Похоже на то, *капетанье*.

Хордан трижды глубоко вздохнул, медленно выпуская воздух из легких и силясь как-то избавиться от тугого узла где-то внутри. Потом встал покрепче, для устойчивости расставив ноги, и хлопнул штурмана по плечу:

— Что ж, тогда курс ноль-восемь-ноль. Тысяча триста оборотов… Атакуем.

Элеонас повторил команду в акустическую трубу; «Волчица» повернула налево, и мостик наклонился в противоположную сторону. И потом катер, ревя двигателями, понесся по маслянисто-гладкой поверхности моря, как по паркету, вспарывая ее форштевнем и по прямой линии пронзая дождевую завесу, которая окутывала все вокруг.

Прозвучали два свистка — «изготовиться к бою!». Весь «Кронштадт» заполнился топотом ног до трапам и палубам, командами, выкриками по-русски и по-испански, и Лонкар услышал, как с грохотом отодвигают щиты, маскировавшие орудия. Сбитый с толку, чувствуя, что от его присутствия на борту никакого проку, он отошел в уголок, чтобы не путаться под ногами, и устроился между двух вентиляторов, из которых доносился гул машин. Капитан Саэс и старпом

Егоренко кричали в акустические трубы, а Берзин, прижимая к уху телефонную трубку, отдавал распоряжения орудийной прислуге. За спиной у Лонкара теперь, когда убрали фальшивые спасательные шлюпки, стали видны продолговатое темное тело 45-миллиметровой зенитки и стволы спаренной пулеметной установки «Максим». Внезапно на носу и корме вспыхнули мощные прожектора, зашарили по темному небу с правого борта, высматривая противника, и в снопах их света над прозрачной пеленой дождя возникло сияние.

— Вот он! — воскликнул Егоренко.

Да, это был он. Он наконец предстал перед ними.

— Смотрите, это же торпедный катер!

Лонкар покрылся мурашками — не от холода и не от дождя, — когда лучи двух прожекторов сошлись на темном пятне, которое находилось не далее мили от них и с невероятной быстротой приближалось к сухогрузу, взметая по обе стороны от форштевня крылья белой пены, — неслось по едва заметным волнам так, словно не бороздило море, а скользило по нему.

— Сукины дети, — очень спокойно процедил сквозь зубы капитан Саэс.

Берзин бегом бросился к своим пушкам. Раздалось три свистка, и в тот же миг череда вспышек и грохота пронеслась по «Кронштадту», содрогнувшемуся всем корпусом от носа до кормы, оглушила Лонкара, который зажал уши и стал испуганно озираться по сторонам. Почти одновременно открыли огонь орудия на полубаке и на корме и обе зенитки, стоявшие на верхней палубе, перед трубами и за ними; и, покуда прислуга перезаряжала пушки и желтоватый дым спиралями стлался под дождем, прежде чем рассеяться в нем, длинными, торопливыми очередями ударили сдвоенные пулеметы, посылая красные и белые трассы свинца, который искрил, когда попадал на черную гладь моря.

— Отчизна… — начал было Егоренко, явно довольный этой канонадой.

— Отчизна не имеет к этому никакого отношения, — сухо оборвал его капитан.

Тьма рассеялась, а опалового оттенка туман, пришедший на смену дождю, усиливал действие прожекторов, уплотнял световую завесу, слепившую Хордана. Он еще не пришел в себя от этого двойного пучка лучей, которые высветили катер и уже не выпускали его, неуклонно следуя за ним, хотя он шел на скорости в тридцать узлов.

— Пять влево, штурман! Так держать!

Одной рукой ухватившись за стальной поручень, а другой подкручивая маховички ПУО, Хордан, несмотря на яростную тряску, от которой лицо его билось о защитные резиновые наглазники, старался удерживать в видоискателе силуэт «Кронштадта». Выбрав ориентиром ближайшую трубу, он рассчитывал его курс и скорость, стараясь совместить их с курсом и скоростью торпеды, которую собирался пустить, но неистовый свет прожекторов слепил глаза. Кроме того, вокруг творился сущий ад: трассирующие очереди прочерчивали небо, снаряды падали в море, вздымая высокие водяные столбы, или, перелетая через катер, со звуком рвущегося полотна раздирали дождевую завесу и потом исчезали в широком, длинном и ровном следе, который «Волчица» оставляла за кормой. Вода хлестала с небес и с моря.

— Три вправо, штурман! Держи-держи!

Нет, это не просто русский «купец», заключил Хордан, делая над собой усилие, чтобы его удивление не переросло в растерянность на грани паники. Совершенно ясно — это то, о чем его предупреждали: он оснащен как боевой корабль, как вспомогательный крейсер, хотя сейчас нет

ни времени, ни должного спокойствия, чтобы разбираться подробно. Дай бог убраться от него живыми. На миг он подумал, не развернуться ли и не удрать ли полным ходом, но тут же, не отрываясь от ПУО, понял, что Элеонас бесстрастно за ним наблюдает. Есть на свете люди, при которых кое-чего затевать нельзя, как нельзя и бросать затеянное.

— Так держать, штурман.

Сильный толчок, больно нажав на глазницы, заставил его оторваться от окуляров. И прежде чем опять прильнуть к ним, он на пять секунд получил возможность увидеть тьму, раздираемую вспышками и разрывами, огоньками выстрелов с палуб и надстроек неуклонно приближающегося «Кронштадта», трассами пулеметных очередей, которые то перекрещивались, то сливались. Хордан хотел выпустить торпеду с дистанции в шестьсот метров, и его инстинкт моряка завершал сейчас последние вычисления: еще сорок секунд оставаться в этом клубке смертоносного огня, который изрыгают орудия, опустив стволы на пять-десять градусов ниже линии горизонта. Если повезет, в конце концов снаряды будут уходить в перелет.

— Сбавить обороты до тысячи двухсот!

Снова прильнув к окулярам ПУО, он слышал, как Элеонас передает команду в машину. Услышал и доносящиеся с ходовой рубки слитные хлопки «Эрликона» и понял, что это браться Мароуны, не оробев от всего того, что летело и валилось на них, делали свое дело и отвечали огнем на огонь с «Кронштадта». Молодцы ребята, эти ливанские братаны, подумал он. Небольшое утешение их пальба, но уж какое есть, и на том спасибо.

Еще секунд пятнадцать, прикинул он. И вдруг почувствовал, как у него над головой что-то взорвалось, дождь превратил оранжевый блеск вспышки в стремительный калейдоскоп, а металлические осколки со звоном посыпались на палубу и с плеском — в море. Но Хордан, продолжая держать цель в визире, не оторвался от окуляров. Хоть и знал, что означают эти звуки.

Зато Элеонас молчать не стал.

— Шрапнель! Они бьют разрывными зенитными снарядами.

— Зингер цел?

— Да, вон он, укрылся за аппаратом.

Хордан, по лицу которого струилась дождевая вода, поднял кулак. Визир ПУО по-прежнему нацелен на первую трубу парохода. Десять секунд,

шестьсот метров. Еще один снаряд разорвался в небе, не очень близко от катера, озарил все вокруг оранжевыми сполохами, и что-то твердое запрыгало по комингсу, отчего тот зазвучал наподобие камертона.

Хордан стиснул челюсти: во рту пересохло так, словно там не было ни капли слюны. Он сунул мокрую руку в рот, пососал пальцы, провел по языку. Мы живы покуда, мелькнуло в голове, только благодаря нашей скорости.

Он опустил кулак и вскинул голову. Под хлещущими струями ливня торпедный катер, высвеченный прожекторами и разрывами, летел словно по световому туннелю, влажному, переливчатому и гибельному.

— Второй аппарат, пли!

Глуховатый взрыв и шипение. Хордан услышал, как исполинская черная рыба, поблескивая смазкой, сорвалась с борта и вошла в воду, но лишь через три секунды увидел в визир, что «Кронштадт» начал сбрасывать скорость. Он шел теперь не на десяти узлах, и это означало, что торпеда, вероятно, прошла у него перед носом. Хордан яростно выругался.

— Штурман, лево на борт! Зигзагом и самый полный вперед!

Взревели с новой силой три двигателя. В этот миг что-то взорвалось внизу, почти у самой поверхности воды, и «Волчица» вздрогнула, как подстреленный зверь. Хордан, едва устояв на ногах от такой резкой смены курса, взглянул на корму и в ослепительном свете новых и новых вспышек увидел, что «Эрликон» накренился и слетел с лафета и что за ним никого нет. На палубе среди десятков поблескивающих стреляных гильз лежит один из Мароунов, и от борта к борту переливается разбавленная дождевой водой лужа его крови. Второй брат исчез.

На «Кронштадте» стоял оглушительный грохот: каждые двадцать секунд стреляли пушки с носовой и кормовой надстроек и с верхней палубы, и к их рявканью присоединялись скороговорка двух зениток и неумолчный стук пулеметов. Стоя у ограждения верхней рубки, Лонкар, полуоглохший (уши были заложены от этой громовой какофонии) и онемевший от этого зрелища (он никогда прежде даже представить себе не мог ничего столь яростного, неистового и оглушительного), пытался не выпускать из поля зрения торпедный катер, наполовину скрытый в дыму разрывов и вспышек, трассах очередей и столбов желтоватой пены, окатывавших его от

интенсивной стрельбы: сначала он приблизился по прямой, а сейчас короткими резкими зигзагами описывал полукруг, пытаясь вырваться из двойного пучка лучей неотступно следовавших за ним прожекторов.

— Торпеда! — крикнули у него за спиной, и от этого крика у Лонкара свело желудок. — Торпеда!

Капитан Саэс, бесцеремонно оттолкнув его в сторону, подскочил к борту и стал смотреть в море.

— Право на борт! — гаркнул он, и Егоренко отрепетовал команду в акустическую трубу.

Канонада стихла. Гроза прошла стороной, ливень немного унялся, чуть брезжившая заря сменилась рассветом. Четверть небосвода была уже не темной, а свинцовой, с перламутровыми прожилками, и от этого превращения посветлело и море. Даже если бы прожектора не переключились с атакующего катера на лихорадочные поиски торпеды в воде, можно было бы рассмотреть прямую зловещую кильватерную струю, приближающуюся к пароходу.

Лонкар не знал, что делать. Сбитый с толку, в ожидании неминуемого удара, он уцепился за леер и смотрел на капитана так, словно от его

команд, от тона его голоса, от того, как старый моряк вглядывался в море, зависела тонкая грань, отделявшая выживание от катастрофы, а жизнь от небытия. И то, что он до сих пор не отвернул в сторону, внушало настоящий ужас. Соверши он какой бы то ни было маневр, пароход и торпеда разминулись бы. След был уже совсем близко, и до столкновения оставались считаные секунды.

И вот наконец, когда нос «Кронштадта» начал поворачиваться вправо, след торпеды настиг его, словно она прибавила хода, и исчез из виду, но Лонкар, напрягший все мускулы в ожидании конца света и собственной своей жизни, услышал лишь оглушительный стук в измученных пушечным громом барабанных перепонках. Ничто не взорвалось у него под ногами; мир, жизнь, его собственная и всех, кто находился на борту «Кронштадта», шли своим чередом. И мгновение спустя, вслед за капитаном и Егоренко бросившись к левому борту, он увидел, как торпеда, которая прошла всего в трех метрах от носа «Кронштадта», удаляется, оставляя пенный след на глянцевито-серой поверхности моря в ряби последних дождевых капель.

— Ну что, *капетанье,* не вышло у нас, а? — сказал Иоаннис Элеонас.

«Кронштадт», сейчас отчетливо видный в пепельном свете восхода, был уже в двух милях. После того, как торпеда прошла мимо, он прекратил огонь по «Волчице», хотя она, не теряя его из виду, шла на средних оборотах и была в пределах досягаемости его орудий.

— Нас поджидали, — ответил Хордан. — Ловушку подстроили.

— Море — оно такое… — ответил грек с обычным своим стоицизмом. — Иногда выиграешь, а иногда и…

— Мы еще не проиграли.

Хордан взглянул на корму. Исполняя его приказ, Зингер и Киприану безо всякого похоронного ритуала уже сбросили за борт тело Мароуна. И теперь, завернувшись в свои блестящие дождевики, сидели, скорчившись, у торпедного аппарата и угрюмо смотрели на мостик. Ожидали.

— Не сказать, чтоб сияли от счастья… — заметил Элеонас. — Однако вели себя достойно.

— Как и все. И живые, и мертвые, — сказал Хордан.

И снова взглянул на «Кронштадт», невозмутимо шедший прежним курсом.

— Я, штурман, не люблю, когда меня заманивают в ловушки.

Грек взглянул на него с неожиданным вниманием. В свинцовом робком свете четче обозначились черты осунувшегося от бессонницы лица, и щетина на небритом подбородке казалась темней: скользнувший луч был из тех, которые, являясь даже в компании с другими, заставляют человека особенно остро чувствовать свое одиночество. «Должно быть, я выгляжу так же, — подумал Хордан. — И так же одинок».

— Повторим атаку?

Элеонас, кажется, совсем не удивился, и Хордану понравилось, что ему это не кажется.

— У нас ведь есть еще одна?

Штурман окинул взглядом «Кронштадт», который так и не возобновил огонь и словно бы приглашал катер снова приблизиться.

— Сильное вооружение, лупит крепко, — хладнокровно сказал он. — А на второй раз может быть еще хуже.

— Понимаю…

— И все же повторим.

Это не было вопросом. И Хордан кивнул:

— Полагаю, что да.

Грек помолчал немного.

— Создается впечатление, *капетанье*, — произнес он наконец, — что именно сегодня справляет

сатана свои именины.

Из люка высунулась голова Бобби Бомонта, который доложил, что эсминец «Борей» увидел или услышал пальбу и запросил всех, кто находится в этой зоне, о том, что происходит.

— «Кронштадт» отозвался?

Англичанин одним пальцем поправил очки и качнул головой:

— Нет, мальчик мой. Ничего решительно — не было сигнала QQQ и не был дан ответ «Борею» при бледных месяца лучах… Полная тишина.

Хордан понимающе улыбнулся:

— Капитан, или кто там командует на «Кронштадте», не хочет, чтобы кто-нибудь встревал. Дело почти личное… касается исключительно их и нас.

Англичанин зажмурился от дыма сигареты во рту:

— Пускай в единоборстве кровных братьев достойнейший себе победу снищет.

— Что-то в этом роде. — Хордан похлопал его по плечу. — Возвращайтесь к своим обязанностям, Бобби.

Тот воззрился на него флегматически:

— Мой повелитель, когда идет такая резня и псы войны заходятся лаем, внизу сидеть тяжко…

В моей радиорубке вот такая здоровая пробоина. — И он показал обеими руками.

— Идите-идите. И не забудьте пригнуться.

Радист, затянувшись напоследок, швырнул окурок за борт. Элеонас рассматривал «Кронштадт» в бинокль.

— Только что на корме подняли флаг.

— Советский?

— Нет… Красно-желто-лиловый. Испанской Республики.

Хордан коротко рассмеялся сквозь зубы:

— Они приглашают нас вернуться. И попробовать еще разок.

— Похоже на то.

— В тавромахии это называется «попросить нового быка». — Он глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. — Кофе не осталось больше?

Элеонас протянул ему термос, и Хордан выпил прямо из горлышка. Кофе уже остыл, однако все же немного взбодрил. Хордан принялся прикидывать возможную геометрию направлений и курсов — теперь под этим сероватым, чуть подернутым облаками, но ясным небом, где противники так отчетливо видели друг друга. Дождь перестал. Зато волнение на море все усиливалось, а с ним и качка. В отдалении на востоке

виднелась серая полоска побережья.

Именины сатаны, повторил он про себя. В такой день лучше всего оставаться дома.

— Штурман, поднять итальянский флаг.

— Уверены? — замявшись, спросил тот.

— Ну разумеется. Будем последовательны до конца.

Покуда Элеонас выполнял приказ, Хордан закрыл термос и поставил его за акустическими трубами. Потом снял затычку с той, что соединялась с машинным отделением, и дунул в латунный раструб.

— Механик… Как у вас там? Все в порядке?

— Все в порядке, — отозвался спокойный голос Георгиоса Амбеласа.

— Сможете дать максимальные обороты?

— Да все, что захотите, командир. Полторы тысячи и даже еще побольше.

Хордан размотал полотенце на шее — оно уже так пропиталось водой, что одежда промокла насквозь. Снял, встряхнул и снова надвинул фуражку. Ровно пять секунд думал о Лене Кательос, а потом позабыл о ней. И устремил взгляд на «Кронштадт». Тот, кто думает, будто это совершается во имя правого дела или великой цели, ни черта не понимает.

— Зингер, торпедный аппарат по правому борту — товсь!

Голландец выпрямился и растерянно ожидал подтверждения команды.

— Оглох? Товсь!

Покуда тот выполнял приказ, Хордан наклонился к ПУО и взял пароход на прицел. Даже не отрываясь от окуляров, он чувствовал неодобрение Элеонаса.

– *Капетанье,* послушайте-ка…

Хордан не дал ему договорить:

— Полный вперед, штурман.

Тот помолчал и потом произнес тускло:

— Есть.

— На тридцати узлах. Курс один-три-ноль, а потом — ноль-восемь-ноль.

— Есть.

— Поздравим именинника.

Грек четырежды перекрестился справа налево — Хордан видел это впервые — и отдал команду. Взревели двигатели, катер рванулся, как пришпоренный конь, и, набирая скорость, задирая нос, обдавая мостик потоками воды, помчался вперед. Хордан, одной рукой держась за поручень, расставив и чуть согнув ноги, чтобы не потерять равновесия от увесистых ударов

форштевня о волны, ввел данные цели в поле зрения ПУО.

— Пять влево, штурман… Так держать.

«Волчица» не промчалась и четверти мили, как на экране замерцали вспышки и несколько дальнобойных снарядов с воем пронеслись над катером и исчезли в кильватерном следе.

«Кронштадт» принял вызов и открыл огонь.

Сальвадор Лонкар — он все еще стоял у ограждения рубки с биноклем в руке — не верил своим глазам. В самом деле, было нечто фантасмагорическое в том, что под низко нависшими облаками, прыгая по серым волнам, не обращая внимания на шквал огня, обрушившийся на него, к пароходу с правого борта по диагонали летел неприятельский катер. Сотрясая палубы «Кронштадта», грохотали морские орудия и зенитки, теперь наведенные ниже линии горизонта, и спаренные пулеметные установки прочерчивали небо трассирующими очередями — все это сходилось в одной точке так густо, что вода вокруг катера будто вскипала брызгами, вставала столбами пены, и воздух полнился оранжевыми и охристыми вспышками разрывов. От всего этого неуклонно приближающийся катер окутывала янтарная дымка, которую он рубил резкими,

частыми ударами форштевня.

— Что ж, кишка у них не тонка… — сказал капитан Саэс.

Голос его, еле различимый в грохоте пальбы, звучал с бесстрастным спокойствием. Капитан ни к кому не обращался, и лестное замечание высказано было словно про себя. Однако Лонкар, стоявший рядом с ним и со старшим помощником Егоренко, услышал его вполне отчетливо.

— Зря вы это, капитан… — ответил явно уязвленный русский. — Твари фашистские.

— Да, — согласился тот. — Фашистские твари, у которых кишка не тонка.

Лонкар время от времени поглядывал на него, словно желая получить толику спокойствия, в котором сам нуждался так безотлагательно. Ни по тону, ни по манере себя вести нельзя было судить о том, какие чувства испытывает капитан, однако углы его рта раздвинулись в непривычной гримасе, открывая стиснутые зубы, и этот оскал словно застыл у него на лице с той самой секунды, как Саэс заметил приближение катера.

Ему тоже страшно, вздрогнув от озноба, понял Лонкар. Как и мне.

Рычание и вой ветра почти заглушили непрестанный гул вражеской канонады. Хордан,

прильнув к окулярам ПУО, слышал, как над самой головой у него разорвался снаряд: раздался сухой треск — как будто шваркнули об пол целую груду тарелок, — а вслед за тем каскады осколков посыпались в море, градом застучали по палубе. Он инстинктивно пригнулся, потом оглянулся, не веря, что остался цел, и наткнулся на изумленный взгляд Элеонаса, смотревшего так, словно никому из экипажа «Волчицы» не суждено было увидеть родителей, жен, подруг или детей.

— Близкий недолет, *капетанье*.

— Очень близкий.

Пулеметные трассы, с кажущейся медлительностью приближавшиеся от «Кронштадта», как будто вдруг ускорились, прежде чем ударить по задней части палубы, по загудевшему ограждению и поднять целую тучу щепок, немедленно подхваченных ветром. Обернувшись направо, Хордан увидел, что Зингер и его напарник остаются на месте, поддерживают друг друга и прячутся, съежившись, за торпедным аппаратом. Хордан мельком подумал, что в прошлом был несправедлив к голландцу: на берегу он, может быть, субъект неприятный, но в море ведет себя безупречно.

— Долго не продержимся, — сказал штурман.

Хордан ничего не ответил. Он пребывал в смятении чувств и двигался как во сне — во сне нелепом и тяжком. Выпрямился и снова припал к окулярам ПУО, найдя в визире ближнюю трубу «Кронштадта», служившую ему ориентиром. Упорное стремление удержать судно на линии прицела помогло ему сосредоточиться и забыть все лишнее. Собраться и оставить на потом — как будто это было возможно — огненный туннель, в котором под порывами ветра, среди пенных столбов, вздымавшихся с обеих сторон форштевня, мчался катер.

— Штурман, право — четыре. — (При каждом ударе носом о волны каучуковые протекторы больно давили на глаза.) — Так держать… Держать, держать…

Ухватившись одной рукой за поручень, а другой настраивая визир, он вычислил дистанцию и угол относительно передней трубы, откуда, как и из задней, поднимался к свинцовому небу и там повисал столб черного дыма.

— Штурман, до цели шестьсот метров… Сбавить ход до двадцати узлов.

— Держать двадцать узлов. Тысяча оборотов, — приказал Элеонас в переговорную трубу.

— Лево — пять… Вот так, прекрасно. Так дер-

жать.

Хордан чувствовал, как сводит желудок, как пересохло во рту, как напряглись все мышцы, будто грозя порвать сухожилия, как под ветром липнет к телу влажная одежда. Сдвинув назад фуражку, он не отрывался от окуляров и время от времени тер глаза, потому что плохо видел, пока не понял, что линзы застланы дымом и ослеплены беспрестанным мерцанием выстрелов, вспыхивающих от носа до кормы. Новые снаряды с воем и свистом проносились над головой или разрывались в воде, и грохот сменялся глуховатым плеском. Внезапно рубка содрогнулась: что-то твердое и раскаленное ударило в борт и проломило корпус. «Волчица» сильно клюнула носом, погрузив его в столб пены, ветер сорвал фуражку с Хордана, и он ударился лбом о ПУО с такой силой, что припал на колени.

— Пли! — крикнул он, силясь подняться, но безуспешно.

И услышал, как штурман отрепетовал команду, а потом — как торпеда вышла из аппарата на правом борту. Оглушенный и обессиленный, мотаясь из стороны в сторону от бросков катера, он, не в состоянии встать на ноги, обхватил голову, а когда опустил руки, ошеломленно заметил на

ладонях кровь.

Да этого быть не может, подумал он. Это всего лишь сон. Кошмарный сон, от которого я очнусь, если только сделаю над собой усилие.

Хордан попробовал встать и снова не сумел. Сильно жгло лицо и лоб. Подняв голову, он сквозь красную пелену увидел на мостике Элеонаса: тот что-то кричал, а что именно — Хордан не слышал.

— Штурман… — слабым голосом попросил он. — Пора убираться отсюда.

Он еще что-то говорил, когда нечто стремительное, грохочущее и свирепое впилось в него, сомкнув стальные челюсти, и потом еще раз ударило. Раздался скрип, с которым, наверно, разверзлись бы врата ада, и катер разлетелся на куски.

Торпеда угодила в носовую часть, между мачтой и мостиком. Лонкар, который, заметив торпеду, бросился к противоположному борту, увидел, услышал и почувствовал два взрыва, грянувших один за другим: сначала взорвалась сама торпеда, взметнув высокий столб воды и встряхнув весь корпус «Кронштадта», а секунд через десять-пятнадцать последовал второй взрыв такой силы, что в воздух взлетели куски дерева и металла.

Ударная волна отшвырнула Лонкара к борту, прижала к лееру, и благодаря этому он не упал в море. Когда же, перепуганный и растерянный, он пришел в себя, то обнаружил, что окутан желтоватым облаком с таким едким запахом кордита, что закашлялся, а из глаз полились слезы. Под ветром облако медленно рассеялось, и Лонкар наконец увидел, что старшего помощника на мостике нет, а капитан Саэс пытается встать, и левая рука у него неестественно вывернута.

Лонкар устремился к нему. Помог подняться и обнаружил, что поврежденная рука висит плетью и, судя по всему, сломана ниже плеча. Однако Саэс был в сознании и, несмотря ни на что, соображал отчетливо и быстро. Он пошатывался, но держался на ногах.

— Что там с Егоренко? — спросил Лонкар.

Капитан повел вокруг себя растерянным взглядом и остановил его на пробитом и переломанном фальшборте.

— Нет его, — произнес он хрипло: вероятно, от пороховой гари саднило горло. — Ушел.

На мостике появился второй помощник Урсаис — бледный, с перекошенным лицом, но сохранявший спокойствие.

— Руку, — сказал капитан хладнокровно. — Ру-

ку мне подвяжите чем-нибудь.

Руку зафиксировали его собственным ремнем. После этого Урсаис доложил обстановку. Торпеда попала в ящики со снарядами, сложенные на шкафуте, и детонация образовала огромную брешь, снесла опоры фок-мачты, вскинула высоко в воздух орудие, перебила разом всю артиллерийскую прислугу и Берзина, оказавшегося в эту минуту рядом. По первым прикидкам, потери составили семь человек убитыми и пять ранеными.

Окончив доклад, он огляделся по сторонам:

— А где старший помощник?

— Погиб, — ответил Лонкар.

Урсаис взглянул на него удивленно и не сразу ответил:

— Понятно…

Капитан пошел взглянуть, в каком состоянии фальшборт, и Лонкар с Урсаисом присоединились к нему. Под рубкой зияла пробоина с обугленными, искореженными и еще дымящимися краями. Пахло раскаленным металлом, краской, жженой резиной, горелым деревом, и оголенные фланцы блестели, как серебро. Несколько моряков, обвязав лица тряпками, возились там.

— Помощник, судно осталось на плаву? — спросил капитан.

— Полагаю, осталось. По счастью, боеприпасы лежали на палубе, а не в трюме… Поэтому взрывная волна пошла вверх, а не вбок, хотя разворотила две спасательные шлюпки, выбила иллюминаторы на нижнем мостике… Рулевой получил ранение в лицо.

Капитан, поддерживая поврежденную руку здоровой, слушал, не поднимая глаз.

— Котлы повреждены?

— Руль плоховато слушается… Сейчас его проверяют, приводят в порядок.

— Воды много набрали?

— Если не считать пробоины от торпеды, не очень. Я завел пластыри и поставил все насосы откачивать.

Капитан хмуро потер сломанную руку:

— Не хотелось бы угробить судно.

— Пока ситуация не осложнилась, оно на плаву, — успокоил его помощник. — Я приказал радисту запросить помощь, сообщив наши координаты. — Он показал на запад. — Вон там, милях в десяти, наверно, мыс Кафирефс… Если переборки выдержат и пластыри не подведут, дойдем до гавани или до какого-нибудь безопасного места, хотя, конечно, с затопленными трюмами и с креном на нос.

Капитан ненадолго задумался:

— В двадцати пяти милях — Каристос. Там широкий проход в бухту, дно песчаное, так что в самом худшем случае сможем сесть на мель.

Урсаис улыбнулся, искренне или притворно давая понять, что верит в благополучный исход. Этот малый — хороший моряк, подумал Лонкар: знающий, дельный, спокойный. Готов к суровой морской жизни, как многие из этих ребят.

— Продержимся на плаву, дон Хинес… Вот увидите.

— Не хочу терять судно, — настойчиво и мрачно сказал капитан.

— Не тревожьтесь, мы сохраним «Кронштадт». — Урсаис взглянул на правый борт, словно вдруг вспомнив что-то. — А что с этим фашистским катером?.. С нижнего мостика не много разглядишь.

— Сгинул, — вмешался Лонкар. — Мы видели, как он взлетел на воздух.

— Отлично.

— Это были итальянцы.

Урсаис оглядел развороченный шкафут:

— Вот же мрази…

— Да.

— Но мы с ними расквитались.

— С лихвой, — добавил Лонкар.

Урсаис вновь обратился к капитану:

— Дон Хинес, хотите, проверим, нет ли выживших? Распоряжусь спустить шлюпку.

Капитан покачал головой, придерживая сломанную руку. Как видно, разболелась на холоде.

— У нас и так дел выше крыши… Если есть выжившие, пусть катятся к известной матери.

14. Говорите мне о любви

В погожий октябрьский день 1951 года капитан торгового флота Мигель Хордан Кириазис пришвартовал свое судно в греческом порту Пирей. «Альмансора» водоизмещением 4700 тонн, ходившая под испанским флагом и принадлежавшая судовладелице Мингес-Пеллюс, пришла в Пирей с грузом марокканского фосфата и собиралась доставить в Валенсию цемент. И после того как отошли буксиры и были приняты швартовы, капитан, убедившись, что на борту все в порядке, сошел на берег для обычных формальностей с портовыми чиновниками и грузополучателем.

Хордан, которому шел теперь сорок девятый год, мало изменился: был по-прежнему высок и крепок, хотя волосы на висках слегка поредели, в бороде заметна стала седина, а в углах светлых глаз появились сеточки мелких морщин. Шрам, с каждым годом становившийся все незаметней, пересекал лоб слева, под козырьком. Форменная одежда облегчала томительно-скучные бюрократические процедуры, и потому Хордан облачился в темно-синюю тужурку с двумя рядами брон-

зовых позолоченных пуговиц, с якорем и пятью нашивками на рукавах.

Погода была прекрасная, близился вечер, и капитану «Альмансоры» после двухнедельного плаванья приятно было ступать по твердой земле, а потому, покончив с оформлением документов, он решил пройтись по улице Калимасту в поисках кафе, где можно было бы посидеть полчаса, листая газеты и разглядывая прохожих и машины. В Пирее он не был уже четырнадцать лет и оценил перемены: порт разросся, а примыкающие к нему кварталы оживились благодаря обилию современных ресторанов и магазинов. На углу скучали в ожидании клиентов проститутки. А за решетчатой оградой среди портальных кранов и пакгаузов виднелись трубы, мостики и флаги на мачтах кораблей, пришвартованных у причальной стенки.

Подняв глаза, Хордан заметил вывеску на балконе второго этажа: «Иоаннис Элеонас. Шипчандлер». Здание было трехэтажное: внизу помещался магазин, в витрине которого красовалось множество разнообразных товаров, имеющих отношение к морю и флоту.

Хордан в изумлении застыл на месте, когда перед ним сгустилась эта нежданная тень ми-

нувшего. Не сразу опомнившись, он приблизился к подъезду и сбоку от открытой двери увидел металлическую табличку, повторявшую текст вывески на балконе. Осветившееся широкой улыбкой лицо Хордана вмиг помолодело. Потом он снял фуражку и вошел в подъезд.

Вестибюль с развешенными по стенам фотографиями кораблей… девушка перед пишущей машинкой за стойкой… матовая стеклянная дверь в глубине коридора… широкое окно кабинета с видом на порт… А за письменным столом, заваленным бумагами и папками, раскрыл рот от изумления потолстевший и уже совсем седой бывший контрабандист.

— День добрый, штурман.

— О боже! Вы ли это, *капетанье* Михалис?

И вскочил со стула так порывисто, что едва его не опрокинул. Оба на миг замерли, словно в растерянности, потом протянули было друг другу руки, но тут же крепко обнялись.

— По каким делам в Греции, капитан? — Элеонас, ласково похлопывая Хордана по руке, показал глазами на золотые нашивки. — Вижу, вы им и остаетесь.

— Торгового флота, штурман, — улыбнулся Хордан. — Торгового.

Элеонас удивленно затряс головой:

— А с военной службой покончено?

— Демобилизовался сразу после войны.

— Уверен, прежде чем отпустить, вас наградили. Вручили «Морской крест» или что-то в этом роде.

— Чего-то на грудь повесили…

Грек торжественно показал на стену, где в рамочке висели орден и указ. А рядом фотография, с которой на фоне моря улыбались, стоя на палубе каика, несколько вооруженных парней в полевой форме. Среди них был и Элеонас.

— Ваша война окончилась, моя началась.

Они стояли молча, глядя друг на друга, а потом, повинуясь порыву Элеонаса, который снова хлопнул Хордана по плечам, еще раз крепко обнялись. Грек, по-настоящему растроганный, смотрел на него внимательно и ласково, будто сравнивая стоявшего перед ним человека с тем, кого оставил когда-то в Пирее.

— Надо бы отметить встречу… — сказал он, кивнув на вделанный в стену бар. — Виски, коньяк, джин?

— Коньяк. Вон тот. — Хордан показал на бутылку «Метаксы».

— У меня имеется и кое-что получше, — возра-

зил Элеонас едва ли не с обидой. — Я, слава богу, не бедствую.

Хордан рассмеялся:

— Не сомневаюсь, штурман. Но это — в память о былом.

Элеонас, наконец смирившись, кивнул. Прошел к бару и вернулся с двумя бокалами коньяка. Тем временем Хордан рассматривал стоявшую на письменном столе фотографию, где были запечатлены сам хозяин, тучная женщина, державшая его за руку, и пятеро мальчиков, похожих на него — улыбчивых, коренастых, крепких, с темными кудрявыми волосами.

— Мои детеныши… Старший, Ставрос, служит на торговом флоте, как и вы. Сейчас на одном из танкеров Ниархоса, возит нефть с Персидского залива. — Не выпуская бокала, он наставил палец на Хордана. — А у вас, помнится, тоже был сын? Сколько ему сейчас?

— Двадцать шесть.

— Женат? Внуками одарил?

— Ни то ни другое.

— Наверно, по вашим стопам пошел?

— Вовсе нет. Он инженер.

— Ах вот как?.. А вы-то в браке? Супруга ваша жива?

— Да.

Тихо звякнув бокалами, они чокнулись и выпили. Хордан, за четырнадцать лет забывший резковатый, крепкий, терпкий вкус этого коньяка, перекатывал его во рту, воскрешая в памяти и испытывая приправленное легкой печалью удовольствие. Элеонас показал на фотографию на стене, привлекшую внимание гостя:

— Когда немцы оккупировали Грецию, я уехал в Александрию и завербовался в «Левантийскую флотилию»… Три года ходили на шхунах и каиках между островами, доставлял английских и наших «коммандос» для боевых действий и саботажа.

Он сделал еще глоток. Улыбка его вдруг сделалась рассеянной и отстраненной.

— И еще несколько раз побывал у сатаны на именинах… Воевал на Левите и Санторини, а потом на Делосе… и эвакуировался оттуда.

Он сделал горделивую паузу и кивнул на свою награду в рамке на стене:

— Меня тоже, как видите, не обделили…

Они снова замолчали, глядя друг на друга с задумчивыми улыбками.

— Но никогда в жизни не видел больше такого, — вдруг сказал Элеонас, — что было на рассвете в проливе Кафирефс.

От этого слова в памяти Хордана воскресло все это: затянутое серыми тучами небо, очень медленно удаляющийся и наконец исчезающий из виду «Кронштадт», три человека, жмущиеся на зыбком плотике, зияющая рана на голове у рулевого Тео Катракиса: кожа вместе с волосами стесана, черепная коробка обнажена, и от качки лицо заливается кровью; его стоны становились все тише, и наконец, обнаружив, что он умер, его столкнули в море. Потом они долго плыли, дрожали от стужи, чувствовали, как немеют руки и ноги от переохлаждения, как ест глаза разлитое по воде горючее, покрывавшее лица сплошной маской. Хордан, оглушенный ранением в лоб, не в силах сопротивляться одолевавшей его дурноте, давно перестал бы цепляться за плотик, если бы крепкая рука Элеонаса не удерживала его, не давая соскользнуть в воду. А когда изнемог и штурман и оба уже готовы были принять смерть в пучине, они вдруг услышали гул двигателей, оклики, крики моряков, которые, увидев, что уцепиться за спасательный круг они не в силах, подняли их на борт сетью, спущенной с палубы британского эсминца «Борей»…

Элеонас допил коньяк. Поставил пустой бокал на стол.

— Я ничего не знал о вас с той минуты, как мы сошли на берег и нас разлучили. Сколько вас продержали под арестом?

— Недолго, недели две. Доказательств против меня у них не было, да и желания раздувать это дело тоже… Местные власти вообще по мере сил ни во что старались не встревать.

Грек пожал плечами, вскинул руки в знак покорности судьбе:

— Я просидел немного дольше, но в конце концов все утряслось.

Он снял бандероль с коробки «Монтекристо», собираясь предложить Хордану сигару, но тот покачал головой.

— А «Кронштадт» все же ушел от нас, — сказал Элеонас, сунув сигару в рот. — Не сказать, чтоб целехоньким, но все же до тихой пристани добрался. Убитые на борту, нос полузатоплен, здоровенная пробоина в корпусе…

— Мы сделали все, что могли.

— И даже больше того.

Хордан тоже опорожнил бокал и поставил его рядом.

— Штурман… Все не было случая поблагодарить вас за то, что помогли мне тогда…

Бывший контрабандист просиял широкой бе-

лозубой улыбкой:

— Приятно, что вы все еще называете меня штурманом.

— Без вас я бы не выжил.

— Уж простите, но вы глупости говорите. — Элеонас поднес к сигаре огонек красивой золотой зажигалки. — Вы были, да и остались крепким сильным мужчиной… Выбрались бы и без меня.

— Сомневаюсь. — Хордан немного помолчал. — Об остальных так ничего и не известно?

— Ничего. Ни следа. Всех поглотило море, как и нашу «Волчицу».

Грек, внезапно став серьезным, пососал сигару. И взглянул на Хордана сквозь облачка дыма:

— Знаете… Я потом видел храбрецов и вообще всякого навидался, но ничего подобного больше не встречал. Когда вспоминаю наших моряков, думаю, что они, быть может, были не из тех, кого называют приличными людьми…

— Да уж, — улыбнулся Хордан. — Что нет, то нет.

— О том и речь. Но невозможно же не испытывать глубокого уважения к тем, кто способен оказался дважды… — подкрепляя свои слова, он выставил два пальца. — Дважды пройти эти полторы мили.

— Самые длинные на свете.

— Самые долгие в нашей жизни.

— Горсточка братьев, как сказал бы Бобби Бомонт.

— Да, вот именно… В тот день мы стали друг другу почти братьями.

Элеонас взял бутылку, снова налил себе и гостю, протянул ему бокал. Они взглянули друг другу в глаза.

— За тех, кто был с нами, штурман, — сказал Хордан.

— За них за всех, *капетанье*.

Элеонас настоял на том, что проводит Хордана до порта. Взял шляпу и все еще с сигарой в зубах вышел на улицу. Он твердил, что они непременно должны отужинать сегодня же вечером.

— Не могу, штурман… Мне надо быть на борту — разгрузка начнется.

— Хочу сводить вас в «Платанос»: мой любимый ресторан здесь, в Афинах.

— В следующий раз.

— Точно?

— Как из пушки.

Еще раз пожав друг другу руки, они простились у ворот. Элеонас с нарочитой медлительностью попыхтел сигарой. Выпустил дым и задумчиво

полузакрыл глаза. Лицо его стало серьезно.

— Вы не спросили о них.

Хордан придержал шаг:

— О ком?

— Прекрасно знаете о ком. — Грек выпустил еще одно облачко. — О владельцах Гинайки.

Теперь они смотрели друг на друга пристально. Хордан помедлил с ответом:

— Есть новости?

— Кое-какие… — кивнул Элеонас. — А у вас?

— У меня никаких.

— И вы ничего не слышали о бароне? — удивился Элеонас.

— О чем именно?

— Ну вы же знаете, как тут, на наших островах, распространяются слухи… Обсуждаются на все лады, передаются из уст в уста, будто их переносят рыбы или чайки…

— И?

— Барон Кательос скончался вскоре после того, как мы ушли с острова.

— Вот как? Не знал… — с неподдельным удивлением сказал Хордан.

— Да, вот так. Толкуют, будто он сидел у себя в библиотеке, чистил охотничье ружье, а оно возьми да и выстрели… Несчастный случай.

Представляете?

Это слово Элеонас произнес со скептическим видом: повел плечами, словно сбрасывая с себя всю ответственность за эту версию.

— Хотя, — добавил он, — не очень-то просто случайно попасть себе в голову из ружья со стволами метровой длины.

Хордан прикинул и пришел к выводу: не то что непросто, а невозможно.

— Кто его знает, штурман, — сказал он наконец.

— Конечно… Кто его знает.

Они помолчали; меж тем за спиной у них воздух полнился автомобильными гудками, рычанием моторов, бензиновыми выхлопами. Казалось, Элеонас терпеливо ждет вопроса, который Хордан наконец задал:

— А с ней что?

— Вы и про нее ничего не знаете?

— Откуда же мне знать?

Грек посмотрел на почти докуренную сигару. Потом бросил ее на тротуар и еще мгновение наблюдал, как она дымится.

— После смерти барона вдова уехала с острова. — Он наконец поднял глаза. — Поселилась на Сиросе, у них там старый дом на берегу. Пожила

сколько-то времени, чуть больше года, а потом села на пароход и исчезла… Больше о ней ни слуху ни духу. Жизнь поглотила ее бесследно, вроде как других глотает морская пучина. Вот и вся история.

Он снова глянул на тротуар себе под ноги и носком башмака наступил на окурок.

— Дом разрушили, когда немцы оккупировали Сирос. Авиабомба, сброшенная союзниками, разнесла его в клочья.

— А особняк на острове?

— Его купила ассоциация греческих судовладельцев: кажется, среди них есть и Онассис. Кто-то мне говорил, будто хотят превратить остров в туристический центр. Выстроить отель и все такое.

Элеонас, сунув руки в карманы, смотрел через решетку на освещенные послеполуденным солнцем корабли у причала, на портальные краны, похожие на исполинских длинноногих насекомых.

— Хорошо помню эту даму, — меланхолично проговорил он. — И эту красивую моторку ее тоже. После войны видел очень похожую на Ираклии: гнила на берегу и была в весьма плачевном состоянии. Может, ту же самую.

Он тяжело вздохнул. И улыбнулся со средиземноморским фатализмом.

— Все проходит, так ведь? — добавил он. — И мы с вами уйдем в свой час. Оба.

— Старимся.

— Разумеется… Но все же приятно думать, что были мы молоды и опасны.

Элеонас застыл на миг, засмотревшись на нынешний пейзаж и на былые приключения. Потом, словно очнувшись, тряхнул головой:

— Обещайте, что, как только снова бросите здесь якорь, зайдете ко мне. Выпьем «Метаксы».

— Не сомневайтесь, — кивнул Хордан.

— Честное слово?

— Честней не бывает. Удачи вам, штурман.

– *Κάλι Ταλάσα.* Хорошего вам моря. Семь футов под килем, *капетанье* Михалис.

Хордан, вернувшись на причал, как всегда, немного поглядел на свое судно — «Альмансора», красивый пароход, восемь лет назад сошел со стапелей Эль-Ферроля, — а затем поднялся по сходням на борт. По причинам, разбираться в которых он не хотел, сегодня ему было особенно приятно чувствовать под ногами легкое подрагиванье палубы, слышать гул вентиляторов, вдыхать знакомый запах разогретого металла

и краски, присущий всем кораблям на свете. На суше пахнет иначе. И хорошо, что это так.

По пути в свою каюту он ответил на вопрос старшего помощника и подписал разрешение выгружать фосфат из трюмов. Потом, оставшись один, бросил фуражку на койку, снял тужурку и бережно повесил ее в шкаф. Один из двух иллюминаторов — тот, что смотрел на море и на закат, — был открыт. Снаружи доносились голоса и стук молотков: матросы скребли и красили корпус судна.

У меня есть корабль, подумал он. Мой корабль. Этого достаточно и большего не требуется.

Солнце было уже низко. В круглый иллюминатор проникал горизонтальный луч, играя на лице и руках Хордана, золотя светло-русую бороду, заставляя щурить голубые глаза, отблескивая на серебре запонок, которые он снял, чтобы засучить рукава сорочки.

Ένι πόντο ολέτο, снова прочел он на одном из маленьких серебряных дисков, прежде чем убрать их в ящик.

«Пропал в море».

Говорите мне о любви, вспомнилось ему. Говорите мне снова и снова.

Сирос, май 2024 года

Об авторе

Артуро Перес-Реверте родился в испанском городе Картахена в 1951 году. На протяжении двадцати одного года он работал военным корреспондентом в газетах и на телевидении и за это время освещал восемнадцать вооруженных конфликтов. Его книги переведены на сорок языков и разошлись совокупным тиражом 27 миллионов экземпляров; многие из них стали основой телевизионных и кинофильмов. Сегодня он посвящает свою жизнь литературе и яхтингу. Артуро Перес-Реверте — член Королевской академии испанского языка и французской ассоциации «Писатели-маринисты».